

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ IV

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спаская ул., № 27

1900

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества

Оглавление.

Отдѣлъ I.

Стран.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Труба въ народныхъ вѣрованіяхъ. Статья вторая и послѣдняя. *В. А. Мошкова*. Карта и рисунки. 451—524
2. Хунъ-ну и Гунны. (Библиографическій обзоръ теорій о происхожденіи народа Хунъ-ну китайскихъ лѣтописей, о происхожденіи европейскихъ Гунновъ и о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ народовъ). Статья вторая и послѣдняя *К. А. Иностранцева*. 525—564

Отдѣлъ II.

Памятники языка, народной словесности, живой старины.

2. Распределеніе жителей Солунскаго Виллета по народностямъ и вѣроисповѣданіямъ въ 1899 году. Окончаніе. *А. Ростковскаго*. 565—583

Отдѣлъ III.

Критика и библиографія.

1. Путешествіе антиохійскаго патр. Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка. *А. И. Яцимирскаго*. 588—589
2. Д-ръ I. Полибка. Магьосникъ и неговиатъ ученикъ. Сравнительна фолклорна студия. *Ю. Яворскаго*. 589—591
3. Allgemeine Methodik der Volkskunde. Berichte über Erscheinungen in den Jahren 1890—1897. *Ю. Яворскаго*. 591—592

4. Караџић. Лист за српски народни живот обичаје и предање. *Ю. Яворскаго* 592—598

ОТДѢЛЪ IV.

1. Вопросы и отвѣты 594—595

ОТДѢЛЪ IV.

С и ѣ с ь.

1. Изъ галицко-русскихъ народныхъ повѣрій. *Ю. Яворскаго* . 596—595
2. Примѣты и рассказы. Сообщ. *В. Чернышева*. 595—598
3. Л. Н. Майковъ † апр. 1900. *В. Ламанскаго*. 600—601
Опечатки въ статьяхъ К. А. Иностранцева о Гуннахъ
и В. А. Мошкова о Трубѣ въ народн. вѣров.
-

Оглавленіе 40 выпусковъ «Живой Старины» за десять лѣтъ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Выпускъ I.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
1. Предложеніе нѣсколькихъ членовъ въ Отдѣленіи этнографіи И. Р. Г. О. объ иданіи журнала «Живая Старина»	III
2. Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, изъявившихъ желаніе подписаться на журналъ «Живая Старина»	V
3. Объявленіе о подпискѣ на журналъ «Живая Старина»	IX
4. Отъ Редактора	XI
5. Программа И. Р. Г. О. для собранія свѣдѣній по этнографіи	XLVII
6. Памяти Проф. И. П. Минаева (1840—1890). Лекція въ И. Спб. Университетѣ Доц. С. Ѳ. Ольденбурга	LIII

О т д ѣ л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Пѣсни о князѣ Михаилѣ. И. Н. Жданова	1
2. Полушѣрны Псково-Печерскаго края. Ю. Трусмана	31
3. Три года въ Якутской области (этнограф. очерки). В. Л. Приклонскаго	63
4. Путевыя письма и замѣтки И. И. Срезневскаго о Сербско-Лужичанахъ	84
5. Старое и новое. Н. Савченкова	103

Стр.

6. Повѣрья крестьянъ Тамбовской губ. (очеркъ). Б. Бондаренка	151
7. Замѣтки о литовской свадьбѣ. Я. Рисова	122
8. Къ видѣнію Амфилога. А. Н. Веселовскаго	124
9. Груша и Дуня. А. И. Соболевскаго	126
10. Декамеронъ Х. З. А. Н. Веселовскаго	128
11. Къ исторіи народныхъ праздниковъ въ Великой Руси.	130

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Три былины изъ стариннаго рукописнаго сборника. Л. Н. Майкова	1
2. Пѣсни крестьянъ села Молодова, Гродненской губ., Кобринскаго уѣзда. Г-жи Саковичъ	5
3. Катрушинскій лемезень (условный языкъ шерстобитовъ М. Дрибина). Е. Романова	9
4. Лопарскія сказки, легенды и сказанія, записанныя въ Паз-рѣшскомъ погостѣ, пограничномъ съ Норвегіей. Священ. Щеколдина	17
5. Якутскія загадки. (Прилож. къ этнограф. очерку «Три года въ Якутской области»).	26
6. Якутская пѣсня о водѣхъ	30
7. О народныхъ забавахъ въ Москвѣ, въ другихъ городахъ и мѣстахъ въ Духовъ день	34

Стр.

Стр.

О Т Д Ъ Л Ъ III.

Критика и библиография.

1. Пешель, О. Народовѣдѣніе.—
2. Пыпинъ, А. Исторія русской этнографіи.—3. O Schrader. Sprachvergleichung und Urgeschichte.—4. P. v. Braadke Ueber Methode und Ergebnisse der arischen Alterthumswissenschaft.—5. Веcke, М. П. Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка.—6. Труды 7-го Археологическаго съѣзда въ Ярославѣ 1887 г.—7. Этнографическое обозрѣніе.—8. Смирновъ. Вотьяки. Историко-этнографическій очеркъ.—9. Историческая записка о дѣятельности И. М. Арх. Общ. за первый 25 л.—10. Латкинъ. Красноярскій округъ Енис. губ., очеркъ.—11. Майковъ. Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ.—12. Чтеніе въ историческомъ Общ. Нестора Лѣтописца.—13. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края.—14. А. Сапуновъ. Двинскіе или Борисовы камни.—15. В. Науменко. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи.—16. Ждановъ. Пѣсни о князѣ Романѣ.—17. Луньякъ, И. И. О происхожденіи именъ Чехъ, Лехъ, Русь и Славяне.—18. Gopcevic. Makedonien und Alt-Serbien.—19. Vestnik Hrvatsko-Arheologičkoga Društva.—20. Свадебные обычаи у Бѣлыхъ Краинцевъ.—21. Словаки въ Бачской и Срѣмской столицахъ.—22. Wista T. IV.—23. Обзоръ трудовъ по Литовской этнографіи (1879—1890). Чл. С. Э. А. *Вольтера* 1—42

О Т Д Ъ Л Ъ VI.

Смѣсь.

1. Дѣтскія игры. К. М. Петрова и Т. Е. Рѣшниковъ.—
2. Taulen. — Корча, или Вихорь. Н. Кузнецова. — 3. Довля снятка тагасомъ въ Бѣломъ озерѣ. Я. Лейцигера. —
4. Описаніе игры Литов-

скихъ пастуховъ подъ назван. «Калуте». Арминайтиса. — Литовскія повѣрья: М. Гулиса.—6. Некрологи М. П. Веcke. — 7. О. Кольбергъ. — 8. Д-ръ Пфумль. — 9. С. П. Мухомиковъ. 1—24

Выпускъ II.

1. Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ изъявившихъ желаніе подписаться на журналъ «Живая Старина». I—IV

О Т Д Ъ Л Ъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Пѣсня о князѣ Михаилѣ. Н. Жданова 1
2. Три года въ Якутской области (этнографич. очерки) В. Л. Приклонскаго 24
3. Сербо-Лужицкій народный календарь. (Изъ бумагъ И. И. Срезневскаго) 55
4. Сербо-Лужицкія народныя повѣрья. (Изъ бумагъ И. И. Срезневскаго) 57
5. Умиренье крови въ Грбѣ, въ южно-Адриатическомъ Приморьѣ 27-го августа 1890 г. (Наблюденія и разсужденія очевидца). И. А. Ровинскаго 63
6. Мариупольскіе Греки. Θ. А. Брауна 78
7. Замѣтки о собственныхъ именахъ въ Велико-русскихъ былинахъ. А. Н. Соболевскаго 93
8. Письма И. И. Прейса къ М. С. Куторгѣ, И. И. Срезневскому, П. О. Шафарыку, Куршату и др. (1836—1846). Съ предисловіемъ В. И. Ламинскаго. 108
9. Отчего канунъ Иванова дня (23 іюня) назыв. купальнискою и считается днемъ урочнымъ? М. И. Соколова. 137
10. Огонь на свадьбѣ. 138

О Т Д Ъ Л Ъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Велико-русскія народныя легенды. Сообщ. Ив. Мамакинымъ. 139

	Стр.
2. Пѣсни крестьянъ села Молодова, Гродненск. губ., Кобринскаго уѣзда. Сообщ. Г-жею <i>М. А. Саковичъ</i>	141
3. Болгарскія народныя пѣсни. (Изъ Прилѣпа)	147
4. Болгарскія народныя сказки. (Изъ Прилѣпа)	154
5. Лопарскія сказки, легенды и сказанія, записанныя въ Пазрькомъ погостѣ, пограничномъ съ Норвегіей. Св. <i>Щеколдина</i>	158
6. Якутскія народныя повѣрья и сказки. Сообщ. В. Л. <i>Приклонскимъ</i>	169

О т д ѣ л ъ III.

Критика и библиографія.

- Обзоръ трудовъ по Литовской этнографіи (1879—1889). Чл. сотр. Э. А. Вольтера.—2. Этнографическое обозрѣніе. Н. В.—3. А. Павловъ. Незданный памятникъ русскаго церковнаго права XII вѣка. Н. Волкова.—4. Максимовъ, С. В. Крылатыя слова. Не спроста, не снуста слово молвится и до вѣку не сломится. А. С.—скаго.—5. Miklosich, Franz. «Die Darstellung in slavischen Volkseros. A. С.—скаго.—6. «Мелюзина» (Melusine), періодическій сборникъ мнѣологій, народной литературы, преданій и обычаевъ. Э. Б.—7. Bibliografia litowska od roku 1547 do 1701 r. przedstawił Mauryku Stankiewicz (Литовская библиографія съ 1547 по 1701 г., представилъ Маврикій Станкевичъ). Б—са. 8. Dargmetter. James. Chants populaires des Afghans, recueillis par C. O.—9. Geiger. W. Das Jatkar Zariran und sein Verhältniss zum Schach name. C. O.—10. Das Ausland Wochenschrift für Erd-und Völkerkunde. Д. К.—скаго. 11. Fr. Krauss, dr. Volksglaube und religiöser Brauch der Südslaven. А. Т.—12. Легенда о св. Алексѣ въ сирійской и славяно-русской редакціяхъ его житія. А. Пономарева.—13. Narodne pesni koroških Slovencev. Zbral in na svetlo dal I. Scheinig. С. К. Gymn. prof. v. Celovci. Ю. Поливки.—14. В. Томашекъ. Разборъ древнѣйшихъ извѣстій о скинскомъ сѣверѣ. А. К. Васильева.—15. Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О. подъ редак-

цією правителя дѣлъ Ир. П—на. —16. Записки Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О. Томъ второй, вып. 2 и 3 (подъ редакціей правителя дѣлъ) Ир. П—на. 17. Пыпинъ, А. И. Исторія Русской этнографіи. Т. II. Общій обзоръ изученій народности и этнографія великорусской. В. Ламанскаго.	Стр.	233

О т д ѣ л ъ IV.

1. Вопросы и отвѣты.	Стр.	234

О т д ѣ л ъ V.

Смѣсь.

1. Журналъ Засѣданія Отдѣленія Этнографіи 12-го октября 1890 г. Объявленія	Стр.	1

Выпускъ III.

Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, изъявившихъ желаніе подписаться на журналъ «Живая Старина».	Стр.	1

О т д ѣ л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Письма П. И. Прейса къ М. С. Куторгѣ, И. И. Срезневскому, П. О. Шафарыку, Куршату и др. (1836—1846)	Стр.	3
2. Три года въ Якутской области. (Этнографическіе очерки) В. Л. Приклонскаго	Стр.	48
3. Стародавняя жизнь Остяковъ и ихъ богатыри по былинамъ и сказаніямъ. С. К. Патканова.	Стр.	85
4. Этимологическія замѣтки. А. А. Потебни	Стр.	117
5. Орывокъ были изъ Сибирской лѣтописи. Л. Н. Майкова	Стр.	129

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Ермакъ взялъ Сибирь (пѣсня).	Стр.	133
2. Заговоры Донскихъ казаковъ. Сообщ. Л. Н. Майковымъ	Стр.	135
3. Свадебный обрядъ въ Угорской Руси	Стр.	137

4. Болгарскія народныя пѣсни. (Изъ Прилѣпа)	157
5. Пересказы нѣкоторыхъ неизданныхъ Джатакъ Палійскаго канона. (Изъ бумагъ покойнаго И. П. Минаева).	161
6. Якутскія народныя сказки. Сообщ. В. Л. Приклонскимъ.	165

О т д ѣ л ъ III.

Критика и библиографія.

1. Н. М. Лопатинъ и В. П. Прокунинъ. Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсень. С. Булича. — 2. Шемякинъ судъ. С. Ольденбурга. 3. Библиографическій указатель изслѣдованій и наблюденій по польской диалектологіи. И. Лоса. — 4. Narodne pripoviesti u Vagaždnu i okolici. Ю. Подивки. — 5. Сумцовъ, Н. О. Культурныя переживанія. А. С.—скаго. — 6. Этнографическое обозрѣніе. Н. В.—7. А. С. Лаппо-Данилевскій. Поверстная и указная книга Ямскаго приказа. — 8. Матеріалы для исторіи Воронежской и соседнихъ губерній. — 9. Воронежскія писцовыя книги. — 10. Гласникъ земальскаго музея у Босни и Херцеговины и проч.	180
---	-----

О т д ѣ л ъ IV.

Вопросы и отвѣты.

1. Письмо изъ Кадникова (Вологодск. губ.) А. Иванickaго. — 2. О музеѣ въ Тобольскѣ. Газенвинкеля. — 3. Изъ Подольской губ. — 4. Изъ Тульской губ. сваящ. П. Сахарова. — 5. О псковскомъ говорѣ. И. Евсѣева. — 6. Говоръ крестьянъ Моринчельскаго прихода, Великолукскаго уѣзда, Псковской губерніи. М. Успенскаго.	193
--	-----

О т д ѣ л ъ V.

Смѣсь.

1. Урочные посты. М. И. Соколова. 2. Русская гигиена XVI вѣка. М. И. Соколова. — 3. Примѣты по днямъ луны (Лунникъ). М. И. Соколова. — 4. Народныя дѣтскія игры. И. Мамакина. — 5. Слѣды древнихъ вѣрованій въ народномъ иконопочитаніи. А. Балова. — 6. Праздникъ «Ришей». — 7. Спо-

Стр.

собъ лѣченія отъ сглазу. С. Брайловскаго. — 8. Похоронный обрядъ у Латышей въ 40-хъ годахъ. И. Спрогиса. — 9. Запѣтки о Русскихъ и Калмыкахъ. Соснина. — 10. Извѣстія о Болгаріи 1835 г. (Изъ бумагъ П. И. Прейса. — 11. Монгольскія легенды о монастырѣ Эрдени — Цзу. Г. Н. Потанина. — 12. Прусскіе Нѣмцы и Суданскіе Габери «на дубахъ». В. И. Ламанскаго. — 13. «Бѣлая Русь». В. И. Ламанскаго. — 14. Францъ Миклошичъ. В. И. Ламанскаго. — 15. Слово проф. И. В. Ягича о Миклошичѣ съ замѣчаніемъ проф. В. И. Ламанскаго. — 16. Въ Нео-филологическомъ обществѣ. — 17. Журналъ Засѣданія Отдѣленія Этнографіи 28 ноября 1890 г. — 18. Журналъ Засѣданія Отдѣленія Этнографіи 21 декабря 1890 г. — 19. Записки по Отдѣленію Этнографіи Имп. Русск. Геогр. Общества. — 20. Содержаніе первыхъ трехъ выпусковъ «Живой Старины» 213—268

Выпускъ IV.

Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, изъявившихъ желаніе подписаться на журналъ «Живая Старина».

О т д ѣ л ъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Письма П. И. Прейса къ М. С. Куторгѣ, И. И. Срезневскому, П. О. Шафарику, Куршату и др. (1846—1856).	3—42
2. Три года въ Якутской области. (Этнографическіе очерки) В. Л. Приклонскаго.	43—66
3. Стародавняя жизнь Остиковъ и ихъ богатыри по былинамъ и сказаніямъ. С. К. Патканова.	67—108
4. Мусульманство Рустема Достановича. В. А. Жуковскаго.	109—117

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Пересказы нѣкоторыхъ неизданныхъ Джатакъ Палійскаго канона. (Изъ бумагъ покойнаго И. П. Минаева).	118—121
--	---------

- Стр.
2. Угро-русскіе заговоры и заклинанія начала XVIII в. Сообщ. А. Л. Петрова съ замѣчаніемъ О. А. Петрушевича. . . . 122—130
 3. Свадебный обрядъ въ Угорской Руси. (Обѣнчаніе). . . . 131—138
 4. Якутскія народныя сказки. Сообщ. В. Л. Приклонскимъ. . . 139—148
 5. Лиса и волкъ въ западнѣ (изъ армянской книжной сказочной литературы). Н. Н. Марра. . . 149—155
 6. Острывки изъ Киргизскаго сказанія о Идыге, изъ записокъ Ч. Валиханова, сообщ. Г. Н. Потанина. 156—163

О т д ѣ л ъ III.

Критика и библиографія.

1. Отъ редактора (съ нѣсколькими письмами П. О. Шафарика И. И. Срезневскому. . . 164—174
2. Рецензія И. И. Срезневскаго на книгу Шафарика *Slovanský Národopis*. 174—187
3. Шапкаревъ. Сборникъ отъ болгарски народни умотворенія. Часть прва К. Я. Г. 187—191
4. Zibrť, C. Dr. Listy z českých dějin kulturních. Прага 1891. Іос. Караска. 191—195
5. Комаровъ. Новая збирка малорусскихъ прыказокъ. Одесса. 1890 г. Арк. Д-нка. 195—196
6. Замѣтки В. И. Григоровича о нарѣчіяхъ и говорахъ болгарскихъ. 196—197
7. Vršević Narodne pripovjesti iz života Boki Kotorskoj. Hercegovini i Crnoj Gori. А. Л. . . . 198

О т д ѣ л ъ V.

Смѣсь.

1. Праздники Рязанск. губ., Даньковск. уѣзда. О. П. Семеновъ. 199—202
2. Ладвинскій или Масовскій языкъ. 202—203
3. Крестьянскія игры въ Минской губ. М. Довнара-Запольскаго. 203—208
4. Сонъ и сновидѣнія въ народныхъ вѣрованіяхъ. А. Балова. 208—213
5. Народная дѣтская игра въ сѣно. Изъ Мамкина. 214
6. Игры и пѣсенки деревенскихъ ребятъ Ланшевскаго уѣзда, Казанской губ. Н. Нечаевъ. . . 214—226
7. Минусинскій Публичный Мѣстный Музей. Н. В. 226—227
8. Филологическая замѣтка. Я. Грота. 228—229
9. Изъ вновь открытаго древне-

- Стр.
- русскаго поученія до-монгольской эпохи. Сообщ. А. И. Соболевскаго. 229
10. И. Коперникій. Некрологъ. . . 229—230
- Объявленія.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Выпускъ I.

О т д ѣ л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Очеркъ Русской диалектологіи. І. А. Южно-велико-русскіе говоры, проф. А. И. Соболевскаго. 1—24
2. Балтійскіе Готы и Гута-Сага. Ст. перв. С. Н. Сыроматникова. 25—40
3. Сага-Гуттовъ. Переводъ С. П. Сыроматникова. 41—48
4. Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842 г.). Съ предисловіемъ редактора и примѣчаніями В. И. Срезневскаго. 49—77

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Малорусскіе рассказы и повѣрья (Екатеринославской губ.). Зап. Изъ Манжуры. . . 78—80
2. Болгарскія народныя сказки (изъ Прилѣпа). 81—88
3. Болгарскія народныя пѣсни (изъ Прилѣпа). 83—84

О т д ѣ л ъ III.

Критика и библиографія.

1. Zbiór wiadomości do antropologii Krajowej. Ир. Полов-на. . . 89—98
2. Обзоръ трудовъ по чешской этнографіи за послѣднее десятилѣтіе (1880—90). Ю. И. Полюхи. 99—104
3. Dr. W. Junker. Reisen in Afrika. Проф. Э. Н. Петри. . . . 105—107
4. Ядринцевъ, Н. М. Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе. Н. В-аго. 109
5. А. Н. Лисовскій. Опытъ изученія малорусскихъ думъ. Арк. Д-нко. 109
6. Český lid. I. А. Липовскаго. . . 110

О т д е л ъ IV.

Стр.

Смѣсь.

1. Отчеты канд. С.-Петербургскаго унив. г. Катанова, отпущеннаго для этнографическаго изслѣдованія тюркскихъ племенъ въ Восточную Сибирь, Монголію и Сѣв. Китай. 111—122
2. Бурятская легенда объ озерѣ Бальдзи. Г. Н. Потанина. 122—126
3. Некрологъ А. А. Потебни. В. И. Ламанскаго. 126—136
4. Памяти А. А. Потебни. Б. М. Ляпунова. 136—149
5. Памяти А. А. Потебни. М. Халанскаго. 150
6. Замѣтка (изъ Ярославскихъ губ. Вѣд. № 6.). Е. И. Якушкина. 151
7. Записки И. Р. Г. О. по отдѣленію этнографіи. 151—152

Выпускъ II.

О т д е л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Очеркъ русской діалектологіи. Г. Б. Сѣверо-велико-русское, или окающее поднаѣчье. Проф. А. И. Соболевскаго. 1—26
2. Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—42 г.), съ примѣчаніями В. И. Срезневскаго. 27—70
3. Троищина (бытовой очеркъ). С. Шустикова. 71—91

О т д е л ъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Остяцкая былина про богатырей города Эмдера. С. К. Патканова. 92—97
2. Мордовская свадьба. Е. М. Евсѣева. 98—117

О т д е л ъ III.

Критика и библиографія.

1. О типѣ Ильи Муромца. А. Соболевскаго. 118—122
2. Словарь русскаго языка. А. С-каго. 122—125
3. Памятная книжка. А. С-каго. 125

Стр.

4. Харьковскій сборникъ. А. С-каго. 126
5. Календарь Вятской губ. на 1892 г. А. С-каго. —
6. Zbiór wiadomości do antropologii Krajowej m. XIII. Ир. П. 127—137
7. Listy z českých dějin kulturních. Е. Пытухова. 137—139
8. Изъ старыхъ книгъ. В. Калаша. 139—142
9. Библиографическіе этюды по литературѣ сказочныхъ схемъ и мотивовъ. Г. Ленора (женѣ или братъ мертвеца). П. Шемякинъ судъ. В. Калаша. 142—145
10. Обзоръ трудовъ по чешской этнографіи за послѣднее десятилѣтіе (1880—90 г.). Ю. Полюшки. 146—152

О т д е л ъ IV.

Вопросы и отвѣты. А. Соболевскаго. 153

О т д е л ъ V.

Смѣсь.

1. Расколъ въ Каргопольскомъ краѣ. А. А. Дукачева-Баскакова. 154—162
2. Игра со вьюномъ. 162—167
3. О. О. (Некрологъ). О. И. Первоуфъ. 168

Выпускъ III.

О т д е л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Очерки русской діалектологіи. П. Бѣлорусское наѣчье. А. И. Соболевскаго. 3—30
2. О побратимствѣ и посестримствѣ. Очеркъ изъобычнаго нрава Болгаръ. С. Бобчева. 31—43
3. Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842). 43—105
4. Троищина Кадниковскаго уѣзда (бытовой очеркъ.) Окончаніе. А. Шустикова. 106—138

О т д е л ъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. О причитаніяхъ и плачахъ записанныхъ въ Олонеккой и Архангельской губ. О. Истомина. 139—145

- Стр.
2. Заговоръ отъ ружья (Тоб. губ.).
Сообщ. *С. К. Паткинымъ*. 146—147
 3. Купля, продажа скота; заговоръ отъ лихорадки, какъ окуриваютъ новотельхъ коровъ. Побасенка (Нижегор. губ.).
Сообщ. *Ив. Мамакинымъ*. 148—149
 4. Заговоръ отъ присухи (Пермск. губ.). Сообщ. *П. А. Шилко-вымъ*. 149—151
 5. Проводки и проводочныя пѣсни въ Ростовскомъ уѣздѣ. *Н. Б.* 151—156
 6. О говорѣ жителей Каргопольскаго края. *Як. Септлова*. . 156—164

О т д ѣ л ъ III.

Смѣсь.

1. Игра въ тура. *В. Мошкова*. 164—171

Выпускъ IV.

О т д ѣ л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Очерки Русской діалектологіи. III. Малорусское нарѣчіе. Д. Чл. *А. И. Соболевскаго*. 1—61
2. Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842). 62—96

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народной словесности.

О вліяніи корельскаго языка на русскій въ предѣлахъ Олонецкой губерніи. *Н. Лыкова*. 97—103

О т д ѣ л ъ III.

Критика и библиографія.

1. Кавказскій обычай, какъ источникъ изученія первобытнаго права: замѣтки по поводу сочиненія Проф. М. М. Ковалевскаго «Законъ и обычай на Кавказѣ». Москва 1890, т. I и II. 104—120
2. Семья по возрѣніямъ русскаго народа, выраженнымъ въ пословицахъ и другихъ произведеніяхъ народно-поэтическаго творчества. Историко-литературный очеркъ А. Желобовскаго 16° 63 стр. Воронежъ. 1892. (Отд. отд. изъ Фил. Зап.).

- Стр.
3. Kobieta w piésni ludowej. Napisała Kazimira Skrzyńska 12°, 100 стр. Warszawa. («Biblioteka Wistly, t. VIII»).
 4. Современный великорусъ въ его свадебныхъ обычаяхъ и семейной жизни. Л. Весняна («Русская Мысль». 1891. Сент. и Окт.). *Вл. Перетца*. 120—124

О т д ѣ л ъ IV.

Вопросы и отвѣты.

О т д ѣ л ъ V.

Смѣсь.

1. Бытовые черты Русинки Холмскаго края. *А. Ярошкія*. 125—134
 2. Отчетъ кандидата И. Слб. Университета г. Катанова, отправленнаго въ экспедицію для этнографическаго изслѣдованія тюркскихъ племенъ въ Восточную Сибирь, Монголію и Сѣв. Китай. 134—137
- Объявленія объ изданіи «Живой Старины» и др. журналовъ въ 1893 году.
Оглавленіе 8 выпусковъ «Живой Старины» за первые два года.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Выпускъ I.

О т д ѣ л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Замѣтки о Бѣлорусскихъ говорахъ; I. Говоръ Ново-Сверженской волости Минскаго уѣзда. *М. Довнара-Запольскаго*. 3—19
2. Путевыя письма. И. И. Срезневскаго. 20—63
3. О происхожденіи Корси (Куронъ) *Юрія Трусмана*. 64—91
4. Объ источникахъ сказки «О рыбацѣ и рыбацѣ» Пушкина. Св. П. Р—ва. 91—96

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народной словесности и живой старины.

Ритуаль сибирской свадьбы.
Н. О. Осипова. 96—114

Стр.

О т д е л ь III.

Критика и библиография.

1. Къ вопросу о финскомъ вліаніи на великорусское племя. *А. И. Соболевскаго*. 115—122
2. Piesni ludu, zebrał Zygmunt Gloger (w latach 1861—1891), muz. opracował Zygmunt Noskowski. Kraków. *H. B. Перстца*. 122—124
3. Календарь Вятской губернии на 1893 г. *А. И-скаго*. 124—125
4. Brandstetter. R. Charakterisierung der Epik der Malaien. Luzern. *C. O.* 125
5. Zemmrich. Johannes. Totenisehn und verwandte geographische Mythen. *C. O.* 125—126
6. Nöldeke Th. Das arabische Märchen von Doctor und Makroch. *C. O.* 126—127

О т д е л ь IV

Вопросы и ответы.

- Отвѣтъ на вопросъ, предложенный г. Соболевскимъ. *Ивана Мамакина*. 128

О т д е л ь V.

Смѣсь.

1. Особенности языка олонекскихъ былинъ, сказанныхъ И. Т. Рябининымъ. *Н. Волкова*. 128—133
2. Поклоненіе дереву. *В. Ламанскаго*. 133—135
3. Двина рѣка. *Ю. Трусмана*. 135
4. Ворожея XVII в. *Н. Тутикова*. —
5. Отзывъ медальной комисіи о трудахъ Д. Члена Проф. А. И. Соболевскаго по исторіи и географіи Русскаго языка. 136—7
6. Объявленія

Выпускъ II.

О т д е л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Путевыя письма *И. Н. Срезневскаго*. 139—177
2. Нидерландскія народныя пѣсни. Проф. Амстердамскаго Университета *К. Угнбека*. 178—210

Стр.

О т д е л ь II

Памяти языка, народной словесности и живой старины.

- Мордовская свадьба (продолженіе). 211—219
Народная свадьба въ Толвуйскомъ приходѣ, Петрозаводскаго уѣзда, Олонецкой губ. *П. Иввина*. 219—248

О т д е л ь III.

Критика и библиография.

- Нѣсколько словъ о малорусскихъ думахъ. 248—253
Богатырь-козакъ Илья Муромецъ, какъ историческое лицо. 253—254
Къ вопросу о древне-русскихъ скоморохахъ. 254—255
Къ диалектологіи велико-русскихъ нарѣчій. *А. Соболевскаго*. 255—256
Памятная книжка Воронежской губ. на 1893 г. *Н. Т-ова*. 256—257
Остроумовъ. Сарты. *А. Липовскаго*. 257—263
Записки товариства имени Шевченка. 263—264
Самарово село Тобольской губ. и округа. *Арх. Л-ико*. 264—265
Волынскія Губернскія вѣдомости въ 1838—1898 гг. Состав. *Аркадій Лященко*. 265—278

О т д е л ь IV.

опросы и ответы.

1. Бѣлоруссы. II. Латыши. III. Поляки 279—280

О т д е л ь V.

Смѣсь.

- Бесѣдныя игры: тетера, въ гуси, въ кони. *Влад. Перстца*. 281—282
Замѣтки по бѣлорусской этнографіи. *М. Довнара-Залозьскаго*. 283—296

Выпускъ III.

О т д е л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

- Этнографическія наблюденія въ Абхазіи *Н. М. Альбова*. 297—329

Стр.

Путевыя письма И. И. Срезневскаго 330—373

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка, народной словесности и живой старины.

Говоръ южной части Череповецкаго уѣзда, Новгородской губ. *М. Герасимова*. 374—388
Говоръ сѣверо-восточной части Вытегорскаго уѣзда, Олонецкой губ. *Александра Мелническаго*. 388—392
Говоръ Велико-Устюжскаго уѣзда, Вологодской губ. *А. Дмитриева*. 392—395

О т д ѣ л ъ III.

Критика и библиографія.

Яблоновскій. Населеніе Украинны въ XVI вѣкѣ. *А. И. Соболевскаго*. 396—399
Mikkola. Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen. А. И. С-скаго. 399—400
Р. Р. бар. Штакельбергъ. Ирано финскія лексикальн. отношенія. *А. И. С-скаго*. 400
Cerny Ad. Mytlisike bytosce lukiskich Serbow. В. И. Перетца. 401—402
Допаревъ, Х. М. Слово о святомъ «патріархѣ Ефестиріѣ». *Н. Т.*. 402—403
Н. О. Сумцовъ. Легенда о грѣшной матери. *Н. Т.*. 403
Н. О. Сумцовъ. Былины о Добрынь и Маринѣ и родственныя имъ сказки о женѣ волшебницѣ. *Н. Т.*. —
Е. О. Карскій. Къ вопросу о разработкѣ стараго западно-русскаго нарѣчія. *Н. Т.*. —
Н. О. Сумцовъ. Современная малорусская этнографія. *Н. Т.*. —
Les Cris de Londres au XVII siècle. G. A. Виссендорфа. . 404—405
И. Созоновичъ. Ленора Бюргера и родственные ей сюжеты въ народной поэзіи европейской и русскаго. *Пр. Д.*. 405—408
Списокъ печатныхъ трудовъ Довконтъ. *С. Балтрамайтыса*. 408—412
П. Н. Бутинскій. Мангазея и Мангазейскій уѣздъ 1601—1645 гг. *Н. Тутикова*. . . . 412—414

Стр.

О т д ѣ л ъ V.

Смѣсь.

Представленія кореляковъ о нечистой силѣ. *Н. Лыскова*. 415—419
Замѣтки по этнографіи бѣлоруссовъ. *И. М. Довнара-Запольскаго*. 419—425
Молитвы, заговоры и заклинанія, записанные въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи 425—428
Какому святому и въ какомъ случаѣ должно молиться 428
Легенды о чудесахъ отъ св. иконъ 429—429
Сказаніе Арсенія инока Селуны града о Іерусалимѣ . . 429—430
Сказаніе о преподобной Θεодорѣ, ед же память 11 сентября. *А. Балова*. 430—431
Докладъ о поѣздкѣ въ Олонецкую губернію лѣтомъ 1892 года. *Н. Лыскова*. 432—436
Latwju dainas. 436
Отъ редакціи 436
Объявленія 1—4

Выпускъ IV.

О т д ѣ л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Названія населенныхъ мѣстъ и ихъ значеніе для русскаго исторической этнографіи. *А. А. Соболевскаго*. 437—439
2. Древнѣйшія русскія двусловныя личныя имена и ихъ уменьшительныя. *Г. Г. Гинкена*. 440—461
3. Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842). Окончаніе 462—506

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Народный говоръ въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губ. *А. Балова*. 507—513
2. Говоръ Павловичской волости Могилевскаго уѣзда. *Андр. Романова*. 513—518
3. Жмудскія пѣсни, записанныя *Мечиславомъ Довжина-Силь-*

	Стр.
<i>вестровичемъ, съ переводомъ и примѣчаніями А. Л. Погодина.</i>	519—531
4. Загадки Корель Олоонецкой губ., записанныя <i>Н. О. Лысковымъ</i>	532—540
5. Пословицы Корельскія, записанныя <i>Н. О. Лысковымъ</i>	540
6. Корельская пѣсня, записанная и переведенная <i>Н. О. Лысковымъ</i>	541—553

О т д ѣ л ъ III.

Критика и библиографія.

1. В. Мочульскій. Слѣды народной библіи въ славянской и древне-русской письменности. Одесса. 1893. <i>Вл. П—а</i>	554
2. Мотивы свадебныхъ пѣсенъ Пинчуковъ. Этнографическій этюдъ <i>М. Довнара - Запольскаго</i> . Гродна. 1893. 160. 69 стр. <i>Вл. П—а</i>	556
3. Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Т. 5. Харьковъ. 1893. <i>Арх. Л—нка</i>	556—557
4. Памятная книжка Гродненской губерніи на 1893 г. <i>Т.</i>	557
5. Памятная книжка Ковенской губерніи на 1893 г. <i>Т.</i>	—

О т д ѣ л ъ IV.

Вопросы и отвѣты.

558

О т д ѣ л ъ V.

Смѣсь.

1. Сагайскіе татары Минусинскаго округа, Енисейской губерніи, по статистическимъ даннымъ, собраннымъ въ 1889 г. <i>Н. О. Катанова</i>	559—570
2. Варіантъ пѣсни о сестрѣ отравительницѣ. Сообщ. <i>Арх. Ляшенка</i>	570—571
3. Нѣсколько словъ о Куронахъ. <i>А. Л. Погодина</i>	571—572
Объявленія.	

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Выпускъ I.

О т д ѣ л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Деревня Будагоща и ея преданія. <i>В. Н. Перетца</i>	2—18
---	------

Стр.

2. Отчетъ о поѣздкѣ къ Олонекимъ Корелямъ лѣтомъ 1893 года. <i>Н. О. Лыкова</i> , съ замѣчаніемъ автора	19—36
3. Изъ года въ годъ. Описаніе круговорота крестьянской жизни въ селѣ Усть-Ницынскомъ, Тюменскаго округа. <i>Филиппа Зобнина</i>	37—64
4. Русь и Асы въ Китаѣ, на Балканскомъ полуостровѣ, въ Румыніи и Угорщинѣ. (Въ XIII—XIV в.). Замѣтки преосв. Паладія, д - ра Брестнейдера, архимандр. Руварца	65—77

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Новая «поѣсть» объ Ильѣ Муромцѣ. Сообщилъ <i>Михаилъ Протопоповъ</i>	78—82
2. Веснянки, Петrivки и Купальныя пѣсни. Сообщилъ <i>В. О. Боцяновскій</i>	83—89
3. Очеркъ литовскихъ свадебныхъ орацій. <i>А. Погодина</i>	90—97
4. О свадебныхъ обычаяхъ въ селѣ Корбанѣ, Кадниковскаго уѣзда, Вологодской губерніи. <i>А. Балова</i>	98—99

О т д ѣ л ъ III.

Критика и библиографія.

1. Свѣдѣнія о литовскихъ рукописяхъ. <i>С. Балтрамайтиса</i>	98—104
2. Русскія былинныя старой и новой записи. Москва. 1864 г. <i>А. Погодина</i>	104—107
3. Систематическій указатель статей историческаго журнала «Деревня и Новая Россія». Спб. 1893 г. <i>В. Б.</i>	107

О т д ѣ л ъ IV.

Смѣсь.

1. Замѣтки по бѣлорусской этнографіи. <i>М. Довнара - Запольскаго</i>	108—114
2. Отчетъ о поѣздкѣ въ Ковенскую губ. лѣтомъ 1893 г. <i>А. Погодина</i>	114—119
3. О происхожденіи названія г. Пскова. <i>Ю. Трусмана</i>	120—123
4. Къ исторіи суевѣрій. Сообщ. <i>Е. Коз—скій</i>	122—123
5. Изъ области народныхъ вѣро-	

	Стр.
ваній. <i>А. Балова</i>	123
6. Аллитерацин въ народномъ языкѣ. <i>А. Балова</i>	123—124
7. Къ народному словарю въ области пѣсеннаго искусства. <i>Ө. Истомина</i>	124—125
8. По поводу холеры. Сообщилъ <i>А. Баловъ</i>	125—126
9. О русскомъ языкѣ въ Обдорскомъ краѣ. <i>В. Бартецева</i>	126—129
10. Замѣтки о нѣкоторыхъ словахъ, употребляемыхъ въ селѣ Самаровѣ, Тобольской губ. и округа. <i>Хр. Лопарева</i>	130
Объявленія.	

Выпускъ II.

О т д ѣ л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Отчетъ о поѣздкѣ въ Сувалкскую губ. *Г. Г. Гинкена* 131—142
2. Нѣсколько словъ о говорахъ Лукояновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. *Бор. Ляпунова* (съ картою) 143—177
3. Письма *А. Ө. Гильфердинга*—*Кукулевичу* — *Сакцинскому*. Сообщено проф. *П. А. Кулаковскимъ* 178—190
4. Олекминскіе скопцы. (Историко-бытов. очеркъ). Ст. перв. 191—203

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Народныя сказанія о самоубійцахъ. Сообщилъ *В. Н. Добровольскій* 204—214
2. Рекрутчина. *А. Мельничкаго* 215—221
3. Святки въ Корелѣ. *Н. Ө. Лыскова* 222
4. Мудрый Маччи. *Н. Ө. Лыскова* 224
5. Шутъ Григорій. *Н. Ө. Лыскова* 226—229
6. Пастухи и дьяволъ. *Н. Ө. Лыскова* 230—232
7. Приложение къ отчету *А. Л. Поюдина* о поѣздкѣ въ Ковенскую губернію лѣтомъ 1893 года. *А. Л. Поюдина* 233—258

О т д ѣ л ъ III.

Критика и библиографія.

1. Замѣтки по изученію современной народной пѣсни. *В. Н. Перетцъ*. Современная народ-

	Стр.
ная пѣсни. Сравнительные этюды. <i>Аркадія Лященко</i>	259—275
2. О трудахъ <i>А. Н. Веселовскаго</i> . <i>И. П. Жадова</i>	282
3. О трудахъ <i>Е. Ө. Карскаго</i> . <i>А. И. Соболевскаго</i>	283
4. О переводѣ <i>П. С. Попова</i> сочиненія <i>Манъ гу-ю-му-цзи</i> . <i>Н. И. Веселовскаго</i>	284
5. Календарь и памятная книжка Вятской губерніи на 1893 годъ.	285

О т д ѣ л ъ IV.

Смѣсь.

1. Пѣсни Рязанской губерніи. Сообщ. *О. П. Семснова* 286—293
2. Наброски изъ міра народной педагогики. *Ив. Мамакина* 294—298
3. Любопытная находка. Письмо къ Редактору о рукописномъ сборникѣ *Кириши Данилова*, принадлежавшемъ *Малиновскому*. *Н. Чехова* 299—300

Выпускъ III и IV.

О т д ѣ л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Олекминскіе скопцы. (Историко-бытовой очеркъ). Ст. втор. и посл. *Г—на* 301—324
2. О народныхъ пѣсняхъ Татаръ, Башкиръ и Тетярей. *С. Рыбакова* 325—364
3. Якутская свадьба *В. Стрешевскаго* 365—374
4. Объ обычаяхъ и обрядахъ при родахъ инородческихъ женщинъ Сибири и Средней Азіи. Сообщилъ Докторъ *А. К. Ильинскій* 375—390
5. Опытъ выясненія этническаго состава киргизъ-казаковъ большой орды и кара-киргизовъ на основаніи родословныхъ сказаній и свѣдѣній о существующихъ родовыхъ дѣленіяхъ и о родовыхъ тамгахъ, а также историческихъ данныхъ и начинающихся антропологическихъ изслѣдованій. *А. Арнстова* 391—486

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Матеріалы по литовской этнографіи. *Г. Г. Гинкена* 487—498

- Стр.
2. Корельская свадьба. *Н. Θ. Лыкова*. 499—511
 3. Погребальные обряды Кореляковъ. *Н. Θ. Лыкова*. 511—517
 4. Книжки-Кокурды. *В. Бартольда*. 517—523

О т д ѣ л ъ III.

Критика и библиографія.

1. Какъ давно Русскіе живутъ въ Карпатахъ и за Карпатами? *А. Соболевскаго*. 524—526
2. О такъ называемой народной этимологіи. *А. Соболевскаго* 526—528
3. О сравнительной мифологіи Макса Мюллера. *А. Соболевскаго*. 529
4. Новые книги. *А. Поюдина* 530—540
5. Мелочи по киргизской и сартской этнографіи за 1894 г. *А. Липовскаго*. 540—542
6. Zur Geschichte russischer Hochzeitbräuche, von Gregor Krek. *А. Л.*. 543
7. Пѣсни Сѣверо-Восточной Россіи. *Арх. Лика*. 543—544
8. Лѣтопись историко-филологическаго общества. *Арх. Лика* 544
9. Свѣдѣнія о литовскихъ рукописяхъ. (Продолженіе). *С. Балтрамайтиса*. 545—548

О т д ѣ л ъ V.

Смѣсь.

1. О происхожденіи названія г. Изборска и древняго населенія его окрестностей. *Ю. Трусмана*. 549—554

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

Выпускъ I.

О т д ѣ л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Отчетъ о поѣздкѣ въ Чудской край (Олонекской губ., Лодьеннопольскаго уѣзда) въ 1894 г. *Н. Θ. Лыкова*. 1—13
2. Кайганы или чухарн. *Д. П. Никольскаго*. 14—16
3. О Бесермянахъ. *Д. П. Никольскаго*. 17—27
4. Восточная Волянь. *Н. И. Коробки*. 28—45
5. Письма О. М. Бодянскаго къ Станку Вразу въ Загребъ. Сообщ. *П. А. Кулаковскій*. 46—56

О т д ѣ л ъ II.

Памятникомъ языка и народной словесности.

1. Еврейско-Нѣмецкія слова въ русскихъ нарѣчіяхъ. *Л. Вилера*. 57—70
2. Пѣсни Каменецкаго уѣзда, Подольской губерніи. *Н. Коробки*. 71—83
3. Латышскія преданія. *Г. Виссендорфа*. 84—86
4. Народныя игры въ Кадниковскомъ уѣздѣ. *А. Шустикова*. 86—100

О т д ѣ л ъ III.

Критика и библиографія.

1. А. Шахматовъ. Исслѣдованія въ области русской фонетики. *Б. М. Ляпунова*. 101—116
2. G. Krek. Zur geschichte russischen hochzeitsbräuche. Graz. 1893. *Н. Тушикова* . . 116—118

О т д ѣ л ъ IV.

1. Вопросы и отвѣты. *Э. Волтера*. 119—120

О т д ѣ л ъ V.

Смѣсь.

1. Легенда о предсказаніи преподобнаго Геннадія. *Н. А. Тихомирова*. 121
2. Особая форма нищенства. *Н. А. Тихомирова*. 122
3. Письмо къ Редактору Жив. Стар. *И. В. Шейна*. 122—123
4. Кривулъ у Латышей. *Г. Виссендорфа*. 124
5. Протоколъ 1-го засѣданія Латышско-Литовской комиссіи (25 ноября 1894 года). 124—125
6. Протоколъ 2-го засѣданія Литовско-Латышской комиссіи (12 декабря 1894 года). 125—126

Выпускъ I.

О т д ѣ л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Замѣтки о населеніи Якутской области въ историко-этнографическомъ отношеніи. *Вл. Юхельсона*. 127—161

- Стр.
- Особенности языка латышского писателя Г. Манцеля. *П. Шмидта*. 162—170
 - Тавреняга, Вельского уезда. (Этнографический очерк). *А. Шустикова*. 171—198
 - Письма: а) аббата Иос. Добровского 29 Дек. 1821 г. и б) В. С. Караджича 9 Ноября 1824 г. къ Министру Народнаго Просвѣщенія Шишкову. 199—202

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народной словесности.

- Сказанія и сказки Вельского у. Сообщ. *А. Шустикова*. 203—211
- Царь солома. Сообщ. *Е. Вальмевъ*. 212—213
- Причитанія на рукобитѣ. Сообщ. *Свящ. Владимиръ Ивановъ*. 214—217
- Пѣсни с. Писокъ, Житомирскаго уезда. Сообщ. *Вл. Боцяновскій*. 217—221
- «Иванъ Кунайло» въ с. Корытной Гайсинскаго уезда. Подольской губ. *Ө. Рыбскаго*. 221—222
- Свадебные обряды и пѣсни въ м. Маковѣ, Каменецкаго уезда, Подольской губерніи. Сообщ. *Ө. Рыбскій*. 222—234

О т д ѣ л ъ III.

Критика и библиографія.

- О границѣ Русскихъ и Словаковъ въ Угорщинѣ. *А. Соболевскаго*. 235—236
- Ежегодникъ Тобольскаго Губернскаго Музея. *Н. Т.* 237
- Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи. *Арх. Лика*. 237—238
- Marillier. La survivance de l'âme et l'idée de justice chez les peuples non civilisés. Paris. 1894. *Щ—ва*. 238

О т д ѣ л ъ IV.

Вопросы и отвѣты.

- Отвѣтъ на вопросъ, предложенный г. III. въ IV. отд. «Живой Старины» IV вып. 1893 г. *Ив. Мамачина*. 239

О т д ѣ л ъ V.

Смѣсь.

- Заговоры Архангельской губерніи, Шенкурскаго уезда, села Кургомень. 240—241

- Стр.
- Новгородская легенда объ апостолѣ Андрѣй. *В. Боцяновскаго*. 241—242
 - Объявленія 1—4

Выпуски III и IV.

О т д ѣ л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

- Отчетъ о поѣздкѣ къ ливонскимъ Латышамъ лѣтомъ 1894 г. *А. Л. Погодина*. 243—250
- Литовцы и русскій алфавитъ *М. Лозорайтиса*. 251—259
- Къ вопросу объ алфавитѣ для Литовцевъ. *Георгія Гимена*. 260—262
- Объ инородческихъ языкахъ вообще и о латинскомъ алфавитѣ у Литовцевъ въ особенностях. *В. И. Ламанскаго*. 263—271
- Изъ статьи А. Ө. Гильфердинга о Литовской народности. 272—276
- Докладъ С. Балтрамайтиса. 277
- Докладъ А. О. Смильго. 278
- Поѣздка въ Корелу. *Н. Ө. Лискова*. 279—297
- Этнографическія замѣтки о Тюркахъ Минусинскаго края. (Отчетъ о поѣздкѣ 1894 г.). *П. Островскій*. 297—348
- О красивомъ искусствѣ у Русскихъ Енисейской губ. *А. Макаренко*. 349—356
- О красивомъ искусствѣ у Латышей. *Г. А. Виссендорфа*. 257—258
- Тавреняга Вельскаго уезда. Этнографическій очеркъ. (Окончаніе). *А. Шустикова*. 359—375

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народной словесности.

- О говорѣ жителей Левочской волости, Боровичскаго уезда. *Михаила А. Синозерскаго*. 376—381
- Простонародныя слова, употребляемыя въ уѣздахъ Новгородской губерніи: Крестецкомъ, Старорусскомъ, Кирилловскомъ и Боровичскомъ. *К. Лавровъ*. 382—384
- Особенности говора Кадниковскаго уезда, Вологодской губ. *Шайтанова*. 384—398
- Замѣтки объ одномъ изъ говоровъ Костромской губерніи. Студ. Пет. Унив. *Николай Каринскаго*. 399—402
- Особенности въ говорѣ населенія, расположеннаго по рѣкѣ Писмѣ, Костромской губер-

	Стр.
нин, Буйскаго уѣзда, Студ. Птрб. Дух. Ак. <i>Θ. Покровскаго</i> .	403—415
6. Говоръ южной части Томскаго округа, Томской губернии. Студ. Пет. Ун. <i>В. Ламанскаго</i> .	416—418
7. Сказанія и сказки. Сообщ. <i>А. Шустикова</i> .	419—427
8. Космическія легенды Балтійскихъ народовъ. <i>А. Л. Погодина</i> .	428
9. Духовные стихи. Сообщ. <i>М. А. Синозерскій</i> .	449—452
10. Малорусскія сказки и байки изъ Галичины.	453—466

О т д ѣ л ъ III.

Критика и библиографія.

1. Замѣтка по поводу изданія «Жмудскихъ пѣсенъ изъ Полянгена». *Ив. Ос. Яблонскаго*. 467—469
2. Труды Тибетской экспедиціи. *В. Л.* 469—475
3. Богдановичъ, А. Е. Пережитки древняго міросозерцанія у Бѣлоруссовъ. *В. Л.* 475—478
4. «Иллюстрированная бібліотека Крестнаго Календаря». Сказки русскаго народа. *В. П. Семёнова*. 478
5. Н. Я. Никифоровскій. Очерки простонароднаго житія-бытїа въ Витебской Бѣлоруссіи и описаніе предметовъ обиходности. (Этнографическія данныя). *Н. Т—ва*. 478—479
6. Weigand, G. Die Aromunen ethnographisch - philologisch-historische Untersuchungen über d. Volk d. sogenannten Makedo-Romanen oder Zinzaren. *В. Л.* 480—486

О т д ѣ л ъ IV.

Смѣсь.

1. Погребальныя обычаи Обдорскихъ Остяковъ. *В. В. Бартенева*. 487—492
2. Народонаселеніе Австро-Венгрии. *В. Л.* 492—493
3. Летучій огненный змѣй. Сообщилъ *М. П. Соколовъ*. 493—494
4. Летучій змѣй въ 1745 г. въ Бѣлгородѣ. Сообщ. г. *Никольскій*. 494—495
5. Какому святому и когда должно молиться. Сообщ. *А. Баловъ*. 495
6. Куретница. Сообщ. г. *Никольскій*. 495—496
7. Радунскій приходъ Лидскаго уѣзда. Виленской губ. *В—са*. 497
8. Еще по поводу Литовской печати. *А. Л. Погодина*. 498—499

	Стр.
9. Заговоры противъ болѣзней, разныя повѣрья и примѣты. (Житом. у.). <i>В. Θ. Боцяновскаго</i> .	499—504
10. Изъ письма къ Редактору. <i>Д. Михайловскаго. Оренбургъ</i> .	504
11. Списокъ литовскихъ журналовъ, издаваемыхъ въ Россіи въ 1883—1896 г. <i>Балтрайтиса</i> .	505—506
12. Опечатки. Объявленія.	507

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

Выпускъ I.

О т д ѣ л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Изъ поѣздки по Малой Азіи. *Я. И. Смирнова*. 3—31
2. Древнія двусловныя личныя имена у Литовцевъ, ихъ составъ и происхожденіе. *Ю. П. Кутецова*. 32—50

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народнои словесности.

1. Свадьба въ подгородныхъ волостяхъ Сольвычегодскаго уѣзда. *Н. Г. Ордина*. 51—121

О т д ѣ л ъ III.

Критика и библиографія.

1. По поводу приложенія къ отчету *А. Л. Погодина* о его поѣздкѣ въ Ковенскую губернію. *Ив. Яблонскаго*. 123—130
2. Бѣлорусское полѣсье. Сборникъ этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ *М. Довнаромъ-Запольскимъ*. Выпускъ I. Пѣсни Пинчуковъ. Кіевъ. 1894 г. *Н. Т—ва*. 131
3. Ежегодникъ Тобольскаго губернскаго Музея. *Н. Т.* 131—132

О т д ѣ л ъ IV.

Смѣсь.

1. Къ вопросу о характерѣ и значеніи древнихъ «купальскихъ» обрядовъ и игрищъ. *А. Балова*. 133—142

	Стр.
2. Летучий огненный змѣй. М. А. Синозерскаго.	143
3. Изъ письма къ Редактору. А. Шустикова.	43—144
4. Опечатки.	144
Объявленія.	

Выпуск II.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія и
разсужденія.

1. Грехъ-сутры какъ источникъ для исторіи индоевропейской бытовой культуры. Д. Н. Бударянскаго. 145—156
2. Великорусскія фамиліи и ихъ происхождение. Историко-этнографическій очеркъ. А. Балова. 157—168
3. Знахарство въ Скопинскомъ и Данковскомъ уѣздахъ Рязанской губерніи. Н. Рубинскаго. 169—201
4. Замѣтки по сравнительному изученію народно-эпического стиля. К. Тиандера. 202—225

О т д ѣ л ь II

Памятники языка и народной
словесности.

1. Свадебные причеты. записанные въ Щетинской волости, Пошехонскаго уѣзда. Я. Илюинскаго. 226—248
2. Рекрутскія причитанія. Д. Успенскаго. 242—248

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. Литовско-латышско-польско-русскій словарь, составленный кс. Мнх. Меженисомъ. Тяльзитъ, 1894 г., стр. 292. Изв. Яблонскаго 248—254
2. Монголія и Монголы. — Результаты поѣздки въ Монголію, исполненной въ 1892—1893 гг. А. Поздѣвымъ. Томъ I. Дневникъ и маршрутъ. 254—255
3. Якуты. Опытъ этнографическаго изслѣдованія В. Л. Спрошевскаго. Подъ редакціей проф. Н. И. Веселовскаго. Т. I. Съ 168 рисунками, портретомъ и картою. 255—257
4. Якушкинъ, Е. И. Обычное право. Выпускъ второй. Ярославль. 1896. 257—258
5. Бартоневъ, Викторъ. На крайнемъ сѣверо-западѣ Сибири. Очерки Обдорскаго края. Петербургъ. 1896. 258

	Стр.
6. Харузинъ, Н. Исторія развитія жилищъ у кочевыхъ и полукочевыхъ Тюркскихъ и Монгольскихъ народностей Россіи. Москва. 1896.	258
7. Пантюховъ, И. И. О пещерахъ и позднѣйшихъ жилищъ на Кавказѣ. Тифлисъ. 1896.	258—259

О т д ѣ л ь IV.

Смѣсь.

1. О Пасхѣ. А. Балова. 260—261
 2. Крапивное заговѣнье. А. Балова. 261—262
 3. Свѣчи и ладонь въ народныхъ повѣрьяхъ. А. Балова. 262—264
 4. Живая Старина. А. Балова. 264—265
- Объявленія.

Выпуски III и IV.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія и
разсужденія.

1. Угасаніе инородческихъ племенъ Тобольскаго сѣвера. Д-ра Ар. Ив. Якобіа 267—272
- Замѣтка редактора 272
2. Инструкція изслѣдованія инородческихъ племенъ Тобольскаго сѣвера. Проф. Ар. Ив. Якобіа. 273—276
3. Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей и свѣдѣнія объ ихъ численности. Н. А. Аристова 277—456
4. О семейномъ положеніи крестьянской женщины въ одной изъ мѣстностей Костромской губ. по даннымъ волостного суда. Ѳ. Покровскаго 457—476
5. Поѣздка къ теленгетамъ на Алтай. А. Калачева 477—488

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной
словесности.

1. Нѣсколько словъ о поэзи теленгетовъ. А. Калачева . 489—500
2. Свадебные обряды въ Ольгопольскомъ уѣздѣ, Подольской губ. Н. Душинскаго 501—522

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. Отчетъ о шведскомъ этнографическомъ журналѣ: Nyare

	Стр.
bidrag till Kännedom om de svenska landsmälen ock svenskt folklif 1885—1895 г. <i>К. Тиандера</i>	523—529
2. Якушкинъ, Е. И. Обычное право. Выпускъ второй. Ярославль. 1896. <i>В. Ламанскаго</i>	529—534

О т д ѣ л ъ IV.

Смѣсь.

1. О выборѣ невестъ въ Новгородской губерніи. *М. Синозерскаго* 535—536
2. Чортовъ домъ. *М. Синозерскаго* 536—537
3. Цвѣтъ «папретника». *М. Синозерскаго* 537
4. Отчего пораженные грозой святые. *М. Синозерскаго* 537—538
5. Ильинская пятница. *М. Синозерскаго* 538
6. Игры (въ слободѣ Усть-Няцынской, Тюменскаго округа). *Ф. Зобнина* 538—542
7. Вѣщца или труболетка. *Ф. Зобнина* 542

Объявленія.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

Выпускъ I.

О т д ѣ л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія и
разсужденія.

1. Киселевскіе Цыганы. *В. И. Добровольскаго* 3—36
2. О происхожденіи Псково-Печерскихъ полуостровцевъ. *Ю. Трусмана* 37—47
3. Замѣтка по поводу предполагаемаго изданія народныхъ сказокъ *С. В. Максимова* 48—56

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народной
словесности.

1. Матеріалы по народной медицинѣ, Ужурской волости, Ачинскаго округа, Енисейской губ. Съ приложеніемъ сборника народно-медицинскихъ средствъ той же волости. *А. Макаренка* 57—100
2. Былина и пѣсни Енисейскаго округа. *А. Александрова* 101—105
3. Домовикъ въ галицко-русскихъ вѣрованіяхъ. *Ю. А. Яворскаго* 105—106

Стр.

4. Галицко-русскія повѣрія объ опырахъ. *Ю. А. Яворскаго* 107—110
5. Изъ галицко-русскихъ народныхъ сказаній и суевѣрій. *Ю. А. Яворскаго* 110—111
6. Сказки. Приложеніе къ замѣткѣ *С. В. Максимова* 112—123

О т д ѣ л ъ IV

Вопросы и отвѣты.

1. Отвѣтъ. *А. Макаренка* 124—126

О т д ѣ л ъ V.

Смѣсь.

1. Дурачки и убогіе. *А. А. Макаренка* 126—128
2. Уроchливая. Его-же 128—130

Выпускъ II.

О т д ѣ л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія и
разсужденія.

1. Объ эскимосскихъ нарѣчіяхъ Анадырскаго округа. (На основаніи матеріаловъ, собранныхъ *Н. Л. Гондатти*). *Всев. Фед. Миллера* 133—159
2. Отчетъ о поѣздкѣ къ киргизамъ лѣтомъ 1896 по порученію Императорскаго Географическаго Общества. Часть I-я: Общія наблюденія надъ современнымъ бытомъ киргизъ. Чл.-сопр. *С. Г. Рыбакова* 160—217

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народной
словесности.

1. Матеріалы по нарѣчіямъ инородцевъ Анадырскаго округа, собранные *Н. Л. Гондатти* 218—229
2. Дѣтскія и женскія болѣзни. (Продолженіе). *А. Макаренка* 230—246
3. Почитаніе огня у крестьянъ-сибиряковъ Енисейской губ. *А. Макаренка* 247—253
4. Мисологическіе отрывки. (Читано въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи 24 октября). *И. К. Краучуниса* 254—261

О т д ѣ л ъ III.

Критика и библиографія.

1. Narodopisný Sborník československý. Svázek první. Vydává narodopisná Společnost' česko-

Стр.

slovanská a národopisné Mu-
seum českoslovanské. Redactor
prof. Fr. Pasternek ve Pražě.
1897. *Н. В. Ястребова* . . . 262—265

О т д ѣ л њ IV.

С ж ѣ с ь.

1. Этнографическія изысканія въ
Восточной Сибири . . . 265—266

Выпуск III и IV.

О т д ѣ л њ I.

Исслѣдованія, наблюденія и
разсужденія.

1. Поѣздка на Алтай. *Ф. Зоб-
нина* . . . 267—293
2. Тюркская сказка о Идыге.
Г. Потанина . . . 294—350
3. Сказанія о поѣздкахъ остиа-
нскихъ князей къ русскимъ ца-
рямъ. *С. Пятканова* . . . 315—356
4. Данниа для народнаго кален-
даря Смоленской губерніи въ
связи съ народными вѣрова-
ніями. *В. Н. Добровольскаго*. 357—380

О т д ѣ л њ II.

Памятники языка и народной
словесности.

1. Матеріалы по народной ме-
дицинѣ. Ужурской волости.
Ачинскаго округа Енисейской
губ. Со сборникомъ народно-
медицинскихъ средствъ той же
волости (Окончаніе). *А. Ма-
яренко* . . . 381—438
2. Галицко-русскія поговѣрія о
дикой бабѣ. *Ю. Яворскаго* . . . 439—441
3. Изъ сборника галицко-рус-
скихъ сказокъ, собранныхъ
для предполагаемаго сборнаго
изданія И. Р. Географичес-
скаго Общества. *Ю. Яворскаго*. 441—445
4. О народныхъ говорахъ сѣверо-
западной части Костромской
губерніи. *Ө. Покровскаго* . . . 446—469

О т д ѣ л њ III.

Критика и библиографія.

1. Рыбаковъ, С. Музыка и пѣсни
уральскихъ мусульманъ . . . 470—473
2. Die Sprachgebiete in der Län-
dern der ungarischen Krone auf
Grund der von Königl. ung. sta-
tist. Landes-Bureau veröffent-
lichten Ergebnisse der Volks-
zählung vom Jahre. 1890 be-

Стр.

rechnet von Eduard Leipen.
Wien. 1896 . . . 473—479

О т д ѣ л њ IV.

Вопросы и отвѣты. 480—481

О т д ѣ л њ V.

С ж ѣ с ь.

1. О значеніи Моравскаго или
Ресавскаго нарѣчія для со-
временной и исторической
этнографіи Балканскаго полу-
острова . . . 482—485
- Объявленія.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

Выпуск I.

О т д ѣ л њ I.

Исслѣдованія, наблюденія,
разсужденія.

1. Сольвычегодскій крестьянинъ,
его обстановка, жизнь и дѣя-
тельность. *Н. Исачицкаго* . . . 3—74
2. О Сибирскихъ великорусскихъ
народныхъ пѣсняхъ. *С. В.
Максимовъ* . . . 75—79

О т д ѣ л њ II.

Памятники языка и народной
словесности.

1. Маришчельская крестьянская
свадьба. (Бытовой очеркъ). *М.
Успенскаго* . . . 80—104
2. Нѣсколько параллелей Фин-
скихъ сказокъ съ Русскими и
прочими Славянскими. *А.
Аарне* . . . 105—110
3. Галицко - русскій авгурій
XVIII-го вѣка. *Ю. Яворскаго* . . . 111

О т д ѣ л њ III.

Критика и библиографія.

1. Теогонія Гезіода и Прометей.
(Разборъ сказаній). Георгія
Властова. *Д. Кудрявскаго* . . . 112—116

О т д ѣ л њ IV.

Вопросы и отвѣты.

1. Отъ Отдѣленія Этнографіи Им-
ператорскаго Русскаго Гео-
графическаго Общества . . . 117—121
2. Отъ редактора . . . 121

Стр.

О т д е л ь V.

Смѣсь.

1. Изъ Череповецкаго уѣзда. Новгор. губ. Пословицы и поговорки, примѣты и обычай. 122—123
Объявленія.

Выпускъ II.

О т д е л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія и
разсужденія.

1. Усть-Ницынская слобода, Тюменскаго уѣзда, Тобольской губ. (Продолженіе слѣдуетъ). *Ф. Зобнина* 125—157
2. Матеріалы по народной медицине и акушерству въ Череповецкомъ уѣздѣ Новгородской губерніи. *М. К. Герасимова* 158—183

О т д е л ь II.

Памятники языка и народной
словесности.

1. Село Коснище, Владиміръ-Волынскаго уѣзда, Волынской губ. (Въ 5-ти верстахъ отъ мѣст. Любвиля). (Окончаніе будетъ). *Дм. И. Абрамовича* 184—202
2. Сборникъ рязанскихъ областныхъ словъ. Чл. Сotr. *Дителъ* 203—227
3. Смерть и душа въ повѣрьяхъ и въ разсказахъ крестьянъ и мѣщанъ Рязанскаго, Раненбургскаго и Данковскаго уѣздовъ Рязанской губерніи. Чл. Сotr. *О. П. Семеновъ* 228—234
4. Сомринскій говоръ. Сообщ. *В. Бузнецовъ* 235—236
5. Перегудки. Сообщ. Чл. Сotr. *Н. А. Иващенко* и Чл. Сotr. *А. А. Шустикова* 237—243
6. Сказка про ерша. Сообщ. *М. А. Синозерскій* 244
7. О трехъ заговорахъ и о народномъ воззрѣніи на змѣй въ Могилевской и Херсонской губерніяхъ. *В. Врандъ* 245—246
Объявленія.

Выпускъ III и IV.

О т д е л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія и
разсужденія.

1. Объ Авганистанѣ и его населеніи. *Н. А. Аристовъ* 247—319

Стр.

2. Усть-Ницынская слобода, Тюменскаго уѣзда, Тобольской губ. (Продолженіе). *Ф. Зобнина* 320—328
3. Два письма П. И. Прейса къ Нейю въ Гвѣзано и къ Н. И. Надеждину. 329—330
4. Остатки работъ П. И. Прейса. 331—367
5. Первая лекція П. И. Прейса, читанная весной 1843 г. въ Императорскомъ Петербургскомъ Университетѣ. 368—384

О т д е л ь II.

Памятники языка и народ-
ной словесности.

1. Село Коснище, Владиміръ-Волынскаго уѣзда, Волынской губ. (Окончаніе). *Дм. И. Абрамовича* 385—386
2. Образцы говора Жиздринскаго уѣзда, Калужск. губ. *В. Н. Добровольскій* 387—392
3. Матеріалы лексикографическіе по Новгородскимъ говорамъ. 1. Слова Череповецкія. Сообщ. *М. К. Герасимова*. 2. Слова Ладоженія. Сообщ. *Николай Кедровъ* 392—408
4. Нѣкоторыя лѣкарственные растенія, употребляемыя простымъ народомъ Курской губ. *Т. I. Верещинскій* 409—420
5. Яровища крестьянъ сельца Березовки Дмитровскаго уѣзда, Орловской губерніи *В. Добровольскій* 421—424
6. Сборникъ загадокъ для дѣтей. Сообщ. учит. народн. учил. *К. Славинъ* 425—436
7. Игры крестьянскихъ дѣтей Казанской губерніи, Свияжскаго уѣзда, села Бежбятманъ. *А. Можаровскій* 437—442
8. Два старинныхъ областныхъ словаря XVIII столѣтія. Сообщение *П. К. Симоны* 443—450
9. Объ особенностяхъ языка въ г. Устюгѣ и въ Устюжскомъ уѣздѣ, Волог. губ. *Николай Чернавскій* 451—462
10. Бѣлорусскія дѣтскія игры. *П. Демидовичъ* 453—462

О т д е л ь III.

Критика и библиографія.

1. Рустика (Т. А. Мартемьянова). Городъ Волковъ, Орловской губерніи (историко-бытовые очерки). *Вл. Шарутинъ* 463—467
2. Великорусскія въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, ле-

- гендахъ и т. п. Матеріалы, собранныя въ порядокъ П. В. Шейномъ. *В. Шурутинъ*. 467—470
3. Slovenská prísluvi, potekadla a uslovi. Sepsal Adolf Petof Zaturecký 471—472
4. Deutsche Volkskunde. Von Eduard Meyer. Mit siebzehn Abbildungen und einer Karte. 472—475
5. Два отъѣзды по присужденію большой и малой золотыхъ медалей Этнографическаго Отдѣленія. *В. Ламанскаго*. 475—476
6. Библиографическій обзоръ Литовскихъ повременныхъ изданій за 1898 годъ. *Б.* . . . 477—479

О т д ѣ л ъ IV.

Смѣсь.

1. Вечеринки и игрища въ Устьмысльскѣ. Сообщ. Членъ Сотр. Импер. Рус. Геогр. Общ. *С. Мельниковъ*. 480—481
2. Коляда въ Устьмысльскѣ. Мѣщанинъ *Стефанъ Мельниковъ*. (Чл.-сотр. И. Р. Г. Общ. 1842 г.). 481—482
3. Коледа во Влад. губ. (Изъ Арх. Р. Г. Общ.). *Н. Добро-творскій*. 482—485
4. Духовные стихи. Сообщилъ *Яковъ Ильинскій*. 485—487
5. Сказка (записанная въ Эскинскихъ юртахъ Верх. Демьянск. вол. Тоб. окр.). *С. Паткановъ*. 487—489
6. Тагасъ на Вѣломъ озерѣ. Учитель народн. школы *М. Комельковъ* (уроженецъ села Куности). 489—493
7. Дополненія къ статьѣ г. Комелькова. Учитель Киснемскаго училища Кирилловскаго уѣзда *П. Маіоровъ*. 493
8. Пословица и загадка. *В. Добровольскій*. 494—497
- Объявленія.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

Выпускъ I.

О т д ѣ л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Разказы изъ жизни Палѣхъ Жиздринскаго Полѣся. *Р. И. Добровольскій*. 4—22

2. Этнографическія замѣтки на пути отъ г. Никольска до г. Тотмы. *Гр. Н. Потанина*. 23—60
3. Распределение жителей Битольскаго Виляета по народностямъ и вѣроисповѣданіямъ, въ 1897 году. *А. Ростковскій*. 61—112

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Сборникъ Панаіота Дьниовскаго изъ села Галичника (въ Добрахъ). Сообщ. *П. А. Ровинскій*. 113—123
2. На мірскомъ передѣлѣ земли. (Очеркъ изъ сѣверно-русской жизни). *А. А. Шустикова*. 130—138

О т д ѣ л ъ IV.

Смѣсь.

1. Мѣстные слова города Тотмы. (Волог. губ.). Записалъ *В. Шевляковъ*. 139
2. Четыре сказки Минусинскихъ инородцевъ. Записаны *А. Кузнецовой*. 140—149

Выпускъ II.

О т д ѣ л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Разказы изъ жизни Палѣхъ Жиздринскаго Полѣся. (Окончаніе). *В. Н. Добровольскаго*. 151—166
2. Этнографическія замѣтки на пути отъ г. Никольска до г. Тотмы. (Окончаніе). *Гр. Н. Потанина*. 167—235

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народной словесности

1. Сборникъ Панаіота Дьниовскаго изъ села Галичника (въ Добрахъ). (Продолж.). Сообщ. *П. А. Ровинскій*. 236—250
2. Матеріалы для словаря тунгусскихъ нарѣчій. Сообщ. студ. *Ив. Скурлатовъ*. 251—262
3. Сказка о Чесоточномъ Шаманѣ. Сообщ. *В. Югова*. 263—270

О т д е л ъ III.

Стр.

Критика и библиография.

1. Slovanský Přehled, sborník statí, dopisův a zpráv ze života slovanského. Redaktor A. Černý 271—272
2. Věstník slovanských starožitností. Indicateur des travaux relatifs à l'antiquité slave. Vy-dává L. Niederle 272
3. Die Bulgaren. Ethnographische Studien. Von A. Strausz 273
4. Српске народне пјесме. Скупио их Вук Караџић. Књ. VI (Државно издање) 274
5. Piesne ludu slovenského. Vy-dáva Museálna slovenská spoločnosť. 274
6. Научное изучение бѣлорусскаго нарѣчія за послѣдніа десять лѣтъ (1886—1899 гг.) П. Владимірова —
7. Пятидесятилѣтіе «Мыслей объ исторіи русскаго языка». (Очеркъ трудовъ за 50 лѣтъ и новые матеріалы). Его же 274—275
8. Кижское нарѣчіе, великогубской области, Петрозаводской волости, Олонецкой губ. Св. А. Понамарева 275
9. В. Н. Перетцъ: Изъ исторіи пословицы. Историко-литературныя замѣтки и матерьялы. —
10. Описаніе русскихъ монетъ музея Ярославской ученой архивной комиссіи, пожертвованныхъ И. А. Вахрамѣевымъ. Сост. Э. Берендтсъ —
11. Bei den Huzulen im Pruththal. Ein Beitrag zur Hausforschung in Oesterreich. Von prof. Kaindl 275—276
12. Наукове товариство ім. Шевченка у Львові. Матерьялы до українсько-руської етнології, виданнє етнографичної комисіи за редакцією Хв. Вовка 276
13. Записки наукового товариства імені Шевченка від редакцією М. Грушевського. Г. Н. —

О т д е л ъ IV

Смѣсь.

1. Матерьялы по народному языку, собранные въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губ. Сообщ. А. Баловъ. 277

Выпускъ III.

Стр.

О т д е л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Латышскія заимствованія изъ славянскихъ языковъ. I. Эндл-ина. 285—312
2. Очеркъ современнаго экономическаго положенія Башкиръ Уфимской губерніи. А. Калачева 313—329

О т д е л ъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. О народномъ говорѣ Чухломскаго уѣзда Костромской губерніи. Ф. И. Покровскаго . . 330—349
2. Сказаніе объ Элэнди и его сыновьяхъ (переводъ съ чукотскаго). Сообщ. В. Г. Богораза 350—370
3. Три сказки, записанныя въ Колымскомъ краѣ. Сообщ. В. Г. Богораза 371—380

О т д е л ъ III.

Критика и библиография

1. Slovenske narodne pesmi. Uredil D-ra K. Štrekelj. Izdala in založila Slovenska Matica. Г. А. Ильинскаго. 381
2. Moravské Kravařsko (Politický okres Novojičsky). Г. А. Ильинскаго. —
3. Statystyka ludności Kaszubskiej. Zebrał i opracował Stef. Ramult. Г. А. Ильинскаго 382
4. Kleinere Schriften von Weinhhold Köhler. I Band. Kleinere Schriften zur Märchenforschung. Ю. А. Яворскаго. 383
5. Die Zeugung in Sitte, Brauch und Glauben der Südslaven. Ю. А. Яворскаго 384
6. Српске народне приповетке. Скупио Атанасије Николић. На свет издали његови унучи. Ю. А. Яворскаго 385

О т д е л ъ IV.

Смѣсь.

1. Свадебный обычай крестьянъ Кургоминскаго Правленія Арх. губ. Шенк. у. Свящ. К. И. Боготллова 386—388

Стр.

2. Религиозно-народные повѣрья и легенды. (Записаны въ Калезинскомъ уѣздѣ Тверской губ.). *В. І. Суворова* 389—397
3. Къ статистикѣ литовскихъ народныхъ книгъ *Э. Нолтера* 398—399
Объявленія 400—402

Выпускъ IV.

О т д ѣ л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Домашній бытъ крестьянъ Левочской волости, Боровичскаго уѣзда Новгородской губ. Студента Имп. Спб. Унив. *М. Синозерскаго* 403—435
2. Англо-индійскій «Кавказъ». Столкновенія Англіи съ авганскими пограничными племенами. (Этноко-историческій и политическій этюдъ). Статья первая. *Н. А. Аристова* 436—486

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Списокъ Тобольскихъ словъ и выраженій, записанныхъ въ Тобольскомъ, Тюменскомъ, Курганскомъ и Сургутскомъ округахъ, въ двухъ первыхъ д. чл. *Паткановымъ*, въ трехъ послѣднихъ чл. соотр. *Зобнинымъ* и приведенныхъ въ алфавитный порядокъ студ. И. Спб. Унив. *Николаевымъ* 487—518
2. Пѣсни и Прибаутки, (записанныя Г. Н. Потанинымъ въ дер. Аксеньевой, въ 3-хъ вер. отъ гор. Никольска). Сооб. *Гр. Н. Потанинъ* 519—525
3. Прозвища крестьянъ дер. Хмѣлевской, Кадниковскаго уѣзда. Сообщ. *А. А. Шустиковъ* 526—528
4. Народныя слова и прозвища, записанныя въ Сысертскомъ заводѣ Пермской губ. Екатеринбург. у. Чл. Сотр. Общества *Вяч. П. Яковымъ* 529—530
5. Свадьба въ Хмѣлевицкомъ приходѣ Ветлужскаго уѣзда, Костромской губ. Сообщ. *Я. Кузнецовъ* 531—535

О т д ѣ л ъ III.

Смѣсь.

1. Св. Андрей Первозванный и Св. Екатерина въ народныхъ

Стр.

русскихъ вѣрованійхъ. Историко-этнографическій очеркъ *А. Балова* 536—538

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

Выпускъ I и II.

О т д ѣ л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Англо-индійскій «Кавказъ». Столкновенія Англіи съ авганскими пограничными племенами. (Этноко-историческій и политическій этюдъ). Обзоръ столкновеній Англо-Индіи съ восточными авганскими племенами. Ст. вторая и послѣдн. *М. А. Аристова* 3—150
2. Бродячіе роды тундры между рѣками Индигирской и Колымой, ихъ этнический составъ, нарѣчіе, бытъ, брачныя и нынѣ обычаи и взаимодѣйствіе различныхъ племенныхъ элементовъ. *Вл. Лозельсона*. Съ рис. 151—193

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Міросозерпаніе нашихъ восточныхъ инородцевъ: вотяковъ черемисовъ и мордвы. *В. А. Мошкова* 194—212
2. Опытъ сравнительнаго словаря русскихъ говоровъ. (Галицко-бойковский говоръ). *И. Малиаріона Станицкаго* 213—229
3. Сборникъ Панаіота Диновскаго изъ села Галичника (въ Дебразъ). (Продолженіе). Сообщ. *П. А. Ровинскій* 230—248
4. По говору Любимскаго уѣзда. Сообщ. *А. Балова* 249—250

О т д ѣ л ъ III.

Критика и библиографія.

1. Жреческая организація индо-германцевъ. (Обзоръ новѣйшихъ трудовъ о культурѣ индо-германцевъ). *А. Полюгина* 251—264
2. Руминскія сказанія о рахманахъ. *А. И. Яцимирскаго* 264—272
3. Psihologia penala a teranului de Dem. I. Dobresku. *А. Яцимирскаго* 273—277
4. П. Луповъ. «Христіанство у вотяковъ со времени первыхъ историческихъ извѣстій о нихъ до XIX вѣка». *И. Сырнева* 277—283

- Стр.
5. Nová mapa Království českého Sestavil V. Kotýška. Kreslil N. Hanf. Měřítko 1:200.000. *Г. Ильинскаго* 283
 6. Smichovsko a Zbraslavsko. Společnou prací učitelstva Redaktor prof. Fr. Hansl, c. k. okresní školní inspektor. *Г. Ильинскаго* 284—286
 7. Starožitnosti země české. Sestavil L. Pič Díl. I. Čechy předhistorické. Na základě prvahistorické sbírky Musea Král. českého. *Г. Ильинскаго* 284—286
 8. Rodinný nedíl čili zádruha v pravu slovanském. Sepsal K. Kadlec. Nákl. vlastním. *Г. Ильинскаго* 286—287
 9. Führer durch Dalmatien. Herausgegeben vom Vereine zur Förderung der volkswirtschaftlichen Interessen des Königreiches Dalmatien. *Г. Ильинскаго* 287—288
 10. Гуцульщина. Написав проф. Володимиръ Шухевич. *Г. Ильинскаго* 288—289
 11. Етнографічний збірник. Видає етнографічна комісія Науков. Тов. ім. Шевченка. *Г. Ильинскаго* 289
 12. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX ст. *Г. Ильинскаго* 289—291

О т д ѣ л ъ V.

Смѣсь.

1. Смерть, похороны и причитанія. (Этнографическій матеріалъ Калужской губ.) *В. Н. Добровольскаго* 292—294
2. О Сибирскомъ Полярномъ Отдѣлѣ Сѣверо-тихо океанской экспедиціи. (Изъ письма къ Предсѣдателью Этнографическаго Отдѣла Императ. Русскаго Географич. Общества). *В. Богораза и В. Лохельсона*. 295—296

Выпускъ III.

О т д ѣ л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Труба въ народныхъ вѣрованіяхъ. Ст. перв. *В. А. Мошкова* 297—352
2. Хунь-ну и гунны. (Библиографическій обзоръ теорій о происхожденіи народа Хунь-ну китайскихъ лѣтописей, о происхожденіи европейскихъ Гунновъ и о взаимныхъ отноше-

- Стр.
- ніяхъ этихъ двухъ народовъ). Ст. перв. *К. А. Иностранцева*. 353—386
 3. Объ одномъ старославянскомъ оборотѣ съ точки зрѣнія временныхъ славянскихъ нарѣчій. *Г. А. Ильинскаго* 387—392

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Распределение жителей Солунскаго Вилаета по народностямъ и вѣроисповѣданіямъ въ 1899 году. *А. Ростковскаго* . 393—425
2. Нѣсколько духовныхъ стиховъ. *В. Чернышева* 426—435

О т д ѣ л ъ III.

Критика и библиографія.

1. Die Slowinzen und Lebakaschuben. Mit einer Sprachkarte und 3 Tafeln Abbildungen. *Г. А. Ильинскаго* 436—437
2. Ор. Шкапскій. Аму-Дарьинскіе очерки. *А. А. Липовскаго* 438—439
3. П. Н. Милюковъ: 5 этнографическихъ картъ Македоніи—съ текстомъ —
 I. П. Рогановичъ: Македонскій вопросъ на почвѣ своей исторіи, этнографіи и политики —
 Сп. Гопчевичъ: Старая Сербія и Македонія. Историко-этнографическое изслѣдованіе. *В. Кораблева* 439—441
4. Е. Т. Смирновъ. Приамурскій край на Амурско-Приморской выставкѣ 1899 г. въ гор. Хабаровскѣ. *С. Брайловскаго* 441—442
5. Кубанскій сборникъ. «Труды Кубанскаго Областнаго Статистическаго Комитета», издаваемые подъ редакціей С. В. Руденка. *А. Лященко* 442

О т д ѣ л ъ IV.

Вопросы и отвѣты. 443

О т д ѣ л ъ V.

Смѣсь.

1. Орывки изъ свадебныхъ причетовъ Ляменгскаго прихода, Никольскаго уѣзда, Вологодской губерніи. *Михаила Пшеницына* 444—446
 2. Изъ старыхъ журналовъ. *А. Лященко* 447—449
- Объявленіе.

Выпуск IV.

Стр.

О т д ѣ л ъ I.

Исследования, наблюдения и
разсужденія.

1. Труба въ народномъ вѣрова-
ніяхъ. Ст. вт. и посл. В. А.
Мошкова. Карта и рисунки . 451—524
2. Хунъ-ну и Гунны (Библиогра-
фическій обзоръ творій о про-
исхожденіи народа Хунъ-ну
китайскихъ летописей, о про-
исхожденіи европейскихъ Гун-
новъ и о взаимныхъ отноше-
ніяхъ этихъ двухъ народовъ).
Ст. вт. и посл. Е. А. Иностран-
цева 525—564

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народной
словесности.

1. Распределение жителей Солун-
скаго Вилаета по народно-
стямъ и вѣроисповѣданіямъ
въ 1899 году. (Окончаніе) А.
Ростковскаго 565—583

О т д ѣ л ъ III.

Критика и библиографія.

1. Путешествіе антиохійскаго
патр. Макарія въ Россію въ

Стр.

- половинѣ XVII вѣка. А. И.
Яцимирскаго 583—589
2. Д-ръ I. Поливка. Магьосникъ
и неговиятъ ученикъ. Сравни-
тельна фольклорна студія. Ю.
Яворскаго 589—591
 3. Allgemeine Methodik der Volks-
kunde. Berichte über Erschei-
nungen in den Jahren 1890—
1897. Ю. Яворскаго 591—592
 4. Каралић. Лист за српски на-
родни живот, обичаје и пре-
даше Ю. Яворскаго 594—595

О т д ѣ л ъ IV.

Вопросы и отвѣты. 594—595

О т д ѣ л ъ V.

Смѣсь.

1. Изъ галицко-русскихъ народ-
ныхъ повѣрій. Ю. Яворскаго 596—595
2. Примѣты и разказы. Сообш.
В. Чернышевъ 595—598
3. Л. Н. Майковъ † апр. 1900.
В. Ламанскаго. 600—601

Объявленія.

О П Е Ч А Т К И:

Къ ст. К. А. Иностранцева о Гуннахъ.

Страница.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
528	33	могли быть	не могли быть
530	5	рушившееся	рушившееся
531	20	о Гуннахъ	о Тюркахъ
544	11	сыну неба.	сыну неба.
549	39	Sprachengeschlechte	Sprachengeschlecht
553	32	къ слѣдующимъ	къ слѣдующему

Къ статьѣ В. Мошкова: «Труба въ народныхъ вѣрованіяхъ».

(«Живая Старина» вып. III и IV, 1900 г.).

Страница:	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
304	7 сверху	Рачека	Рачека
—	17 »	Упоминаетъ	Упоминается
307	14 снизу	чах	гах
308	19 сверху	коня. «Ачжинай»	коня «Ачжинай»
318	4 »	палтомпут	палтем пут
319	6 »	выдутъ	выдутъ
—	13 снизу	минамума,	максимума,
321	18 »	Guimet	Guimet
323	19 сверху	бурѣ	бурѣ
324	5 снизу	Ruichama	Ruichama
325	19 сверху	Линкольнширъ	Линкольнширъ
333	2 »	Кумирнеъ	Кумиренъ
335	12 »	Такъ называются дунчи	Такъ напримѣръ ламы, трубящіе въ раковину называются дунчи
—	1 »	когда одною трубою за- трубить поднимутся	когда одною трубою за- трубить, соберутся князья и тысяченачальники Израиле- вы: когда затрубите тревогу, поднимутся станы, становящіяся къ востоку; когда во второй разъ затрубите тревогу, подни- мутся станы, становящіяся къ югу; когда затрубите въ третій разъ тревогу, поднимутся станы, становящіяся къ морю, когда въ четвертый разъ затрубите тревогу поднимутся
342	5 »	привости	привести
351	16 »	vapocky	vapocky
—	10 снизу	тамъ	ламъ
453	19 »	Phounda	Phounda
455	8 »	прыгали стучали ногами	прытали, стучали ногами
456	3 сверху	колдовство мы находимъ	колдовство, мы находимъ
—	13 »	по близости находится кто нибудь	по близости кто-нибудь
459	8 снизу	для	для
—	4 »	примѣненіемъ почти	примѣненіемъ трубы почти
—	3 »	пользованіе трубою	пользованіе ею
460	6 сверху	ужасъ въ особенности	ужасъ, въ особенности
465	» »	самы	самый
460	» »	пословица.	пословица:
460	» »	Радинскомъ	Радинскомъ
467	18 »	а въ случаѣ	въ случаѣ
467	» »	въ случаѣ непослушанія	въ случаѣ же непослушанія
—	22 »	дубка,	дубка,
—	3 снизу	здѣшніе	здѣшніе
468	5 сверху	Владавскомъ	Влодавскомъ
469	4 »	Хоромановскій	Хороманскій
—	6 »	Замборахъ	Замборахъ
471	8 снизу	Градиска	Гродиска,

Стр.:	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
471	6 снизу	«Свѣтлаго Яна».	«Свѣтлаго Яна».
—	5 »	Гарволіна.	Гарволіна,
—	4 »	Вуковскомъ	Луковскомъ
472	2 сверху	Соколова,	Соколова,
473	8 снизу	Ziemienika	Ziemienika
476	8 сверху	въ колдовствѣ считается	въ колдовствѣ, считается
480	12 снизу	въ мѣстѣ	вмѣстѣ
—	8 »	габаа	габаа
481	1 сверху	8)	3)
482	20 »	онъ	отъ
483	» »	Алоніями	Адоіііііііі
—	» »	свищеннаго	священнаго
484	» »	вамъ	намъ
485	10 »	духовные	духовые
—	10 »	вредѣ	вродѣ
487	2 »	Родинскаго	Радинскаго
488	6 »	отогнать	отогнать
—	18 снизу	Талтинцы	Талынцы
—	17 »	Шемаханскаго	Шемахинскаго
—	11 »	Африкѣ	Америкѣ
—	2 »	которые не были бы	которые были бы
489	13 »	мудштукомъ	мундштукомъ
490	» »	Sine	Sine
490	8 »	busaune,	rosaune,
491	7 »	спектики	скештики
496	20 сверху	4 платки	4) платки
497	16 »	«Менахотъ» 44)	«Менахотъ» (44
—	17 »	«халузэнъ».	«халузэнъ».
497a	15 »	Шиминна).	Шуминна).
—	19 »	Камнежуровской	Камнежуровской
—	11 снизу	Радиканскомъ	Радинскомъ
—	19 »	и	и
498a	16 »	канатами	кантами
499	4 сверху	богѣ,	богѣ,
—	10 »	какъ кажется, что мы	какъ кажется, мы
—	8 снизу	полосатыми	полосатыми
—	1 »	Вельки,	Вельки,
501	11 сверху	тебетцахъ	тибетцахъ
502	7 »	множно	можно
513	4 »	мати	Мати,
—	6 »	свѣтъ истинный	Свѣтъ истинный,
514	6 »	и проговору	и проговору
—	7 снизу	мѣдые	мѣдныя
516	1-я графа, 4 снизу	Весь	Весь,
—	1-я графа, 2 »	Бендажѣ	Беднажѣ
517	1-я графа, 10 »	къ	къ,
518	1-я графа, 2 свер.	Бокинка,	Вокинка
—	1-я графа, 3 »	Панская, докудовъ.	панская, Докудовъ,
—	2-я графа, 5 снизу	Камнежуровская	Камнежуровская
—	3-я графа, 12 свер.	ДуМица	Дубица.
519	1-я графа, 8 снизу	Олизаровъ	Олизаровъ
—	2-я графа, 8 свер.	коростичи.	Коростичи.
—	2-я графа, 19 »	зановинъ,	Зановинъ, 1)

1) Въ слѣдствіе лѣтнаго пребыванія редактора за границею, оплошности его замѣстителя и поспѣшности типографіи въ III вып. и въ началѣ IV вып. Ж. Ст. вкралось много опечатокъ, особенно въ ст. Н. А. Мошкова. На бѣду къ пріѣзду редактора въ Петербургъ статья В. А. Мошкова уже была отпечатана и оригиналъ ея былъ уничтоженъ. Пришлось безпокоить живущаго въ Варшавѣ автора просьбою о востановленіи значительныхъ пропусковъ (см. стр. 72 и пр.) и исправленіи разныхъ ошибокъ. Доброе намѣреніе замѣстителя помочь Живой Старинѣ выходить безъ запозданія къ сожалѣнію привело лишь къ тому, что запоздали выходомъ въ свѣтъ и IV вып. 1900 г. и I вып. 1901 г. Благодаря за благія желанія и услуги, Ред. Ж. Ст. проситъ извиненія у подписчиковъ въ запозданіи книжекъ, но прибавляетъ, что это изданіе, не посвященное ни политикѣ, ни модамъ, отъ поспѣшности и своевременности выхода, ничего не выигрываетъ. Имѣя на рукахъ и другія дѣла, редакторъ прежде всего заботится о внутреннемъ содержаніи книжекъ и ихъ исправности.

ОТДѢЛЪ I.

Труба въ народныхъ вѣрованіяхъ.

(Окончаніе).

Трубы при рожденіи ребенка.

По вѣрованью, чрезвычайно широко распространенному въ старомъ свѣтѣ, человѣку съ перваго же дня его жизни грозитъ серьезная опасность со стороны нечистой силы. Средства, которыми въ это время стараются устранить отъ роженницы и новорожденного опасность, отгоняя нечистую силу, повторяются повсюду почти тѣже самыя, которыя употребительны при періодическомъ изгнаніи бѣсовъ, т. е. бьютъ палкой или кнутомъ по стѣнамъ дома, кладутъ подъ голову роженницѣ оружіе, употребляютъ сильно пахучія растенія, вродѣ чеснока, стрѣляютъ изъ ружей, жгутъ въ теченіе нѣсколькихъ дней неугасаемый огонь, ставятъ около роженницы воду, обводятъ ее очарованнымъ кругомъ и т. под. Но случаи, когда при родахъ обращаются къ помощи трубы, повидимому, очень рѣдки. Намъ удалось найти въ этнографической литературѣ только одинъ такой случай у кавказскихъ евреевъ въ С. Варташенѣ Нухинскаго уѣзда Елизаветпольской губ. Но и тамъ къ трубленію въ рогъ и стрѣльбѣ изъ ружей прибѣгаютъ не при каждомъ рожденіи, а только въ случаѣ трудныхъ родовъ (178).

Труба на свадьбахъ.

Вѣрованье, что на свадьбѣ надо ожидать вредъ для новобрачныхъ со стороны нечистой силы, также весьма широко распространено по земному шару и опасность въ этомъ случаѣ опять-таки устраняется тѣми же излюбленными средствами: заставляютъ свадебный поѣздъ переѣзжать черезъ огонь, разливаютъ передъ нимъ воду, кричатъ, шумятъ, поютъ, сопровождаютъ свадьбу музыкой и стрѣльбой, ходятъ съ обнаженнымъ оружіемъ, съ бичами или кнутами, устраиваютъ пляски, бѣга или скачки на лошадахъ, причѣмъ

обходить или объѣзжаютъ вокругъ молодыхъ съ разными священными предметами или же заставляютъ ихъ самихъ обходить вокругъ чего либо, считающагося священнымъ и т. д.

Объ участіи музыки на свадьбахъ древнихъ евреевъ мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, но на свадьбахъ современныхъ евреевъ оркестръ, а въ особенности духовой, такая необходимая принадлежность, что безъ него не обойдется ни одинъ самый бѣдный еврей и, насколько намъ приходилось наблюдать, собирая материалы объ еврейской свадьбѣ въ г. Варшавѣ и въ мѣстечкахъ Волынской губерніи, еврейскій свадебный оркестръ никогда не обходится безъ какой-либо трубы; по общественнымъ понятіямъ, такой оркестръ непременно долженъ быть громокъ и оглушительнъ.

Въ книгѣ г. Расина (*Costume historique*) приведена копія съ оригинальнаго индійскаго рисунка, относящагося къ началу текущаго столѣтія, на которомъ изображена свадебная процессія. Во главѣ этой процессіи идутъ трубачи, играющіе на своихъ инструментахъ. Кромѣ того въ Бременскомъ музеѣ есть огромная модель базара въ Остъ-Индскомъ городѣ Агра, гдѣ изображены различныя уличныя сцены и, между прочимъ, индійская свадебная процессія, впереди которой идутъ трубачи съ ихъ инструментами у рта.

У Абисинцевъ во главѣ свадебной процессіи шествуютъ музыканты съ трубами, флейтами и бубнами (179).

У хорватъ въ Муракёвѣ (въ Венгріи), когда свадебная процессія направляется въ церковь, то впереди ея выступаютъ два музыканта, играющіе на трубѣ и на гармоникѣ (180).

У русскаго народа въ старину свадьбы также сопровождались трубами, но крайней мѣрѣ у богатыхъ людей, что видно изъ великороссійской пословицы: „съ трубами—свадьба и безъ трубъ—свадьба“, приводимой у Даля (181).

У жителей г. Борну (въ Суданѣ), по разсказу извѣстнаго путешественника по Африкѣ, Эдуарда Фогеля, въ день свадьбы женихъ совершаетъ торжественное шествіе черезъ весь городъ, а затѣмъ усаживается на возвышенномъ сѣдалищѣ передъ своимъ домомъ, причемъ публика тѣснится около него, барабанить, дудить въ рога и кричить: „вѣчно вамъ жить. Аллахъ благослови васъ. Дожить бы вамъ до сѣдыхъ волосъ“ (182).

Труба на похоронахъ.

По вѣрованью Китайцевъ, есть злые духи Фунгъ-шуэ, которые бродятъ вокругъ гроба и мучать покойника во время похоронъ, а потому обрядъ этотъ сопровождается у нихъ куреніемъ пахучихъ травъ, а также игрой

на трубахъ и другихъ духовыхъ и ударныхъ инструментахъ, наполняющихъ воздухъ оглушительнымъ шумомъ. Думаютъ, что такими приёмами можно отогнать отъ покойника злыхъ духовъ (183). Повидимому, вѣрованье китайцевъ принадлежитъ къ числу международныхъ, такъ какъ у иныхъ народовъ практикуются на похоронахъ тѣже и многіе другіе приёмы, употребляемые при обрядѣ „изгнанія бѣсовъ“, какъ то: огни, которые жгутъ вокругъ покойника, вода, которая ставится возле умирающаго и та, которой его обмываютъ, музыка, сопровождающая похороны, стрѣльба изъ ружей и пушекъ, куреніе душистыми травами, конскія скачки и т. д. Къ числу этихъ приёмовъ у многихъ народовъ земного шара принадлежитъ, также, какъ у Китайцевъ, и игра на трубахъ.

Объ участіи трубы въ похоронахъ древнихъ евреевъ мы не имѣемъ свѣдѣній, но у современныхъ этотъ обычай еще кое-гдѣ сохранился. Такъ у кавказскихъ евреевъ села Варташенъ Нухинскаго уѣзда Елисаветпольской губ., если умираетъ очень почетный и уважаемый человѣкъ, то его несутъ во дворъ синагоги, читаютъ тамъ молитвы и играютъ въ рожокъ (шугаръ), а затѣмъ уже несутъ на кладбище (184).

На рисункѣ, приводимомъ у Расина, взятомъ изъ Пондишери, можно видѣть похороны брамина на югѣ Ост-Индіи, также сопровождаемыя трубами. Въ объясненіи къ рисунку сказано, что два человѣка обыкновенно играютъ на длинныхъ мѣдныхъ прямыхъ трубахъ (Phounda или Tage) съ акомпаниментомъ другихъ, болѣе короткихъ трубъ.

У буддистовъ, въ Монголіи, звуками музыкальныхъ инструментовъ, съ преобладаніемъ трубъ, также сопровождаются похороны, но только не простыхъ смертныхъ, а князей (185).

Обычай хоронить покойника съ трубными звуками практиковался также у древнихъ обитателей Таврическаго полуострова. Въ катакомбѣ, открытой въ Керчи въ 1841 году, фрески изображаютъ похоронную процессію, во главѣ которой выступаютъ трубачи съ длинными прямыми трубами (186).

У древнихъ Римлянъ при похоронахъ во главѣ процессіи шли музыканты (tibicines), число которыхъ по закону было ограничено десятью, съ трубами, кларнетами и рожками (tubae, tibiae, cornua). Отсюда произошло латинское выраженіе „ad tubicines mittere“, что значитъ въ переносномъ смыслѣ „приготавливать къ смерти“ (187).

Въ настоящее время, во всей западной Европѣ съ духовымъ оркестромъ, состоящимъ изъ трубъ, хоронятъ лицъ военнаго сословія и особъ, пользующихся высокимъ общественнымъ положеніемъ, но кое-гдѣ похороны съ трубами сохранились и въ низшемъ классѣ, какъ напримѣръ: у Итальянцевъ (188), у баварскихъ нѣмцевъ (189) и у гуцуловъ (въ Галиціи). У этихъ

последнихъ кромѣ того, что провожаютъ умершаго съ трубнымъ звукомъ до самаго кладбища, передъ опусканіемъ гроба въ могилу, приподнимаютъ крышку его и трижды трубятъ надъ головой покойника (190).

Подобный этому обычай существуетъ и въ Полинезiи на островахъ Тонга. Тамъ при похоронахъ Тун-Тонга (короля острововъ), когда покойникъ уже зарытъ въ землю, два воина трубятъ надъ его могилой въ военные трубы-раковины (191).

Обычай трубить надъ могилой покойника былъ въ старину также и у Литовцевъ (191).

Сюда же нужно отнести употребленіе трубы на такъ называемомъ, „праздникѣ мертвыхъ“, т. е. на годовыхъ общественныхъ поминкахъ покойника. Такой обычай существуетъ до настоящаго времени въ Остѣ-Индіи (193). Кромѣ того рогъ употребляется у африканскаго народа Латуконъ (въ верховьяхъ Нила) при пляскахъ, совершаемыхъ въ честь каждаго покойника (194). Наконецъ, известный обычай Остѣ-Индіи сожиганіе вдовъ, который близокъ по своему смыслу къ похоронамъ, также сопровождался трубами (195).

Трубнымъ звукомъ встрѣчаютъ восходъ солнца и провожаютъ солнце при закатѣ.

Такой обычай есть у русскихъ горцевъ, гуцуловъ, въ Галиціи и соблюдается лѣтомъ на полонинахъ (на пастбищахъ). Пастухи ежедневно встаютъ передъ зарей, а когда солнце покажется на горизонтѣ, то читаютъ молитву, оборотясь лицомъ къ востоку и 3 раза трубятъ въ трубу. Исполнивши обрядъ, они снова ложатся спать.

Очень близко къ этому обычаю стоятъ вѣрованье албанцевъ, которые думаютъ, что ночью на трубѣ играть грѣшно, такъ какъ это значитъ только тѣшить черта, который подъ звуки трубы танцуетъ (196).

Нѣчто подобное было у древнихъ Персовъ, а именно трубою изъ палатки царя подавался сигналъ къ выступленію и къ битвѣ, но, вслѣдствіе религіознаго вѣрованья, такой сигналъ не могъ быть поданъ передъ восходомъ солнца (197). Въ современной Персіи также соблюдается до настоящаго времени древній обычай звуками трубы и барабана ежедневно оповѣщать народъ о восходѣ и заходѣ солнца. Исполняется этотъ обычай тремя музыкантами на самой возвышенной террасѣ дворца (198).

Профессоръ Варшавскаго Университета *Ө. И. Езбера*, родомъ чехъ, рассказывалъ намъ, что въ старину, за его память, лѣтъ 40 тому назадъ во

многихъ городахъ Чехіи придерживались обычая, чтобы ночные сторожа, влѣзая на башни, ежедневно въ 11 часовъ вечера играли на трубѣ, давая тѣмъ знать жителямъ города о наступленіи времени для сна. Въ настоящее время этотъ обычай уже совершенно исчезъ.

Въ древнемъ Римѣ ночные сторожа (*vigiliae*) и слуги при римскихъ магистратахъ трубными звуками оповѣщали народъ о каждомъ часѣ дня и ночи (199).

Хотя въ приводимыхъ нами примѣрахъ трубные сигналы имѣютъ скорѣе практическое, чѣмъ религіозное значеніе, но, судя по тому, что съ трубленіемъ при восходѣ солнца кое-гдѣ соединены и вѣрованья, можно думать, что рассматриваемый нами обычай въ древніе времена имѣлъ какое-то религіозное основаніе, которое съ теченіемъ времени было забыто.

Труба при лунныхъ затменіяхъ.

Вѣрованье, что солнце и луну во время ихъ затменія поглощаютъ, сосутъ или ѣдятъ демоны, змѣи, драконы или другія мнѣстныя чудовища, распространено во всѣхъ частяхъ свѣта, а вмѣстѣ съ нимъ распространенъ и способъ прогонять этихъ чудовищъ различнаго рода шумами. Изъ обычаевъ, основанныхъ на такомъ вѣрованіи, мы приведемъ только одинъ, въ которомъ участвуетъ труба.

Англійскіе путешественники, братья Ландеръ, во время своего пребыванія въ Африкѣ на берегахъ Нигера, въ гор. Бусса, были свидѣтелями луннаго затменія. Описывая ужасъ, который вызываетъ это явленіе среди дикарей, они передаютъ слѣдующее: „Дикари собрались на огромной площади города, забравъ съ собою все необходимое для воспроизведенія звука, шума и треска. Взрослые образовали большой тройной кругъ, бѣгали то туда, то сюда со скоростью волчка, съ криками, воемъ и стонами, издававшимися изъ всей силы африканскихъ легкихъ, бросались во всѣ стороны, какъ бѣшеные, изгибались корпусомъ и крутили руками и ногами, производя тысячи судорожныхъ движеній, скакали, прыгали стучали ногами объ землю и поднимали руки къ небу. Внѣ круга бѣгали въ полномъ отчаяніи маленькія дѣти, ударяя другъ о друга пустыми тыквами и горько плача. Группы мужчинъ дули до полного изнеможенія въ огромныя трубы, другіе въ воловьи рога съ хрипыми нестройными звуками, иные со страшными усиліями били въ старыя надтреснутые барабаны, тогда какъ отъ желѣзныхъ прутьевъ и цѣпей, стелбивающихся между собою, неслись ноты самыя зловѣщія въ этомъ дьявольскомъ концертѣ“ (200).

Труба отвращает чары.

Вѣрованье, что труба можетъ отогнать отъ человѣка направленное на него колдовство мы находимъ не только въ Старомъ Свѣтѣ, есть оно и въ Новомъ, но только нѣсколько въ иномъ видѣ.

На Ново-Гебридскихъ островахъ (въ Полинезіи), какъ извѣстно, существуютъ шаманы, почти такіе же, какъ, въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ. Шаманы эти, по вѣрованію туземцевъ, если пожелаютъ, могутъ вызвать болѣзнь или смерть человѣка, раздобывши отъ него нагакъ. Нагакомъ называются здѣсь брошенные кѣмъ-нибудь остатки пищи, которые бросать отнюдь не слѣдуетъ, а нужно тайно сжечь или закопать. Если какой-нибудь полинезійскій шаманъ найдетъ чьи-нибудь остатки пищи, то онъ заворачиваетъ ихъ въ древесную кору, а когда наступитъ ночь, то садится при огнѣ и понемногу сжигаетъ нагакъ. Если по близости находится кто-нибудь боленъ, то онъ проситъ кого-либо изъ своихъ домашнихъ заиграть на трубѣ-раковинѣ для того, чтобы шаманъ оставилъ свое вредное дѣло. На утро шаману приносятъ выкупъ за возвращеніе „нагака“. Такой же обычай лишь съ малыми измѣненіями существуетъ кромѣ того на Маркизовыхъ островахъ и на островахъ Фижди (201).

Труба излечиваетъ болѣзни.

Особенно любопытно соединенное съ трубою вѣрованіе Семиградскихъ нѣмцевъ-колонистовъ. Образованіе гнойнаго нарыва они приписываютъ тому, что злой духъ, по имени Омъ (Ohm), входитъ въ человѣческое тѣло. Противъ него употребляютъ слѣдующее оригинальное средство: держать надъ нарывомъ трубу и просить кого-нибудь на ней поиграть. Во время этой игры больной долженъ приговаривать: „Heilige Blazius (отъ слова blazen- дуть, трубить), du frommer Knecht, thu mir recht, erhör' mein Gebet, treib' in den Wald meinen Ohm“ (т. е. Святой Блязіусъ, ты благочестивый слуга, окажи мнѣ справедливость, исполни мою молитву, выгони въ лѣсъ моего Ома). При этомъ наблюдается, чтобы надъ больнымъ мужчиной трубила женщина и наоборотъ. Послѣ произнесенія наговора приглашенная особа (а отнюдь не самъ больной) должна выдуть на трубѣ еще нѣсколько звуковъ, обращая раструбъ инструмента въ сторону лѣса (202).

У монгольскихъ буддистовъ, по разсказу французскихъ миссіонеровъ Гюка и Габэ, вѣрятъ, что причиною болѣзни всегда бываетъ Чутгуръ, т. е. бѣсъ, а потому леченіе больного заключается въ изгнаніи этого бѣса. Вышеупомянутые миссіонеры были свидѣтелями излеченія одной жен-

щины отъ лихорадки; по ихъ описанію, въ шатеръ, гдѣ была больная, собралось не менѣе восьми ламъ съ цимбалами, морскими раковинами, барабанами и колокольчиками. Изъ сушеныхъ кореньевъ они сдѣлали большую куклу, которую назвали „бѣсомъ лихорадки“ и больную посадили противъ этой куклы. Передъ докторомъ-ламой стоялъ большой мѣдный тазъ; въ немъ было пшено и разныя фигуры изъ тѣста. По извѣстному знаку раздалась музыка, которая могла бы перепугать самого неустрашимого и упорнаго чорта. Когда музыка прекратилась, лама открылъ книгу заклинаній и сталъ пѣть тошнымъ, унылымъ голосомъ и при этомъ выбиралъ изъ таза по нѣскольку пшениныхъ зернушковъ и бросалъ ихъ кругомъ. Кончивъ заклинанія, лама подалъ знакъ остальнымъ своимъ товарищамъ, чтобы они начали „свою страшную музыку“. Монголы быстро вскочили, бѣгали другъ за другомъ вокругъ шатра и такъ при этомъ кричали, что у слушающаго „волосы могли бы стать дыбомъ на головѣ“. Сдѣлавши такимъ образомъ три тура вокругъ шатра, который они обсыпали палочными ударами, они опять вошли внутрь и сѣли на прежнія мѣста. Затѣмъ кукла была сожжена и всѣ присутствовавшіе процессіей вышли изъ шатра, неся въ рукахъ горячія головни. Шествіе открывали лица недуховныя, за ними больная, и въ концѣ ламы, снова затанувшіе свою „адскую музыку“. Этимъ былъ законченъ обрядъ леченія (203).

Труба сопровождаетъ главнѣйшія занятія человѣка: скотоводство и земледѣліе.

Свѣдѣнія объ употребленіи трубы у пастуховъ мы имѣемъ только изъ Европы. Обычай этотъ несомнѣнно принадлежитъ къ глубокой древности, но намъ удалось найти самое раннее свидѣтельство о немъ только въ исторіи древняго Рима. Тамъ мѣдная труба *buccina*, подражавшая своей формой морской раковинѣ, употреблялась пастухами для собиранія скота и для вызыванія его изъ лѣсу (204).

Въ настоящее время пастухи вооружены трубами въ слѣдующихъ мѣстностяхъ Европы: во Франціи (205), въ Швейцаріи, въ Швеціи и Норвегіи (207), въ Венгріи (208), у Чеховъ (209), у Гундуловъ (въ Галиціи) (210), у Литовцевъ и Латышей, у Поляковъ въ губерніяхъ: Ломжинской, Сувалской, Плоцкой и Сѣдлецкой, у малороссовъ въ губ. Сѣдлецкой и Гродненской, у Бѣлороссовъ и Полѣшукъ въ губ. Минской, Виленской, Витебской, Могилевской, Смоленской и Черниговской, у Великороссовъ въ губ. Псковской, Новгородской, Петербургской, Олонецкой, Архангельской, Тверской, Костромской, Московской, Орловской и Владимірской.

Употребленіе трубы пастухами въ большей части Европы въ настоящее время почти утратило свой смыслъ вмѣстѣ съ истребленіемъ лѣсовъ и дикихъ звѣрей, но на сѣверѣ ея, въ Швеціи и въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ, и лѣсовъ и дикихъ звѣрей еще очень много, а потому тамъ трубы служатъ кромѣ созыванія скота еще и для отпугиванія звѣрей. У Шведовъ, какъ мы уже видѣли, до сихъ поръ сохранился праздникъ пастуховъ, справляющійся при первомъ выгонѣ скота въ поле. Въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ день этотъ празднуется почти также, какъ въ Швеціи. Надъ скотомъ служится молебень, его опрыскиваютъ святой водой и иногда перегоняютъ черезъ огонь, обходятъ вокругъ него съ образомъ и т. под., но вмѣсто трубныхъ звуковъ дѣлаютъ наговоры надъ трубами, сопровождая ихъ разными обрядами. Обряды эти въ с. Уница Петрозаводскаго уѣзда Олонецкой губерніи, по записи нашего знакомаго, доктора С. В. Тучемскаго, состоятъ въ слѣдующемъ:

Пастухъ, нанимающійся пасти деревенскій скотъ въ теченіи наступающаго лѣта, беретъ воскъ отъ свѣчи, горѣвшей сперва передъ плащаницей, а потомъ во время Христовской (Пасхальной) заутрени. Съ этимъ воскомъ онъ приходитъ къ своему стаду, беретъ по волосинкѣ отъ cadaго животнаго и закатываетъ ихъ въ воскъ. Надъ воскомъ онъ говоритъ такъ называемый отпускъ или наговоръ. Такихъ отпусковъ въ С. Уницахъ три: Майскій, Іюльскій и Сентябрскій. Изъ нихъ пастухъ въ началѣ лѣта произноситъ только первый и при этомъ трижды обходитъ вокругъ стада по солнцу. Наговоренный воскъ раздѣляется на двѣ половины; одну половину пастухъ носитъ при себѣ, т. е. кладетъ ее подъ берестяную обкладку трубы, а другую въ какое-либо мокрое мѣсто, гдѣ бы ее никто не тронулъ. Такой же самый обрядъ повторяется потомъ въ Іюлѣ и въ Сентябрѣ. Въ приложеніи къ настоящей статьѣ, мы печатаемъ три названные отпуска цѣликомъ, а здѣсь приведемъ только слова ихъ, относящіяся къ трубѣ. Вотъ что говорится въ Іюльскомъ отпускѣ: „заиграю я, рабъ Божій, пастыръ (Им. р.), въ свой рогъ или трубу, я проговорю сіи слова: „собирайся мой милый скотъ, крестьянскій животъ, быки и коровы, нетели и малыя телята, идите, бѣжите ко своимъ домамъ, ко своимъ хозяевамъ, какъ летитъ изъ лука стрѣла, сколь прямо и сколь ярко, назадъ не возвращается и какъ ярыя пчелы сходятся и слетаются въ свои ульи и какъ малые мураши сходятся и свиваются къ своему царю, большому муравью и какъ шаетъ и горитъ уголь въ горнѣ, такъ шаяло бы и горѣло у всякой скотины по скотинѣ поръ (?) и сердце по своему хозяинѣ и хозяйкѣ и по мнѣ, рабъ Божіемъ, пастырѣ (Им. р.) по моему трубномъ голосѣ“....

Кромѣ приводимыхъ нами Олонецкихъ отпусковъ, еще нигдѣ не напечатанныхъ, въ нашей этнографической литературѣ, есть еще нѣсколько ихъ

записанных: 1) въ Олонецкой же губерніи, но въ Пудожскомъ уѣздѣ (211), 2) въ Новгородской (212) и 3) въ Архангельской (213). Въ Новгородскомъ отпускѣ про воскъ (съ закатанной въ него шерстью) сказано: „одну часть положи пастухъ въ свою трубу подъ берестку или въ рогъ, а другую часть воска съ шерстью положи въ замокъ и тотъ замокъ замени“... А про трубный звукъ говорится. „И какъ сходится народъ Божій, крещенный по колокольному звону и приходило бы мое счетное стадо коровье, конное и овечье на мой голосъ и трубу“. Въ другомъ мѣстѣ: „и затрублю въ свою трубу или въ рогъ заиграю тогда бы на голосъ трубы мой скотъ, Власьевъ родъ, со всѣхъ сторонъ всѣ скопились“... Въ Архангельскомъ отпускѣ про воскъ сказано: „положи треть въ дерево, другую треть — въ замокъ, третью треть заверти въ рогъ, замокъ запечатай инымъ воскомъ и замени и ключъ утопи въ воду“...

Что касается земледѣлія, то наиболѣе интересный обычай связанный съ этимъ родомъ занятій существуетъ у чеховъ. Ихъ раковины-трубы называются *troubu proti mhašnim* (т. трубы противъ грозовыхъ тучъ). Г. Рачекъ, описывая эти трубы, говоритъ, что въ Бучерѣ съ незапамятныхъ временъ онѣ употреблялись для отогнанія грозовыхъ тучъ. Полевой сторожъ (*Glidač polný*) постоянно носитъ такую трубу при себѣ въ полотняномъ чехлѣ, чтобы отогнать тучу, пока она еще въ зародышѣ. Такой трубачъ, если только гдѣ нибудь завидитъ зловѣщую тучу, становится противъ нея, поднимаетъ свою трубу вверхъ и не перестаетъ трубить до тѣхъ поръ, пока туча не разойдется, хотя бы около него ударила молнія и самъ бы онъ промокъ до костей. Когда такой трубачъ въ первый разъ съ весны выходитъ въ поле, онъ долженъ выполоскать свою трубу свяченой водой и обтереть свяченой солью. Онъ трубить все лѣто, пока не начнется жатва. Народъ вѣрится въ силу этой трубы и никакимъ образомъ нельзя его въ этомъ разубѣдить (215).

Къ этому можно еще прибавить, что малороссы Ковельскаго уѣзда трубятъ по окончаніи жатвы, во время посѣва овимаго хлѣба, для того, чтобы, по ихъ выраженію, „жито крутилося въ трубу“, а въ Тибетѣ ламы выходятъ въ полѣ и трубятъ передъ началомъ жатвы (216).

Труба, какъ боевой инструментъ.

Едва ли не самымъ важнымъ практическимъ примѣненіемъ почти у всѣхъ народовъ земного шара было пользованіе трубою на войнѣ. Изъ перечисленныхъ нами народовъ, у которыхъ принята труба, едвали найдутся такіе, которые бы не примѣняли этого инструмента въ военномъ дѣлѣ, тѣмъ

болѣе, что даже въ европейскихъ арміяхъ онъ не утратилъ еще до сихъ поръ нѣкоторой доли своего значенія.

Труба оказывала людямъ на войнѣ услугу троякаго рода: во первыхъ, какъ сигнальный инструментъ, облегчавшій сношеніе между людьми на большихъ разстояніяхъ, во вторыхъ, какъ инструментъ громкій, наводившій на враговъ ужасъ въ особенности, когда игроки на немъ соединялись въ массы, и въ третьихъ, какъ такой инструментъ, который мощнымъ звукомъ своимъ въ состояніи былъ вызвать энтузіазмъ въ рядахъ воюющихъ.

Мы видѣли уже, что въ Библии труба, какъ сигнальный инструментъ, рекомендовалась евреямъ отъ имени самого Бога, и тогда же опредѣлено было значеніе каждаго отдѣльнаго трубнаго сигнала. Изъ Библии же мы узнаемъ, что евреи пользовались на войнѣ огромными военными оркестрами или лучше сказать скопленіями музыкантовъ. Такъ, напримѣръ, благодаря трубачамъ, Гедеонъ при одномъ изъ столкновеній съ мадіанитянами обратилъ въ бѣгство своего многочисленнаго непріятеля. Въ его распоряженіи было только 300 человѣкъ солдатъ, а мадіанитянъ было, по словамъ Библии, такъ много, „какъ саранчи“. Гедеонъ, по приказанію Божию, вооружилъ свою маленькую армію вмѣсто оружія трубами и кувшинами, скрывавшими въ себѣ зажженные факелы. Эти триста Израилѣтянъ ночью окружили лагерь непріятеля и своей игрой на трубахъ вмѣстѣ со свѣтомъ факеловъ навели такой ужасъ на мадіанитянъ, что тѣ обратили свое оружіе другъ противъ друга и бѣжали въ полномъ безпорядкѣ (217).

Въ другой разъ Авія, царь Іудейскій, съ войскомъ своимъ былъ окруженъ превышавшимъ его силы войскомъ невѣрнаго царя Израильскаго, Іеровоама. Не потерявши присутствія духа, Авія приказалъ священникамъ затрубить въ трубы. Музыка эта возбудила такой энтузіазмъ въ его солдатахъ, что они, бросившись на своего многочисленнаго противника, не только избѣжали опасности, но еще и заставили войска Іеровоама обратиться въ бѣгство (218).

Въ древности, кромѣ евреевъ, труба употреблялась въ Азіи въ качествѣ военно-сигнальнаго инструмента еще у Ассирійцевъ (219), у Персовъ (220), у Мидійцевъ (221), и у Армянъ (222), въ Африкѣ—у Египтянъ (223), а въ Европѣ—у Римлянъ (224), Этрусковъ (225), Грековъ (226), Фракійцевъ (227), Германцевъ (228), Галловъ (229), Бриттовъ (230), Скандинавовъ (231), Литовцевъ (232) и Славянъ (233).

Кромѣ краткихъ замѣтокъ и данныхъ, добытыхъ раскопками, о военной трубѣ у всѣхъ вышеперечисленныхъ народовъ, мы имѣемъ о томъ же предметѣ еще кое-какія историческія свидѣтельства. Такъ о древнихъ Персахъ говорятъ, что у нихъ труба считалась „національнымъ“ инструментомъ. О другихъ народахъ древности, какъ о Фракійцахъ, Галлахъ и Сла-

вынахъ, передають, что у нихъ сигналъ къ началу боя подавался страшнымъ или ужаснымъ ревомъ трубы. Наконецъ, о Грекахъ историки думаютъ, что у нихъ труба, какъ военный инструментъ, вошла въ употребленіе только въ историческія времена, т. е. сравнительно позже, чѣмъ у другихъ народовъ, которые употребляли на войнѣ трубу съ незапамятныхъ временъ. Гомеръ, хотя и знаетъ трубу, но еще не упоминаетъ о ней какъ о военномъ инструментѣ, впервые она является таковымъ у Эсхила (234).

У насъ на Руси начало употребленія трубы въ качествѣ военного инструмента также теряется въ глубокой древности. Въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ говорится: „трубы трубятъ въ Новѣгородѣ, стоятъ стаи въ Путивлѣ“. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что въ древней Руси трубили всякій разъ при выступленіи въ походъ, и что въ 12 столѣтіи русскія военныя трубы были совершенно прямыя, вродѣ нынѣшнихъ пастушьихъ рожковъ (235).

Въ настоящее время труба, какъ военный инструментъ, распространена повсюду, гдѣ только армія устроена на европейскій ладъ. А потому мы не будемъ ничего говорить о современной Европѣ, гдѣ арміи во всѣхъ ея государствахъ болѣе или менѣе одинаковы.

Объ Азіи можно сказать, что тамъ труба, какъ военный инструментъ, независимо отъ Европейскаго вліянія существовала кромѣ евреевъ, ассирійцевъ, персовъ, мидійцевъ и армянъ еще у арабовъ, у нѣкоторыхъ изъ турецкихъ народовъ и у китайцевъ. Такъ извѣстно, что она была принята въ Ново-Персидской монархіи временъ Сассанидовъ (отъ 3 до 7 вѣка по Р. Х.) (236), извѣстно также, что у турокъ-османъ была своя собственная военная труба подъ названіемъ кабуцурна (237) и что по образцу „турецкой или янычарской“ музыки были сформированы европейскіе военные оркестры (238). Есть также военныя трубы у Кокандцевъ, хотя войска ихъ устроены вовсе не по Европейскому образцу (239). Что касается китайцевъ, то въ ихъ войскахъ, которое менѣе всего можно упрекнуть въ заимствованіяхъ изъ Европы, для военныхъ сигналовъ употребляется двоякаго рода трубы: 1) длинныя, прямыя, металлическія и 2) раковины (240).

Въ Африкѣ военныя трубы имѣютъ весьма важное значеніе въ Абиссиніи. Тамашняя труба издаетъ только одинъ звукъ громкій, грубый и внушающій страхъ. Въ походахъ, когда еще не видно непріятеля, она звучитъ умѣренно, но во время атаки въ нее дуютъ такъ сильно и бурно, что звукъ ея приводитъ абиссинскихъ солдатъ въ ярость и бѣшенство. Не заботясь о своей жизни, они съ жаромъ бросаются тогда на непріятеля. Даже въ мирное время, по словамъ англійскаго путешественника Брюса, пока эта труба зву-

чить, никто не оставался сидѣть, всѣ вскакивали и испытывали необходимость двигаться (241).

Въ другихъ мѣстностяхъ Африки труба также является военнымъ инструментомъ у негритянскихъ племенъ: Вакуафи (въ Нубіи) (242), Вагого (во внутренней Африкѣ) (243), Дагомейцевъ (въ западной Африкѣ), Говасовъ Мадагаскара (244) и у негровъ Самори (245).

Въ Австраліи, на о-хъ Тонга, военной трубой считается раковина, а на Новой Зеландіи деревянная труба (Британскій музей).

Въ Америкѣ еще до прихода туда европейцевъ воинственные краснокожія племена, жившія въ Центральной Америкѣ, по берегамъ Мексиканскаго залива, производили дикую военную музыку раковинами — трубами, дудками и барабанами (246).

Въ прямомъ отношеніи къ военному дѣлу въ древности стояли всевозможныя состязанія въ физической силѣ и ловкости, какъ то: скачки, борьба, рыцарскіе турниры и проч., а потому во многихъ мѣстахъ земного шара принято было начинать ихъ непременно по сигналу трубы. Такъ, въ древнемъ Римѣ трубою сопровождалась играца (247), въ средніе вѣка въ западной Европѣ *buscina* обязательно присутствовала на всѣхъ турнирахъ, ею подавали сигналъ къ началу и окончанію боя (248). Кое-гдѣ въ видѣ переживанія обычай начинать состязанія звуками трубы сохранился и до нашего времени. Такъ, напримѣръ, въ Испаніи трубою подается сигналъ къ началу боя быковъ (249), а на островѣ Корфу — къ началу скачекъ, бывающихъ во время карнавала (250). У Имеретинъ трубою подается сигналъ къ началу полурелигіозной игры „въ мячъ“ (251).

Трубами позорять людей, совершившихъ безнравственный поступокъ.

Изъ предъидущаго мы видѣли, что съ незапамятныхъ временъ человекъ считалъ трубные звуки однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ противъ нечистой силы, а трубу — инструментомъ священнымъ. Вѣра эта была въ древнія времена настолько искреннею, что человекъ ни въ какомъ случаѣ не могъ бы злоупотреблять трубою и не могъ бы допустить пользованія ею въ случаяхъ, несоотвѣствующихъ тому высокому положенію, которое инструментъ этотъ занималъ въ его религіи. Съ этой точки зрѣнія, если мы видимъ въ настоящее время какой-либо обычай, злоупотребляющій трубою, напримѣръ направляющій звуки ея вмѣсто нечистой силы противъ самаго человека, то мы вправѣ сдѣлать заключеніе двоякаго рода: или, что обычай, нами взятый, относится не къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда труба высоко стояла въ глазахъ человека, а къ болѣе позднимъ, когда этотъ инструментъ

ужь успѣлъ потерять свое религіозное значеніе, или же въ нашемъ обычаѣ есть какой-либо элементъ, незамѣтный съ перваго взгляда, который ставитъ его наравнѣ съ другими древними обычаями и примиряетъ кажущуюся его нелогичность и противорѣчіе съ общимъ порядкомъ вещей.

Если, исходя изъ сказаннаго, мы обратимся къ обычаю пользоваться трубою на войнѣ, гдѣ предполагаемая сила трубы направлена не противъ злого духа, а противъ человѣка, то не можемъ прійти къ первому изъ нашихъ двухъ заключеній, потому что употребленіе трубы на войнѣ относится къ самой глубокой древности. Слѣдовательно остается заключить, что человечество приравнивало своего непріятеля на войнѣ къ злему духу. И дѣйствительно мы знаемъ не мало фактовъ изъ исторіи войнъ, когда, по древнимъ вѣрованьямъ, войска обѣихъ враждующихъ сторонъ направлялись другъ на друга не самопроизвольно, а по внушенію божества. Множество примѣровъ такого вѣрованья мы находимъ между прочимъ въ исторіи Троянской войны. Слѣдовательно, если признано, что нашу армію ведетъ на войну доброе божество, то нашихъ непріятелей направляетъ на насъ божество злое, нечистая сила, противъ которой употребленіе трубы одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ и самыхъ законныхъ средствъ.

Гораздо труднѣе доказать древность обычая, поставленнаго въ заголовкѣ настоящей главы, который у французовъ называется шаривари и направляется противъ вдовца или вдовы, вступающихъ во второй бракъ. Но прежде чѣмъ приступить къ доказательству, необходимо познакомить читателей съ деталями обычая, какъ онѣ передаются во французскихъ этнографическихъ журналахъ.

Французскіе простолюдины различаютъ шаривари малое и большое. Какъ то, такъ и другое по своей идѣе выражаютъ протестъ деревенскаго общества противъ безнравственнаго поступка кого-либо изъ его членовъ. Шаривари малое состоитъ въ томъ, что крестьяне собираются въ свободное отъ работы время, т. е. по вечерамъ или по ночамъ подъ окнами того изъ своихъ членовъ, которому устраивается шаривари. Всѣ собравшіеся вооружены деревянными и роговыми трубами и различными домашними ударными инструментами въ родѣ котловъ, кастрюль, сковородокъ, горшковъ, щипцовъ и т. под. При помощи всѣхъ этихъ инструментовъ, на которыхъ играютъ одновременно, при помощи криковъ и пѣсенъ, сочиненныхъ на этотъ случай, иногда неприличныхъ, получается невыносимая, оглушительная какофонія, продолжающаяся иногда цѣлые часы въ теченіи многихъ дней. Всякіе протесты противъ подобнаго нарушенія спокойствія со стороны, страдающей отъ него, въ большинствѣ случаевъ оказываются бесполезными. Полиція въ малыхъ деревняхъ или очень слаба, чтобы помѣшать подобнымъ концертамъ, или же, что бываетъ чаще, смотритъ на нихъ сквозь пальцы. Если страдающее лицо попытается своими собственными силами возстановить свои нарушенныя права, или

выразить свое неудовольствіе бранью, то устроители концерта переходят во второй степени малаго шаривари: призывными звуками трубы собираютъ они своихъ друзей и пріятелей и увеличиваютъ число концертантовъ въ нѣсколько разъ. Шаривари малое устраивается преимущественно тогда, когда происходитъ свадьба между вдовцами или когда одинъ изъ брачующихся вдовецъ. Въ большинствѣ случаевъ въ такомъ шаривари нѣтъ даже никакого протеста, такъ какъ бракъ вдовца, по современнымъ понятіямъ, не предосудителенъ. Вѣроятно оно совершается просто въ силу обычая, какъ переживаніе прошлаго. Что касается шаривари большого, то оно очень часто выражаетъ дѣйствительный протестъ деревенскаго общества, такъ какъ практикуется въ томъ случаѣ, если брачующіеся извѣстны въ деревнѣ своей безправственностью. Въ такомъ случаѣ вмѣсто концерта устраивается настоящее драматическое представленіе. Какого-либо изъ сосѣдей того лица, которому хотятъ устроить шаривари, одѣваютъ и гримируютъ такъ, чтобы онъ по возможности походилъ на виновника торжества, затѣмъ ему придаютъ каррикатурный видъ, сажаютъ на осла лицомъ къ хвосту и возятъ по деревнѣ съ трубнымъ звукомъ, съ барабаннымъ боемъ, съ криками и пѣснями. Шаривари большіе и малые практикуются въ настоящее время во Франціи: въ Пуату, Бурбонъ, въ департаментѣ Шаранты, въ Анжу, въ Котъ-дэ Нордъ, а кромѣ того на о-вѣ Корсикѣ и въ Бельгіи (252).

Такой же самый обычай есть и въ Германіи, онъ очень древній и назывался прежде „Тиръягдъ“ (Tierjagd). Въ настоящее время онъ почти исчезъ и сохранился только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ горной Баваріи подъ названіемъ Haberfeldtreiben. Народъ прибѣгаетъ къ нему въ тѣхъ случаяхъ, когда хочетъ собственнымъ самосудомъ покарать кого-либо изъ своихъ согражданъ за обманъ, ростовщичество, мошенничество, кутежъ, не имѣющій границъ, и, такъ же какъ во Франціи, за нарушеніе общепринятаго кодекса нравственности. Въ общихъ чертахъ нѣмецкій Тиръягдъ напоминаетъ французское „шаривари“: также собирается народъ со всевозможными инструментами, въ числѣ которыхъ не послѣднюю роль играетъ труба, дѣлаемая нарочно для этого случая изъ древесной коры. Также производится адскій шумъ вокругъ дома виновнаго. Но все это дѣлается болѣе неожиданно, чѣмъ у французовъ, непременно ночью, при свѣтѣ факеловъ и людьми, одѣтыми въ маски. Въ отличіе отъ „шаривари“, Тиръягдъ обставляется особенной таинственностью, такъ какъ результаты его бывають менѣе невинны, чѣмъ во Франціи: виновнаго не только подвергаютъ публичному посрамленію, но кромѣ того и побоямъ, которые, въ случаѣ активнаго сопротивленія жертвы самосуда, не всегда кончаются благополучно (253).

Въ Кампаньѣ, въ Италіи, труба изъ морской раковины и воловий рогъ обязательно участвуютъ при воспроизведеніи той страшной накофоніи,

которою тамошніе крестьяне угощаютъ новобрачныхъ въ первые три вечера послѣ свадьбы въ томъ случаѣ, если одинъ изъ нихъ вдовецъ. Антонио Де Нино рассказываетъ, что ему довелось быть свидѣтелемъ подобной же сцены въ Монреалѣ на свадьбѣ стараго вдовца. „Свадебный поѣздъ весело двигался по улицѣ, сопровождаемый большою толпою зрителей. Вокругъ раздавались громкій и рѣзкій звонъ колокольчиковъ, стукъ въ кочерги, угольные ковши, металлическія крышки, бречанье связками ключей, ко всему этому крики и свистки цѣлымъ хоромъ. Не было здѣсь недостатка и въ молотѣ съ наковальней—кузнецъ нарочно вынесъ ихъ за двери своей кузницы. Специалисты наигрывали въ мѣдные рожки. А одна веселая компанія отвязала на колокольнѣ колоколъ и пустила его въ дѣло. Колоколу вторили удары по дну кадокъ и ушатовъ“ (254).

Несомнѣнно, что этотъ обычай принадлежитъ къ числу международныхъ, такъ какъ мы встрѣчаемъ его не въ одной западной Европѣ. Въ с. Косковѣ, Свѣжскаго уѣзда (у великороссовъ) ко дню бракосочетанія вдовца мальчики и взрослые парни заготавливаютъ возможно большее количество изношенныхъ лаптей, въ день самаго бракосочетанія они съ собранными лаптями отправляются къ церкви и ждутъ выхода новобрачнаго вдовца. Лишь только онъ выйдетъ изъ церкви, мальчики и парни начинаютъ бросать въ него гнилыя лапти. Нѣкоторые, связавъ три лаптя вмѣстѣ, стараются такую связку повѣсить новобрачному на шею. Бросанье лаптей въ новобрачнаго продолжается до входа его въ домъ, или выѣзда за полевые ворота (255).

У Уфимскихъ черемисъ, гдѣ жители села строго наблюдаютъ за нравственностью другъ друга, въ случаѣ замѣченныхъ близкихъ вѣнчающихся отношеній между холостымъ парнемъ и дѣвушкой, заставляютъ ихъ вѣнчаться; въ случаѣ же если въ томъ же попадется вдова съ парнемъ или женатымъ, выводятъ виновныхъ на улицу, привязываютъ другъ къ другу шнурками отъ штановъ, обвѣшиваютъ обоихъ старыми метлами, вѣвниками, лаптями и т. под. и водятъ по улицамъ села, при чемъ одинъ изъ сопутствующихъ десятскихъ бьетъ въ барабанъ (256).

Нѣчто подобное французскому большому шаривари въ старину устраивалось у гагаузовъ Бендерскаго уѣзда, гдѣ замѣченныхъ въ незаконной связи сажали, такъ же, какъ у французовъ, на осла и съ крикомъ возили по улицамъ села. Тоже самое дѣлается и до настоящаго времени у имеретинъ (257).

Видоизмѣненіемъ того же обычая можно считать практикующіеся въ разныхъ мѣстахъ Россіи способы публичнаго посрамленія воровъ, которыхъ водятъ по улицамъ, обвѣсивая украденными вещами, или родителей и родственниковъ дѣвушки, несоблывшей невинности на которыхъ надѣваютъ хомуты и т. под. Сюда же надо отнести обычай студентовъ всего цивилизованнаго міра устраивать передъ окнами неугодившаго имъ профессора кошачьи сценалы и т. п.

Для насъ въ настоящемъ случаѣ важно въ обычаѣ, нами разсматриваемомъ, то, что во Франціи, Германіи и Италіи онъ сопровождается трубами или рогами. Если ихъ нѣтъ въ данной мѣстности въ то время, когда нужно устроить шаривари, то ихъ нарочно заказываютъ „саботьерамъ“ (мастерамъ деревянной обуви), какъ это дѣлается въ Бельгіи, или берутъ у жнецовъ, какъ въ Пуату. Отсюда самый обычай шаривари въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ въ Бельгіи, называется *согнаге*, т. е. трубленіе, отъ слова *согне*—рогъ. Отсюда же и русское фигуральное выраженіе *трубить*, *протрубить*, въ смыслѣ разнести какую либо вѣсть въ обществѣ (258), у французовъ—*corner*, у нѣмцевъ—*aussposaunen*, у англичанъ—*to trumpet* и т. д.

Итакъ, изъ предлагаемыхъ примѣровъ видно, что народъ въ разныхъ мѣстахъ Европы приравниваетъ бракъ между вдовыми къ мошенничеству, растовщичеству, кутежу, незаконному сожителству и другимъ несомнѣнно безнравственнымъ поступкамъ. А такъ какъ въ наше время бракъ вдовцовъ вовсе не считается безнравственнымъ, то значить, что онъ когда-то считался таковымъ, но взгляды народа на нравственность перемѣнились, а способъ карать лицъ безнравственнаго поведенія пережилъ свое время.

Это обстоятельство, по нашему мнѣнію, доказываетъ древность обычая шаривари, что подтверждаетъ также и его широкое распространеніе. Какимъ бы способомъ это распространеніе не совершилось, оно несомнѣнно требовало большой промежутокъ времени для своего осуществленія. Если же обычай шаривари принадлежитъ къ числу древнихъ, т. е. относится къ тѣмъ временамъ, когда на трубу смотрѣли съ уваженіемъ и не стали бы ею злоупотреблять, то значить, что въ старину на преступленія противъ общественной нравственности смотрѣли, какъ на дѣйствіе злого духа, и трубой старались отогнать его отъ преступника.

Обычай трубить періодически во второе (осеннее) полугодіе въ теченіи извѣстнаго промежутка времени.

Хотя обычай періодическаго трубленія въ осеннее полугодіе нами уже разсматривался выше, но мы выдѣлили здѣсь частый случай этого обычая въ отдѣльную главу и главнымъ образомъ, потому что ради него собственно собранъ нами весь этнографическій матеріалъ, вошедшій въ настоящую статью.

Записывая вѣрованія, обряды и обычаи отъ малороссовъ, бывшихъ уніатовъ, въ Бѣльскомъ и Радинскомъ уѣздахъ Сѣдлецкой губерніи, мы натолкнулись на обычай, поставленный въ заголовокъ настоящей главы, который поразилъ насъ своею странностью, какъ по его внутреннему содержанію, такъ и потому, что въ матеріалахъ малороссійскихъ, бѣлорусскихъ и великорусскихъ, собранныхъ раньше, мы не нашли ничего къ нему подходящаго. Такъ какъ

обычай этот и его, повидимому, нерусское происхождение насъ заинтересовали, то намъ и пришлось обратиться за разъясненіемъ сначала къ этнографическому матеріалу ближайшихъ сосѣдей: поляковъ и литовцевъ, а потомъ, расширяя все болѣе и болѣе область изслѣдованія, собрать всѣ тѣ данныя, изъ которыхъ составила настоящая статья. Часть ихъ мы почерпнули изъ этнографической литературы, а часть собрали сами записываньемъ отъ народа. Надо добавить, что въ настоящемъ случаѣ, кромѣ самаго обычая, нашъ интересъ возбуждали и другіе вопросы: во-первыхъ, общій вопросъ о томъ, какъ распространяются одни и тѣже вѣрованія среди различныхъ народныхъ группъ, а во-вторыхъ смутная надежда на то, что факты, нами собранные и еще неизвѣстные науцѣ, могутъ пролить свѣтъ на историческія судьбы заинтересовавшаго насъ русскаго Забужья, или же укажутъ правильный путь къ такого рода изслѣдованіямъ. Насколько оправдались наши надежды, читатель увидитъ изъ послѣдующаго.

Начавши съ Радинскаго уѣзда Сѣдлецкой губ., мы прослѣдили районъ распространенія интересовавшаго насъ обычая во всѣ стороны и старались по возможности опредѣлить его границы, чего намъ удалось достигнуть только отчасти, такъ какъ районъ этотъ оказался слишкомъ великъ для его поднаго изслѣдованія силами одного человѣка. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ мы не упустили ни малѣйшаго случая отмѣчать въ записную книжку: 1) тѣ села и деревни, въ которыхъ нашъ обычай существуетъ по настоящее время, 2) тѣ, въ которыхъ онъ былъ прежде, но уже оставленъ и 3) тѣ, въ которыхъ онъ вовсе неизвѣстенъ.

Во многихъ изъ этихъ мѣстностей мы побывали сами, о другихъ спрашивали людей, тамъ живущихъ, живавшихъ прежде или только что оттуда прѣхавшихъ, изъ духовенства, помѣщиковъ и сельскихъ учителей, а, главнымъ образомъ, отъ крестьянъ, собиравшихся на базарахъ, ярмаркахъ и въ мѣстахъ богомолья. Кромѣ того намъ помогали въ этомъ дѣлѣ нѣкоторые изъ вашихъ знакомыхъ мѣстныхъ крестьянъ, не на шутку заинтересовавшихся нашимъ изслѣдованіемъ. И вотъ въ результатъ всего этого у насъ накопилось столько данныхъ, что оказалось возможнымъ составить карту, если не всего, интересовавшаго насъ района, то его центральной, наиболѣе извѣстной намъ части. Карту эту и списокъ населенныхъ мѣстъ, о которыхъ были получены свѣдѣнія, мы прилагаемъ къ настоящей статьѣ.

Центръ нашего обычая находится приблизительно въ Брестскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи около рѣки Буга и распространяется отсюда узкой полосой на сѣверо-западъ и на юго-востокъ. Въ Гродненской губ. мы нашли его въ уѣздахъ: Брестскомъ, Бѣльскомъ, Пружанскомъ, Кобринскомъ и Слонимскомъ. Самый обычай заключается здѣсь въ томъ, что молодежь мужскаго пола въ свободное время, чаще всего вечеромъ или ночью, трубятъ въ очень

длинную трубу въ теченіи всей осени, начиная съ того времени, когда окончена жатва и вывезенъ съ поля послѣдній снопъ и вплоть до наступленія зимы, т. е. до появленія перваго снѣгу. При этомъ строго наблюдается, чтобы кто-нибудь, сохрани Богъ, не началъ трубить раньше времени, что считается большимъ грѣхомъ. Если нетерпѣливая молодежь раньше опредѣленнаго срока издастъ хоть одинъ звукъ на трубѣ, то старшіе отбираютъ трубу и ломаютъ, иначе той деревнѣ, гдѣ это случилось, по ихъ мнѣнію, грозитъ неминуемое наказаніе отъ Бога. Исключеніе составляетъ только сѣверо-западный уголокъ Брестскаго уѣзда (Ратайчичская волость), гдѣ начинаютъ трубить, не справляясь съ состояніемъ жатвы, а съ Ильина дня (20 Іюля), и продолжаютъ трубленіе, какъ и въ иныхъ мѣстахъ Гродненской губ., до наступленія холодовъ, по поводу чего въ этой мѣстности есть даже пословица: „Одъ Ильи берыся до трубы“. О цѣли, съ которой производится трубленіе, большинство крестьянъ отзывается незнаніемъ, иначе прибавляютъ, что такъ ведется изстари, что обычай унаслѣдованъ отъ отцовъ и дѣдовъ, а что онъ дѣйствительно угоденъ Богу, видно изъ того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пробовали его „скасовать“ (уничтожить), но потомъ всегда за этимъ слѣдовали наказанія въ видѣ эпидемій, пожаровъ, неурожаевъ и проч.

На востокъ отъ Гродненской губ. тотъ же обычай намъ удалось прослѣдить въ уѣздахъ Пинскомъ и Мозырскомъ Минской губ. Онъ тамъ совершенно одинаковъ съ обычаемъ Гродненской губ., но причину, почему нельзя начинать трубленіе раньше окончанія жатвы, здѣсь объясняютъ тѣмъ, что труба „призываетъ зиму“, а потому, если приняться за нее раньше времени, то зима наступитъ раньше обыкновеннаго и будетъ суровая.

Въ с. Давыдъ—городежъ Мозырскаго уѣзда, составляющемъ по всѣмъ признакамъ крайній восточный пунктъ распространенія нашего обычая, трубы тоньше и короче, чѣмъ въ Пинскомъ уѣздѣ и трубятъ на нихъ не взрослые парни, а ребятишки-подростки, осенью, когда пасутъ коней и ночуютъ въ полѣ.

Въ Волынской губерніи обычай нашъ заходитъ въ сѣверную часть уѣздовъ: Ровенскаго, Ковельскаго и Луцкаго. Здѣсь трубятъ въ такія же длинныя трубы, какъ въ Гродненской и Минской губерніяхъ, но для трубленія не ждутъ окончанія жатвы, а сопровождаютъ имъ посѣвъ озимаго хлѣба для того, какъ выражаются здѣшніе крестьяне (с. Самари и Кортылисы Ковельскаго уѣзда), „шобы жито крутылося въ трубу“.

На западъ отъ Гродненской губерніи тотъ же обычай продолжается за рѣку Бугъ въ уѣздахъ Сѣдлецкой губерніи: Бѣльскомъ, Влодавскомъ, Константиновскомъ и Радинскомъ, среди русскаго населенія такъ-называемаго Подляшья.

Въ Бѣльскомъ и Радинскомъ уѣздахъ нашъ обычай совершенно одинаковъ съ гродненскимъ. Трубятъ здѣсь преимущественно по вечерамъ и по ночамъ, но особаго какого-либо порядка въ этомъ трубленіи не существуетъ.

Кто-нибудь из парней передъ окончаніемъ жатвы смастерить себѣ трубу и, когда жатва уже окончена, выйдетъ вечеркомъ на улицу, чтобы позабавиться трубой. На звукъ его инструмента выходятъ на улицу другіе парни и каждый изъ нихъ попроситъ у своего товарища поиграть на его трубѣ, чтобы показать или испытать свое искусство. Трубленіе не считается здѣсь богоугоднымъ дѣломъ и не имѣетъ ничего общаго съ религіей, сохраняется же просто въ силу привычки, а также потому, что игра на трубѣ при однообразіи деревенской жизни представляетъ собою очень веселое развлеченіе. Для молодыхъ деревенскихъ хлопцевъ всегда доставляетъ большое удовольствіе пользоваться трубою по ночамъ, какъ телеграфомъ: они перекликаются со своими знакомыми или пріятелями изъ сосѣднихъ деревень и по манерѣ трубить стараются узнать, кто именно изъ ихъ пріятелей трубитъ въ настоящую минуту. Начнутся объ этомъ разговоры, споры и т. д., что наполняетъ вечеръ вѣстѣ съ соревнованіемъ въ музыкальномъ искусствѣ. Если же все это дѣлается, также какъ въ Гродненской губерніи, только въ урочное время отъ окончанія жатвы до начала зимы, то не изъ страха передъ Божьимъ наказаніемъ, а потому, что только въ это время старики дозволяютъ играть, а въ остальное нисколько не позволяютъ трубить, а въ случаѣ непослушанія ломаютъ трубу. Словомъ, здѣсь трубятъ, потому что наступилъ для этого сезонъ, также какъ въ другихъ мѣстахъ маскируются исключительно во время святокъ.

Въ Радискомъ уѣздѣ въ прежнія времена приготавливали на осень оригинальныя трубы гигантскихъ размѣровъ, изогнутыя и склеенныя изъ клубка, какъ швейцарскій Alpenhorn, но теперь такія трубы стали большою рѣдкостью, онѣ замѣнились „бляшаными“ (жестяными) покупными, жидовскаго издѣлія. Одна изъ такихъ старинныхъ трубъ, привезенная изъ села Береза, сохраняется въ Варшавскомъ этнографическомъ музеѣ и представлена нами въ фотографическомъ снимкѣ (табл. V, лит. А). Въ Бѣльскомъ уѣздѣ употребляются трубы, отличающіяся отъ Гродненскихъ, Минскихъ и Волынскихъ тѣмъ, что онѣ короче и слегка согнуты, а кромѣ того имѣютъ вставной мундштукъ изъ болѣе твердаго дерева, чѣмъ сама труба, т. е. это совершенно тоже самое, что польская лигавка, (смотри табл. IV, лит. А); различается эта труба отъ польской лигавки только своимъ русскимъ названіемъ труба. Польское названіе трубы лигавка, хотя извѣстно здѣшнимъ крестьянамъ, но считается „шляхетскимъ“. Трубятъ здѣсь не такъ, какъ настоящіе европейскіе трубачи, т. е. не серединой губъ, а ихъ углами, передъ игрой непременно размачиваютъ трубу въ водѣ, чтобы она набухла и чтобы слѣдовательно легче выдувались изъ нея звуки. Здѣшніе старики, которые какъ и вездѣ ревниво соблюдаютъ ненарушимость жидовскихъ обычаевъ, какъ мы уже говорили, вовсе не требуютъ отъ молодежи, чтобы она непременно трубила, но строго наблю-

даютъ, чтобы не было трубленія несвоевременнаго, т. е. до окончанія жатвы. Интересно при этомъ замѣтить, что картофель, какъ растеніе чужеземное, хлѣбомъ не считается и до окончанія его уборки трубить разрѣшается безпрепятственно.

Обычай трубленія во Влодавскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губерніи, на границахъ съ Бѣльскимъ нѣсколько отличается отъ Бѣльскаго и Радинскаго, а именно, здѣсь не ждутъ полнаго окончанія жатвы и начинаютъ трубить, какъ только на полѣ появляются первыя копны сжатого хлѣба или какъ только убрана гречиха. Въ селѣ Любень и въ его ближайшихъ окрестностяхъ, т. е. въ самомъ центрѣ Влодавскаго уѣзда начинаютъ трубить не осенью, какъ въ другихъ селахъ уѣзда, а съ 20 Іюля (въ Ильинъ день), также какъ въ Брестскомъ уѣздѣ Гродненской губ., и продолжаютъ до 1-го Октября (до Покрова). Трубы во Влодавскомъ уѣздѣ дѣлаются такія же какъ въ Бѣльскомъ, или же свертываются изъ бересты. Но мѣстами, такъ же, какъ и въ Радинскомъ уѣздѣ самодѣльные трубы уже замѣняются покупными изъ жести. Смыслъ періодическаго трубленія здѣшніе крестьяне объясняютъ тѣмъ, что звуки трубы разгоняютъ волковъ.

Въ Константиновскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губерніи только въ южной его части обычай трубленія такой же какъ въ Бѣльскомъ и Радинскомъ уѣздахъ, но уже въ селѣ Гуслевѣ русскій обычай смѣшанъ съ польскимъ, т. е. трубить осенью по окончаніи жатвы по русски, а кромѣ того трубятъ еще въ теченіи всего Филиповскаго поста (Адвента) по польски. Въ селѣ Журавлевка (гмины Гуслевъ) и далѣе на сѣверъ обычай уже исключительно польскій, хотя населеніе въ этихъ мѣстахъ еще русское (бывшіе уніаты). Труба здѣсь остается таже самая, что и въ Бѣльскомъ уѣздѣ, но тамъ, гдѣ соблюдается обычай трубленія польскій, принято и трубу называть по польски, т. е. *лягавкой*.

Если въ вышеперечисленныхъ мѣстностяхъ съ русскимъ населеніемъ, какъ было уже говорено, обычай трубленія сохраняется, какъ переживаніе отдаленнаго прошлаго и неимѣетъ почти никакого отношенія къ современной христіанской религіи, то нельзя этого же сказать и о мѣстностяхъ Сѣдлецкой, Ломжинской и Варшавской губ., въ которыхъ сохранился обычай ежегоднаго періодическаго трубленія. Повидимому, въ дѣлѣ соблюденія сказаннаго обычая у поляковъ потрудились польское духовенство. Прежде всего хотя у поляковъ и сохранился обычай періодическаго трубленія осенью, но сроки его начала и окончанія вполне согласованы съ католическимъ календаремъ: трубятъ въ продолженіи всего Рождественскаго поста и кончаютъ въ Рождественскій сочельникъ (по польски „Вилія“) передъ началомъ обѣдни, которая у поляковъ называется „Пастѣркой“ (пастушеской). Кромѣ того, какъ намъ при-

ходилось наблюдать, польское духовенство вообще поддерживает этот обычай между крестьянами, ибо находить его вполне совместимым с католичеством. Такъ, въ словарѣ польскихъ древностей мы находим замѣтку по поводу лигавки, что „Варшавскій архіепископъ Хоромановскій, умершій въ 1838-мъ году, былъ большимъ любителемъ постическаго обычая трубить въ лигавку. Когда онъ былъ еще приходскимъ священникомъ въ с. Заборахъ (около г. Ломжи), то во время „Пастерки“ (обѣдни въ канунъ Рождества) вся приходская молодежь собиралась на кладбище и трубила въ „лигавки“.

Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ селахъ съ польскимъ населеніемъ въ Сѣдлецкой губ., на нашъ вопросъ: трубятъ ли здѣсь въ „лигавку“? мы получали отъ деревенской молодежи отвѣтъ, что обычай этотъ былъ здѣсь уже оставленъ: но мѣстный приходскій ксендзъ потребовалъ отъ прихожанъ, чтобы они трубили въ Рождественскомъ посту, какъ это было въ старину. Передавшіе намъ этотъ фактъ, повидимому, были очень недовольны на своего ксендза за то, что онъ искусственно возобновляетъ обычай, отжившій свой вѣкъ и въ настоящее время неимѣющій никакого смысла. Одинъ изъ нихъ обратился даже къ намъ съ вопросомъ: не грозитъ ли имъ опасность со стороны гражданскаго начальства, если они не исполнять требованіе ксендза и не станутъ трубить?

Въ этомъ сближеніи польскаго обычая трубленія съ современной религіей, какъ намъ кажется, и заключается главное его отличіе отъ русскаго, если не считать того, что у поляковъ, также какъ и у галицкихъ гуцуловъ, различаются двѣ трубы: одна — назначаемая только для обрядоваго трубленія — „лигавка“, а другая „тромба“ — пастушеская иного устройства, чего мы не встрѣчали у русскихъ. Во всемъ остальномъ польскій обычай такъ близокъ къ русскому, что въ происхожденіи ихъ обоихъ изъ одного источника не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Начинаясь въ Константиновскомъ уѣздѣ, нашъ обычай переходитъ затѣмъ въ уѣзды Соколовскій и Венгровскій Сѣдлецкой губерніи. Въ первомъ изъ этихъ уѣздовъ населеніе состоитъ изъ бывшихъ униатовъ, говорящихъ между собою по польски, а слѣдовательно бывшее когда-то русскимъ, но ополячившееся, а во второмъ — чисто польское. Далѣе, по направленію на сѣверо-западъ, тотъ же обычай переходитъ черезъ р. Вугъ въ Ломжинскую губернію, въ уѣзды Мазовецкій, Островскій, Ломжинскій и Остроленскій. Не мѣшаетъ здѣсь замѣтить, что въ Венгровскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губ. и въ уѣздахъ Ломжинской губ. обычай трубленія въ „лигавку“ мы встрѣчали исключительно только у шляхты (мелкаго дворянства), живущей въ этихъ мѣстностяхъ въ деревняхъ сплошною массой. Впрочемъ, мы не можемъ все-

таким поручиться, что гдѣ-нибудь въ тѣхъ же мѣстностяхъ нельзя его найти и у простыхъ крестьянъ.

Изъ Ломжинской губ. обычай съ „лигавками“ распространяется еще далѣе на западъ въ Пултусскій уѣздъ Варшавской губерніи, гдѣ и кончается. Но если отъ прослѣженной нами полосы подвинуться на югъ, то мы увидимъ, что здѣсь среди чисто польскаго населенія нашъ обычай снова подвергается измѣненію. Въ сѣверной и въ средней части Сѣдлецкаго уѣзда „лигавокъ“ вовсе не знаютъ, въ южной же части послѣ перерыва въ нѣсколько десятковъ верстъ, начиная съ села Мрочна, мы снова встрѣчаемъ „лигавки“ и обычай трубленія въ нихъ, но только уже не въ Рождественскомъ посту, а раньше, отъ 7-го сентября, т. е. съ кануна Рождества Богородицы (по польски праздника „Матки Боски сѣвной“) и до кануна Рождества Христова. Этотъ обычай представляетъ собой какъ-бы переходъ отъ русскаго обычая къ чисто польскому, во первыхъ потому, что онъ, также какъ и русскій, имѣетъ связь съ жатвой и посѣвомъ, чего обычай Ломжинской губерніи вовсе не имѣетъ, а во вторыхъ, онъ начинается раньше, чѣмъ въ Ломжинской губ., т. е. почти въ тоже время, какъ и русскій. Такой обычай соблюдается въ юго-западномъ углу Сѣдлецкаго уѣзда, въ сѣверной части Луковскаго и въ Новоминскомъ уѣздѣ Варшавской губ.

Наконецъ въ восточной части Гарволинскаго уѣзда Сѣдлецкой губ. обычай трубленія снова измѣняется: здѣсь трубятъ въ теченіе всего Рождественскаго поста, какъ въ Ломжинской губ., но на Рождествѣ не кончаютъ трубить, а продолжаютъ во весь такъ называемый „карнаваль“, т. е. вплоть до начала Великаго поста. Самая труба, служащая въ этой мѣстности при исполненіи обычая, совершенно такая же какъ въ Ломжинской губ., но названіе ея произносится не лигавка, а легавка.

Вотъ и вся область распространенія нашего обычая. Намъ остается только болѣе подробно прослѣдить ея границы. Пройти эти границы, мы не имѣли возможности, а потому намѣтили лишь нѣсколько граничныхъ пунктовъ и собрали свѣдѣнія о томъ, гдѣ изслѣдуемый нами обычай вовсе неизвѣстенъ. Разумѣется, при такомъ способѣ изслѣдованія у насъ получилось множество пробѣловъ и данныя, нами собранныя, конечно далеко не исчерпали вопроса.

И такъ начнемъ съ восточной границы. Здѣсь мы уже намѣтили конечный пунктъ распространенія нашего обычая, с. Давыдъ-Городокъ Мозырскаго уѣзда (на р. Горыни, близъ впаденія ея въ Припеть). На востокъ отъ этого пункта въ с. Туровѣ и въ г. Мозырѣ съ ихъ ближайшими окрестностями не только не знаютъ обычая трубить, но даже вовсе не имѣютъ деревянныхъ трубъ. Трубы изъ воловьихъ роговъ употребительны въ этихъ мѣстностяхъ только у пастуховъ и только тамъ, гдѣ сохранялись большіе

лѣса, т. е. далеко въ сторону отъ береговъ Припечи. Еще далѣе на востокъ, въ гор. Рѣчицѣ Минской губ. (на р. Днѣпрѣ), о трубѣ слышно еще менѣе, чѣмъ въ г. Мозырѣ. Въ самой Рѣчицѣ въ „бляшаную“ (жестяную) трубу трубятъ, по словамъ городскихъ мѣщанъ, только „панскіе“, т. е. помѣщичьи пастухи, „а нашъ и жидовскій скотъ“, добавляли рассказчики, „пасется безъ всякихъ трубъ“. Трубы у пастуховъ они приписывали какой-то блажи или капризу помѣщиковъ.

Отъ с. Давыдъ-Городокъ на сѣверо-востокъ до уѣзднаго города Волковыска Гродненской губ. границу обычая съ трубами намъ не удалось прослѣдить. Мы знаемъ только, что въ Минскомъ и Борисовскомъ уѣздахъ Минской губ. нашего обычая нѣтъ. Въ г. Волковыскѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ, гдѣ намъ приходилось бывать, употребленіе трубы вовсе неизвѣстно; какъ на ближайшіе отсюда пункты, въ которыхъ труба принята, намъ указывали съ одной стороны на Слонимскій уѣздъ, а съ другой на Бѣлостокскій уѣздъ Гродненской губ.

Еще далѣе на западъ мы прослѣдили границы обычая только до р. Буга, но есть ли онъ за р. Бугомъ и далеко ли тамъ продолжается къ сѣверу мы не знаемъ. Точно также мы не знаемъ гдѣ онъ кончается на сѣверѣ отъ Ломжинской губ. Только въ одномъ мѣстѣ намъ удалось совершенно точно намѣтить граничный пунктъ нашего обычая, — это на р. Наревѣ возлѣ г. Остроленки Ломжинской губ. Здѣсь на лѣвой сторонѣ рѣки живетъ шляхта, у которой есть лигавки, а на правой — курпи-крестьяне, у которыхъ труба (traba) употребляется только пастухами.

Въ Пултускомъ уѣздѣ Варшавской губ. мы не знаемъ точной границы, но если направиться отсюда на юго-востокъ, то увидимъ, что здѣсь обычай нашъ захватываетъ только восточный край Радзиминскаго уѣзда Варшавской губ.; въ деревняхъ Рувнѣ, Страхувка и Боруча, а также въ ближайшихъ окрестностяхъ гор. Радзимины уже лигавокъ не знаютъ. Далѣе граница направляется на деревни Ариновъ и Цыганка Новоминскаго уѣзда, а отсюда къ ближайшимъ окрестностямъ гор. Гарволина Сѣдлецкой губ. Здѣсь намъ удалось даже прослѣдить, что западнѣе Варшавско-Люблинскаго шоссе обычай не переходитъ, за исключеніемъ развѣ городка Градиска, о которомъ мы говорили выше, и въ которомъ крестьяне трубятъ только одинъ вечеръ въ году въ канунъ Ивана Купала, или по здѣшнему „Светаго Яна“.

Гдѣ кончается этотъ обычай на югъ отъ г. Гарвелина, мы не знаемъ, не знаемъ также ничего о Вуковскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губ., за исключеніемъ сѣверной его части, т. е. деревень: Ягодна, Ружа, Вулька и Правда, въ которыхъ лигавки извѣстны. Сѣдлецкій уѣздъ, такимъ образомъ, въ отношеніи нашего обычая представляетъ какъ-бы оазисъ, внутри котораго лигавки не-

известны. Граничные пункты этого оазиса намъ удалось прослѣдить 1) въ деревнѣ Воевудка въ окрестностяхъ гор. Сокалова, 2) въ дер. Суходолъ Венгровскаго уѣзда (по шоссе изъ г. Венгрова въ гор. Сѣдлецъ) и 3) въ дер. Олесница по Сѣдлецко-Гарволинскому шоссе.

Что касается мѣстностей южнѣ Радинскаго и Влодавскаго уѣздовъ Сѣдлецкой губ., то по словамъ нѣкоторыхъ учителей, тамъ служившихъ, нашъ обычай не переходитъ южной границы названныхъ уѣздовъ, а по словамъ другихъ, заходитъ даже въ сѣверную часть Холмскаго уѣзда Люблинской губ., но распространяется не сплошь, а спорадически и почему-то только въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ пахутъ землю не на лошадяхъ а на волахъ. Но мы знаемъ навѣрное, что въ ближайшихъ окрестностяхъ гор. Холма, обычай трубить неизвѣстенъ вплоть до самой Австрійской границы, но, какъ намъ случилось записать отъ крестьянъ села Туромля Грубешовскаго уѣзда, тамъ есть вѣрованье, весьма близкое къ Гродненскому, что „нельзя играть ни на какомъ музыкальномъ инструментѣ во все время отъ начала посѣва яровыхъ хлѣбовъ до окончанія уборки всего хлѣба съ поля“.

На востокъ отъ гор. Холма и до Луцкаго уѣзда Волынской губ. граница обычная намъ неизвѣстна, но въ этомъ послѣднемъ уѣздѣ мы намѣтили два пункта: 1) село Полицы (возлѣ Колокъ), гдѣ обычай такой же какъ въ Гродненской губ. и 2) с. Борохово, въ которомъ обычай съ трубой неизвѣстенъ, но существуетъ вѣрованье, подобное Грубешовскому, что „нельзя играть ни на какомъ музыкальномъ инструментѣ отъ того времени, когда хлѣбъ въ полѣ уже созрѣлъ, и до тѣхъ поръ, пока не закончится его уборка“.

Въ Ковельскомъ уѣздѣ Волынской губ. намъ случилось быть въ селѣ Заболоты. Здѣсь трубъ вовсе не употребляютъ, но указываютъ на двѣ ближайшія мѣстности, гдѣ существуетъ обычай каждую осень трубить въ длинные деревянные трубы, это — 1) село Ляховцы Брестскаго уѣзда Гродненской губ. и 2) мѣстность, известная здѣсь подъ названіемъ „Ветельщины“, къ которой принадлежатъ села: Самары и Кортылисы, расположенныя всего только въ 3-хъ верстахъ отъ границы Гродненской губ.

Такимъ образомъ южная граница нашего обычая, повидимому, начиная отъ рѣки Буга, вдается угломъ въ Луцкій уѣздъ, а далѣе на востокъ почти совпадаетъ съ границей Волынской губ. Въ уѣздахъ: Острожскомъ, Заславльскомъ и Новоградъ-Волынскомъ Волынской губ., гдѣ намъ случилось бывать во многихъ деревняхъ и селахъ и собирать этнографическій матеріалъ, не только не знаютъ трубы, но даже и не слыхали, гдѣ существуютъ трубы. Но въ Ровенскомъ уѣздѣ, гдѣ многіе крестьяне ходятъ на заработки по сплаву лѣса рѣками Горынью и Случемъ, рѣдкій не выдастъ длинныхъ трубъ Полѣсья и не слыхалъ игры на нихъ во время своихъ поѣздовъ на плотяхъ,

но всё они указываютъ на обычай трубить какъ на признакъ Полѣшука. Ровенскій уѣздъ мы проѣхали на лошадяхъ отъ с. Нѣмовичи и до м. Высоцка и нигдѣ интересующаго насъ обычая съ трубами не нашли. Только отъ Высоцкаго помѣщика мы слышали, что труба въ этихъ мѣстностяхъ считается самымъ вѣрнымъ признакомъ, по которому можно отличить полѣшука отъ малоросса и что въ селѣ Гупковѣ, около м. Людвиполя (гдѣ намъ самимъ не случилось побывать) существуетъ рѣзкая граница между полѣшуками и малороссами, которая обнаруживается въ различіи построекъ, костюма и обычаевъ, а между прочимъ и въ обычаяхъ трубить осенью въ длинныя трубы, какого нѣтъ у малороссовъ.

Такимъ образомъ мы видимъ передъ собой обычай весьма древній, который неизвѣстенъ ни малороссамъ-украинцамъ, ни бѣлоруссамъ, ни великороссамъ, но въ которомъ, рассматриваемая нами отрасль русскаго народа сходится съ поляками. Первое, что можетъ придти въ голову при разсмотрѣніи очерченнаго нами района, это то, что онъ входилъ когда-то въ составъ бывшаго литовско-русскаго государства и что въ Сѣдлецкой губерніи кромѣ того историки указываютъ на слѣды нынѣ исчезнувшаго литовскаго племени ятвяговъ. А потому мы и обратились къ литовскому этнографическому матеріалу. И дѣйствительно у литовцевъ-язычниковъ мы находимъ нѣчто подобное: во время ежегодно совершавшагося общественнаго жертвоприношенія, которое бывало въ концѣ года (т. е. въ мартѣ мѣсяцѣ), собирались 4—6 деревень и на общій счетъ покупали быка или козла; жрецъ читалъ надъ жертвеннымъ животнымъ молитвы, затѣмъ животное закалывали, варили и ѣли вмѣстѣ съ лепешками, изготовленными изъ общественной муки. Пиръ продолжался цѣлую ночь и сопровождался пѣснями и игрой на длинныхъ трубахъ (259). Уже и здѣсь замѣтно нѣкоторое сходство литовскихъ обычаевъ съ обычаемъ, нами только что разсмотрѣннымъ, но еще болѣе и несомнѣннѣе замѣчается такое сходство, если мы приведемъ описаніе языческаго торжества древнихъ литовцевъ въ такъ называемый Великій праздникъ. Торжество это справлялось ежегодно непременно осенью, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, по окончаніи жатвы, въ честь бога земли и земледѣлія „Земеника“ (Ziemienika или kurko, kurchus). Отъ воли этого божества, по вѣрованью литовцевъ, зависѣли урожан, оно считалось защитникомъ домовъ и всего края и олицетворялось въ видѣ ужа или какого-нибудь другого фетиша. Въ день его праздника, считавшагося самымъ главнымъ въ году, народъ собирался въ какую-нибудь одну деревню съ цѣлой округи, причемъ каждый несъ съ собою все, что могъ, чтобы принести въ жертву божеству. Въ самой обширной изъ деревенскихъ построекъ, посреди ея, помѣщался большой столъ, накрытый скатертями. По четыремъ угламъ стола ставили

большіе открытые сосуды съ пивомъ. Затѣмъ приводили жертвы, состоявшія изъ первыхъ плодовъ текущаго года: теленка съ телкою, барана съ овцою, гуся съ гусыней и т. д. Жрецъ совершалъ тѣ моленія, которыя слѣдовали по обычаю, послѣ чего связанныхъ животныхъ избивали палками, чтобы не пролить капли крови. При этомъ всѣ присутствующіе выкрикивали: „Земеникъ богъ нашъ. Приносимъ тебѣ жертву и благодаримъ за то, что въ прошлые годы ты давалъ намъ здоровье и въ изобиліи всякаго добра, хлѣба и имущества, охранялъ насъ отъ огня, желѣза, мороваго повѣтрія и отъ всѣхъ бѣдъ нашихъ“. Послѣ того убитыхъ животныхъ варили, жарили и приготавливали изъ нихъ разныя кушанья. Усѣвшись за столъ, жрецъ бралъ частичку каждаго блюда и бросалъ въ разныя углы дома, приговаривая: „это тебѣ, Земеникъ, богъ нашъ. Сблаговоли принять наши жертвы и милостиво отвѣдать нашихъ кушаній“. Тоже самое повторялось и съ напитками. Въ теченіи цѣлаго торжества пѣли пѣсни и играли на длинныхъ трубахъ, что продолжалось непрерывно цѣлую ночь (260). Впрочемъ божеству, въ честь котораго справлялся такой праздникъ, поклонялись не одни литовцы, у латышей оно было извѣстно подъ именемъ Zeemneeks. Онъ также считался защитникомъ дома и всякаго имущества, его называли Mahjas kungs, т. е. господинъ дома, хозяинъ. Праздникъ его справлялся также осенью, причѣмъ ему приносилась жертва изъ первыхъ плодовъ хозяйства. У литовскаго племени Пруссовъ онъ также былъ однимъ изъ главныхъ боговъ. Ему былъ построенъ знаменитый въ свое время храмъ, въ которомъ горѣлъ неугасимый огонь и стояла статуя божества. Статую эту ежегодно подъ праздникъ (осенній) разбивали и затѣмъ воздвигали взамѣнъ ея новую (261).

Эти данныя изъ этнографическаго матеріала литовскаго народа указываютъ прежде всего, что странный обычай западной отрасли русскаго племени, о которомъ идетъ рѣчь въ настоящей главѣ, ведетъ свое происхожденіе отъ язычества; во вторыхъ, онѣ свидѣтельствуютъ о близости языческихъ вѣрованій у древнихъ литовцевъ и той части русскаго народа, которая входила когда-то въ составъ бывшаго литовскаго княжества или жила съ нимъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ. Дѣйствительно: тѣ и другіе имѣли обычай трубить въ длинныя деревянныя трубы, тѣ и другіе трубили осенью, у тѣхъ и другихъ обычай трубленія имѣлъ отношеніе къ земледѣлію. Все это при близкомъ сосѣдствѣ и при несомнѣнно существовавшихъ сношеніяхъ русскаго народа съ литовскимъ съ самыхъ древнихъ временъ совершенно естественно, въ особенности, если принять во вниманіе, что часть литовскаго племени слилась, какъ полагаютъ, съ предками нынѣшнихъ малороссовъ Сѣдлецкой губерніи.

Но оказывается, что близкій къ русскому и литовскому обычаямъ съ трубой сохранился до настоящаго времени не только у литовцевъ, но и у черемисъ Царевококшайскаго уѣзда Казанской губерніи. Такая близость уже гораздо болѣе трудно объяснима съ исторической точки зрѣнія.

Задолго до того времени, какъ мы узнали о существованіи обычая трубить у русскихъ и поляковъ, лѣтъ 8 тому назадъ намъ случилось записать отъ солдата изъ черемисовъ Уржумскаго уѣзда Вятской губерніи Караксалинской волости дер. Нижняго Кижляя, что у нихъ въ деревнѣ существуетъ деревянная труба аршина въ 1½ длиною, называемая „пѣлѣмъ пут“, на которой черемисскія дѣвушки играютъ осенью по вечерамъ, переключаясь съ сосѣдними деревнями. Солдатъ, отъ котораго мы записали это свѣдѣніе, прибавилъ тогда, что играть на трубѣ у нихъ не дозволяется до тѣхъ поръ, пока весь хлѣбъ не убранъ съ поля, а иначе, какъ они думаютъ, зима будетъ очень холодная. Въ то время мы не придали сообщенію черемиса никакой важности, такъ какъ насъ интересовали не обычай съ трубой, а вообще народныя музыкальныя инструменты. Но теперь, когда такой же обычай оказался и у русскаго народа и притомъ у той его части, которая живетъ далеко не въ сосѣдствѣ съ черемисами, рассказъ черемиса получилъ для насъ большой интересъ. Позже мы узнали, что Нижній Кижляй вовсе не составляетъ исключенія въ ряду другихъ черемисскихъ селъ и деревень: нами былъ уже описанъ обрядъ изгнанія бѣсовъ, практикующійся во время празднованія „Сирѣма“ у черемисъ Царевококшайскаго уѣзда. Здѣсь остается еще добавить свѣдѣнія объ обрядахъ съ трубой у черемисовъ того же уѣзда, присланныя мнѣ моимъ братомъ, живущимъ въ той мѣстности.

„Здѣсь, пишетъ мнѣ братъ, трубятъ исключительно мужчины и преимущественно пожилые. Трубы имѣются двухъ сортовъ: одні для исполненія обрядности, другія—пастушескія (совершенно какъ у поляковъ Ломжинской губерніи, прибавимъ мы отъ себя, которые имѣютъ лигавки — трубы для обрядностей и тромбы—трубы пастушескія). Въ первыя изъ нихъ трубятъ для изгнанія такъ называемыхъ „кереметей“ (бѣсовъ, которые, по вѣрованію черемисовъ, заносятъ изъ деревни въ деревню различныя болѣзни). Предполагается, что „кереметь“, заслышавши въ какой-нибудь деревнѣ трубный звукъ, уходитъ оттуда и уже никогда болѣе не возвращается. Во вторыхъ, черемисы думаютъ, что трубными звуками они приносятъ благодарность Богу за помощь во время лѣтнихъ работъ. Обрядъ изгнанія бѣсовъ трубою по черемисски называется: „пуцомъ пуалташъ цѣр толмолецъ“ т. е. „трубятъ въ трубу отъ нашествія нечистаго духа“. Трубленіе начинается послѣ заката солнца и продолжается только до полуночи, до первыхъ пѣтуховъ. Керемети, по вѣрованію черемисовъ, могутъ причинять имъ вредъ только въ это время. Въ

трубы трубятъ осенью, начиная съ 16-го Августа и до Филиппова поста, трубятъ же въ остальное время считается величайшимъ грѣхомъ, за который Богъ непременно покараетъ или смертью или ударомъ молніи, бездождіемъ, голодомъ или сильнымъ вѣтромъ въ лѣтнее время. Для трубленія выходятъ на улицу, ибо въ избѣ отнюдь трубить не дозволяется. Труба по черемисски называется „пущо“, надъ нею дѣлаются наговоры, а потому давать потрубить въ нее человѣку постороннему, а въ особенности подозрѣваемому въ колдовствѣ считается очень опаснымъ. Трубленіе осенью передъ постѣвомъ производится обыкновенно въ роговую трубу и практикуется на чердакѣ или сѣновалѣ. Трубятъ тогда цѣлую ночь, выдѣлывая на трубѣ различныя ругады, причѣмъ для измѣненія тоновъ вкладываютъ два пальца въ разтрубъ рожка и перебираютъ ими. Трубить въ такой рожокъ очень трудно, а потому, протрубивши цѣлую ночь, черемисниѣ слѣзаетъ съ сѣновала въ полномъ изнеможеніи, какъ будто разбитый“.

Въ заключеніе о черемисахъ намъ необходимо передать о томъ, какъ справляется у нихъ самый важный въ году праздникъ ихъ „Сюрѣм“. Праздникъ этотъ въ Царевококшайскомъ уѣздѣ справляется или въ самый Петровъ день или въ одинъ изъ ближайшихъ, за нимъ слѣдующихъ дней, преимущественно въ понедѣльникъ. По описанію священника О. Яковлева, послѣ полудня въ назначенное мѣсто въ полѣ съѣзжаются черемисы со всего околотка и привозятъ съ собой узелки съ кушаньями, а жители ближайшихъ деревень выносятъ туда же столы. Кушанья разставляются по столамъ и начинается моленіе надъ ними. Молящіеся призываютъ имена боговъ, причѣмъ снимаютъ шапки и прикладываютъ ихъ три раза въ груди, кланяются и три раза приподнимаютъ со стола чашки съ вѣдой. Затѣмъ слѣдуетъ пиръ, а по окончаніи его благодарственная молитва. Во все время моленія и пира и играютъ на трубахъ, а молодежь, пріѣхавшая верхомъ, устраиваетъ состязательныя скачки и въ заключеніе три раза объѣзжаетъ вокругъ молящейся толпы. Этимъ заканчивается моленіе и всѣ разѣзжаются по домамъ (262).

Если сравнивать черемисскіе обряды и обычаи, соединенные съ трубой, съ обычаями литовцевъ, поляковъ и русскихъ въ вышеописанномъ районѣ, то сходство тѣхъ и другихъ окажется поразительнымъ. Здѣсь, также, какъ у поляковъ Ломжинской губерніи, различаютъ трубу для обрядностей отъ пастушеской, также, какъ у русскихъ нельзя трубить, пока хлѣбъ не убранъ съ поля и несвоевременное трубленіе, по вѣрованью народа, должно отразиться на наступающей зимѣ. Также какъ у русскихъ, поляковъ и литовцевъ главнѣйшіе обряды съ трубой совершаются осенью или вообще во второе (осеннее) полугодіе. Также какъ у поляковъ трубленіе разгоняетъ злыхъ духовъ и является богоугоднымъ дѣломъ, также какъ у русскихъ и у литовцевъ труб-

леніе производится ночью и продолжается въ теченіе довольно длиннаго промежутка времени (2 мѣсяца). Кромѣ того общественное празднованіе черемисскаго „Сирема“ очень напоминаетъ празднованіе литовцами ихъ „Великаго праздника“: онъ также приходится въ осеннее полугодіе, также устраивается на общій счетъ, изъ припасовъ, приносимыхъ каждымъ изъ молящихся, также сопровождается игрою на прямыхъ деревянныхъ трубахъ.

Объясненіе такой общности въ обрядахъ и обычаяхъ между народами, не живущими между собою въ ближайшемъ сосѣдствѣ, какъ мы сказали раньше, представляется довольно труднымъ съ исторической точки зрѣнія. Но хотя мы не имѣемъ историческихъ фактовъ о непосредственномъ сосѣдствѣ, когда то бывшемъ между литовцами и черемисами, однако оно не можетъ представляться для насъ слишкомъ неожиданнымъ и поразительнымъ, такъ какъ въ нашей этнографической литературѣ уже не разъ высказывалось предположеніе, что черемисы, мордва, вотяки и другіе наши восточные инородцы финскаго племени передъ началомъ русской исторіи жили гораздо западнѣе теперешняго своего мѣстожительства и были отсюда вытѣснены русскимъ народомъ, подвигавшимся при своей колонизаціи съ юга на сѣверъ. Къ такого рода предположеніямъ, насколько намъ помнится, было немало поводовъ: 1) остатки финскихъ племенъ въ Тверской губерніи, 2) финскія названія мѣстностей въ Московской губерніи, 3) нѣмецкія слова въ языкѣ восточныхъ финновъ (черемисское „тейтеръ“—дочь, пермяцкое „зон“, „зонка“—сынъ) и т. под. Словомъ этнографическая близость между восточными финнами и литовцами не можетъ представляться для насъ ни неожиданной, ни особенно поразительной. Несравненно поразительнѣе сходство въ тѣхъ же интересующихъ насъ обрядахъ между литовцами и евреями. Заимствованіе чего либо литовцами отъ евреевъ мы легко могли бы допустить и объяснить себѣ, еслибы дѣло касалось какихъ-нибудь христіанскихъ обрядовъ или обычаевъ, но когда, какъ здѣсь, рѣчь идетъ объ обычаяхъ очевидно относящихся ко временамъ дохристіанскимъ, приходится отказаться отъ какихъ-либо историческихъ объясненій фактовъ.

Данныя объ обычаяхъ съ трубой у евреевъ мы собрали сами распросами у нашихъ знакомыхъ евреевъ, знающихъ обычай своего народа, въ Варшавѣ и въ Волынской губерніи, а также воспользовались этнографическимъ матерьяломъ о русскихъ евреяхъ, собраннымъ у Чубинскаго („Труды экспедиціи... т. 7). Къ нимъ мы теперь и обратимся.

Трубленіе въ „шоферъ“ (бараній рогъ) у современныхъ евреевъ совершается только разъ въ году осенью. Библія предписывала древнимъ евреямъ трубить въ первое число 8-го мѣсяца въ воспоминаніе объ ангелахъ, трубившихъ на горѣ Синай. Начало седьмаго мѣсяца приходится около нашего 5-го Сен-

тября. Въ этотъ день современные евреи празднуютъ свой Новый годъ (Рошъ Гашана, по Чубинскому, или Рошъ Ашуна по произношенію Варшавскихъ евреевъ), хотя у древнихъ евреевъ Новый годъ долженъ былъ справляться въ началѣ не седьмого, а перваго мѣсяца, т. е. въ Мартѣ. Праздникъ продолжается 10 дней и заканчивается „Суднымъ днемъ (Іомъ-Кипуръ) (263).

Г. Брафманъ въ своей „книгѣ кагала“ такъ описываетъ празднованіе современными евреями Нового года:

„Во время существованія іудейскаго царствованія храмъ, оглушенный гимнами левитовъ и радостными звуками священныхъ трубъ, открывалъ днемъ Рошъ-Гашана 10-ти дневный періодъ, въ которомъ народъ, духовенство и даже самая святыня очищались и готовились къ великому народному торжеству, къ тому именно моменту, когда въ послѣдній и самый важный день этого праздника, Іомъ-Кипуръ, разверзались передъ первосвященникомъ, недоступныя для него въ теченіе всего года, двери Святая Святыхъ, и онъ, войдя туда съ искупительными дарами приносилъ оттуда народу прощеніе и благоволеніе Іеговы... Въ настоящее время, также по закону Моисееву, внѣ Іерусалима и внѣ стѣнъ храма, должное служеніе не можетъ быть совершаемо, а потому представители народа еврейскаго ввели такъ называемую мусафъ, синагольное служеніе, открываемое обрядомъ Текіотъ-Шоферъ—трубленіемъ въ рогъ... Согласно народному вѣрованію, въ этотъ день Іегова подтверждаетъ все то, что было предначертано каждому еврею въ Рошъ-Гашанѣ. Если человѣкъ, которому былъ предначертанъ горькій жребій на будущій годъ, не успѣлъ во время періода показанія исправить приговоръ, то по прошествіи Іомъ-Кипура уже поздно“.

Трубленіе въ шоферъ у современныхъ, по крайней мѣрѣ у русскихъ евреевъ, начинается ежегодно съ 1-го числа мѣсяца Элюля, предшествующаго Новому году. Оно совершается въ синагогѣ ежедневно, за исключеніемъ субботъ, при началѣ утренней молитвы. Трубочъ выдуваетъ при этомъ только одну Такію (объясненіе смотр. выше). Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что ежедневнаго трубленія въ теченіе цѣлаго мѣсяца требуетъ отъ евреевъ не Библия и не Талмудъ, а народный неписанный обычай. Только, начиная съ перваго дня Нового года трубятъ согласно предписанію Талмуда. Вышеописанный порядокъ трубленія, кромѣ мѣсяца Элюля, продолжается и въ началѣ мѣсяца Тишри, за исключеніемъ самаго кануна Нового года, въ который трубленія вовсе не бываетъ. Первый день Нового года можетъ иногда прійтись въ субботу и тогда трубить тоже нельзя. Но второй день никогда въ субботу не приходится, а потому всегда сопровождается трубнымъ звукомъ. Въ первые

два дня Нового года трубленіе совершается всегда въ строго опредѣленномъ порядкѣ, выражаемомъ слѣдующей схемой:

Отдѣленіе первое:

- 1) Одна Тэкія
- 2) Одна Тэруа
- 3) Одна Тэкія

Все отдѣленіе повторяется 3 раза, что составитъ: $3 \times 3 = 9$ приемовъ.

Отдѣленіе второе:

- 1) Одна Тэкія
- 2) Одинъ Шэварымъ
- 3) Одна Тэкія

Отдѣленіе повторяется 3 раза, $3 \times 3 = 9$ приемовъ.

Отдѣленіе третье:

- 1) Одна Тэкія
- 2) Одинъ Шэварымъ
- 3) Одна Тэруа
- 4) Одна Тэкія.

Отдѣленіе повторяется 3 раза, что составитъ: $4 \times 3 = 12$ приемовъ.

И того во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ—10 приемовъ безъ повтореній, а съ повтореніями—30 приемовъ. Полученная, такимъ образомъ, цифра приемовъ съ повтореніями—30 считается минимальной. Ея придерживаются между прочимъ въ Варшавской самой большой синагогѣ (на Тлумацкой), принадлежащей евреямъ талмудистамъ, которыхъ Хасиды называютъ нѣмцами. Но въ иныхъ еврейскихъ общинахъ, какъ напримѣръ въ городахъ Минской губерніи цифра эта доводится до максимума, состоящаго изъ 100 приемовъ. Въ последнемъ случаѣ всѣ 30 приемовъ повторяютъ 3 раза, получается: $30 \times 3 = 90$ приемовъ и кромѣ того всѣ три отдѣленія исполняются одинъ разъ безъ повтореній, получится: $3 + 3 + 4 = 10$ приемовъ, а всего выходитъ 100 приемовъ.

Такъ какъ трубачемъ на шоферѣ можетъ быть всякій, а слѣдовательно и человекъ, не вполне знакомый съ порядкомъ богослуженія, и такъ какъ кромѣ того вышеописанная схема трубныхъ звуковъ перемежается молитвами, то при каждомъ трубачѣ имѣется ассистентъ изъ людей, свѣдущихъ „въ законѣ“, который громко провозноситъ названіе приема, когда трубачу приходитъ очередь исполнять тотъ или другой номеръ изъ приведенной нами схемы. Читая свои молитвы, онъ вскрикиваетъ: „тэкія“ и трубачъ исполняетъ одну

„тэнію“, „шеварымъ“ и трубачъ играетъ шеварымъ. Если трубачъ неправильно исполнить какой-либо изъ своихъ пріемовъ, то ассистентъ заставляетъ его повторить во второй и въ третій разъ, пока трубный пріемъ не будетъ исполненъ вполне безукоризненно.

Такъ какъ еврейскій народъ вѣритъ, что во время праздника Рошъ-Гашана на небѣ совершается судъ надъ дѣйствіями людей въ прошломъ и рѣшается судьба ихъ въ будущемъ году, то соответственно съ этимъ вѣрованіемъ объясняется талмудистами обрядъ трубленія. По ихъ объясненію, обрядъ этотъ имѣетъ значеніе воззванія къ роду человѣческому, чтобы онъ оглянулся на свои суетныя дѣла и поступки и возвратился на путь истины, а вмѣстѣ съ тѣмъ звукомъ рога еврейскій народъ напоминаетъ о себѣ предъ престоломъ Всевышняго. Каждый звукъ шофера, по мнѣнію талмудистовъ, громитъ цѣлыя полчища злыхъ духовъ и даетъ силу и возможность ангеламъ плести изъ этихъ звуковъ занавѣси и вѣнки въ небесныхъ чертогахъ. Трубленіе совѣтуютъ сопровождать разными нашептываньями, часть которыхъ возлагается на самого трубача, а часть на остальныхъ молящихся.

Обряду Тэкіотъ-Шоферъ суетврное еврейское общество придаетъ особенно важное значеніе, и потому во время его исполненія въ синагогѣ водворяется необычная въ этомъ мѣстѣ глубокая благоговѣйная тишина: всѣ молящіеся отъ мала до велика съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за трубными звуками, стараясь не проронить ни одного изъ нихъ, такъ какъ по звукамъ этимъ гадаютъ о событіяхъ наступающаго года. Малѣйшая оплошность трубача, малѣйшая его неудача, какой-либо слабый или нечистый звукъ предвѣщаютъ въ наступающемъ году крупное несчастье для общины, а потому тотчасъ же повергаютъ всѣхъ присутствующихъ въ уныніе. Наоборотъ, безукоризненная игра на рожеѣ предвѣщаетъ счастье, а потому вызываетъ всеобщее ликованіе.

Послѣдній день праздниковъ, судный день (Іомъ-Кипуръ) и въ мѣстѣ съ нимъ десятидневный періодъ покаянія заканчивается тѣмъ же, чѣмъ начался въ Рошъ-Гашанъ: послѣ почти непрерывной молитвы въ теченіе цѣлаго дня подъ вечеръ раздается въ синагогѣ трубный звукъ, сопровождаемый кликами всего молящагося народа: „лешана габая бирушалеимъ“, т. е. „на будущій годъ въ Іерусалимъ“. Этотъ послѣдній трубный пріемъ состоитъ только изъ одной, очень протяжной Тэкіа, послѣ которой рогъ болѣе уже не трогается до слѣдующаго Новаго года.

Мы видимъ изъ этого описанія еврейскаго Тэкіотъ-Шофера, что въ немъ повторяются всѣ элементы обычая съ трубой, существующаго у литовцевъ, поляковъ, русскихъ и черемисовъ: 1) благоговѣйное отношеніе къ трубнымъ звукамъ, 2) исполненіе обряда осенью — въ теченіи довольно продол-

жительнаго промежутка времени, 8) вѣра въ способность трубныхъ звуковъ разгонять нечистую силу и 4) трубленіе въ самый важный годовоіъ праздникъ, соотвѣтствующій литовскому „Великому празднику“ и черемисскому „Сюрэму“. Что касается жертвоприношенія, совершавшагося въ этотъ день литовцами и черемисами, то его мы находимъ почти въ томъ же видѣ у древнихъ евреевъ.

Предполагать, что евреи заимствовали свои вышеприведенные обычаи у литовцевъ или у черемисъ было бы разумѣется слишкомъ неправдоподобно, зная древность еврейскихъ вѣрованій и упорство, съ которымъ этотъ народъ держится за всякую мелочь, изъ того, что онъ считаетъ закономъ Божиимъ.

Довольно близко къ вышеописаннымъ обычаямъ стоятъ также обычаи Мингрельцевъ. У этого народа подъ именемъ „Чечетоба“ извѣстны кануны праздниковъ Св. Ильи Пророка (20 іюля) и Успенія Богоматери (15 августа). Въ ночь „Чечетоба“, по повѣрью Мингрельцевъ, злые духи летаютъ по землѣ и стараются дѣлать людямъ зло. Въ эти ночи никто не долженъ спать, иначе злой духъ войдетъ въ спящаго и причинитъ ему болѣзнь, отъ которой ужъ никто его не вылечитъ. Въ сумеркахъ молодежь обоіею пола собирается гдѣ-либо на холмѣ вблизи деревни и здѣсь при кострахъ предается шумному веселію до самой зари. Оставшіеся въ деревнѣ тоже не спятъ: отовсюду слышатся выстрѣлы, крики, звуки деревянныхъ трубъ... Все это дѣлается для того, чтобы напугать и прогнать нечистую силу.

Мужчины и женщины „съ недобримъ глазомъ“, т. е. замѣченные въ сношеніяхъ съ нечистою силою, отправляются въ эту ночь на уединенную возвышенность, ближайшую къ селу, и оттуда подслушиваютъ, что дѣлается въ обывательскихъ домахъ. Стукъ топора, напримѣръ, знаменуетъ, что въ этомъ домѣ умретъ кто-либо изъ мужчинъ въ теченіи года... и т. под. На утро подслушватели объявляютъ по деревнѣ, что и гдѣ они слышали. Народъ вѣритъ въ неизбѣжность угаданной колдунами судьбы (264).

Мингрельская „Чечетоба“ походитъ на литовскій „Великій праздникъ“ и еврейскій „Іомъ-Кипуръ“, а въ особенности на этотъ послѣдній, такъ какъ въ теченіе его рѣшается судьба людей на наступающій годъ. Гаданье о будущей судьбѣ по звуку также напоминаетъ еврейское гаданіе, о которомъ мы только что сообщали. Изъ приведенной нами замѣтки не видно, существуетъ ли у Мингрельцевъ обычай трубить въ промежуткѣ между двумя „Чечетобами“, но если его и нѣтъ, то можно думать, что онъ утратился, оставивъ послѣ себя трубленіе въ началѣ урочнаго времени и въ его концѣ.

Далѣе сходство Мингрельскаго обычая съ предъидущими заключается въ томъ, что время трубленія приходится также во второе (осеннее) полугодіе и въ томъ, что Мингрельцы считаютъ необходимыми бодрствовать въ

теченіи цілої ночі, какъ это дѣлали и литовцы въ ихъ „Великій праз-
никъ“. Наконецъ Мингрельцы подобно черемисамъ вѣрятъ, что въ известное
время года, осенью, нечистая сила становится особенно опасной для человѣка
и употребляютъ для ея изгнанія такіе же приемы, какъ и черемисы.

Ко всему этому нужно добавить, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Ти-
бета передъ жатвой ламы собираются на вершинѣ холма, недалеко отъ се-
ленія и также трубятъ въ трубы въ знакъ благодарности за урожай, а за-
тѣмъ при звонѣ колокола имъ приносятъ первые плоды, и работы по уборкѣ
хлѣба начинаются (265). Кромѣ того, у Тибетцевъ существуетъ обычай
встрѣчать Новый годъ трубленіемъ въ трубы (266).

Тибетскій обычай трубленіемъ встрѣчать Новый годъ сходится съ ев-
рейскимъ; обычай трубить передъ жатвой напоминаетъ обычай русскихъ и
черемисъ, а обычай приносить ламамъ свои первые плоды, напоминаетъ
жертвоприношеніе древнихъ литовцевъ.

Если сходство еврейскихъ обычаевъ съ обычаями литовцевъ, поляковъ,
русскихъ и черемисъ исключало возможность для его объясненія прибѣгать
къ помощи исторіи, то тѣмъ болѣе неумѣстны были бы историческія объяс-
ненія загадочной общности въ обычаяхъ между вышеупомянутыми народами
съ одной стороны, и Мингрельцами и Тибетцами съ другой. Очевидно, что
факты подобнаго рода ведутъ свое происхожденіе онъ временъ доисториче-
скихъ, когда международныя отношенія могли быть совершенно иными, чѣмъ
во времена историческія.

Что касается смысла интересующаго насъ обычая, то изъ всѣхъ при-
веденныхъ нами примѣровъ проглядываетъ довольно ясно, что онъ не имѣлъ
другой цѣли, какъ только изгнаніе бѣсовъ, могущихъ повредить урожаю
хлѣба и его жатвѣ. А связь того же обычая съ земледѣліемъ указываетъ,
что вѣрованье, послужившее ему основой, должно было первоначально при-
надлежать народу земледѣльческому. Хотя этому послѣднему заключенію,
повидимому, не соотвѣтствуютъ обряды евреевъ и мингрельцевъ, которые
ничего общаго съ земледѣліемъ какъ-будто бы не имѣютъ, но мы настаиваемъ
на немъ во первыхъ потому, что на немъ сходятся пять народовъ (поляки,
литовцы, русскіе, черемисы и тибетцы), а во вторыхъ, что съ вѣрованіемъ
этихъ народовъ сходится еще вѣрованье суданскихъ негровъ, сохранившееся въ
своей первобытной чистотѣ. Путешественникъ по западному Судану, француз-
скій капитанъ Binger описываетъ, что въ Котэдугу ему пришлось быть
свидѣтелемъ одного обычая, сильно напоминающаго, замѣтимъ мы отъ себя,
черемисское изгнаніе бѣсовъ и находящагося также въ связи съ земледѣліемъ.
Субъекты мужскаго пола, называемые на мѣстномъ языкѣ „Ду“, наряжа-
ются въ странный костюмъ: вся ихъ одежда обшивается волокнами туземной

кожи и листьями пальмы, такъ что видомъ своимъ напоминаетъ длинную густую шерсть. Изъ такой же матеріи дѣлается и шапка, закрывающая всю голову до шеи только съ отверстиями для глазъ. Въ такомъ нарядѣ „Ду“ бѣгаютъ, вооруженные палками, по деревнѣ и по полямъ, сопровождаемые толпой, поющей пѣсни, которыя по временамъ прерываются дикими выкриками. Если кто-либо изъ встрѣтившихся съ маскированными дѣтей или взрослыхъ испугается ихъ, то они колотятъ его не на шутку. Подобный обрядъ продолжается день и ночь; онъ совершается только во время осенняго посѣва и по словамъ г. Binger'a имѣетъ своею цѣлью выгнать злыхъ духовъ, могущихъ помѣшать посѣву. У Тоновъ, одного изъ негритянскихъ племенъ западнаго Судана, сходство того же обряда съ черемисскимъ увеличивается еще тѣмъ, что ихъ „ду“, называющіеся на мѣстномъ нарѣчій „субакха“ (хозяева ночи), сопровождаютъ свои манипуляціи игрой на трубѣ изъ роговъ дикаго быка (267).

Въ одной старой французской книгѣ (*Océanie ou cinquième partie du monde par M. G. L. Dorney de Rienzi. Paris 1855, стр. 49 и 85*) описаніе религиозной церimonіи, совершающейся подъ названіемъ „Начі“ ежегодно, разъ въ годъ, у дикарей на островахъ Тонга въ Австраліи. Празднество это, какъ увидитъ читатель, имѣетъ поразительно много общаго съ „Великимъ праздникомъ“ древнихъ литовцевъ и съ „Сюрмомъ“ черемисовъ Царевкокшайскаго уѣзда, а потому мы не можемъ воздержаться, чтобы не привести его описанія, сдѣланнаго путешественниками.

Церimonія, о которой мы говоримъ, въ первый разъ наблюдалась и была описана знаменитымъ мореплавателемъ, Кукомъ, въ одно изъ его путешествій по Океаніи. Торжество это у жителей Острововъ Тонга считается настолько важнымъ и, священнымъ, что не смотря на уваженіе, которымъ пользовался среди нихъ Кукъ, ему, какъ иностранцу, долго не разрѣшали оставаться въ качествѣ зрителя при совершеніи религиозныхъ церimonій. А когда любознательному англичанину удалось таки настоять на своемъ, разрѣшеніе остаться было получено имъ только послѣ того, какъ онъ согласился вмѣстѣ со своими спутниками раздѣться до гола и спрятаться за высокимъ полисадомъ, да и то еще въ самые важные моменты торжества туземцы умышленно закрыли отъ него зрѣлище своими спинами.

„Начі“ (въ буквальномъ переводѣ—часть или доля) состоитъ въ жертвѣ богамъ въ лицѣ божественнаго владыки, первосвященника острововъ, „Туи-Тонга“, первыхъ плодовъ земли текущаго года. Она, какъ было уже сказано, совершается только разъ въ году (въ іюлѣ мѣсяцѣ) и имѣетъ цѣлью призвать покровительство боговъ на народъ и на произведенія земли, изъ числа которыхъ самымъ драгоценнѣйшимъ считается „Ямсъ“ или „Иньямъ“. Сборъ ямса совершается обыкновенно въ концѣ Іюля, а одна изъ его разновидностей, „Kahokaho“, посѣвается въ началѣ того же мѣсяца. Вотъ это послѣднее растение и употребляютъ при религиозной церimonіи. Какъ только оно созрѣетъ, король („Ноу“) извѣщаетъ о томъ Туи-Тонга и проситъ его назначить день для совершенія обряда. Такимъ днемъ назначается обыкновенно десятый, считая съ того дня, когда первосвященникомъ получено извѣщеніе короля. Въ продолженіе девяти сутокъ, предшествующихъ этому дню,

по цѣлымъ ночамъ бываютъ слышны звуки трубы—раковины, раздающиеся съ разныхъ концовъ острова. На девятый день вырываютъ изъ земли ямъ и украшаютъ его красными лентами. Торжество совершается обыкновенно на томъ островѣ, который Туи-Тонга выбираетъ резиденціей, а потому жители отдаленныхъ острововъ начинаютъ свои приготовления къ совершенію обряда нѣсколькими днями раньше. Въ канунъ праздника, тотчасъ по закатѣ солнца, по всему острову раздаются звуки раковинъ и все усиливаются по мѣрѣ приближенія ночи, въ то же время на всѣхъ плантаціяхъ поютъ что-то въ родѣ молитвы, называемой „Нофо“. Такъ продолжается всю ночь и только затихаетъ за 3—4 часа до восхода солнца, послѣ чего шумъ разгорается съ новой силой.

Около 8-ми часовъ утра на кладбище, огороженное палисадомъ, начинаютъ сходитьсѣ жители того острова, гдѣ совершается обрядъ, а въ то же время подѣзжаютъ на лодкахъ съ пѣснями и при звукахъ раковинъ жители сосѣднихъ острововъ. Всѣ прибывшіе входятъ въ ограду торжественной процессіей, мужчины, вооруженные палицами и копьями, а женщины въ новыхъ „гнату“ (куски матеріи изъ волоконъ тутоваго дерева), украшенные красными лентами и гирляндами цвѣтовъ. Мужчины навѣшиваютъ ямъ на длинныя толстыя жерди, кладутъ концы жердей на плечи двухъ человѣкъ и въ торжественной процессіи направляются къ могилѣ послѣдняго Туи-Тонга: они умышленно выступаютъ медленными шагами, дѣлая видъ, что ноша ихъ очень тяжела, чтобы показать, какъ милостивы боги, давшіе имъ такой обильный урожай и такой крупный и тяжеловѣсный ямъ. Впереди процессіи идутъ два молодыхъ человѣка, трубящихъ въ раковины, а двое другихъ, также съ раковинами, замыкаютъ шествіе. Около могилы полукругомъ усаживаются начальники съ ихъ помощниками; головы ихъ наклонены, а руки сложены на груди. Процессія дефилируетъ между нами и могилой и описываетъ три или четыре круга, послѣ чего складываютъ передъ могилой ямъ и усаживаются на землю. Тогда поднимается съ своего мѣста одинъ изъ „матабулей“ (помощниковъ) Туи-Тонга, выходитъ впередъ; садится противъ могилы и говоритъ молитву, въ которой онъ обращается сначала ко всѣмъ богамъ, потомъ къ каждому изъ нихъ въ отдѣльности и наконецъ къ покойному Туи-Тонга. Затѣмъ встаютъ снова всѣ присутствующіе, берутъ свой ямъ, снова обходятъ нѣсколько разъ процессіей около могилы и наконецъ снимаютъ ямъ съ жердей. Послѣ того приносятся всѣ остальные жертвы, состоящія изъ двухъ плодовъ земли, сушеной рыбы, кусковъ матеріи, циновокъ и проч. Одинъ изъ „матабулей“ Туи-Тонга производитъ тогда дѣлежъ всего пожертвованнаго: четвертую часть онъ отдаетъ жрецамъ, а остальное дѣлитъ поровну между королемъ и Туи-Тонга. Затѣмъ начинается приготовленіе и питье любимаго, національнаго напитка, „кава“, а въ это время одинъ изъ „матабулей“ обращается къ народу съ рѣчью, въ которой онъ говоритъ, что, исполнивши свою священную обязанность, народъ можетъ разсчитывать на защиту и покровительство боговъ и на долгую жизнь.

Празднество заканчивается танцами, борьбой и кулачными боями.

Сходство этого обряда съ описанными нами обрядами евреевъ, литовцевъ, черемисъ и другихъ выше перечисленныхъ народовъ заключается 1) въ

томъ, что обрядъ приходится на вторую половину года, 2) онъ приуроченъ ко времени созрѣванія и уборки плодовъ земныхъ, 3) совершенію обряда предшествуетъ еженощное трубленіе въ теченіе нѣсколькихъ дней, 4) трубленіемъ же сопровождается самый обрядъ, 5) празднество имѣетъ національный характеръ, такъ какъ на него съѣзжаются люди съ далекихъ окрестностей, 6) жертва богамъ приносится изъ первыхъ плодовъ текущаго года, 7) торжество совершается только одинъ разъ въ годъ, 8) въ ряду другихъ торжествъ оно считается самымъ важнымъ или однимъ изъ самыхъ важныхъ, какъ „Великій“ праздникъ у литовцевъ, 9) цѣль жертвы—испросить у боговъ покровительство земледѣлію, 10) кромѣ покровительства земледѣлію жертвователями ожидается въ видѣ награды за жертву долгая жизнь, о которой во время своихъ, соотвѣствующихъ Полинезійскому „Начи“, торжествъ гадаютъ евреи и мингрельцы и 11) празднество, также какъ черемисскій „сюрэмъ“, заканчивается состязаніями въ силѣ и въ ловкости.

По времени своего совершенія (осеннее полугодіе), разбираемый нами обрядъ напоминаетъ кромѣ того Сиро-Финикійскій культъ Адониса, извѣстный также и грекамъ и олицетворявшій собою ежегодное умираніе и возрожденіе растительной силы на землѣ. Согласно греческому мнѣнію, Адонисъ, по волѣ Зевса, отъ весенняго до осенняго равноденствія живетъ въ высшихъ небесныхъ сферахъ съ богиней Афродитой и ежегодно умираетъ отъ вепря, высылаемаго его противникомъ, богомъ Аресомъ. На второе же осеннее полугодіе онъ переходитъ въ подземныя сферы, гдѣ живетъ съ богиней Прозерпиной, пока на весну снова не возвратится въ небесныя сферы. Празднества въ честь Адониса, называвшіяся у грековъ Адоніями, происходили въ разныхъ мѣстностяхъ Греціи не одновременно, то въ началѣ лѣта, то во время жатвы, то наконецъ поздней осенью во время уборки плодовъ и винограда (268). Культъ этотъ, вѣроятно, былъ не безъизвѣстенъ и древнимъ евреямъ, судя по одному изъ титуловъ, которымъ они называли Бога: „Адонан“. А на знакомство съ тѣмъ же культомъ литовскаго народа намекаетъ приведенный нами выше обычай древнихъ Пруссовъ (народа литовскаго племени) ежегодно осенью разбивать статую своего божества Земеника и замѣнять ее новою.

Труба можетъ считаться этнографическимъ признакомъ, характернымъ для нѣкоторыхъ народныхъ группъ.

Изъ собраннаго здѣсь матеріала мы видимъ, какую важную роль играла труба въ жизни человѣчества. Ей приписываютъ божественное происхождение, ее сохраняютъ въ качествѣ реликвіи или священнаго предмета въ хра-

махъ, звукъ ея считаютъ чудотворнымъ, имъ призываютъ въ храмъ. Трубою сопровождаютъ богослуженія, жертвоприношенія и религіозныя процессіи, восходъ и закатъ солнца, религіозныя празднества, приходящіеся на всѣ времена года и на всѣ мѣсяцы въ году, рожденіе ребенка, свадьбу, похороны и наконецъ главнѣйшія занятія человѣка, какъ скотоводство и земледѣліе. Словомъ, почти нѣтъ ни одного важнаго момента въ человѣческой жизни, который бы не сопровождался трубнымъ звукомъ. Причиной такого высокаго значенія трубы въ глазахъ человѣка были, конечно, ея мощные звуки, способные внушать страхъ живымъ существамъ, а слѣдовательно придавать извѣстную силу ея обладателю. Сила же во всѣхъ ея видахъ и во всѣ времена была предметомъ человѣческихъ желаній, стремленій и надеждъ. И такъ въ трубѣ и ея звукахъ человѣкъ высоко чтилъ ту силу, которую она ему давала. Но кто же были тѣ враги человѣчества, противъ которыхъ помогала ему эта сила? Были-ли то существа равныя ему въ умственномъ отношеніи или низшія, чѣмъ онъ? Последнее намъ кажется вѣроятнѣе. Дѣйствительно о многихъ народахъ древности намъ передаютъ, что ихъ нападенія сопровождалось „ужаснымъ“ ревомъ трубъ, изъ примѣра Гедона и Авии мы видѣли, что благодаря трубамъ иногда выигрывались сраженія. Но дѣйствовали-ли во всѣхъ этихъ случаяхъ устрашающимъ образомъ самый звукъ трубъ? Разумѣется нѣтъ: труба была страшна только потому, что извѣщала о нападеніи многочисленнаго и грознаго противника. Можетъ быть, и было когда-нибудь такое время, впервые послѣ изобрѣтенія трубы, когда народъ, сдѣлавшій это изобрѣтеніе, пользовался преимуществами надъ своими противниками, которыми трубы еще не были извѣстны, но во всякомъ случаѣ время это не могло быть продолжительнымъ, каждый народъ могъ воспользоваться очевидными преимуществами, дававшимися трубой, такъ какъ матерьяла для постройки этого инструмента вездѣ много, а сдѣлать его себѣ по готовому образцу не особенно трудно. Слѣдовательно военныя свойства трубы, намъ кажется, были бы недостаточны для того, чтобы она приобрѣла такое, какъ мы видѣли, высокое значеніе у человѣчества, близкое къ ея культу. Вѣрнѣе всего допустить, что труба въ самыя первобытныя времена оказала огромную помощь человѣку въ его борьбѣ съ хищниками животнаго царства, которые въ началѣ были опасны для самого человѣка, а позже для его домашнихъ животныхъ.

Какъ бы ни было, но сознавая извѣстную силу, приобретенную при помощи трубы, человѣкъ естественно стремился примѣнить этотъ инструментъ всюду, гдѣ только видѣлъ для себя враговъ. Испытавши могущество трубнаго звука надъ звѣрами и людьми, онъ думалъ устрашить тѣмъ же и своихъ невидимыхъ враговъ, бѣсовъ, которые въ первоначальномъ представленіи человѣка не были могучими безплотными духами, какъ мы знаемъ ихъ теперь.

а существами, одаренными плотью и кровью, но невидимыми по ихъ малой величинѣ, чѣмъ то вродѣ мелкихъ насѣкомыхъ.

Позже взглядъ на бѣсовъ измѣнился, ихъ стали считать духами безплотными, но обряды для ихъ изгнанія остались все тѣ-же. Трубный звукъ продолжаетъ считаться страшнымъ для всей нечистой силы, а игра на трубѣ дѣломъ богоугоднымъ.

И такъ въ трубѣ человѣкъ цѣнилъ ея мощный звукъ, но вѣдь извѣстны еще и другіе музыкальные инструменты, которые даютъ звукъ не менѣе сильный и далеко слышимый, какъ напр. барабанъ, тарелки, тамъ-тамъ и колоколь, или духовные инструменты вродѣ флейты и гобоя, звуки которыхъ хотя и уступаютъ трубѣ на далекомъ разстояніи, но на близкомъ чуть-ли не превосходятъ ее своей пронзительностью. Было бы интересно въ высшей степени прослѣдить сравнительное значеніе всѣхъ этихъ инструментовъ въ жизни человѣчества, но это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко въ сторону отъ предмета настоящей статьи, такъ какъ вопросъ этотъ весьма обширенъ, а потому мы ограничимся на этотъ разъ лишь нѣкоторыми краткими замѣчаніями.

Металлическія ударные инструменты какъ тарелки, тамъ-тамъ и колоколь по всей вѣроятности болѣе новаго происхожденія, чѣмъ труба, такъ какъ для ихъ производства нужны были металлы, а труба могла быть извѣстна человѣку еще въ каменный періодъ, когда металлы не были извѣстны. Слѣдовательно, инструменты эти, какъ болѣе новые, не могли отнять отъ трубы всей ея славы, укрупленной вѣками, также какъ не можетъ этого сдѣлать ни ружейный или пушечный выстрѣлъ, ни свистки локомотива, дающіе несравненно болѣе сильные звуки. Но все-таки значительную долю этой славы металлическіе ударные инструменты, какъ будетъ описано ниже, уже отняли, а мѣстами быть можетъ и совершенно вытѣснили трубу, занявши ея мѣсто. Что касается барабана, то онъ по своей древности врядъ ли уступаетъ трубѣ, а потому сплошь и рядомъ фигурируетъ вмѣстѣ съ нею и очень часто ее замѣняетъ. Кромѣ того, есть случаи, въ которыхъ съ трубою очень успѣшно конкурируютъ такіе же древніе, какъ труба, деревянные инструменты изъ рода флейтъ и гобоевъ и даже волярка. Такимъ образомъ, есть народы, которые въ своей религіозной жизни не пользуются иными инструментами кромѣ трубы, есть такіе, которые кромѣ трубы имѣютъ и другіе инструменты: ударные и духовые и, наконецъ, есть такіе, которые вовсе не признаютъ значенія трубы, но выше всего ставятъ барабаны, флейты или гобой. Если мы теперь обратимся къ тѣмъ моментамъ изъ жизни народовъ и къ тѣмъ приведеннымъ выше обрядамъ и обычаямъ, которые сопровождаются трубными звуками, то увидимъ, что въ массѣ случаевъ они вовсе не связаны съ трубами нераз-

рывно, такъ какъ трубные звуки замѣняются сплошь и рядомъ звуками другихъ инструментовъ или же просто шумомъ и криками.

Изъ всего собраннаго здѣсь матерьяла видно, что наибольшее распространеніе по земному шару труба имѣла въ качествѣ инструмента военнаго и сигнальнаго. На войнѣ ея громкіе звуки, повидимому, болѣе всего были необходимы для человѣка, а потому эта необходимость скорѣй всего могла вызвать заимствованіе и передачу трубы отъ народа къ народу. Но при всемъ томъ мы находимъ историческія свидѣтельства, что древніе греки, напримѣръ, заимствовали свою военную трубу сравнительно въ очень позднія историческія времена, а до тѣхъ поръ довольствовались на войнѣ кнеарами и флейтами. Кромѣ того, есть свидѣтельства о древнихъ Парянахъ, что у нихъ барабанъ былъ такимъ же національнымъ военнымъ инструментомъ, какъ у персовъ труба. Далѣе у арабовъ, у османовъ, у киргизъ и въ старинныхъ польскихъ войскахъ дудки изъ рода гобоевъ считаются военными инструментами наравнѣ съ трубами. У китайцевъ съ трубой въ качествѣ военнаго инструмента соперничаетъ гонъ-конгъ, а у австралійскихъ дикарей тамъ-тамъ. Да наконецъ и въ наше время въ европейскихъ войскахъ барабанъ пользуется совершенно одинаковыми правами гражданства съ трубой. Такимъ образомъ въ военномъ дѣлѣ труба не представляетъ собою единственнаго и неизбѣжнаго инструмента.

Но еще рѣже встрѣчается она въ качествѣ инструмента религіознаго. Даже у евреевъ, гдѣ уваженіе къ трубѣ граничило съ ея культомъ, рядомъ съ нею были употребляемы при богослуженіяхъ арфы или гусли. Тоже самое мы видимъ въ Индіи, гдѣ браминны пользуются трубой при своихъ религіозныхъ обрядахъ вмѣстѣ съ колокольчикомъ и у буддистовъ, гдѣ кромѣ трубы при храмахъ существуетъ много другихъ музыкальных инструментовъ духовныхъ и ударныхъ. У древнихъ литовцевъ при жертвоприношеніяхъ кромѣ трубъ и роговъ употреблялись бубны, котлы и пищали. У черемисовъ Царевкокшайскаго уѣзда при ихъ жертвоприношеніяхъ кромѣ трубы мы находимъ гусли и „пузырь“ (родъ волынки). Послѣдній инструментъ считается у нихъ даже священнымъ. У нашихъ сибирскихъ инородцевъ, у лопарей, самоѣдовъ и другихъ арктическихъ народовъ сѣвернаго полушарія трубы вовсе нѣтъ, а роль священнаго инструмента играетъ знаменитый бубенъ шамановъ и т. д.

Какъ инструментъ для храмоваго благоговѣя въ Европѣ и во многихъ странахъ Азіи, труба замѣняется колоколами, а гдѣ таковыхъ нѣтъ, колотушками и трещетками. Тѣ же самые инструменты замѣняютъ колокола и во время такъ называемаго „поста колоколовъ“, какъ это при-

ходится наблюдать у поляковъ католиковъ Ломжинской губерніи Островскаго уѣзда и у бывшихъ униатовъ Сѣдлецкой губерніи Родинскаго уѣзда.

Для ежедневнаго оповѣщанія жителей о восходѣ и закатѣ солнца у персіанъ, до сихъ поръ соблюдающихъ этотъ обычай, кромѣ трубы, употребляется еще барабанъ.

Выше мы приводили рядъ ежегодно совершаемыхъ и сопровождающихся трубой обрядовъ или прямо называемыхъ „изгнаніемъ бѣсовъ“, или хотя не называемыхъ такъ, но вполне имъ соответствующихъ. И вотъ у французовъ во время совершенія обряда „огней“, кромѣ трубныхъ звуковъ, раздаются еще выстрѣлы, а у черемисовъ при „изгнаніи бѣсовъ“ стрѣляютъ и шумятъ трещетками. Въ иныхъ мѣстностяхъ труба въ такихъ же случаяхъ даже вовсе отсутствуетъ и замѣняется: стрѣльбой и шелканьемъ бича — въ Эльзасѣ (269), игрой на дудкахъ — у малороссовъ (270), игрой на бубнахъ, сопѣляхъ и издѣліяхъ струнныхъ — въ старину у великороссовъ (271), трещеткой и скрипкой — у современныхъ чувашъ (272) и т. под.

Обрядъ трубленія въ Новый годъ, соблюдаемый у современныхъ евреевъ, имѣетъ также свои варианты, въ которыхъ труба или отсутствуетъ или замѣняется другими музыкальными инструментами.

Такъ, въ Германіи въ Новый годъ стрѣляютъ изъ ружей и шелкаютъ хлыстомъ, чтобы отогнать злого духа; на Гарцѣ обычай этотъ извѣстенъ подъ именемъ „Новогодней стрѣльбы“ (273). Кашубы въ Помераніи поднимаютъ адскій шумъ, чтобы прогнать старый годъ изъ своихъ деревень и съ полей (274).

У имеретинъ (275), грузинъ (276) и гурійцевъ (277) Новый годъ встрѣчаютъ стрѣльбой.

Въ Тибетѣ въ полночь послѣдняго дня стараго года молодые люди съ барабаннымъ боемъ выходятъ въ поля (278).

У Молдаванъ наканунѣ Новаго года молодежь ходитъ отъ дома къ дому со звономъ колокольчиковъ, хлопаньемъ бичей и дружными криками (279).

Тоже самое можно сказать объ обычаяхъ саксонскихъ нѣмцевъ и Тибетцевъ изгонять трубнымъ звукомъ злого духа, производящаго болѣзни. Идея изгнанія болѣзни шумомъ, повидимому, широко распространена по земному шару. Такъ на о-вѣ Мадагаскарѣ, по словамъ очевидца, для излеченія болѣзни считаютъ необходимымъ изгнать изъ заболѣвшаго злого духа ангатру, для чего бьютъ, что есть мочи, надъ ухомъ больного топорикомъ по клину, подвѣшенному на струнѣ (280). Въ западной Австраліи на обя-

занности лекаря лежитъ бѣгать кругомъ пациента и, уходя отъ него, стрѣлять, чтобы отпугнуть злыхъ духовъ (281) и т. под.

Вѣрованье чеховъ, что труба отгоняетъ грозовыя тучи, также не можетъ считаться оригинальнымъ, потому что существуетъ у многихъ другихъ народовъ. Такъ, напримѣръ, поляки думаютъ, что грозовыя облака танцуютъ особые духи, называемые планетниками и что ихъ можно отогнать звономъ колоколовъ (282). Съ той же цѣлью звонятъ въ колокола въ бельгійскомъ Люксембургѣ (283) и въ Эльзасѣ (284). У одного изъ южноамериканскихъ племенъ гуайкурусовъ, предвидя бурю, мужчины вооружаются своими манканами и выходятъ изъ деревень, а женщины и дѣти, слѣдуя за ними, кричатъ изъ всѣхъ силъ, думая такимъ образомъ прогнать демона, который причиняетъ бурю (285).

Еще больше вариантовъ имѣетъ приведенный нами выше обычай негровъ съ береговъ Нигера отгонять съ трубою демоновъ или драконовъ, проглатывающихъ, по народному вѣрованью, луну во время ея затмѣнія. Такъ, напримѣръ, вангуаны восточной Африки въ томъ же случаѣ колотятъ въ металлическую посуду (286). Въ Константинополѣ производятъ шумъ при помощи чугуновъ, кострюль, котловъ и т. под. звонкой посуды (287). У Вессарабскихъ Гагаузовъ стрѣляютъ изъ ружей, стучатъ въ мѣдную посуду и всячески шумятъ. У Грузинъ—поднимаютъ крикъ и стрѣляютъ изъ ружей (288). У Армянъ стрѣляютъ изъ ружей, звонятъ въ колокола, поднимаютъ шумъ и гамъ (289). Мусульмане Талтшинцы Ленкоранскаго уѣзда стучатъ въ мѣдную посуду и стрѣляютъ изъ ружей (290). У татаръ Шемаханскаго уѣзда—стрѣляютъ изъ ружей, бьютъ палкой въ мѣдные тазы и вообще поднимаютъ шумъ и гвалтъ (291). Удины православные и грегориане с. Варташена Нухинскаго уѣзда—стрѣляютъ изъ ружей и шумятъ (292). У турецкаго племени карагасовъ (въ Сибири) стрѣляютъ изъ ружей (293). Въ Китаѣ самъ императоръ бьетъ въ барабанъ. У Стіеновъ въ Камбоджѣ издають дикіе крики. На о-вѣ Суматрѣ производятъ сильные шумъ съ помощью различныхъ инструментовъ. Прокезы въ Африкѣ кричатъ, шумятъ, стучатъ, бьютъ въ барабаны и стрѣляютъ изъ ружей. Каравбы—кричатъ и шумятъ въ священную трещетку. Индѣйцы Чикитосы пускаютъ въ небо тучи стрѣлъ, сопровождая все это громкими криками. Нѣкоторые племена сѣверной Мексики и полуострова Юкатана били своихъ собакъ и производили шумъ всякаго рода. Древніе Перуанцы также били своихъ собакъ, чтобы заставить ихъ выть. Гренландцы колотятъ въ котлы (294) и т. д.

Словомъ, повидимому, нѣтъ или почти нѣтъ такихъ обрядовъ, которые не были бы неразлучны съ трубою.

Вотъ почему мы думаемъ, что особое пристрастіе къ трубѣ и употребленіе

ея при тѣхъ или другихъ обрядахъ у какой-либо этнографической группы можетъ служить для нея характернымъ признакомъ, отличающимъ ее отъ однихъ группъ и сближающимъ съ другими.

Изъ собраннаго здѣсь матерьяла видно, что труба широко распространена по земному шару за исключеніемъ развѣ сѣверной Сибири (295) и всѣхъ арктическихъ странъ. Однако, можно думать, судя по примѣру Польши, въ доброй половинѣ которой нѣтъ трубы въ народномъ употребленіи, всей Малороссіи, Гагаузовъ, у которыхъ на языкѣ нѣтъ даже слова для понятія труба, молдаванъ, болгаръ, древней Греціи, въ которой труба введена была въ историческія времена и проч., что труба распространяется по земному шару далеко не сплошь, а спорадически. Причемъ въ этомъ отношеніи сходны между собою такіе отдаленные народы какъ австралійцы съ литовцами, негры Гвинеи съ бурятами, американскіе индѣйцы съ французами и т. под., а въ тоже время отличаются такія близкія племена, какъ малороссы украинскіе и галиційскіе или поляки Ломжинской губ. и поляки же Петровской губерніи.

Есть въ этомъ распространеніи трубы что-то какъ бы нанесенное извнѣ, неизмѣняющее ничего общаго съ родствомъ людей по цвѣту кожи, по строенію тѣла, по языку, по исторической судьбѣ и т. д.

Первое, что можетъ прійти въ голову при разсмотрѣніи, собраннаго нами матерьяла—это то, что труба могла быть изобрѣтена самостоятельно у всѣхъ тѣхъ народовъ, у которыхъ она существовала или существуетъ. Но такому предположенію противорѣчатъ факты изъ области трубной техники. Такъ напримѣръ одинъ и тотъ же инструментъ, одинаковаго устройства, можно найти на огромныхъ пространствахъ. Трубы изъ слоновыхъ клыковъ съ мундштукомъ на боковой поверхности встрѣчаются на всемъ Африканскомъ материкѣ отъ Египта до мыса Доброй Надежды и отъ Занзибара до Гвинейскаго залива.

Раковины-трубы съ мундштукомъ на боковой поверхности можно найти по всей Полинезій отъ Индійскаго Архипелага до Маркизовыхъ острововъ. Трубы съ мундштукомъ на концѣ распространяются по всей Европѣ, Азій и Америкѣ. Прямую и длинную деревянную трубу въ Южной Америкѣ можно встрѣтить отъ Венецелы черезъ всю Бразилію до Чили.

Мало того, если приглядѣться поближе къ собранному нами здѣсь матерьялу, то можно даже построить нѣсколько догадокъ о томъ, какими путями и въ какомъ направленіи одна часть свѣта вліяла на другую. Такъ, напримѣръ, если мы возьмемъ трубы-раковины, то ихъ центромъ была, повидимому, Индія, откуда онѣ распространились на востокъ въ Полинезію, но въ этой послѣдней съ Азіатскимъ вліаніемъ столкнулось Африканско, такъ какъ раковины имѣютъ здѣсь боковое мундштучное отверстіе, составляющее характерную особенность трубъ Африканскаго материка. Обратнаго же вліанія со сто-

роны Полинезии въ сторону Африки незамѣтно, такъ какъ трубы-раковины дальше о-ва Мадагаскара въ Африкѣ не распространяются. Что касается южной Европы, то общность ея съ Индiей въ этомъ отношенiи очевидна, хотя эти мѣстности раздѣлены между собой передней Азiей, въ которой раковинъ-трубъ не было.

Наконецъ, центральная Америка, къ немалому нашему удивленiю, въ отношенiи трубъ обнаруживаетъ близость не съ Австралiей, какъ-бы того слѣдовало ожидать, а со старымъ свѣтомъ, такъ какъ расположенiе мундштучнаго отверстiя во всей Америкѣ одинаково съ Европейскимъ и Азiатскимъ, за исключенiемъ Сѣверо-восточнаго угла южной Америки, которая по своему боковому мундштучному отверстiю сходна съ Африканскимъ материкомъ (табл. I №№ 3, 7 и 8).

Такъ что, если труба возникла самостоятельно въ нѣсколькихъ пунктахъ земного шара, то пунктовъ этихъ могло быть сравнительно очень немногo.

Въ томъ же убѣждаетъ насъ сравненiе между собою названiй для трубъ, встрѣчающихся въ разныхъ концахъ земного шара. Повидимому большинство этихъ названiй происходятъ изъ нѣсколькихъ звукоподражательныхъ корней:

Такъ напримѣръ цѣлый рядъ названiй для трубы происходитъ отъ корня *кр.*: у древнихъ евреевъ и абисинцовъ: керенъ, греч. *keras*, кельтск. *karnix*, латинск. *cornu*, итальян. *cornu*, француз. *corne*, нѣмец. и англiйск. *horn*, таранчинск. *карнай*, киргизское *керней*, османское *цурна*, индiйск. *сагна*, японск. *нога*.

Отъ другого корня *тр.*: итал. *tromba*, франц. *trompette*, нѣм. *Trompette*, англ. *trumpet*, чешск. *trouba*, русск. труба, польск. *trąba*, галиц. *трембита* или *трубета*, средневѣков. европ. *taurea*, латыш. *taure*, остъ-индск. *tare*, *tutare*, *turl*, *tarai*, южно-америк. *ture*.

Отъ корня *бр.*: инд. *burī*, *bhere*, *bherubnathī*, монгольское *буръ*.

Отъ корня *рг.*, *рк.*: русск. *рогъ*, латышск. *гах*.

Отъ корня *туд.*: индiйск. *tuda*, русск. *туда*, чувашск. *тудутъ*.

Отъ корня *бук.*, *буц.*, *пуц.*: латин. *buccina*, франц. *busine*, *buisine*, испан. *bozina*, старонѣмец. *pusine*, новонѣмец. *busaune*, черемиск. *пуцо*, *путь*, Филипп. остров. *budiong*, южн. Америк. *batuto*, греч. *βουαυη*, грузинск. и имерет. *буки*, армянск. *pegh peghenstia*, индiйск. *punga*.

Отъ корня *кб.*: индiйск. *kombee*, *kombu*, осман. *кабу* - *цурна* и т. д.

Но что труба переносилась по земному шару съ мѣста на мѣсто, болѣе всего убѣждаетъ насъ сравненiе между собою обычаевъ и обрядовъ, соединенныхъ съ ея употребленiемъ, изложенное въ началѣ настоящей главы.

И такъ невозможно отрицать, что между народами земного шара относительно трубы и, связанныхъ съ нею, обычаевъ существуетъ нѣкоторая общность. Вопросъ только въ томъ, какъ себѣ ее объяснить. У насъ для такого рода фактовъ есть только два объясненія: 1) прямое заимствованіе отъ сосѣдей и 2) заимствованіе черезъ купцовъ. Объяснить такимъ образомъ передачу самого инструмента еще кое-какъ возможно, но понять распространеніе тѣмъ же путемъ вѣрованій, обрядовъ и обычаевъ уже гораздо труднѣе, зная какъ всѣ народы консервативны и какъ цѣлко они держатся за свою родную старину. Однако, дѣйствительность даетъ намъ еще болѣе сложныя и запутанныя явленія, понять которыя при вышеизложенномъ способѣ объясненія уже совершенно невозможно. Какъ, напримѣръ, объяснить распространеніе одинаковыхъ обычаевъ не между сосѣдними народами, а между такими, которые говорятъ совершенно на различныхъ языкахъ, отдѣлены между собою тысячами верстъ и живой стѣной изъ другихъ народовъ, такихъ обычаевъ неизмѣняющихся. Или какъ объяснить заимствованіе тѣмъ же путемъ и при такихъ же условіяхъ обычаевъ не одного какого-либо рода, а цѣлаго ряда обычаевъ самыхъ разнородныхъ, цѣлой комбинаціи ихъ, составленной какъ бы совершенно случайно. Рядъ такого рода трудно объяснимыхъ фактовъ мы и намѣреваемся привести въ слѣдующей главѣ.

Загадочныя параллели.

Есть не мало скептиковъ, даже среди людей, занимающихся этнографіей, которые не ждутъ большой пользы отъ сравнительнаго изслѣдованія такъ называемыхъ международныхъ сказочныхъ темъ, вѣрованій, обрядовъ, обычаевъ и проч. Для нихъ вовсе не кажется страннымъ, совпаденіе хотя бы даже въ мельчайшихъ подробностяхъ вѣрованій, обычаевъ и темъ у народовъ самыхъ отдаленныхъ между собою по языку и раздѣленныхъ морями и океанами. Человѣчество въ ихъ глазахъ представляется настолько однообразнымъ психически, что отдѣльные его народы и племена должны были совершенно независимо, безъ всякихъ международныхъ сношеній прійти къ однимъ и тѣмъ же вѣрованьямъ, обрядамъ и обычаямъ. Но есть однако случаи, въ которыхъ даже эти скептики не могутъ объяснить международную общность только однообразной организаціей психической природы человѣка. Сюда относится вопросъ о человѣческихъ языкахъ. Ни одинъ самый отчаянный приверженецъ теоріи машинообразнаго дѣйствія человѣческой психики не могъ бы допустить, напримѣръ, что такіе, близкіе между собой языки, какъ русскій и польскій, нѣмецкій и голландскій, французскій и итальянскій могли возникнуть совершенно самостоятельно, независимо другъ отъ друга и только слу-

чайно сойтись между собою на однихъ и тѣхъ же корняхъ и грамматическихъ формахъ. Спрашивается: что же именно въ этомъ случаѣ заставляетъ принимать за неоспоримый фактъ общее происхожденіе изъ одного источника такихъ близкихъ между собою языковъ? Отчего, принимая у всего человечества однообразную психическую организацію, мы неможемъ однако ни на минуту допустить, чтобы два народа, живя совершенно отдѣльно другъ отъ друга и вырабатывая самостоятельно свои языки, могли бы сойтись на ихъ корняхъ и формахъ такъ близко, какъ сходится напримѣръ русскій народъ съ польскимъ? Ясно, что здѣсь играетъ роль прежде всего огромная сложность такого психическаго явленія какъ народный языкъ. А слѣдовательно, если мы находимъ у двухъ или нѣсколькихъ народовъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго въ ихъ историческихъ судьбахъ, общія вѣрованья, обряды и обычаи, то мы до тѣхъ только поръ можемъ сомнѣваться въ доисторической общности этихъ народовъ, пока ихъ общія вѣрованья, обряды и обычаи не очень сложны, но какъ только сложность этихъ этнографическихъ признаковъ увеличится, то вмѣстѣ съ тѣмъ увеличится и вѣроятность ихъ общаго происхожденія.

Вотъ этотъ-то законъ и даетъ въ руки этнографа изслѣдователя ключъ къ мысленному проникновенію въ такія отдаленныя эпохи изъ минувшей жизни народовъ, о которыхъ исторія не можетъ имѣть ни малѣйшаго представленія. Путей къ такого рода изслѣдованіямъ можетъ быть очень много, но мы хотимъ указать здѣсь на одинъ изъ нихъ, который, какъ намъ кажется можетъ привести къ очень плодотворнымъ результатамъ. Изслѣдователи должны прежде всего собрать свѣдѣнія о какомъ-либо международномъ вѣрованьи подобно тому, какъ мы собрали здѣсь свѣдѣнія о трубахъ. При этомъ по отношенію къ данному вѣрованью человечество раздѣлится на двѣ части: одна — несомнѣнно имѣющая у себя искомое вѣрованье, а другая — его не имѣющая. Вотъ—первый шагъ по пути подобнаго рода изслѣдованій.

Если обратиться къ трубѣ и обычаямъ, съ нею соединеннымъ, то при помощи собранныхъ здѣсь свѣдѣній мы можемъ раздѣлить все человечество на двѣ большія группы: 1) народы, имѣющіе у себя трубу и пользующіеся ею для разныхъ своихъ цѣлей и 2) на народы, неимѣющіе трубы и не пользующіеся ею. Назовемъ первую изъ этихъ группъ—А.

Сдѣлать предположеніе, что у всѣхъ народовъ, вошедшихъ въ составъ группы А, труба могла быть изобрѣтена самостоятельно еще до нѣкоторой степени возможно, хотя не безъ натяжки, но при дальнѣйшемъ, болѣе близкомъ знакомствѣ съ собраннымъ нами матеріаломъ такое предположеніе, какъ мы увидимъ, становится все менѣе и менѣе вѣроятнымъ.

Если мы соизмѣримъ между собою вѣрованья, соединенныя съ трубой, у

народовъ, входящихъ въ группу А, то увидимъ что эти народы можно снова подраздѣлить на двѣ группы по сходству въ деталяхъ ихъ вѣрованій и обычаевъ. Напримѣръ, мы получимъ: 1) такіе народы, у которыхъ есть религиозное уваженіе къ трубѣ и 2) такіе, у которыхъ никакого религиознаго уваженія къ этому инструменту не имѣется.

Если мы назовемъ первую изъ этихъ новыхъ группъ черезъ В, то увидимъ во первыхъ, что группа В меньше группы А, а во вторыхъ, что вѣроятность доисторической общности между народами, входящими въ группу В стала больше, чѣмъ она была для народовъ группы А, такъ какъ между народами группы А общою была только одна черта: пользованіе трубою, тогда какъ между народами группы В есть уже двѣ общія черты: 1) пользованіе трубою и 2) религиозное уваженіе къ трубѣ.

Если мы тѣмъ же порядкомъ снова подраздѣлимъ группу В на двѣ новыя группы напримѣръ на такую, въ которой приняты исключительно прямыя трубы и такую, въ которой имѣются кромѣ прямыхъ еще и изогнутыя, то получимъ еще новую группу С, которая будетъ менѣе В, но у которой вѣроятность доисторическаго общенія народовъ, входящихъ въ группу, еще болѣе увеличится и т. д.

Слѣдовательно, если мы для сравненія между собою народовъ по отношенію ихъ къ какому-либо общему обычаю будемъ вводить одну общую черту за другой, то будутъ получаться все меньшія и меньшія группы, а вѣроятность до историческаго общенія между народами въ этихъ группахъ будетъ становиться все болѣе и болѣе и изъ области предположеній будетъ все болѣе и болѣе передвигаться въ область неоспоримыхъ фактовъ.

Разсуждая подобнымъ же образомъ, мы могли бы дойти въ концѣ концовъ и до той небольшой группы народовъ, между обычаями которыхъ, связанныхъ съ трубою, сравненіе было сдѣлано нами выше, мы говоримъ: о евреяхъ, литовцахъ, полякахъ (губерній: Плоцкой, Ломжинской и Сѣдлецкой), русскихъ (губерн. Сѣдлецкой, Гродненской, Волынской и Минской), черемисахъ, мингрельцахъ и тибетцахъ. Между народами этой группы сходство по отношенію къ вѣрованьямъ, соединеннымъ съ трубою, оказалось такъ велико, что мы считаемъ себя въ правѣ искать между ними и другія родственныя черты, ничего общаго съ трубою не имѣющія. И дѣйствительно, ниже мы увидимъ нѣсколько поистинѣ странныхъ загадочныхъ паралелей въ числѣ этнографическихъ признаковъ этихъ народовъ.

Легко понять, что если бы мы подобнымъ же образомъ изслѣдовали и другія международныя вѣрованья, то получили бы рядъ народныхъ группъ, между которыми были несомнѣнныя близкія сношенія въ доисторическія вре-

мена, а это открыло бы передъ нами широкую картину доисторической жизни народовъ.

Переходя затѣмъ къ параллелямъ между обычаями евреевъ, литовцевъ, поляковъ (Плоцкой, Варшавской, Ломжинской и Сѣдлецкой губ.), русскихъ (Сѣдлецкой, Гродненской, Волынской и Минской губ.), черемисъ, мингрельцевъ и тибетцевъ, мы должны предупредить читателей, что мы не занимались подробнымъ сравнительнымъ изученіемъ этнографическаго матерьяла всѣхъ перечисленныхъ здѣсь народовъ и взяли для сравненія только такія общія черты, которыя такъ сказать слишкомъ бросались въ глаза, а потому и подборъ такихъ чертъ получился совершенно случайный. Кромѣ чертъ болѣе или менѣе общихъ всѣмъ взятымъ нами здѣсь народамъ, мы между прочимъ обратили вниманіе и на такія, которыя общи только двумъ или тремъ изъ нихъ.

У большинства народовъ, какъ извѣстно, существуютъ нѣкоторые излюбленные цвѣта въ одеждѣ или въ украшеніяхъ, у одного—бѣлый, у другого красный, у третьяго—синій, зеленый, желтый и т. д. У европейскихъ народовъ нашего времени цвѣтъ одежды и украшеній сдѣлался предметомъ моды. Измѣнявая мода не только выдвигаетъ по произволу то тотъ, то другой цвѣтъ, отдавая ему временное преимущество надъ другими и называя его моднымъ, но даже отъ времени до времени придумываетъ новые цвѣта или лучше сказать оттѣнки цвѣтотъ. А потому мы уже привыкли смотрѣть на цвѣтъ одежды только съ точки зрѣнія его красоты. Но есть и въ нашей жизни такіе случаи, когда всецѣльная мода принуждена бываетъ сообразоваться съ народными вѣрованьями. Такъ, напримѣръ, никакая мода не въ состояніи была бы измѣнить цвѣтъ нашихъ траурныхъ костюмовъ, хотя цвѣтъ траура вещь совершенно условная: мы знаемъ что у нѣкоторыхъ народовъ траурнымъ цвѣтомъ считается бѣлый, а у другихъ синій и даже желтый. Точно также мода не пытается измѣнить цвѣта свадебнаго костюма невѣсты, всегда бѣлаго, хотя привычка къ употребленію этого цвѣта на свадьбѣ не имѣетъ никакихъ другихъ основаній, кромѣ какихъ-то древнихъ, совершенно забытыхъ вѣрованій. Если же отъ европейскаго интеллигентнаго общества обратиться къ простолюдинамъ, то тамъ мы найдемъ несравненно болѣе подобныхъ привычекъ къ извѣстнымъ цвѣтамъ, сдѣлавшихся для народа второй натурой. Дѣйствительно, если присмотрѣться къ цвѣту народнаго костюма, то мы найдемъ огромныя области, гдѣ преобладаетъ красный цвѣтъ и другія, гдѣ преобладающимъ цвѣтомъ является черный, бѣлый или синій. Отсюда берутъ свое начало такъ называемые національные цвѣта. Но кромѣ національныхъ цвѣтовъ есть еще цвѣта религіозные, составляющіе отличительный признакъ, какъ бы знамя, для людей, принадлежащихъ къ одной религіи или же считающихся любимымъ цвѣтомъ того или другого божества. Очень понятно, что привычка къ

такому цвѣту, предписываемому религіей, укрѣпляясь въ народѣ цѣлыми столѣтіями, впоследствии дѣлалась для него второй натурой и не легко было народу отдѣлаться отъ нея даже и въ томъ случаѣ, если онъ перемѣнялъ свою религію. Вотъ почему намъ кажется, что предпочтеніе, отдаваемое народомъ той или другой мѣстности какому-либо цвѣту должно быть интересно для этнографа, такъ какъ происхожденіе его въ большинствѣ случаевъ беретъ свое начало изъ глубочайшей древности.

Шарль Летурно (297) говоритъ, что „во всѣхъ мѣстахъ земного шара человѣкъ для украшенія себя употреблялъ яркіе цвѣта. Въ этомъ отношеніи всѣмъ человѣчествомъ единогласно отдается предпочтеніе красному цвѣту. Однако, прибавляетъ тотъ же авторъ, существуютъ и исключенія“... Далѣе онъ перечисляетъ народы, у которыхъ излюбленнымъ цвѣтомъ является голубой. Къ такимъ народамъ принадлежатъ между прочимъ и евреи, хотя г. Летурно о нихъ вовсе не упоминаетъ. Особенно уважался голубой цвѣтъ у древнихъ евреевъ, какъ это видно изъ книги исхода (гл. 25). Передъ постройкой скинии Богъ приказалъ Моисею принимать отъ сыновъ Израилевыхъ разныя матерьялы для нея и между прочимъ „шерсть голубую, пурпуровую и червленную“. Говоря объ этихъ трехъ родахъ шерсти и перечисляя разныя составныя части и принадлежности скинии, которыя должны быть изъ нихъ сдѣланы, Библія, отличающаяся точностью своихъ выраженій, на первомъ планѣ вездѣ ставитъ шерсть голубую. Такимъ образомъ изъ всѣхъ трехъ родовъ шерсти были сдѣланы (гл. 26): 1) 10 покрывалъ, составляющихъ скинію, 2) два завѣса у входа въ скинію, 3) Эфодъ (часть одежды Аарона), 4) Поясъ Эфода и 5) Наперсникъ (нагрудникъ) судный, а изъ одной голубой: 1) Петли къ покрываламъ, изъ которыхъ была составлена скинія (гл. 26), 2) Шнуръ, прикрѣпляющій наперсникъ къ кольцамъ Эфода (гл. 28), 3) Верхняя риза къ Эфоду (гл. 28) и 4) Шнуръ, прикрѣпляющій золотую дощечку съ надписью: „Святѣя Господня“ къ Кидару (головному убору первосвященника) (гл. 28). Кромѣ того верхній покровъ скинии былъ сдѣланъ изъ синихъ кожъ (гл. 26).

Что касается одежды древнихъ евреевъ, не священниковъ, то каждый изъ мужчинъ къ четыремъ концамъ своего плаща долженъ былъ пришивать кисти (цыцес) обязательно голубаго цвѣта („схелес“), которыя назывались „кистями видѣнія“ и служили какъ бы національнымъ отличительнымъ признакомъ еврея. Впоследствии этотъ плащъ (онъ называется Талес) сталъ носиться евреями только во время молитвы, а кисти были перенесены съ него на такъ называемый Талес Кутонъ, т. е, Малый Талесъ, съ которымъ еврей почти не долженъ расставаться (благочестивые евреи даже спать въ немъ). Въ настоящее время 4 кисти Талесъ Кутона, изъ 7-ми нитей каждая, стали

дѣлаться уже не голубаго, а бѣлаго цвѣта, но авторы Талмуда знаютъ ихъ еще голубыми. Такъ, напримѣръ, въ Талмудѣ поднимался вопросъ о томъ, извѣщаетъ ли плащъ, окрашенный цѣликомъ въ голубой цвѣтъ, отъ необходимости имѣть кисти на немъ непременно голубыя и былъ рѣшенъ отрицательно.

Въ жизни современныхъ евреевъ въ особенности русскихъ голубой и синій цвѣта, новидимому, не играютъ никакой или почти никакой роли, по крайней мѣрѣ, они не являются преобладающими. Такъ у А. С. Дембовецкаго (298), описавшаго бытъ Могилевскихъ евреевъ, мы находимъ объ этомъ вопросѣ краткія замѣтки, которыя, впрочемъ, ничего не говорятъ о преобладаніи синяго или голубого цвѣтовъ. Мы узнаемъ здѣсь, что до 1845-го года евреи въ Россіи носили бѣлые или синіе чулки, что пуховыя перины и подушки у современныхъ Могилевскихъ евреевъ дѣлаются изъ синяго ситца, а ихъ бѣлое молитвенное покрывало (Талесъ) обшивается по краямъ тремя полосами синяго цвѣта. Наконецъ, сами мы, наблюдая домашній и общественный бытъ евреевъ преимущественно въ Волынской губерніи, встрѣчали синяго или голубого цвѣта: 1) тѣ полосы по краямъ „Талеса“, о которыхъ говорить г. Дембовецкій; 2) занавѣсъ кивота, въ которомъ хранятся свитки Торы; 3) такъ-называемыя „рубашечки“ или чехлы, въ которыхъ сохраняются самыя свитки и 4) платки, обыкновенно составляющіе собственность синагоги, которыми женихи на еврейскихъ свадьбахъ накрываютъ, по обряду, голову своихъ невестъ. Но всѣ эти предметы намъ приходилось встрѣчать и другихъ цвѣтовъ; занавѣсы и „рубашечки“ Торы—темно-коричневаго цвѣта, полосы на краяхъ Талеса—чернаго, а свадебныя платки бѣлаго цвѣта. Знатокъ еврейскихъ законовъ и обычаевъ, спрошенный нами по этому поводу, далъ слѣдующія небезынтересныя свѣдѣнія: „дѣйствительно, говорили они, у древнихъ евреевъ голубой цвѣтъ, называвшійся по древне-еврейски „Схелесъ“ (что по научному словарю Штетберга значить: „конецъ видимаго міра, туманная даль, глубь небснаго свода, синева, лазурь небсная, а отсюда прѣжа синяго цвѣта“), игралъ несравненно болѣе значительную роль, чѣмъ теперь у насъ. Въ нѣмецкомъ переводѣ Библии слово „схелесъ“ передано словомъ „желтый“, но это совершенно невѣрно: въ Талмудѣ (трактатъ Babamezia 61) разсказывается, что фарисеи, чтобы показать народу свое благочестіе, носили въ изобиліи части одежды синяго цвѣта, но при этомъ фальсифицировали очень дорогую краску цвѣта „схелесъ“, предписанную закономъ, при помощи индиго. Кромѣ того, въ сборникѣ легендъ, изданномъ на древне-еврейскомъ языкѣ Шульманомъ, приводится на этотъ счетъ очень интересная легенда, такого содержанія:

„Дѣло происходило въ Іерусалимѣ. Одинъ весьма ученый раввинъ си-

дѣлъ въ синагогѣ, углубившись въ свои ученые занятія, какъ вдругъ является туда же его знакомый и сообщаетъ раввину, что въ его домѣ случилось какое-то несчастіе (по однимъ вариантамъ заболѣла жена раввина, по другимъ — его ребенокъ). Пораженный извѣстіемъ, раввинъ стремительно побѣжалъ домой, не успѣвъ даже въ попыткахъ снять надѣтаго на него въ эту минуту Талеса. По дорогѣ встрѣтилъ его арабъ духовнаго званія и, замѣтивъ на раввинѣ плащъ синяго цвѣта, счелъ свою религію оскорбленной, такъ какъ синій цвѣтъ составляетъ исключительную принадлежность потомковъ Магомета. Арабъ выхватилъ ножъ и съ яростью бросился на разсѣяннаго и глупо опечаленнаго раввина. Холодная сталь уже готова была вонзиться въ сердце несчастнаго, но по волѣ Провиденія, рука убійцы мгновенно парализовалась, и благочестивый раввинъ былъ спасенъ чудомъ отъ неминуемой смерти“.

Въ Талмудѣ же мы находимъ объясненіе, почему у современныхъ евреевъ голубой цвѣтъ пересталъ играть выдающееся значеніе, а именно въ трактатѣ „Менахотъ“ 44) говорится, что голубой цвѣтъ (схелесъ) приготовлялся изъ крови рыбы, извѣстной подъ именемъ „алузенъ“. Рыба эта будто бы появлялась въ 70 лѣтъ разъ и составляла потому большую рѣдкость; это обстоятельство, будто бы и заставило позднѣйшихъ законодателей еврейскаго народа освободить его отъ обязательнаго ношенія „цыцесъ“ синяго цвѣта и разрѣшить для ношенія кисти изъ бѣлой пряжи. Интересно, что нѣкій падикъ (благочестивый), по имени Гершонъ Генохъ, недавно умершій, родомъ изъ гор. Радзина, Сѣдлецкой губ., утверждалъ, что ему удалось найти въ одномъ акваріумѣ въ Италіи рыбу „халузенъ“. По возвращеніи домой онъ сталъ готовить на продажу эту краску, чѣмъ занимаются и до настоящаго времени наслѣдники и приверженцы этого падика (цѣлая секта) и носить „цыцесъ“ не бѣлаго, а голубого цвѣта. Весьма вѣроятно, что со стороны падика вся эта выдумка была чистой мистификаціей, сочиненной лишь для „хорошаго гешефта“, но она характеризуетъ благоговѣйное отношеніе религіозныхъ евреевъ къ голубому цвѣту“.

Если у русскихъ и западно-европейскихъ евреевъ голубой цвѣтъ въ одеждѣ встрѣчается, сравнительно, рѣдко, то у ихъ азіатскихъ и африканскихъ единовѣрцевъ, повидимому, кое-что сохранилось по этой части отъ библейскихъ временъ. Такъ, напримѣръ, китайскіе евреи, живущіе въ городѣ Койфынъ (главномъ въ провинціи Хэ-нань) извѣстны китайцамъ подъ именемъ синихъ мусульманъ по цвѣту шапокъ ихъ раввиновъ (300). А Алжирскіе и Тунисскіе евреи зимою носятъ „длинный круглый плащъ синяго цвѣта“ (301).

О синемъ цвѣтѣ у литовцевъ мы узнали кое-что отъ латышскаго этно-

графа, г. Новицкаго, который на латышской этнографической выставкѣ, бывшей въ г. Ригѣ въ 1896-мъ году, состоялъ однимъ изъ главныхъ ея распорядителей, а въ настоящее время завѣдуетъ латышскимъ этнографическимъ музеемъ въ томъ же городѣ. Показывая намъ на выставкѣ ткацкія издѣлія своего народа, въ которыхъ преобладали красный и зеленый цвѣта, г. Новицкій замѣтилъ, что эти два цвѣта настолько же характерны для латышей, какъ синій для ихъ ближайшихъ сосѣдей литовцевъ, а потому латыши считаютъ этотъ послѣдній цвѣтъ отличительнымъ признакомъ для литовца. Кроме того, у Д. Афанасьева (302) мы находимъ сообщеніе, что „обыкновенный подвѣнечный нарядъ невѣсты (у литовцевъ) составляетъ синій суконный кафтанъ, что богатые женщины литовки въ уѣздахъ Вилькомирскомъ и Новоалександровскомъ „даже и въ будни носятъ юбки изъ тонкой голубаго цвѣта шерстяной матеріи, а мужчины литовцы носятъ кафтанъ, называемый кумала изъ льняной, смѣшанной съ шерстью ткани, подкрашенной въ синій или зеленый цвѣтъ“.

Въ Забужской Руси, т. е. въ тѣхъ уѣздахъ Сѣдлецкой губерніи, гдѣ, какъ было описано выше, сохранился обычай трубить въ трубу, намъ приходилось бывать лично во многихъ селахъ и деревняхъ для собиранія этнографическаго матерьяла, а потому мы можемъ привести здѣсь наши личныя наблюденія. Въ этой мѣстности старинные народные костюмы крестьянъ исчезають можно сказать съ каждымъ днемъ, замѣняясь полугородскимъ костюмомъ, общимъ почти всему Царству Польскому. Но намъ удалось кое-гдѣ оазисами встрѣчать здѣшній старинный костюмъ во всѣхъ четырехъ русскихъ уѣздахъ Сѣдлецкой губерніи: Константиновскомъ, Радискомъ, Бѣльскомъ и Влодавскомъ. Мѣстами онъ сохранился еще и у молодежи, какъ напримѣръ во Влодавскомъ уѣздѣ, а чаще носится людьми пожилыми или стариками (въ остальныхъ трехъ уѣздахъ). Костюмъ этотъ, впрочемъ, распространяется отсюда далеко во всѣ стороны, на востокъ въ Гродненскую, Минскую и Витебскую губернію, на югъ въ сѣверную часть Волинской губерніи, въ Люблинскую и Кѣлецкую и, наконецъ, на западъ въ другіе уѣзды Сѣдлецкой губерніи: Луковскій и Сѣдлецкій. О распространеніи этого костюма въ западной Россіи, въ Галиціи и Польшѣ и о различныхъ его видоизмѣненіяхъ по мѣстностямъ мы имѣемъ довольно обширный матерьялъ и намѣреваемся напечатать его въ отдѣльной статьѣ, теперь же опишемъ его лишь въ общихъ чертахъ. Мужчины носятъ сверхъ сорочки короткіе полукафтаны (съ рукавами) изъ бураго или чернаго сукна, по здѣшнему „кабаты“, а сверхъ нихъ надѣваютъ длинные кафтаны такого же сукна, носящіе различныя названія по мѣстностямъ, какъ-то: сукманы, свиты, кафтаны и проч. На головѣ шапка съ барашковымъ околышемъ (чернымъ) и съ верхомъ о четырехъ углахъ,

какъ у польской конфедератки или у нашей вучерской шапки. У женщинъ „кабаты“ замѣняются кофтами изъ чернаго же сукна, а верхняя одежда (сукманъ) совершенно такая же, какъ у мужчинъ. Характерной особенностью такого костюма для насъ являются его украшенія: онъ обшивається по всѣмъ швамъ, по борту, по воротнику, по рукавамъ и по обшлагамъ голубыми шерстяными шнурками, а иногда кромѣ того украшаются на груди шнурками того же цвѣта, идущими поперекъ груди (какъ у гусаръ). Верхъ шапки дѣлается изъ голубого сукна. Такой костюмъ намъ приходилось, напри- мѣръ, встрѣчать на праздникѣ въ Лѣсенскомъ монастырѣ Константинов- скаго уѣзда на крестьянахъ того же уѣзда, приходившихъ въ монастырь на богомолье. Въ Радинскомъ уѣздѣ онъ сохранился уже только у стариковъ, мы видѣли его въ селахъ: Дрелевѣ, Рудно, Радче, Гусѣ, Яблонѣ, Да- видахъ и Осовѣ. Въ Бѣльскомъ уѣздѣ онъ существуетъ въ с. Кіѣвцѣ, въ Межилѣсѣ, Долгобродахъ, Ганнѣ и Бузовѣ, а во Влодавскомъ въ селахъ: Орховкѣ, Оковники и Вырки (гмины Шиминна). Такой же костюмъ за исключеніемъ шапокъ съ голубымъ верхомъ мы видѣли на крестьянахъ Грод- ненской губ. Брестскаго уѣзда, бывшихъ на богомольи въ Лѣсенскомъ мона- стырѣ, они были изъ слѣдующихъ волостей: Мотыкальской (Чилѣво и Тюхе- ничи), Канежуровской (Пугачово), Половецкой (Бобровка и Ставище), Лы- щицкой (Лыщицы, Яцковичи и Подгубятичи), Мѣдянской, Домачевской, При- боровской и Ольшанской. Такіе же голубые канты (по здѣшнему „куснычки“) съ прибавкою красныхъ есть въ Волчанской волости (Гожевичи) и въ Лы- щицкой (Бустынѣ).

Кромѣ того въ селахъ Ганна и Долгоброды Бѣльскаго уѣзда Сѣдлецкой губ. молодые парни свои соломенные шляпы украшаютъ по тулѣ непременно голубой лентой, концы которой свѣшиваются на спину. Далѣе въ Радин- скомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губ. въ селахъ: Руднѣ, Радчѣ, Дрелевѣ и Осовѣ всѣ мужчины, какъ взрослые, такъ и дѣти носятъ штаны изъ домотканной матеріи ярко-голубого цвѣта. Тамъ же, въ Радиканскомъ уѣздѣ, а кромѣ того въ уѣздахъ Бѣльскомъ и Константиновскомъ мы собирали для Петер- бургскаго этнографическаго музея (при Академіи Наукъ) образцы домотканыхъ матерій и въ нихъ преобладающимъ былъ синій цвѣтъ. Но особенно силь- нымъ пристрастіемъ къ синему и голубому цвѣту въ рассматриваемой нами мѣст- ности отличаются села Сѣдлецкой и Гродненской губерній, прилегающія къ рѣкѣ Бугу, выше города Брестъ-Литовска. Здѣсь существуетъ обычай под- синивать все бѣлье какъ мужское, такъ и женское, носимое и постельное и даже полотняные мѣшки, употребляемые въ хозяйствѣ; синятъ все это такъ сильно, что полотно представляется не бѣлаго, а голубого цвѣта. Въ осо- бенности цвѣтъ этого бѣлья бросается въ глаза на праздникъ въ гор. Холмѣ

(8-го Сентября), гдѣ Вѣльскіе и Влодавскіе крестьяне изъ мѣстностей, прилегающихъ къ Вугу, рѣзко выдѣляются изъ остальной толпы богомольцевъ голубымъ цвѣтомъ своего бѣлья. Здѣсь же кромѣ того принято вышивать мужскія и женскія рубашки на груди на плечахъ и на рукавахъ, и вышивки эти дѣлаются исключительно нитками голубаго и чернаго цвѣта. Но любовь здѣшнихъ крестьянъ къ синему цвѣту не ограничивается одной одеждой: если кто нибудь изъ болѣе состоятельныхъ жителей села надумаетъ покрасить косяки и рамы своихъ оконъ и ихъ ставни, то красить ихъ не иначе, какъ въ голубой цвѣтъ. Последнее явленіе кромѣ мѣстностей, прилегающихъ къ р. Вугу съ обѣихъ сторонъ, мы встрѣчали еще и въ Радвинскомъ уѣздѣ. Любопытно, что даже при раскопкахъ въ селѣ Чекановѣ Сѣдлецкой губерніи были найдены въ могилахъ бусы бѣлаго, синяго и близкаго къ синему фіолетоваго цвѣта (303). Быть можетъ, что такіе бусы служили въ древности амулетомъ, такъ какъ и теперь еще еврея, грека, армяне и мусульмане въ Турціи вѣшаютъ на шею своихъ новорожденныхъ и пришиваютъ на ихъ колпачки разныя мелкія изображенія изъ голубого стекла какъ предохранительное средство отъ „дурного глаза“ (304).

Что касается синяго цвѣта въ одеждѣ Волынской губерніи, то мы, собирая этнографическій матеріалъ въ этой губерніи, находили тамъ синій цвѣтъ только въ сѣверо-западномъ ея углу, въ уѣздахъ: Владиміро-Волынскомъ, Ковельскомъ, Луцкомъ и отчасти въ Кременецкомъ. Въ Луцкомъ и Кременецкомъ уѣздахъ встрѣчаются такіе же какъ въ Гродненской и Сѣдлецкой губерніяхъ черныя „свиты“ съ голубыми кантами, а въ Ковельскомъ и Владиміро-Волынскомъ—бѣлыя „свиты“ тоже съ голубыми кантами, но только преимущественно у женщинъ, тогда какъ у мужчинъ встрѣчаются и бурныя „свиты“ съ красивыми кантами и сѣрыя съ черными. Кромѣ того въ Ковельскомъ уѣздѣ намъ случалось видѣть у крестьянъ зимнія черныя барашковые шапки („вучмы“), съ ярко-голубымъ суконнымъ верхомъ. Въ остальныхъ же уѣздахъ Волынской губерніи, также какъ и вездѣ въ Малороссіи, излюбленнымъ цвѣтомъ, какъ для украшенія одежды, такъ и жилища, является красный.

Чтобы закончить съ излюбленными цвѣтами для украшенія одежды въ разсматриваемомъ нами районѣ западной Россіи, гдѣ существуетъ обычай трубить осенью, необходимо коснуться еще одного весьма интереснаго факта, нами замѣченнаго. Дѣло въ томъ, что въ Брестскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи, тамъ же, гдѣ мы указали рядъ селъ, имѣющихъ черныя или бурныя свиты съ голубыми кантами, въ перемѣшку съ этими послѣдними, есть другія села, которые также имѣютъ обычай трубить осенью, но въ которыхъ носятъ бурныя или черныя свиты съ зелеными кантами. Этотъ цвѣтъ кан-

товъ, какъ намъ приходилось наблюдать, не распространяется отсюда ни на западъ въ Польшу, ни на востокъ въ Бѣлоруссію, и только на югъ въ Ковельскій и Владиміро-Волынскіи уѣзды Волынской губерніи. Надо замѣтить, что зеленый цвѣтъ кантиковъ нигдѣ болѣе, кромѣ упомянутой мѣстности, ни въ Польшѣ, ни въ западной Россіи, мы не встрѣчали, что и даетъ намъ поводъ предполагать, что народъ, придерживаясь обычая своихъ предковъ, украшать свою одежду матеріей извѣстнаго цвѣта не такъ чувствителенъ, какъ мы, въ дѣлѣ разбора цвѣтовъ, а потому смѣшиваетъ между собою такіе близкіе цвѣта, какъ синій и зеленый, какъ сѣній и фіолетовый, какъ красный и оранжевый и т. под. Поэтому, какъ кажется, что мы не сдѣлаемъ большой ошибки, если мѣстности съ излюбленнымъ зеленымъ цвѣтомъ будемъ считать весьма близкими или даже одинаковыми въ этнографическомъ отношеніи съ такими, въ которыхъ излюбленнымъ цвѣтомъ является голубой. Вотъ списокъ деревень Брестскаго уѣзда Гродненской губ., въ которыхъ свиты украшаются кантами зеленого цвѣта: Песчатка, Волька, Хлѣвище, Тулинъ и Кляковичи (Половецкой волости), Миневичи, Колѣнковичи, Копылы, Юсичи, Подбурье, Березовка, Радѣвичи и Ясиновка (Верховичской волости). Сюда же надо отнести деревню Чернево Высоколитовской волости, гдѣ канты зеленые съ краснымъ.

Если мы затѣмъ обратимся къ польской мелкой шляхтѣ Сѣдлецкой, Варшавской, Ломжинской и Плоцкой губерній, среди которой распространенъ обычай трубить въ осеннее полугодіе, то увидимъ, что здѣсь старинный костюмъ уже исчезъ, вытѣсненный новѣйшимъ, полутородскимъ, однако кое-гдѣ, какъ напримѣръ, въ дер. Воевудкѣ Соколовскаго уѣзда (Сѣдлецкой губ.) старики рассказывали намъ, что прежде у нихъ также носили черную свиту съ голубыми кантами.

Какъ бы то ни было, но въ настоящее время у шляхты перечисленныхъ нами 4-хъ губерній свиты съ голубыми кантами уже не носятъ, но голубой цвѣтъ намъ приходилось наблюдать въ Соколовскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губерніи и въ Островскомъ Ломжинской у мужчинъ—въ будничныхъ рабочихъ шароварахъ голубого цвѣта, а у женщинъ—на передникахъ, которые почти исключительно теутся полосатыми синими, или голубыми полосами попеременно съ бѣлыми. Кромѣ того въ домотканыхъ матеріяхъ, изготовляемыхъ здѣшной шляхтой, также какъ и у русскихъ Сѣдлецкой губ., преобладаетъ синій цвѣтъ. Косяки оконъ и дверей, а также ставни здѣшняя шляхта, если окрашивается, то непременно въ голубой цвѣтъ, чѣмъ отличается отъ крестьянъ, живущихъ рядомъ и красящихъ тѣ же части своего жилища въ желтый и красный цвѣтъ. Живя два года на дачѣ въ домахъ мелкой шляхты, въ деревнѣ Ростки Веляжи, близъ мѣстечка Малкина (Ост-

ровскаго уѣзда), мы просто поражались, какъ сильно вѣлась въ нашихъ хозяевахъ быть можетъ многовѣковая привычка къ синему и голубому цвѣту. Такъ напримѣръ, бывая въ хатахъ нашихъ сосѣдей, мы всюду находили на ихъ столахъ миниатюрные крестики, замѣняющіе распятія, непременно голубого цвѣта, а на нихъ были повѣшаны четки тоже голубого цвѣта.

Въ Варшавской губерніи, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ лигавки и въ Плоцкой губерніи такихъ подробныхъ наблюденій надъ вѣшнимъ бытомъ крестьянъ намъ дѣлать не приходилось, но близко отъ этихъ мѣстъ, въ самомъ городѣ Варшавѣ, у здѣшнихъ мѣщанъ, голубой цвѣтъ считается любимымъ цвѣтомъ Божьей матери, а потому на здѣшнихъ католическихъ процессіяхъ у всѣхъ дѣвушекъ и дѣвочекъ, участвующихъ въ несеніи разныхъ реликвій, ихъ бѣлыя платья украшены непременно голубыми лентами и подпоясаны голубыми кушаками, голубыя же ленты употребляются и для украшенія образовъ, носимыхъ въ процессіи. Наконецъ, любопытнѣе всего обычай, существующій среди здѣшнихъ мѣщанъ католиковъ, это посвящать по обѣту своихъ дѣтей Божьей матери. Въ этомъ обѣтѣ для насъ всего интереснѣе то, что дѣвочекъ, посвященныхъ Божьей матери, до семи лѣтъ одѣваютъ въ платья исключительно голубого цвѣта.

О голубомъ цвѣтѣ въ одеждѣ черемисовъ мы имѣемъ свѣдѣнія только изъ Царевкоушайскаго уѣзда Казанской губерніи. Въ книгѣ профессора Казанскаго университета, И. Н. Смирнова, „Черемисы“ (стр. 78) сообщается, что праздничные кафтаны тамошнихъ женщинъ шьются изъ сянгаго или зеленого сукна. Кромѣ того изъ полнаго женскаго черемисскаго костюма этой мѣстности и модели мужского въ маломъ видѣ, приобретенныхъ нами для музея Императорской Академіи Наукъ, видно, что мужчины здѣсь носятъ бѣлыя свиты съ голубыми кантами, какъ у женщинъ малороссіянковъ во Владиміро-Волынскомъ и Ковельскомъ уѣздахъ Волынской губ., а женщины при лѣтнемъ костюмѣ сверхъ халатообразной бѣлой рубахи подпоясываются широкимъ и длиннымъ синимъ кушакомъ.

О синемъ цвѣтѣ у мингрельцевъ мы имѣемъ лишь только двѣ краткія замѣтки: во-первыхъ, что богатые изъ нихъ носятъ темно-синюю „чуху“ (верхнее платье), а подъ нею блѣдно-голубой „архалузъ“ (305). Кромѣ того мингрельскія женщины покрываютъ или покрывали до недавняго времени свое лицо голубыми и черными полосками (родъ татуировки) (306).

Чтобы покончить съ голубымъ цвѣтомъ, мы приведемъ въ заключеніе свидѣтельство путешественниковъ, изъ котораго можно заключить, что и для жителей Тибета голубой цвѣтъ имѣетъ, если не вполнѣ религіозное, то полу-религіозное значеніе.

Главной чертой Тибетскаго этикета служить поднесеніе „шарфовъ счас-

тія“, маленьких шелловых доскутков блѣдно-голубого цвѣта въ три раза длиннѣе собственной ширины, обыкновенно съ бахромой на обоихъ концахъ, называемыхъ „кхату“. Они всевозможныхъ видовъ и цѣтъ; никто не путешествуетъ, не запасшись ими. Приходя къ человѣку или къ божеству, прося какой-нибудь милости, каждый начинаетъ съ того, что беретъ „кхату“ и подноситъ его. Если два друга встрѣтятся послѣ долгой разлуки, ихъ первое дѣло обмѣняться „кхатами“, что имѣетъ еще большее значеніе, нежели рукопожатіе у европейцевъ. Если тибетцы пишутъ письмо, то вкладываютъ въ него „кхату“; самый низкій поклонъ или величайшій подарокъ считается за ничто, если не сопровождается „кхатой“ (307). Кромѣ того о тибетцахъ побогаче пишутъ, что они, не довольствуясь обыкновеннымъ платьемъ желто-бѣлаго цвѣта, покупаютъ себѣ еще платье изъ синяго ситца (308) *).

*) Вышеприведенными примѣрами пристрастія разныхъ народовъ къ голубому цвѣту мы отнюдь не желали доказать, что цвѣтъ этотъ пользуется уваженіемъ, только у тѣхъ народовъ, о которыхъ здѣсь было упомянуто. Есть кромѣ нихъ и другіе народы, объ обычаяхъ которыхъ съ трубой мы ничего или почти ничего не знаемъ, но которые также проявляютъ несомнѣнное пристрастіе къ голубому цвѣту. Такъ III. Летурно передаетъ, что древніе Кельты и Иллирійцы татуировались въ голубой цвѣтъ, а Германцы, Бритты и Пикты раскрашивали свое тѣло голубой краской. Пристрастіемъ къ голубому цвѣту отличаются также Персіане и азіатскіе арабы. Первые (въ нѣкоторыхъ провинціяхъ) окрашиваютъ себѣ бороду въ индиго, а щеголихи у Багдадскихъ арабовъ окрашивали себѣ губы лазурью, на колынахъ рисовали лазуревые кружки, вокругъ таліи голубой поясъ, а вокругъ каждой груди голубые цвѣты. Тоже видимъ мы и въ Суданѣ, въ Африкѣ. Здѣсь въ области Нигера, около озера Чадъ, путешественники видѣли султана съ бородою, окрашенною въ голубой цвѣтъ (309). Тамъ же въ городѣ Кукѣ знаменитый путешественникъ, Д-ръ Эдуардъ Фогель видѣлъ женщинъ, которые мазали себѣ лицо и руки краскою индиго (310). Наконецъ, у народа Гауза въ Среднемъ Суданѣ, женщины окрашиваютъ въ голубую краску свои волосы, руки, ноги, бедра и брови (311). О феллахъ въ средней Африкѣ рассказываютъ также, что они красятъ свои волосы краской индиго (312).

Въ западной Индіи у женщинъ голубой цвѣтъ остался до настоящаго времени любимѣйшимъ цвѣтомъ для одежды. На памятникахъ индусской живописи, найденныхъ въ Аятской пещерѣ, женщины одѣты въ платье голубого цвѣта. Древніе индусскіе поэты постоянно воспѣваютъ женщину, одѣтую въ платье голубого цвѣта и сравниваютъ ее съ грозовой тучей, освѣщенной блескомъ молніи. Даже палачи одѣваютъ тамъ платье не краснаго цвѣта, какъ у насъ въ Европѣ, а голубого (313). Но что далеко не вся Индія раздѣляетъ пристрастіе къ голубому цвѣту, видно изъ того, что лица, принадлежащія къ сектѣ Вишну, не могутъ имѣть въ своей одеждѣ ничего синяго (314).

Синій цвѣтъ принадлежитъ также къ числу весьма уважаемыхъ цвѣтовъ въ Китаѣ, въ особенности у простонародья. Г. Е. Грумъ-Гржимайло, передавая свои впечатлѣнія, вывезенныя изъ Китая, говоритъ: «Монотонность во всемъ: синія громадныя матовыя («Мата» — очень грубая мѣстная бумажная матерія) выѣски, синіе экипажи, синія одежды на богачахъ и на нищихъ...» (315). У Расина (316) говорится, что хотя въ костюмѣ китайской императорской фамиліи есть голубой цвѣтъ, но въ ряду другихъ цвѣтовъ онъ второстепенный, онъ цвѣтъ низшихъ классовъ народонаселенія. Желтый цвѣтъ принадлежитъ только императору, принцамъ крови и тѣмъ, кому государь дозволитъ его носить, красный цвѣтъ принадлежитъ мандаринамъ, а черный, синій и фіолетовый — всѣмъ. Обычный траурный цвѣтъ у китайцевъ составляютъ бѣлые и темносѣрые цвѣта, для глубокаго же траура служить синій цвѣтъ (317).

Голубой цвѣтъ въ одеждѣ интересующей насъ мѣстности западной Россіи, какъ мы видѣли выше, принять только какъ украшеніе, самая же одежда дѣлается изъ чернаго сукна. Въ Бѣльскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губерніи вездѣ, гдѣ сохранились голубые канты въ костюмѣ крестьянъ, самое платье ихъ, т. е. нижнія куртки („кабаты“) и сукманы непременно чернаго цвѣта, и наоборотъ: гдѣ исчезли голубые канты, костюмъ изъ чернаго дѣлается преимущественно сѣрымъ. Тоже самое можно сказать объ уѣздахъ Радзинскомъ, Константиновскомъ и Влодавскомъ, а еще того болѣе о Гродненской губерніи, гдѣ старинный костюмъ сохранился въ большей неприкосновенности, чѣмъ въ Сѣдлецкой.

Въ костюмѣ польской мелкой шляхты Сѣдлецкой и Ломжинской губерній въ настоящее время почти ничего не сохранилось чернаго цвѣта, такъ какъ черное сукно у престопаго вездѣ замѣняется сѣрымъ по его большей практичности. Но мѣстами сохранились на сѣрыхъ сукманахъ обшивки изъ чернаго сукна, а мѣстами, гдѣ и такой остатокъ старины уже исчезъ, между стариками сохранилось воспоминаніе о прежнихъ сѣрыхъ сукманахъ съ черной обшивкой. Если черныи цвѣтъ еще въ чемъ здѣсь и сохранился, такъ это въ домотканыхъ матеріяхъ, въ которыхъ преобладаютъ черныи и синій цвѣты. Черныи цвѣтъ верхней одежды хотя безъ голубыхъ кантовъ, удержался сравнительно болѣе въ Новоминскомъ уѣздѣ Варшавской губерніи.

О черномъ цвѣтѣ одежды у литовцевъ мы, въ сожалѣнію, имѣемъ только краткія свѣдѣнія изъ Сувалской губерніи. „Одежду мужчинъ составляетъ жилетъ обыкновенно темныи и кафтанъ изъ чернаго сукна или пестраго (или даже одноцвѣтнаго темнаго, почти — чернаго цвѣта)“ (318).

Объ одеждѣ предполагаемыхъ остатковъ ятвяговъ, нынѣ исчезнувшаго народа литовскаго племени, одинъ изъ лучшихъ историковъ литвы, г. Нарбутъ (319), передаетъ, что восточнѣе Гродна въ Скадельской волости Гродненскаго уѣзда по берегамъ рѣкъ Котры и Пелассы остались слѣды ятвяговъ. Населеніе этихъ мѣстностей сосѣдніе литовцы называютъ *jodweza i*, что значитъ по литовски „черныя рога“. О другихъ также предполагаемыхъ потомкахъ ятвяговъ въ Бѣльскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи въ волостяхъ Шкурецкой и Гродзиской въ нѣсколькихъ деревняхъ по рѣкѣ Нурцу говорятъ, что они отличаются своими нравами, преданіями и вѣншностью отъ сосѣднихъ жителей. Они высокаго роста, имѣютъ смуглыи цвѣтъ

Что касается Европы вообще и Россіи въ особенности, то тамъ пристрастіе къ синему и красному цвѣту распространяется на значительныя области, но идетъ постоянно перемежаясь: то одолеваетъ синій, то красный цвѣтъ, причемъ какъ во всей Европѣ, такъ и у отдѣльных ея народовъ красный цвѣтъ, какъ кажется, преобладаетъ преимущественно на югѣ, а синій — на сѣверѣ. Но къ этому предмету мы еще вернемся въ отдѣльной статьѣ.

лица и въ одеждахъ предпочитаютъ темныя цвѣта. Поэтому предполагаютъ, что мѣстныя названія съ прилагательными чернымъ указываютъ иногда на то, что здѣсь жили ятвяги, отличавшіеся чернымъ цвѣтомъ тѣла и одежды. Таковы напримѣръ деревни: Черная Вѣсь, Черный Стокъ и т. под. „Не можетъ, говорить г. Яичузь, отъ котораго мы это заимствуемъ, не броситься въ глаза тотъ фактъ, что по дорогѣ изъ Бѣлостока въ Соколку нѣсколько деревень рядомъ носятъ названіе Черная Вѣсь“.

О черномъ цвѣтѣ одежды у древнихъ евреевъ мы ничего не знаемъ, но у современныхъ евреевъ нашего западнаго края, какъ извѣстно, преобладаютъ особенно въ мужскомъ костюмѣ черныя цвѣты: достаточно припомнить ихъ длиннополыя сюртуки и пальто и бархатныя картузы исключительно чернаго цвѣта. А. С. Дембовецкій (321), рассказывая о прежнемъ еврейскомъ костюмѣ, который этотъ народъ носилъ до 1845 г., въ Польшѣ и западной Россіи, говоритъ, что балахонъ ихъ, шапка и поясъ были черныя. Про Алжирскихъ и Тунисскихъ современныхъ евреевъ говорятъ тоже, что старыя и правотѣрные изъ нихъ никакихъ другихъ цвѣтовъ, кромѣ чернаго, не носятъ (322).

О черномъ цвѣтѣ у мингрельскаго народа мы можемъ здѣсь только повторять слова III. Летурно, приведенныя нами выше, что женщины этого народа раскрашиваютъ свои лица не только голубыми, но и черными черточками (323).

О цвѣтѣ одежды у тибетцевъ путешественники сообщаютъ, что она обыкновенно темныхъ цвѣтовъ, за исключеніемъ Кашмирской окранны, гдѣ мужчины одѣваются въ бѣлое, а женщины въ черное (324) *).

*) Нужно замѣтить, что пристрастіе къ чернаго цвѣта одеждамъ далеко не представляетъ собою рѣдкости. Уже не говоря о пристрастіи къ этому цвѣту западныхъ европейцевъ, у которыхъ наиболѣе приличнымъ костюмомъ мужчины считается черныя, и кромѣ того цвѣтъ этотъ составляетъ принадлежность глубокаго траура, мы знаемъ, что въ Византіи онъ былъ принятъ, какъ цвѣтъ монашеской одежды, откуда перешелъ и къ намъ въ Россію. Изъ числа прочихъ европейскихъ народовъ мы можемъ указать на уваженіе къ черному цвѣту нѣкоторыхъ изъ кавказскихъ народовъ, какъ грузинъ (325), осетинъ (346) и особенно тушинъ (327). У кавказскихъ армянъ при выборѣ матерій на разныя части мужского костюма преимущество также отдается черному цвѣту (Сбор. свид. для опис. мѣст. и пл. кавк. вып. 13, 1892, стр. 75). Изъ числа азиатскихъ народовъ у Индусовъ ихъ богъ времени (соотвѣтствующій Сатурну) изображался въ платьѣ чернаго цвѣта (Истор. вѣщн. культ. Ф. Готтенротъ. Изд. Вольфа, стр. 148). У Арабовъ въ 16 столѣтіи національная одежда былъ бурнусъ, сдѣланный преимущественно изъ черной шерсти (Ibid. стр. 161). Тотъ же цвѣтъ пользовался уваженіемъ у древнихъ китайцевъ до завоеванія ихъ манчжурами, какъ это видно изъ словъ нашего путешественника г. Грумъ-Гржимайло. Онъ говоритъ, что видѣнные имъ (въ западномъ Китаѣ) китайскіе жрецы, хотя были въ поношенныхъ, но національныхъ черныхъ костюмахъ, и добавляетъ въ примѣчаніи: современный цвѣтъ китайскаго костюма «навязанъ имъ (китайцамъ) ихъ побѣдителями манчжурами, національный же (т. е. черныя) сохранился только у жрецовъ и при совершеніи нѣкоторыхъ религиозныхъ обрядовъ» (328). У китайскихъ татарокъ въ прежнія столѣтія одежда была исключительно чернаго цвѣта (Истор. вѣщн. культ. Ф. Готтенротъ. Изд. Вольфа, стр. 185). Наконецъ у древнихъ Мексиканцевъ мальчики, воспитывавшіеся въ школахъ монастырскаго характера, одѣвались въ черное платье (III. Летурно. Эволюція воспитанія. Спб., 1900, стр. 144).

Если отъ чертъ, общихъ всѣмъ разсматриваемымъ нами здѣсь народамъ, мы перейдемъ къ чертамъ общимъ между двумя или тремя изъ нихъ, то особенно любопытные признаки національнаго сходства мы найдемъ между Полѣшукими Минской губерніи съ одной стороны и черемисами съ другой. Интересно, что оригинальнѣйшіе головные уборы женщинъ Минскаго Полѣся, которые носятъ названія: „пухоўка“ (Мозырскаго уѣзда), „голова“ (того же уѣзда) и „лямецъ“ (Пинскаго уѣзда) чрезвычайно сходны по своему виду и устройству съ женскимъ же головнымъ уборомъ у черемисъ, называемымъ „Сорокой“. Образцы всѣхъ этихъ четырехъ головныхъ уборовъ были нами приобрѣтены для музея Императорской С.-Петербургской Академіи наукъ, а потому мы имѣли возможность познакомиться съ ними во всѣхъ ихъ мельчайшихъ деталяхъ.

Пухоўку мы нашли въ с. Давыдъ-Городокъ, въ дер. Хорскъ, въ с. Ольшанкѣ и въ с. Хоромномъ (Мозырскаго уѣзда). Она состоитъ изъ повязки въ формѣ кокошника высотой около 2 вершковъ, сдѣланной изъ грубой бѣлой холстинки. Между двумя рядами этой холстинки набивается пакля и прошивается нитками, такъ что повязка эта остается на головѣ въ стоячемъ положеніи. На затылкѣ она натуго стягивается и завязывается. Къ передней части повязки, приходящейся на лбу, пришивается наглухо въ стоячемъ положеніи четырехугольная пластинка или дощечка, называемая подушечкой; она дѣлается или изъ лубка, или, для легкости, изъ перекрещивающихся лучинокъ, обшитыхъ снаружи холстинкой. Подушечка изгибается соотвѣтственно округлости лба и передней части повязки и составляетъ съ этой послѣдней одно цѣлое, высоко поднимаемая надъ головой. Форма и величина „подушечки“ въ разныхъ селахъ дѣлается различная: въ с. Давыдъ-Городокъ она достигаетъ самыхъ большихъ размѣровъ (до 6 вершк. въ вышину и до 7 верш. въ ширину) и имѣетъ боковыя стороны, если смотрѣть на нее спереди, выгнутыми въ наружу. Въ с. Хоромномъ и въ д. Хорскѣ „подушечка“ высокая, во болѣе узкая, чѣмъ предъидущая, въ формѣ правильнаго прямоугольника. Въ с. Ольшанкѣ она суживается сверху.

Вся „пухоўка“, т. е. повязка и „подушечка“ обматываются толстымъ шнуркомъ изъ черной или бѣлой шерсти, назначеніе котораго непонятно не только для насъ, но и для самихъ хозяекъ „пухоўки“. Шнурокъ этотъ ничего не привязываетъ и не прикрѣпляетъ, украшеніемъ „пухоўкѣ“ онъ также служить не можетъ, потому что поверхъ его „подушечка“ накрывается холщевымъ мѣшкомъ или чехломъ, съ нашитымъ на него четырехугольнымъ кускомъ бѣлаго коленкора, вышитаго разноцвѣтными шерстами;

чехолъ этотъ называется чипецъ. Кромѣ того поверхъ чипца весь головной уборъ причудливо обматывается наметкой (родъ полотенца) изъ сѣрой прозрачной или полупрозрачной кисеи домашнего приготовления, середина которой обхватываетъ подбородокъ женщины, а концы свѣшиваются по спинѣ, достигая вплоть до талии. Такимъ образомъ, назначеніе шнура становится совершенно непонятнымъ. За разъясненіемъ этого вопроса мы обратились къ хозяйкамъ головного убора. Но и онѣ, согласившись съ нами въ бесполезности шерстяного шнура, могли доказать его необходимость только тѣмъ, что „такъ носили бабушки и прабабушки“. Отсюда было ясно, что когда-то шнуръ былъ для „пухоўки“ необходимъ, но съ теченіемъ времени устройство этого головного убора вѣроятно измѣнилось, и шнуръ, переставъ быть необходимымъ, сохранился только какъ переживание прошлаго.

Уборъ этотъ весьма неудобенъ въ носкѣ: во-первыхъ, онъ очень тяжелъ для головы, а во-вторыхъ, если идти въ немъ противъ вѣтра, онъ сильно паруситъ и потому отгибаетъ голову женщины назадъ. Но женщины, носящія „пухоўку“, надѣваютъ ее вовсе не для красоты: онѣ относятся къ ней съ религіознымъ уваженіемъ. Во-первыхъ, ея вовсе не носятъ въ будни, а надѣваютъ только по праздникамъ и только для того, чтобы сходить въ ней въ церковь, а во-вторыхъ, она носится только старухами. На наше замѣчаніе о неудобствѣ „пухоўки“ женщины дер. Хорскъ вполне соглашались, но прибавляли при этомъ: „что же дѣлать? Божья Матерь безропотно носила свою „коруну“ и намъ велѣла носить“.

Уборъ, называемый „головой“, мы нашли въ селѣ Туровѣ Мозырскаго уѣзда. Отъ „пухоўки“ онъ отличается, во-первыхъ, тѣмъ, что повязка, составляющая основаніе убора, имѣетъ форму не кокошника, т. е. не открыта сверху, а сдѣлана въ видѣ круглой шапочки въ родѣ еврейской или татарской ермолки, плотно облегающей голову. А во-вторыхъ, передняя дощечка или „подушечка“ имѣетъ совершенно иную форму, чѣмъ у „пухоўки“, а именно: она меньше этой послѣдней и имѣетъ внизу лишь около 1 вершка шириною, но наверху расширяется въ формѣ ласточьяго хвоста. Шнура у „головы“ никакого не имѣется. „Подушечка“ также покрывается вышитымъ шерстями чепцомъ, а сверху обматывается „наметкой“, которая здѣсь также кисейная, но не сѣрая, а бѣлая.

„Ламецъ“ мы привезли изъ с. Бережнаго Пинскаго уѣзда.

Отъ „пухоўки“ и „головы“ онъ отличается прежде всего формой своей „подушечки“: эта послѣдняя при сравнительно большой ширинѣ (во весь лобъ) вдвое ниже, чѣмъ въ Давыдъ-Городкѣ, верхніе углы ея закруглены. Кромѣ того, „подушечки“ у предыдущихъ уборовъ наклонены впередъ, а здѣсь она наклоняется назадъ. Наконецъ, ламецъ не имѣетъ „чипца“, а

только обтннуть бѣлымъ ситцемъ непрѣмѣнно съ черными горошинками. „Намѣтка“ здѣсь также есть, но она дѣлается изъ обыкновеннаго полотна („рушника“) бѣлаго и непрозрачнаго.

Что касается черемисской сороки, то основаніе у этого головного убора такое же, какъ у „головы“, т. е. холстинная ермолка, плотно обхватывающая голову, но „подушечка“ здѣсь не изгибается по формѣ головы, а остается совершенно плоской, такъ что къ ермолкѣ она прикрѣпляется на лбу только серединой. Форма „подушечки“—совершенно правильный прямоугольный четырехугольникъ въ 3 вершка вышиною и въ 5 вершк. шириною, на головѣ она держится вполнѣ вертикально, не нагибаясь ни впередъ, ни назадъ. Весь головной уборъ, также какъ и полѣсская „пухоука“, накрытъ сверху чехломъ, вышитымъ шерстями, въ родѣ „чипца“, но никакой „намѣтки“ сверху него не носятъ, а вмѣсто того поверхъ „сороки“ накладываютъ ситцевый платокъ, завязываемый подъ подбородкомъ. Отъ такихъ же вышеописанныхъ, полѣсскихъ головныхъ уборовъ „сорока“ отличается еще тѣмъ, что нижній край ея „подушечки“ располагается наравнѣ съ нижнимъ краемъ самаго головного убора и приходится на лбу, тогда какъ въ полѣсскихъ головныхъ уборахъ нижній ея край приходится выше лба, почти на темени, и вся „подушечка“ больше отнесена назадъ.

Какъ въ Полѣсьи, такъ и у черемисъ, описанные нами головные уборы носятъ исключительно замужними женщинами, что придаетъ двумъ сравниваемымъ народамъ еще одну лишнюю сходственную черту. Если мы теперь сравнимъ между собою всѣ четыре головныхъ убора, то увидимъ, что черемисская „сорока“ наиболѣе соответствуетъ идеѣ всѣхъ этихъ уборовъ или тому первоисточнику, отъ котораго всѣ они произошли. Эта идея, какъ мы думаемъ, заключается въ мягкой низенькой шапочкѣ, плотно обтягивающей голову и въ четырехугольной дощечкѣ, прикрѣпленной къ ней на лбу. Но такому опредѣленію головного убора, какъ нельзя лучше, соответствуетъ головной уборъ Іудейскаго первосвященника, Кидаръ, насколько мы можемъ судить объ устройствѣ этого убора изъ нижеслѣдующихъ соображеній. Въ книгахъ Моисея, гдѣ такъ подробно описывается всякая мелочь въ одеждѣ Аарона, Кидаръ, къ сожалѣнію, остался безъ всякаго описанія, вѣроятно, потому, что авторъ считалъ совершенно излишнимъ знакомить своихъ читателей съ головнымъ уборомъ, всѣмъ и каждому въ его время хорошо знакомымъ. Однако, по нѣкоторымъ намекамъ священнаго писанія можно догадываться, что это былъ за уборъ. По мнѣнію одного изъ главныхъ комментаторовъ Библии, Раши (жилъ отъ 1030 по 1105 годъ), „Кидаръ“ Первосвященника былъ низкій головной уборъ, такъ какъ въ Библии (Исходъ гл. 28, ст. 40) сказано, что дѣти

Аарона должны были носить „высокій“ уборъ, тогда какъ слово, которымъ названъ головной уборъ самого Аарона (Исходъ гл. 28, ст. 39) значитъ „мягкій“. Такимъ образомъ, если соображенія Раши справедливы, то основаніемъ „Кидара“ была мягкая и низкая шапочка вродѣ еврейской ермолки или вродѣ мягкой полотняной шапочки, составляющей основаніе черемисской „сороки“.

Далѣе въ Библии же (Исходъ гл. 28, ст. 36) сказано:

36) И сдѣлай дощечку изъ чистаго золота и выгравируй на ней: „Свято для Бога“.

37) И прикрѣпи ее (дощечку) синимъ шнуркомъ къ Кидару и чтобы шнурокъ былъ на уборѣ.

38) И чтобы она была на лбу у Аарона.

По поводу этихъ словъ Библии, у различныхъ комментаторовъ ея возникаютъ споры: одни говорятъ, что дощечка должна быть спереди на самомъ головномъ уборѣ, а другіе, что она только подвѣшена была къ головному убору, но должна была быть непременно на самомъ лбу. Судя по словамъ Библии, можно думать, что вѣрнѣе первое изъ этихъ мнѣній. Если представлять себѣ „кидаръ“ въ видѣ обыкновеннаго головного убора, какой бы формы онъ ни былъ, въ такомъ случаѣ передняя его часть должна закрывать около половины лба, а въ такомъ случаѣ золотая дощечка была бы ужъ слишкомъ узка, чтобы занимать только остающуюся часть лба, неприкрытую головнымъ уборомъ. Если же дощечка была шириною не менѣе 2-хъ дюймовъ, то верхняя ея половина должна непременно лежать на головномъ уборѣ. Во-вторыхъ, въ стихѣ 37 ясно сказано: „и прикрѣпи ее къ Кидару“, т. е. именно прикрѣпи, а не подвѣсь, такъ какъ въ стихѣ 37-мъ не было договорено, гдѣ именно нужно прикрѣпить дощечку къ головному убору: на затылкѣ, на одномъ изъ боковъ головы или на лбу, то во избѣжаніе недоразумѣній авторъ и прибавилъ еще лишній 38-й стихъ: „и чтобы она была на лбу у Аарона“.

Какъ бы то ни было, но тѣ соображенія, которыя мы здѣсь привели, на основаніи русскаго перевода Библии, конечно, слишкомъ недостаточны, чтобы считать вопросъ о кидарѣ рѣшеннымъ. Высказавши свои предположенія, мы оставляемъ всетаки вопросъ объ устройствѣ кидара открытымъ, предоставляя его рѣшеніе специалистамъ.

Если принять, что кидаръ былъ устроенъ такъ, какъ предполагаемъ мы, то тогда онъ сходенъ съ описанными нами полѣскими головными username и черемисской „сорокой“. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ стало бы ясно, для чего у полѣской „пухоўки“ существуетъ шнуръ, не имѣющій никакого назначенія. Ясно, что „подушечка“ когда-то не была такъ плотно скрѣплена

съ „пухоўкой“, какъ теперь, и что онѣ были соединены между собою шерстянымъ шнуромъ. Когда же „подушечку“ сшили съ „пухоўкой“, то шнуръ сталъ излишнимъ, но хозяева „пухоўки“ изъ консерватизма всетаки не считали удобнымъ уничтожить шнуръ, который много вѣковъ быть можетъ носили ихъ бабушки и прабабушки.

То обстоятельство, что въ Полѣсьи и у черемисъ описанный нами головной уборъ носятъ женщины, тогда какъ у евреевъ онъ былъ исключительно мужскимъ, не должно насъ удивлять, такъ какъ сравнительная этнографія даетъ подобныхъ фактовъ безчисленное множество. Смѣло можно сказать, что нѣтъ той части мужского костюма, которую нельзя было-бы найти гдѣ-нибудь у женщинъ. А что и въ древности это не было рѣдкостью, видно изъ слѣдующихъ словъ Библии (Второзаконіе гл. 22, ст. 5): „На женщинахъ не должно быть мужской одежды... ибо мерзокъ предъ Господомъ Богомъ твоимъ всякій дѣлающій сіе“.

Интересно, что у черемисскихъ женщинъ можно найти еще и другую принадлежность одежды Іудейскаго Первосвященника.

Изъ Исходъ (гл. 28) мы читаемъ:

15) Сдѣлай наперсникъ судный искусною работою... изъ золота, изъ голубой, пурпуровой и червленной шерсти и изъ крученого виссона сдѣлай его.

16) Онъ долженъ быть четырехугольный, двойной въ падень длину и въ падень шириною.

17) И вставь въ него оправленные камни въ четыре ряда...

20) ... въ золотыхъ гнѣздахъ должны быть вставлены они.

21) Сихъ камней должно быть двѣнадцать, по числу (двѣнадцати именъ сыновъ Израилевыхъ...).

22) Къ наперснику сдѣлай цѣпочки, витыя плетеною работою изъ чистаго золота...

Извѣстно, что у черемисскихъ женщинъ также носится на груди твердый четырехугольникъ, который повѣшенъ на шею на ремнѣ, а вмѣсто драгоценныхъ камней унизанъ бисеромъ или монетами. У Racinet (*Costume historique*) есть рисунокъ черемисскихъ женщинъ съ четырехугольниками на груди, но изъ Самбирской губ. (т. 6, рисун. 495). Въ объясненіи къ рисунку сказано, что нагрудникъ этотъ дѣлается на жести и украшается монетами и мѣдными кружками. И. Н. Смирновъ въ своей книгѣ „Черемисы“ (стр. 77) говоритъ, что такой четырехугольный нагрудникъ у черемисскихъ женщинъ дѣлается изъ кожи и украшается монетами, что мѣстное названіе его ширвама или пычкама.

Что касается современныхъ евреевъ, то у нихъ фигура прямоугольнаго четырехугольника или квадрата считается священной, въ родѣ того, какъ крестъ

у христіанъ. Во-первыхъ, малый плащъ или Таласъ-Кутонъ, который носить на себѣ каждый еврей мужчина (подъ жилетомъ, поверхъ рубахи, а если еврей щеголяетъ бѣльемъ, то подъ рубахой) имѣетъ форму прямоугольнаго четырехугольника съ вырѣзкой въ серединѣ его для продвѣванія головы. На четырехъ углахъ этой части одежды, какъ мы уже говорили выше, пришиваются „кисти видѣнія“ (329). Кромѣ того въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ западной Россіи (намъ случилось это видѣть въ мѣст. Славутѣ Волынской губ.) старыя еврейки въ особо торжественныхъ случаяхъ надѣваютъ на грудь поверхъ платья такъ называемый Brusttuch, т. е. нагрудникъ изъ парчи или изъ шелковой матеріи съ вышивками, имѣющій непрѣменно четырехугольную форму. Такъ же, какъ и у черемисскихъ женщинъ, онъ вѣшается на шею, но отличается отъ такого же черемисскаго нагрудника тѣмъ, что длина его направлена вдоль роста, а не поперекъ, какъ у черемисскихъ женщинъ. Что фигура прямоугольнаго четырехугольника или квадрата имѣетъ для евреевъ священное значеніе, доказываетъ еще слѣдующій фактъ:

Нѣкоторые благочестивые евреи въ нашемъ юго-западномъ краѣ при выбѣлкѣ и покраскѣ ихъ дома оставляютъ на стѣнѣ дома небѣленое и некрашенное квадратное поле въ 1 аршинъ и говорятъ, что они это дѣлаютъ въ воспоминаніе о разрушеніи Іерусалима (330). О литовскихъ женщинахъ мы нашли также бѣглую замѣтку, что онѣ въ древности „носили металлическія квадратныя бляшки“, но, въ сожалѣнію, ни о видѣ этихъ бляшекъ, ни о ихъ размѣрахъ, ни о способѣ ихъ ношенія никакихъ свѣдѣній мы не нашли (330 А) *).

*) Четырехугольный нагрудникъ принадлежитъ, какъ оказывается, далеко не однимъ евреямъ и черемисамъ, онъ принятъ и у многихъ другихъ народовъ. Такъ, у Расина (Costume historique т. 2 рисун. 1) приводится рисунокъ нагрудника, совершенно такой, какъ у Іудейскаго Первосвященника, но найденный на изображеніи Египетскаго фараона Рамзеса. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ говоритъ, что главный египетскій судья носилъ на груди четырехугольную пластинку, украшенную драгоценными камнями, и что въ витринахъ Египетской галлерей на Парижской всемірной выставкѣ 1867-го года можно было видѣть такой же четырехугольникъ, украшенный эмалью и драгоценными камнями, относящійся къ болѣе древнему времени, чѣмъ времена Моисея, такъ какъ онъ принадлежалъ къ числу сокровищъ египетской царицы Аа-Готѣпъ, матери Амазиса. Разница между Египетскими и Іудейскими нагрудниками, по словамъ того же автора, заключалась только въ томъ, что у первыхъ драгоценные камни укрѣплялись на золотой металлической пластинкѣ, а у послѣднихъ на фонѣ тканной матеріи. Кромѣ того такой же четырехугольный нагрудникъ былъ у древнихъ этрусковъ. Въ Ватиканѣ сохраняются этрусскія вещи, добытыя при раскопкѣ близъ Кире (Cære), между которыми есть золотая нагрудная пластинка, совершенно такая, какая была изображена на могилахъ египетскихъ жрецовъ (331).

Изъ числа современныхъ народовъ четырехугольные нагрудники встрѣчаются у китайцевъ, гдѣ они даются въ видѣ отлічія мандаринамъ. Два такихъ четырехугольника, вырѣзанные изъ матеріи, пришиваются къ ихъ одеждѣ на груди и на спинѣ, причемъ у мандариновъ военныхъ на нихъ изображаются четвероногія животныя, а у статскихъ—

Про украшенія ризы Іудейскаго Первосвященника въ Исходѣ (гл. 28, ст. 33) сказано: „по подолу ея (ризы) сдѣлай яблоки изъ нитей голубого, ахоттоваго, пурпуроваго и червленнаго цвѣта (и изъ крученаго виссона), вокругъ по подолу ея (такого вида яблоки) и позвонки золотые между ними кругомъ“.

Подобныя же позвонки отъ пояса до коленъ, привѣшенные на шнурахъ, носили въ древности литовскія дѣвушки (335) *).

Въ заключеніе приведемъ здѣсь еще одну черту, общую литовцамъ съ древними евреями. Нарбутъ въ своей „Исторіи народа литовскаго“ (Вильно т. I, стр. 282) слѣдующимъ образомъ передаетъ разсказъ Грунау въ хроникѣ 1520-го года о жертвоприношеніи у древнихъ пруссовъ (литовскаго племени): „Вайдэлотъ (жрецъ) говорилъ передъ собравшимся народомъ о заповѣдяхъ боговъ и о томъ, что они требуютъ отъ людей, потомъ наступало наладываніе рукъ на голову козла, причемъ народъ громко каялся въ своихъ грѣхахъ...“

А въ Библии говорится слѣдующее: „возложить Ааронъ обѣ руки свои на голову козла и исповѣдается надъ нимъ беззаконія сыновъ Израилевыхъ, и всѣ преступленія ихъ, возложить ихъ на голову козла.. и понесетъ козелъ на себѣ всѣ беззаконія ихъ“... **).

Словомъ, передъ нами здѣсь проходитъ цѣлый рядъ загадочныхъ этнографическихъ параллелей между перечисленными нами народами, которыя нельзя объяснить общепринятымъ у насъ способомъ. Такъ какъ работы по

птицы (332). У чувашскихъ женщинъ есть такіе же четырехугольные нагрудники, какъ и у черемисскихъ, подъ названіемъ близкимъ къ черемисскому—Шульгама (И. Н. Смирновъ. Черемисы стр. 77). У Казанскихъ вотяковъ такой же нагрудникъ называется мурожъ и украшается монетами и позументомъ (333). Такой же четырехугольный нагрудникъ носятъ и башкирскія женщины, онъ называется сельдаръ или идывшикъ, дѣлается изъ коралловъ и украшается монетами и оловянными кружечками (334). У швейцарскихъ женщинъ есть также нагрудное украшеніе въ формѣ прямоугольнаго четырехугольника или квадрата. У Расина изображены двѣ швейцарскія женщины съ такими украшеніями изъ Бернскаго кантона. У тѣхъ же швейцарскихъ женщинъ, какъ необходимая принадлежность костюма, есть серебряныя цѣпи, неизмѣющія въ настоящее время никакого практическаго значенія и свѣшивающіяся спереди отъ плечъ къ поясу. Онѣ напоминаютъ тѣ золотыя цѣпи, на которыхъ у Іудейскаго Первосвященника былъ подвѣшенъ къ плечамъ четырехугольный нагрудникъ.

*) Ф. Готтенротъ говоритъ, что въ Россіи при раскопкахъ найдено безчисленное множество побрякушекъ, которыя еще и теперь употребляются между латышами въ Гольдингенѣ, гдѣ онѣ служатъ украшеніями для кафтана и плаща. Авторъ предполагаетъ, что и русскія женщины высшихъ классовъ въ древности носили юбку, украшенную по подолу позвонками (336).

**) Тотъ же обычай былъ въ древности въ Египтѣ и въ Индіи: «всѣ племена, собравшись вѣсть, обременяли своими дурными дѣлами и словами очистительную жертву и потомъ изгоняли ее въ пустыню». У египтянъ козла замѣняла телка, а у индійцевъ—лошадь (Журн. Мин. Нар. Пров. ч. XXXVI, II, стр. 87—88).

отысканію подобныхъ параллелей еще только что начинаются и потому составляютъ сравнительную новостъ въ нашей этнографической литературѣ, то мы воздержимся отъ какихъ-либо выводовъ, во ожиданіи того времени, пока фактовъ такого рода накопится болѣе. А теперь сопоставимъ только приведенныя нами параллели съ близкими къ нимъ и не менѣе загадочными параллелями, найденными нашимъ почтеннымъ ученымъ А. Фаминцынымъ между древними Прибалтійскими славянами и древними семитами (337).

В. Мошковъ.

Гор. Варшава.
26-го Января 1900-го года.

Три отпусна (наговора), произносимыхъ пастухами надъ скотомъ въ с. Уницѣ Петрозаводскаго уѣзда Олонецкой губерніи.

(Записаны докторомъ С. В. Тучемскимъ).

1) Майскій отпускъ.

Господи и Боже, благослови! Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Святая и нераздѣльная Троица, пособи и помоги на доброе дѣло. Молитвами святыхъ отецъ нашихъ Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ. Аминь. Боже, помози мнѣ. Сгадъ я, рабъ Божій, пастырь (Имр.) благословись, пойду перекрестясь изъ избы дверями и изъ двора воротами и изыду я, рабъ Божій, пастырь (Имр.) въ чистое поле со своимъ скотомъ на утренней зарѣ, стану на востокъ лицомъ. Помолюсь я, рабъ Божій, пастырь (Имр.) Свѣту истинному, Христу, Царю Небесному и Пресвятой Богородицѣ, Матери Божіей, Царицѣ Небесной, и всѣмъ небеснымъ и безплотнымъ силамъ, Ангеламъ и Архангеламъ, Михаилу Архангелу, Гавріилу Архангелу, Іоанну Предтечѣ, Крестителю Господню, и четыремъ Евангелистамъ: Іоанну Богослову, Матеею, Марку, Лукѣ, Петру и Павлу, верховнымъ Апостоламъ, вселенскимъ учителямъ: Василию Великому, Григорію Богослову, Іоанну Златоусту, Николаю Чудотворцу, святителю Господню, Георгію Храброму, Флору и Лавру, Власію и Медосію (?), Космѣ и Даміану. Отцомъ прощень, матерью благословень и беру я, рабъ Божій, пастырь (Имр.) на свои руки на все лѣто красное до поздней осени крестьянскій скотъ, милый животъ, рогатый, двоекопытный, разношерстный, стадо быковъ, коровъ, нетелей и малыхъ телятъ. Ходятъ въ моей любимой поскутинѣ въ день при солнцѣ, въ ночь при лунѣ, при утренней зарѣ и при вечерней, при частыхъ вѣздахъ, при буйномъ вѣтрѣ, при дождливой каплѣ. Сохрани, Господи, и соблюди отъ чернаго звѣря, медвѣдя съ медвѣдицею, отъ широкополага, отъ напастнаго, отъ насланнаго, отъ прохожаго и отъ жирового и отъ пакостнива и опрокидна. отъ сѣдого, рыскачаго волка и отъ волчихи и отъ чернаго звѣря, отъ росомахи и отъ ползучаго гада змія и отъ лютыи змій — скорпіи и отъ моего недруга и супостата, отъ кодуна и отъ кодуныи, отъ вѣдуна и отъ вѣдуныи, отъ шелудива и отъ килвата, отъ двоезуба и двоеволоса, отъ дѣвки — простоволоски, отъ сгарца и отъ старицы, отъ своей и отъ чужой лихой думы. Самъ моимъ добрымъ словомъ наставляется первая Майская печать. Нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

1) Іюльскій отпускъ.

Господи, благослови меня, раба Божія, пастыря (Имр.) на доброе дѣло, на утренней зарѣ идти въ чистое поле со своимъ скотомъ, съ крестьянскимъ

животомъ, съ рогатымъ и двоекопытнымъ, съ разношерстнымъ, со стадомъ быковъ, коровъ, нетелей и малыхъ телятъ. Стоить въ чистомъ полѣ свитая земля, золотая лѣстница, и опускаются на святой, золотой лѣстницѣ Свѣтъ истинный, Христось, Царь Небесный, и съ нимъ опускается мати Его Пресвятая Госпожа, Богородица, Царица Небесная, вся небесная бесплотная сила, Ангелы и Архангелы, Херувимы и Серафимы. И держить свѣтъ истинный Христось въ своихъ пречистыхъ рукахъ крестъ животворящій. И подхожу я, рабъ Божій, пастырь (имр.), ко Свѣту истинному, Христу, Царю Небесному, со своимъ скотомъ и наклоняю главу свою. Благославляетъ Свѣтъ истинный, Христось, Царь Небесный, своимъ крестомъ животворящимъ меня, раба Божія, пастыря (имр.) и мой милый скотъ и речеть: „сохраню и сберегу я твой милый скотъ на все лѣто красное до самой поздней осени“. И поклонюся я, рабъ Божій, Свѣту истинному, Христу, Царю Небесному, до самой сырой земли и пойду изъ чистаго поля въ темные лѣса, ажно и печеть, свѣтитъ красное солнце. На встрѣчу идутъ ко мнѣ, рабу Божию, пастырю (Имр.), святые угодники: Іоаннъ Предтеча, Креститель Господень и четыре Евангелиста: Іоаннъ Богословъ, Матеей, Маркъ, Лука, Петръ и Павелъ, верховные Апостолы,—вселенскіе учителя, святители: Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Николай Чудотворецъ, святитель Христовъ, Георгій Храбрый, Флоръ и Лавръ, святой Власій и Медосій. Идутъ святые Носыма и Даміанъ, своими луками подпираются, а каменными стрѣлами росу стряхиваютъ и мнѣ, рабу Божию, пастырю (Имр.), путь очищаютъ. И подхожу я, рабъ Божій, пастырь (Имр.), со своимъ скотомъ къ угодникамъ Божиимъ съ быками и съ коровами, съ нетелями и съ малыми телятами и наклоняю главу свою. Благославляютъ всѣ угодники Божіи меня, раба Божія, пастыря (Имр.), и мой милый скотъ и рекуть: „сохранимъ и сбережемъ мы тебя, раба Божія, и твой скотъ милый, животъ крестьянскій, рогатый, двоекопытный, разношерстный, стадо быковъ и коровъ, нетелей и малыхъ телятъ отъ всѣхъ лютыхъ звѣрей, когтей и зубовъ ихъ и отъ злыхъ чловѣкъ, отъ чернаго звѣря, медвѣдя съ медвѣдицей, отъ широколапаго, насланнаго и отъ широваго, отъ пакостника и опрокидня и отъ сѣраго волка съ волчихой и отъ чернаго звѣря, росомахи, и отъ ползучаго гада змія и отъ лютой зміи—скорпіи и отъ моего недруга и супостата; отъ колдуна и отъ колдуньи, отъ вѣдуна и отъ вѣдуньи, отъ шелудива и отъ киловата и отъ двоезуба и отъ двоеволоса, отъ дѣвви — простоволоски, отъ старца и отъ старицы, отъ свой и отъ чужой лхой думы“. И поклонюся я, рабъ Божій, пастырь (Имр.), всѣмъ угодникамъ Божиимъ до сырой земли и пойду со своимъ скотомъ въ темные лѣса и распушу скотъ по разнымъ мѣстамъ и проговорю: „Ходи мой милый скотъ, крестьянскій животъ, рогатое, двое-

копытное, разношерстное стадо, быки, коровы, нетели и малые телята въ осѣку и за осѣкомъ, въ полѣ и за полемъ, въ лугу и за лугомъ, въ шагахъ, въ темныхъ лѣсахъ, и кажись мой милый скотъ всѣмъ лютымъ звѣрамъ пенемъ и колодемъ, при травѣ—травой, при водѣ—водой, при камняхъ—каменьями, при лѣсѣ—лѣсомъ. И какъ придетъ вечерняя заря, и заиграю я, рабъ Божій, пастырь (имр.) въ рогъ или трубу, я проговорю сіи слова: „собирайся, мой милый скотъ, крестьянскій животъ, быки и коровы, нетели и малые телята, идите, бѣжите по своимъ домамъ, ко своимъ хозяевамъ, какъ летитъ изъ лука стрѣла, сколь прямо и сколь ярко, назадъ не возвращается, и какъ ярыя пчелы сходятся и слетаются въ свои ульи и какъ малые мураши сходятся къ своему царю, большому муравью, и какъ таетъ и горитъ уголь въ горнѣ, такъ таяло бы и горѣло у всякой скотины по скотинѣ поръ (?) и сердце по своему хозяинѣ и хозяйкѣ и по мнѣ, рабъ Божию, пастырю (имр.), по моему трубномъ голосѣ“. И пойду я рабъ Божій (имр.) къ синему морю и возмутится море и выйдуть изъ моря тридцать красивыхъ дѣвицъ съ булатными замками и замыкають тѣ дѣвицы всѣмъ лютымъ звѣрамъ губы и зубы и бьютъ тѣ дѣвицы всѣхъ лютыхъ звѣрей по глазамъ и зубамъ и по всѣмъ ихъ суставамъ и заклиniają тѣ дѣвицы всѣхъ лютыхъ звѣрей: „и чтобы вамъ околѣть и одеревенѣть, ослѣпнуть и не увидѣть бы сего крестьянскаго скота во все лѣто красное до самой поздней осени“. И еще я же, рабъ Божій, пастырь (имр.), поклонюсь небеснымъ Ангеламъ, и сходятъ небесные Ангелы съ небеснымъ огнемъ неугасаемымъ и зажигаютъ у моего скота поръ и сердце, чтобы всякая скотина горѣла бы и тосковала сердцемъ и по своему домѣ и по своему хозяинѣ и хозяйкѣ и по мнѣ, рабу Божию, пастырю (имр.), и моему голосѣ. Самъ моимъ добрымъ и вѣрнымъ словомъ, небо—ключъ, земля—замокъ и милость Божія буди. И поставляется вторая іудейская печать. Нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

а) Сентябрьскій отпускъ.

Постави Господи и утверди Господи около моего скота, крестьянскаго живота, рогатаго, и двоекопытнаго, разношерстнаго стада быковъ, и коровъ, нетелей и малыхъ телятъ желѣзный тынъ, былатины (sic) веревъ, мѣдные ворота, золотое кольцо со всѣхъ четырехъ сторонъ, отъ неба и до земли, отъ земли до неба, отъ востока и до запада, отъ юга и отъ сѣвера. Сквозь тотъ тынъ желѣзный не опещи солнцу красному, сквозь тотъ тынъ не повѣяти вѣтру буйному, сквозь тотъ тынъ желѣзный не пройди черному звѣрю, медвѣдю со медвѣдицею, широколапому, насланному и прохожему, жировому, пакостнику и опрокидью, сквозь тотъ тынъ желѣзный не пройди ни кодуу

ни колдуньи, ни киловату, ни шелудиву, ни двоезубу, ни двоеволосу, ни дѣвѣй-простоволоскѣ, ни старцу, ни старицѣ, ни своей, ни чужой лихой думѣ. Какъ сѣрому артаку (?) рысучему волку и волчихѣ не перескаты (?) имъ будетъ около синяго моря и не перевозать со всѣхъ береговъ морскихъ песку, чтобы всѣмъ лютымъ звѣрамъ не догнать моего скота, крестьянскаго живота, рогатаго... и проч. черному звѣрю медвѣдю... и проч... у того бы языкъ теменемъ вытянуло.

Всемилоствѣйшая Пресвятая Госпожа, Владычица, Богородица, Мати Божія, Царица Небесная, закрой меня, раба Божія (Имр.), своею нетлѣнною ризою и мой милый скоть, крестьянскій животъ рогатое двоекопытное... и проч. на все лѣто красное до самой до поздней осени отъ всѣхъ звѣрей лютыхъ, ногтей ихъ и злыхъ человекъ. Буди милость Божія на мнѣ и на моемъ миломъ скотѣ, на быковъ, коровъ, на нетелей и малыхъ телятъ. Симъ моимъ добрымъ, крѣпкимъ и вѣрнымъ словомъ, небо — ключъ, земля — замокъ и милость Божія буди. И поставляется третья, сентябрская печать. Нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Списокъ населенныхъ мѣстъ царства Польскаго и западной Россіи, въ которыхъ приняты обычаи обязательнаго трубленія въ осеннее полугодіе.

Обычай принятъ въ настоящее время.	Обычай былъ прежде, но теперь исчезъ.	Обычай неизвѣстенъ.
<p>Заторы и Барсуки (на лѣвомъ берегу р. Нарева).</p> <p>С. Замброво.</p> <p>С. Дембовина (около ст. Лапы), стан. Шепетово.</p> <p>Мѣст. Малкинъ, дер. Зависты, Ростки, Гонсіорово, Зузелъ, Зарембы косьпельны, Сумиэнно, Качково, Брокъ.</p> <p>У шляхты на лѣвомъ берегу р. Нарева.</p> <p>Д. Мадесинъ (гм. Страхувка).</p> <p>Ариновъ, Цыганка, мѣс. Станиславовъ, Ивовъ, Лялины, Радзиньскэ, Хроминъ, Ольшанка, Страхиинъ, Вальголясъ, Сѣнница, Уляновъ, Рудно (около м. Колбель) и Кшивица.</p> <p>Д. Суходоль, Карчевниця, м. Ливъ, Людвиновъ, Стара Весь Варжики, Паплинъ, Вулька Паплинска, Тварогъ, Каменна д. Бендажэ (г ч. Корытница).</p>	<p>Плоцкая губернія. <i>Пултусскій уѣздъ.</i> —</p> <p>Ломжинская губернія. <i>Ломжинскій уѣздъ.</i> —</p> <p><i>Мазовецкій уѣздъ.</i> —</p> <p><i>Островскій уѣздъ.</i> —</p> <p><i>Остроленскій уѣздъ.</i> —</p> <p>Варшавская губернія. <i>Радзимицскій уѣздъ.</i> —</p> <p><i>Новоминскій уѣздъ.</i> —</p> <p>Сѣдлецкая губернія. <i>Венгровскій уѣздъ.</i> —</p>	<p>—</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>У крестьянъ на правомъ берегу Нарева.</p> <p>Страхувка, Боруча, Рувнѣ.</p> <p>—</p> <p>—</p>

Обычай принять въ настоящее время.	Обычай былъ прежде, но теперь исчезъ.	Обычай неизвестенъ.
<p>Рытале Свѣнска, Рытале Суха, Рытале Олехны, Длугѣ Вшеборы, Длугѣ Гжимки, Длугѣ Каминске, м. Косовъ, и Стѣрдынь.</p> <p>Олесница, Водыне и Серочинь.</p> <p>д. Ягодна, Ружа, Вулька, и Правда.</p> <p>Юзя, Униковъ, Ягодна, Выгода, Жабенець, Нецелинь и Пузновъ.</p> <p>Шидловка, Олшанка, Корчовка, Мшанка, Гусель, Кривосниты, Прохенки, Луги, Зачопки, Пратулинъ, Корница, Рудка, Рокитно, Дзятковѣжъ, Силивонка, Кошцъ, Воробинь, Дерло, Витулинъ, Богукалы, Кричевъ, Колчинъ, Мокраны, Непле и Вузовка.</p> <p>Кожушки, Луговиско, Засядки, Кошелики, Мане, Рогожница, Долга, Шахи, Стольно, Жероцинъ, Загайки, Бероза, Преходиско, Дрелевъ, Квасовка, Виторожъ, Шостка, Лужки, Желѣзна, Коленбродъ, Валинна, Прогалины, Островки Осова, Деревична, Виски, Воронекъ, Березовый Контъ, Везволя, Рудно, Радче, Давиды, Яблонь, Пашенки, Коляно, Гусь, Чеберакы и Милановъ.</p> <p>Самовиче, Добрынь, Машевине, Кобыляны, Кожановка, Добринка, Копытовъ, Колоски, Загоровъ,</p>	<p><i>Соколовскій уѣздъ.</i></p> <p>д. Ишевузка.</p> <p><i>Стдлецкій уѣздъ.</i></p> <p>—</p> <p><i>Луковскій уѣздъ.</i></p> <p>—</p> <p><i>Гарволинскій уѣздъ.</i></p> <p>—</p> <p><i>Константиновскій уѣздъ.</i></p> <p>—</p> <p><i>Радинскій уѣздъ.</i></p> <p>—</p> <p><i>Вильскій уѣздъ.</i></p> <p>Муравецъ, Хорошинка, Огородники, Дубовъ, Дубовская Воля, Красовка, Корчовка, Ломазы, Любенка,</p>	<p>д. Пшедзятки, Воевудка.</p> <p>Грудъ, Целесница, Голодница, Михалки, Олшино.</p> <p>Русская Воля.</p> <p>Полятыче, Михалковъ, Лебедель, Добратыче, Вулька Добринская, Корощинъ, Горбовъ, Кіевецъ,</p>

Обычай принять въ настоящее время.	Обычай былъ прежде, но теперь исчезъ.	Обычай неизвѣстенъ.
Великая Дубровица, Малая Дубровица, Бокинка, Панская, докудовъ, Гуца (польская колонія), Копытникъ, Стасювка, Жуки, Межилъсь, Ленюшки, Лишна, Заболоть, Волька Заболотка, Ляцкъ, Кузовка, Ганна, Долгоброды, Костомлоты, Россошъ и Славатиче.	Костеневиче, Вулька Костеневичка, Янувка, Ортель Королевскій, Колода и Яблочна.	Деречанка, Залѣсе, Гусинка, Кучуковка, Воскреница, Цициборъ, Чоснувка, Сидорки, Ортель Княжескій, Волька Бѣльская, Ситникъ, Пицацъ, Кошолы, Виски, Кодень, Олшанка, Саювка, Крива Волька, Матушовка, Добромысль.
Любень, Любичень, Коденець, Хмѣлевъ, Калинка, Лыневъ, Полубиче, Вишницы, Жещинка, Переходъ, Лишники, Сосновка, Развадовка, Мутвица, Чепутка, Выгнанка, Романовъ, Хоростыта, Красовка, Константинъ, Ставки, Рожанка, Шуминна.	<i>Влодавскій уѣздъ.</i>	Грабовка, Липовка, Горки, Долголиско и Думица.
Крупница, Огородники, Чисели, Роговка.	Гродненская губернія. <i>Бѣльскій уѣздъ.</i> Сѣмятицкая волость.	Клюково.
Шерпени и Мацьковичи.	Александровская волость.	—
—	Дубяжская волость.	Суховольцы, Мокрое и Дидули.
—	Орлянская волость.	Спички.
Истоки.	Новоберезовская волость.	—
—	Райская волость.	Плески.
—	<i>Брестскій уѣздъ.</i>	—
—	Волчинская волость.	—
—	Чижевичи.	—
—	Мотыкальская волость.	Чилеево, Тяхеничи и Ковердяки.
Дуричи, Збунинъ, Отоки, Дубица и Лоплавцы.	Каминжуровская волость. Пугачова.	—
Домачево, Липинка, Харсы.	Мѣдянская волость.	—
—	Страдѣть.	—
	Домачевская волость.	Новоселки.
	—	

Обычай принять въ настоящее время.	Обычай былъ прежде, но теперь исчезъ.	Обычай неизвѣстенъ.
Пещатка, Бобровка, Волька, Тумень, Хлѣвище и Клюковичи.	Половецкая волость. Ставищи.	—
Добнево и Чернево.	Высоколитовская волость. —	Волковичи.
Подгубятичи.	Лыщицкая волость. Лыщицы.	Яцковичи и Кустынь.
—	Турневская волость. Турна и коростичи.	—
Колѣнковичи, Кошлы, Юсичи, Подборье, Радовичи и Ясиновка.	Верховичская волость. —	—
Бучимля.	Ратайчицкая волость. —	Церковники и Хотыново.
—	Войсковская волость. —	Городище и Моньчаки.
—	Каменецкая волость. Липна и Угляны.	Шербово.
—	Дмитровицкая волость. Рожковка.	—
—	<i>Пружанскій уѣздъ.</i>	—
—	Бѣловѣжская - Александровская волость. Урочище, зановинъ, Чвирки.	—
—	Шерешовская волость. Мыльнянски.	—
—	<i>Кобринскій уѣздъ.</i>	—
Мальки.	Збираговская волость. Рудки.	—
Олизоровъ Куть.	Сехновецкая волость. —	—
Трилистная.	Дружиловичская волость. —	—
Споровъ.	<i>Слонимскій уѣздъ.</i> Песковская волость. —	—
Полицы.	Волынская губернія. <i>Луцкій уѣздъ.</i> —	Борохово.
Кортылисы и Самары.	<i>Ковельскій уѣздъ.</i> —	Заболотье.
Козляковичи, Столинъ, Вережное.	Минская губернія. <i>Минскій уѣздъ.</i> —	—
Давыдъ-Городокъ.	<i>Мозырскій уѣздъ.</i> —	с. Турово.

ПРИМѢЧАНІЯ.

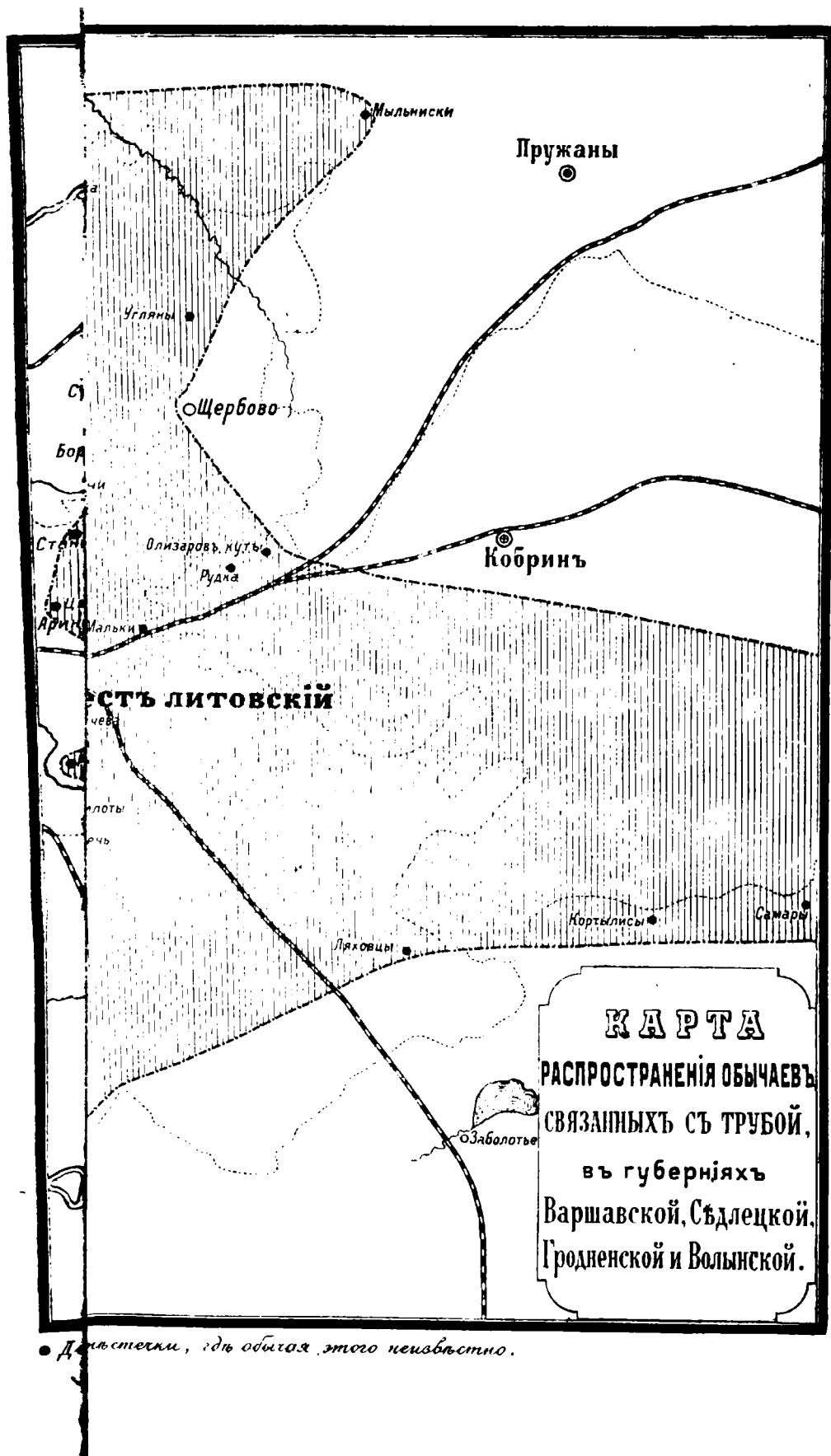
- 1) —Этнограф. Обзор. 1890 г. № 2 стр. 5 и 12. 2) и 3) —А. W. Ambros Geschichte der Musik I стр. 508. 4) —Musikalisch. Conversat. Lexik. v. H. Mendel 10 стр. 31. 5) —З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. 16 стр. 84—390. 6) —Газета «Новое Время» 1897 г. № 7593. 7) —Народы Россіи Спб. 1880 в. 2 стр. 455—457. 8) —Zeitschrift für Ethnologie. 4. 1872 стр. 33. 9) —Ibid. 10) —Ibid. 11) —Mélusine (Франц. этногр. журн.). ч. 3 1886—87 г. стр. 460. 12) —Zeitschrift für Ethnologie 1872 т. 4 стр. 33. 13) —Ibid. и Musik. Convers. Lexik. v. H. Mendel т. 2 стр. 207. 14) —Е. Н. Водовозова. Жизнь европейск. народ. ч. 1 стр. 320. 15) —Ibid. стр. 404. 16) —Český Lid Číslo I Ročn. 5 стр. 39. 17) —Ibid. 18) —А. W. Ambros Geschichte der Musik. Leipzig 1887 стр. 420; Musik. Convers. Lexik. von H. Mendel т. 9 стр. 150; Kaz. Łada Hystorja muzyki Warsz. 1861 стр. 8; 19) —Kostümkunde von Hermann Weiss. Stuttgart 1860 ч. 4 стр. 255; 20) —Revue des traditions populaires т. II № 1 1896 стр. 7, статья Лалаянца. 21) —Матерьялы для антропологии Таранчей. Диссертация В. Э. Пайсея Спб. 1897 стр. 21. 22) —А. W. Ambros Geschichte der Musik. Leipzig 1887 стр. 508. 23) —Ibid. стр. 356. 24) —Kostümkunde von Hermann Weiss Stuttgart 1864, 1 стр. 431. 25) —Revue de traditions populaires т. 6 № 11 стр. 658. 26) —Е. Н. Водовозова. Жизнь европейских народ. Спб. 1878 т. 2 стр. 108. 27) —Český Lid Číslo I Ročnik 5 стр. 14. 28) —Dzieje starożytne narodu Litewskiego przez Teodora Narbutta Wilno 1835 стр. 13 т. 1. 29) —З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. 16 стр. 84—390. 30) —Kostümkunde von Hermann Weiss Stuttgart 1860 т. 4 стр. 17; А. W. Ambros Geschichte der Musik Leipzig 1887 стр. 547. 31) —Ibid. 31 А) —O. Comettant. La musique et les instrum. de musique chez les differ. peuples du monde... Paris 1869 стр. 596; 32) —Kulturgeschichte des deutschen Volkes von D-r Otto Henne... Berlin 1886 т. 1 стр. 95. 33) —А. W. Ambros Geschichte der Musik. Leipzig 1887 стр. 422. 34) —Musikalisches Conversations Lexikon H. Mendel т. 2 стр. 380. 35) —Musikal Conversations Lexikon von Herm. Mendel IX ст. 33; 36) —Вѣстникъ Европы. Июль 1874 стр. 703. 37) —L. Krzywicki. Zarys antropolog. etnicznej Warsz. 1893 стр. 219. 38) —O. Comettant (смотри примѣч. 31 А). 39) —А. W. Ambros Geschichte der Musik. Leipzig 1887 стр. 552. 40) —O. Comettant стр. 575. 41) —«Всемирный путешественникъ». Январь 1874 стр. 16—17. 42) —Musik. Conv. Lexik. v. H. Mendel т. 9 стр. 33. 43) —Kostüm. v. H. Weiss т. 5 стр. 851. 44) —Revue des trad. pop. ч. 6 № 11 стр. 685. 45) —O. Comettant стр. 590. 46) —Słownik rzeczy starożytnych opracował G... Krakow 1896 слово ligawka. 47) —Wisła. 1888 стр. 432. 48) —Kniotek. Warszawa 1849 стр. 207. 49) —Wisła 1888 стр. 432. 50) —Смотри примѣч. 44 и 52) —Musik. Conv. Lex. H. Mendel т. 1 стр. 169. 53) —O. Comettant стр. 586, 588 и 589. 54) —Kost. H. Weiss т. 5 стр. 432. 55) —Musik. Conv. Lex. H. Mendel. т. 5 стр. 290 и т. 2 стр. 32—33. 56) —Ibid. 57) —Kulturgeschichte des deutschen Volkes von D-r Otto Henne am Rhyu Berlin 1886 т. 1 стр. 38. 57 А) —III. Летурно Эволюція торговли. Изд. Поповой Спб. 1889 стр. 109. 58) —Mus. Conv. Lex. H. Mend. т. 2 стр. 239 и т. 5 стр. 400. 59) —Ibid. 60) —А. W. Ambros стр. 508. 61) —З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. т. 16 стр. 84—390. 62) —Народы Россіи Спб. 1880 в. 2 стр. 455—457. 63) —«Новое Время» 1897 № 7593. 64) —З. И. Р. Г. О. по отд. Этн. 17 в. т. 3 стр. 8. 65) —Извѣст. Общ. Арх., Ист. и Этногр. при Имп. Казанск. унив. т. 14 в. 3 стр. 375. 66) —Musik. Conv. Lexik. H. Mendel т. 1 стр. 324. 67) —M. A. Racinet. Le costume historique. Paris 1888 т. 3 рисун. № 141. 68) —Сборн. матер. для описан. мѣстност. и пле-

мень Кавказа в. 19 стр. 126—127. 69)—Ibid. в. 10 стр. 47. 70)—A. W. Ambros стр. 375; Kostk. Weiss т. 4 стр. 60 и 111; Neu eröffneter Magasin musikalischer Tonwerkzeuge. Bearb. von Heinrich Welker von Gontershausen Frankfurt am Main 1855 стр. 15. 71)—Musik. Conv. Lex. H. Mendel т. 9 стр. 33. 72)—Ibid. 73)—Kostk. Weiss т. 5 стр. 851. 74)—Русскія древности въ памятникахъ искусства, изд. Граф. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ Спб. 1889. в. 2 стр. 69. 74 А) O. Commetant 75)—A. W. Ambros стр. 524. 76)—D-r Ć. Žibrt. «Jak se kdy v Čechách tancovalo» v Praze 1895. 77)—Illustriertes Wörterbuch der Römischen Alterthümer Antony Rich. Paris & Leipzig 1862. 78) ibid. 79)—Исходъ Глава 19. 80)—Ibid. 81)—З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. т. 16 стр. 84—390. 82)—Эме Гюмберъ Живописная Японія. Спб. 1870 стр. 3. 83)—Извѣст. Общ. Арх. Ист. и Этногр. т. 14 в. 3 стр. 375. Народы Россіи Изд. об. «Природа и люди» Спб. 1880 т. 2 стр. 202. 84)—Ambros стр. 375. 85)—Der Olymp... A. H. Petiscus, Leipzig 1890 стр. 305—306. 86)—См. примѣч. 70). 87)—A. W. Ambros стр. 551. 88)—Hahn. Albanesische Studien стр. 160. 89)—Česky Lid Číslo 1 Ročn. 3 стр. 39. 90)—Книга числъ. Глава 10. 91)—Ibid. 92)—Ibid. Глава 29 ст. 1. 93)—Musik. Conv. Lexik. H. Mendel т. 2. стр. 380. 94)—Ibid. 95)—См. примѣч. 70). 96)—Kostk. Weiss т. 4 стр. 255. 97)—A. W. Ambros. стр. 508. 98)—Musik. Conv. Lex. H. Mendel т. 10 стр. 31. 99)—Ibid. т. 10 слово tuba. 100)—Bibl. der neuest. und wichtigst. Reisebeschr. Sprengel. Weimar 1801 т. 4; Путешествіе въ Тибетъ г. Турнера. 101 и 102)—З. И. Р. Г. О. по отдѣл. Этногр. т. 16 стр. 84—390. 103)—Народы Россіи Спб. в. 2 стр. 455—457. 104)—«Новое время» 1897 № 7593. 105)—Dzieje starożytne narodu L. przez Teodora Narbutta. Wilno. стр. 284. 106)—Этнограф. Обзор. 1895 № 3 стр. 35. 107)—Kostüm. Weiss т. 1 стр. 161. 108)—Revue de traditions populaires т. 6 № 11 стр. 685. 109)—Сборн. матер. для мѣст. и плем. Кавказа в. 10 стр. 47. 109 А)—Страна эфиоповъ (Абиссинія) Е. Е. Долганева. Спб. 1896 стр. 116. 110)—D-r A. Petermanns Mitteilungen. Gotha. т. 37. 1891. т. стр. 235. 111)—Книга числъ. Глава 10. 112)—Hystorja muzyki K. Łada стр. 9. 113)—Журн. «Естественн. и Географія» 1896 Апрель стр. 42—43; З. И. Р. Г. О. по отд. этногр. т. 16 стр. 84—390. 117)—«Новое время» 1897 № 7593. 116)—Musik. Conv. Lexik. H. Mendel т. 8 стр. 382. 117)—H. Welcker. Neu eröffnetes Magazin muzikalischer Tonwerkzeuge Frankf. am Main 1855 стр. 33. 118)—Hyst. muz. K. Łada. Warszawa 1861 стр. 175. 119)—Musik. Conv. Lexik. H. Mendel. 120)—«Всемирн. путешествіе». Янв. 1874 стр. 1874 стр. 16—17. 121)—Естест. ист. плем. и нар. Фр. Гельвальдъ. Изд. Суворина. Спб. 1885 т. 2 стр. 285. 122)—Пешель. Народовѣдѣніе. (Въ польскомъ переводѣ). Варшава 1876 стр. 259. 123)—Э. А. Вольтеръ т. 1 стр. 202. 124)—L. Krzywicki Zarzys antropolog etnicznej Warsz. 1893 стр. 219. (Изъ Пешеля. Народов.) 125)—Ibid. стр. 121. «Миръ Божій», ст. III. Летурно стр. 159. 126)—L. Krzywicki. Zar. antrop. etn. стр. 127)—Головацкій. Галиц. Пѣсни ч. 1 стр. 706. 128)—Е. Н. Водовозовой. Жизнь европ. народ. ч. 2 стр. 492—493. 129)—Д-ръ Плоссъ. Женщина въ естествовѣдѣніи и народовѣдѣніи перев. подъ редак. Д-ра В. И. Рамма. Спб. 1899 стр. 409. 130)—Henri Mouhot. Voyage dans les Royaumes de Siam, de Cambodge, de Laos. Paris 1872 стр. 31. 131)—Le Costume historique... M. A. Racinet Paris 1898 т. 4. 132)—Musik. Conv. Lex. H. Mendel т. 2 стр. 380. 133)—Книга числъ. Глав. 10. 134)—Bibl. d. neuest. u. wicht. Reisebeschr... Weimar 1801 т. 4 стр. 130. 135)—Книга числъ. Глава 10. 136)—Mus. C. Lex. H. Mendel т. 2 стр. 380. 137)—З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. т. 16 стр. 84—390. 137 А)—Журн. Минис. Народ. Просв. ч. XLII, II стр. 43. 138)—Книга Іисуса Навина. Гл. 6. 139)—З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. т. 16 стр. 84—390. 140)—Musik Con. Lex. H. Mendel т. 2 стр. 239 и т. 5 стр. 400. 141)—См. примѣч. 193). 142)—Нар. Россіи. Спб. 1880 в. 2 стр. 455—457. 143)—A. W. Ambros. стр. 530—532. 144)—Сборн. матер. для описан. мѣст. и плем. Кавказа в. 19 стр. 126—127. 145)—Этногр. Обзор. 1891 в. 10 стр. 7 и 12. 146)—Сборн. Матер. для оп. Кавк. мѣст. и плем. Кавказа в. 20 1894 стр. 154. 147)—Чубинск. Труды т. 1 стр. 191. 148) Герб. Спенсеръ «Таинственный миръ» Спб. 1899, стр. 8—10. 149)—«Религіозные обряды черемисъ» свящ. Яковлева Изд. Миссіонерск. Общ. Казань 1887. 150)—Сообщ. моего брата,

Н. А. Мошкова. 151)—И. Н. Смирновъ. «Черемисы» стр. 165. 152)—Гр. Верещагинъ. Вотяки стр. 61—62. 153)—Максимовъ. Годъ на сѣверѣ. Спб. 1859. стр. 154. 154)—З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. т. 17 в. 2 стр. 92. 155)—La Tradition годъ 3 № 86—87 стр. 109. 156)—Ibid. стр. 105. 157)—Этногр. Обзор. 1891 в. 10 ст. 7 и 12. 158)—«Естествозн. и Геогр.». 1891 май стр. 43. 159)—Герб. Спенсеръ. «Таинств. міръ». Спб. 1899 стр. 9. 160)—La Tradition 1895 № 86—87 стр. 105. 161)—O. Kolberg Mazowsze. т. 4 стр. 134. 162)—И. П. Сахаровъ. Сказ. р. нар. Спб. 1885 стр. 4. 163)—La Tradition 1895 № 86—87 стр. 105. 164)—Г. Спенсеръ. «Таинств. міръ». Спб. 1889 ст. 2. 9. 165)—Быть грековъ и римлянъ. Ф. Ф. Велишскаго. Прага 1878. 166)—Revue des Traditions populaires годъ 6 т. 6 № 7 стр. 429. 167)—Е. Н. Водовозовой. Жизнь европ. народ. Спб. 1878 ч. 2 стр. 108. 169)—Rev. d. tradit. pop. т. 2 1887. 170)—Водовозова. Жизнь евр. нар. ч. 2 стр. 492—493. 171)—Dzieje staroż. nar. Lit. Narbutt Wilno 1835 стр. 172)—O. Kolberg. Lud Ser. 5 стр. 303. 173)—Zbiór Wiadom. do Antropol. т. 14 стр. 67. 174)—Zeitschr. d. Ver. für Volksk. Berlin 1894 Heft. 3 стр. 309. 175)—Gregorowicz. Pamiętnik Towarz. Tatrzańskiego 1880. 176)—Путеш. чер. Монголію въ Тибетъ Гюка и Габа. Москва 1866 стр. 278. 177)—Ibid. стр. 198. 178)—Сборн. матер. для описан. мѣст. и плем. Кавказа в. 18 стр. 130. 179)—Ест. ист. плем. и нар. Гельвальда. т. 2 стр. 326. 180)—Ethn. Mitteil. aus Ungarn. 1895 т. 4 Heft. 4—6 стр. 169. 181)—Толков. слов. русск. языка. Дала. Слово «труба». 182)—Путешествія и открытія д-ра Эдуарда Фогеля въ Африкѣ, преимущественно въ Суданѣ. На русск. языкѣ. 183)—Racinet. Le costume historique т. 2 рисун. лит. GE. 184)—Сборн. матер. для опис. мѣсти. и плем. Кавказа в. 18 стр. 135. 185)—З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. т. 16 стр. 84—390. 186)—Р. др. въ памяти. иск. Толстаго и Кондакова. в. 2 стр. 69. 187)—Ill. Wört. b. d. Röm. Alterth. A Rich. Paris & Leipzig 1862 слово «tuba». 188)—La Tradition т. 12. Decembre 1893. стр. 328. 189)—Водовозова. Ж. евр. нар. ч. 3 стр. 165. 190)—Kłosy 17 № 429. стр. 185. 191)—Острова Тихаго океана. Соч. Ф. Кристмана и Р. Оберлендера. Спб. 1875 т. 2 стр. 336. 192)—Dzieje staroż. nar. Lit. Narbutt. Wilno 1835 стр. 352 и Ж. Мин. Нар. Пр. ч. XLII, II стр. 35. 193)—Racinet. Cost. hist. 194)—Путеш. къ верх. Нила и изсл. его источн. С. Уайтъ Бекера. Москва. 1868 стр. 145 и 147. 195)—Плоссь. Женщ. Спб. 1899 т. 2. стр. 417. 196)—Hahn. Alb. St. стр. 160. 197)—Kostüm. Weiss т. 4 стр. 255. 198)—Racinet. Le Cost. т. 3 рисун. № 141. 199)—Ill. Wörtb. Rich. Paris 1862. 200)—La Tradition. Année 8—9 Juillet-Decembre. 1895 с. 209. 201)—Пешель Народ. (польск. пер.). Варшава 1876 стр. 260. 202)—Ethn. Mitteil. aus Ung. Июнь 1893 стр. 27. 203)—Пут. Гюка и Габа. 1866 стр. 54. 204)—Ill. W. d. R. A. Rich. Paris 1862. 205)—R. d. trad. pop. 6. № 11 стр. 685. 207)—Mus. Lex. Mendel 1 стр. 169. 208)—Zeitschr. d. Ver. f. Vlksk. 1894 Н. 3 стр. 309. 209)—Český Lid Číslo 1 Ročník. 5. стр. 14. 210)—Головацкій. Галицк. пѣсни ч. 1 стр. 706. 211)—Труды этногр. отд. Об. Люб. Ест. кн. 9 в. 1 1889 стр. 127. 212)—З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. т. 2 стр. 530. 213)—Памяти. кн. Арханг. губ. 1865 ст. 2 стр. 24—26. 215)—Český Lid. Číslo 1 Ročn. 3 стр. 39. 216)—«Естествозн. и геогр.». 1896 апрѣль стр. 42—43. 217)—Книга судей. Гл. 7. 218)—Паралипоменионъ кн. 2 гл. 13. 219)—Musik. Con. Lex. Mendel 1 стр. 220)—Kostüm. Weiss т. 4 стр. 255. 221)—Musik. Lex. H. Mendel т. 9 стр. 33. 222)—Н. О. Эминъ. Излѣд. и ст. по армянск. миеолог., арх. Москва 1896 в. 2 стр. 57. 223)—Ambros стр. 356 и 375. 224)—Ill. W. Rich. Paris 1862. 225)—A. W. Ambros стр. 375. 226)—Ibid. 227)—Чтен. Имп. Об. Ист. и Древн. Росс. 1846 № 1 стр. 35. 228),—229) и 230)—Ibid. стр. 39. 231)—Kostüm. Weiss т. 1 стр. 431. 232)—Narbutt. Wilno 1835 стр. 13. 233)—Чтен. въ И. О. Ист. и Др. Рос. 1 ст. Изслѣд. начала народ. слав. стр. 71. 234)—A. W. Ambros стр. 375. 235)—Н. Сумцовъ. Культурн. переживан. стр. 149. 236)—Ф. Готтенротъ. Ист. вѣшной культуры. Спб. 1885 ч. 9 стр. 136. 237)—Mus. Lex. Mendel т. 10 стр. 345. 238)—A. W. Ambros стр. 464. 239)—И. Казанцевъ. Опис. киргизъ-кайсака. Спб. 1887. стр. 130. 240)—Д. В. Путята. Китай Спб. 1895 стр. 176; И. Я. Пясецкій. Путешествіе по Китаю. Спб. 1880. т. 1 стр. 49. 241)—

A. W. Ambros стр. 552. 242)—Fridr. Müller Allgem. Ethnografie. Wien. 1879. стр. 489. 243)—Стенли. «Какъ я отыскалъ Ливингстона». Спб. 1874 стр. 202. 244)—Mélusine т. 3 1886—87 стр. 460. 245)—Du Niger au Golfe de Guinée par les pays de Kong et de Mossi. Par le capit. Binger. Paris 1892 т. 1 стр. 104. 246)—A. W. Ambros стр. 541. 247)—Ill. W. Rich. Paris 1862. 248)—Racinet. Cost. Слово «Busine» 249)—Е. Н. Водовозова. Ж. евр. нар. ч. 1 стр. 393 и 404. 250)—Bibl. der neuesten u. wichtigsten Reisebeschreibungen... Weimar 1801 т. 3 стр. 126. 251)—Народы Россіи. Этногр. оч. Изд. ред. журн. «Природа и люди» Спб. 1890 т. 2 стр. 311. 252)—Rev. des trad. pop. 1886 т. 1 стр. 318. Ibid. т. 5 стр. 183; Ibid. т. 4 стр. 289; 253)—Е. Н. Водовозова. Ж. евр. нар. ч. III стр. 165. 254)—Ibid. I стр. 120; Истор. вѣстн. 1881 т. 4 стр. 646. 255)—Этногр. Обзор. 1891 № 2 стр. 6. 256)—Ibid. 1894 № 3 стр. 42. 257)—Народы Росс. т. 2 стр. 302. 258)—Слов. Дая. 259)—Narbutt. Wilno. 1835. стр. 281. 260)—Ibid. стр. 311. 261)—Ibid. 262)—Религіозн. обряды черемисъ Свящ. Яковлева. Казань 1887. 263)—Чубинск. Труды т. 7 стр. 61—62 и 64—66; А. С. Дембовецкій описан. Могилев. губ. 1882 т. 1 стр. 755—756. 264)—Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа в. 18 стр. 4. 265)—«Естествозн. и геогр.» 1896 апрѣль стр. 42—43. 266)—Путеш. Гюка и Габа. Москва 1866. стр. 278. 267)—Смотр. примѣч. 245) т. 1 стр. 378, т. 2 стр. 184. 268) Movers Die Phönizier Bonn. 1841 т. 1 стр. 205 и 207. 269)—La Tradition № 3 Année 5 стр. 92. 270)—Zbiór Wiad. do Antr. т. 11 стр. 176. 271)—Сахаровъ Ск. р. нар. Спб. 1885 стр. 86—90. 272)—См. прим. 154. 273)—La Tradition Année 3—9 (№ 86—87) 1895 стр. 105 и 109. 274)—Ibid. 275)—Сборн. матер. для опис. мѣст. и плем. Кавказа в. 8 стр. 6. 276)—Ibid. в. 19 стр. 83. 277)—Народы Россіи. т. 2 стр. 311. 278)—«Естест. и Геогр.» 1896 май стр. 43. 279)—Народы Росс. Спб. 1878 т. 1 стр. 447. 280)—Начало цивилиз. Леббока Втор. изд. редак. Д. А. Корончевск. стр. 25. 281)—Ibid. стр. 22. 282)—Zbiór Wiadom. do Antr. т. 9 стр. 60; O. Kolberg Kraków. ser 7 стр. 50. 283)—La Tradition Année 9 № 86—87 стр. 140; Ibid. Année 8—9 № 88—93. стр. 231, 284)—Ibid. Année 7 № 78—80 стр. 317. 285)—Нач. цив. С. Дж. Леббокъ. 161. 286)—Ibid. 287)—La Tradition. Année № 72—73 стр. 24. 288)—Сбор. матер. для описан. мѣст. и плем. Кавказа в. 17 стр. 147 и в. 19 стр. 79. 289)—Ibid. стр. 194. 290)—Ibid. стр. 202. 291)—Ibid. стр. 207. 292)—Ibid. в. 14 стр. 255. 293)—З. И. Р. Г. О. по отд. этногр. т. 17 в. 2 стр. 223. 294)—Нач. цив. С. Дж. Леббокъ стр. 160—161. 295)—Такъ о якутахъ пишутъ, что у нихъ «единственный» инструментъ—«хамысь». Изв. Вост. Сибирск. отд. И. Р. Г. О. т. 13 1882 № 3 стр. 39. 297)—Ш. Летурно. Соціологія, основ. на этногр. Спб. 1895 в. 1 стр. 298)—А. С. Дембовецкій. Могил. губ. 1892 ч. 1 стр. 740, 749 и 751. 300)—Р. энц. словарь Брокгауза. Слово «Китайцы». 301)—Ф. Готтенротъ. Истор. внѣшн. культ. стр. 155. 302)—Матер. для географіи и стат. Россіи, собр. оф. генер. шт. въ Ковенской губ. Д. Афанасьева. Спб. 1861 стр. 571. 303)—Памятн. книж. Сѣдлец. губ. 1891 стр. 250—251 стат. Г. Янчука; Pamiętnik fizyograficzny т. 4 стр. 377—379. 305)—Народы Россіи т. 2 стр. 306. 306)—Ш. Летурно Соц. основ. на этногр. Спб. 1895 в. 1 стр. 92. 307)—«Естеств. и Геогр.» мартъ 1896 стр. 23; Путеш. Гюкъ и Габа. стр. 177. 308)—«Ест. и Геогр.» март. 1896 стр. 20. 309)—Ш. Летурно. Соц. основ. на этногр. в. 1 стр. 92. 310)—Смотри примѣч. 182. 311)—Ест. ист. плем. и народ. Ф. Гельвальда Спб. 1885 т. 2 стр. 227. 312)—С. Дж. Леббокъ. Нач. цив. 2-е изд. стр. 44. 313)—Ф. Готтенротъ стр. 161. 314)—Folk-Lore. (Англ. этногр. журн.) London т. 6 № 1895 стр. 96. 315)—Путешеств. въ зап. Китай. Г. Е. Грумъ-Гржимайло. Спб. 1896 т. 1 стр. 144. 316)—Racinet. Costume т. 2 рисун. СС. 317)—Ф. Готтенротъ. стр. 191. 318)—«Живая старина» 1894 в. 2 стр. 134. 319)—Пам. кн. Сѣдл. губ. 1891 стр. 235. 321)—А. С. Дембовецкій. Могил. губ. 1882 т. 1 стр. 749. 322)—Ф. Готтенротъ. Ист. вн. культ. (стр. 155. 323)—Ш. Летурно. Соц. осн. на этногр. в. 1 стр. 92. 324)—«Естест. и Геогр.» мартъ 1896 стр. 20. 325)—«Истор. вѣст.» 1895 мартъ стр. 554. 326)—Народы Россіи т. 2 стр. 347. 327)—Зап. Кавк. отд. И. Р. Г. О. кн. 11 в. 2 стр. 113, 131 и 132. 328)—Пут. въ зап. Китай Г. Е. Грумъ-Гржимайло

т. 1 стр. 144. 329)—З. И. Р. Г. О. т. 3 1873 стр. 267 и Чубинск. т. 7 1872 стр. 25. 330)—Чубинск. т. 7 стр. 23 331)—А. W. Ambros стр. 375; 332)—М. А. Racinet. т. 2 къ рисун. подъ знакомъ «коса» (земледѣльч. орудіе); П. Я. Пясецкій Путеш. по Китаю Спб. 1880. т. 2 стр. 884. 333)—Этногр. Обзор. 1897. № 2 стр. 72. 334)—Этногр. Обзор. 1889 кн. 4 стр. 182. 335)—Narbutt. Wilno. 1835. т. 1 стр. 335. и Журн. Минис. Нар. Прос. ч. XLII. II стр. 49. 336)—Ф. Готтенротъ. Истор. вѣ. культ. 337)—Этногр. Обзор. 1895 № 3 стр. 14. Статья А. Фаминцына. Древне-арійскіе и древне-семитскіе элементы въ обычаяхъ, обрядахъ, вѣрованьяхъ и культахъ славянъ.

Хунь-ну и Гунны.

(Библиографическій обзоръ теорій о происхожденіи народа Хунь-ну китайскихъ лѣтописей, о происхожденіи европейскихъ Гунновъ и о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ народовъ).

(Окончаніе).

III.

Теорія турцизма Хунь-ну и финнизма Гунновъ. Абель Ремюза, какъ сторонникъ первой части этой теоріи и разборъ его доводовъ. Клапротъ — главный представитель этой теоріи. Его изслѣдованія и разборъ ихъ. Другіе послѣдователи этой теоріи. Ея общее значеніе.

Слѣдующая по времени за теоріей монголизма была теорія, отличавшая Хунь-ну отъ Гунновъ и считавшая первыхъ тюрками, а вторыхъ финнами. Особенно проводилъ ее извѣстный полиглотъ Клапротъ, неоднократно писавшій по этому вопросу. Этотъ ученый справедливо считается главнымъ представителемъ теоріи. Болѣе того, онъ, собственно говоря, создалъ ее, онъ-же развилъ и распространилъ ее въ наукѣ. Если теорія монголизма образовалась постепенно, слагалась изъ мнѣній различныхъ ученыхъ и нуждалась въ окончательномъ обобщеніи, то теорія финнизма Гунновъ и турцизма Хунь-ну сложилась, можно сказать, почти сразу. Такимъ образомъ, если она должна была быть цѣльнѣе первой, то въ ней однако болѣе допустимы недосмотры. Трудность усложнилась еще тѣмъ, что предлагавшему ее нужно было не только доказывать вѣрность своего взгляда, но и отрицать другіе, предшествовавшіе доводы. Изъ всего этого видно, что взявшій на себя такой трудъ долженъ былъ явиться настоящимъ реформаторомъ въ изучаемомъ нами вопросѣ, и такимъ дѣйствительно нужно назвать Клапрота.

Однако, признавая все значеніе этого ученаго, мы должны сказать, что еще до него высказался по поводу происхожденія Хунь-ну, придерживаясь уже мнѣнія о турцизмѣ этого народа, извѣстный французскій монголологъ Абель Ремюза въ своемъ сочиненіи „*Recherches sur les langues tartares*“ (Paris, 1820). Въ этомъ изслѣдованіи, какъ уже видно изъ самаго заглавія, не историческомъ, онъ однако коснулся нѣкоторыхъ историческихъ во-

просовъ. Къ нимъ принадлежить и вопросъ о происхожденіи Хунъ-ну. О Гуннахъ онъ почти ничего не говорилъ. Поэтому мы и можемъ считать его первымъ, высказавшимся по поводу новой теоріи, но только относительно одной ея части, именно происхожденія Хунъ-ну. Вышеназванное сочиненіе имѣетъ цѣли филологическія. Кромѣ небольшого предисловія, введенія и небольшого-же заключенія, сочиненіе это дѣлится на семь главъ. Первая говоритъ объ этихъ народахъ вообще. Вторая касается несторіанско-татарскаго алфавита. Третья—древняго письма Татаръ. Четвертая—ореографіи и грамматики Маньчжуровъ. Пятая—монгольскаго языка и его діалектовъ. Шестая—восточно-тюркского или уйгурскаго языка. Наконецъ, седьмая—тибетскаго языка. Интересующаго насъ вопроса Абель Ремюза коснулся въ первой, пятой и шестой главахъ. Сообразно съ этимъ начнемъ и мы обзоръ его мнѣній и доказательствъ.

Говоря о различныхъ именахъ татарскихъ народовъ, этотъ ученый долженъ былъ сказать и о происхожденіи имени Хунъ-ну. Онъ вообще придерживался того взгляда, что почти всѣ варианты имени этихъ кочевниковъ, приводимые въ китайскихъ лѣтописяхъ—тенденціозныя передѣлки съ оскорбительнымъ значеніемъ. Такъ „Хунъ-ё (Hiun-io) можетъ значить проданные рабы; Гуй-фанъ (Kouei-fang)—дьявольскіе, Хянь-юнъ (Hian-yun)—каналы, Хунъ-ну (Hiong-nou)—дурные рабы, Ту-гю (Thou-kiouei)—наглые собаки и т. д. Это—воспоминанія о ненависти и презрѣніи, которыя китайцы всегда имѣли къ Татарамъ вслѣдствіе ихъ невѣжества, разбоевъ и набѣговъ, которые они постоянно совершали на землю имперіи“ (pp. 8—9). Однако, онъ думаетъ, что китайцы не произвольно выдумывали эти выраженія, а обращали вниманіе на имена, которыя татары сами себѣ давали. Онъ склоненъ видѣть въ нихъ татарскія имена, только транскрибированныя по китайски, съ измѣненіями, свойственными китайскому языку. Онъ думалъ, что китайцы старались, чтобы соединеніе знаковъ, передававшихъ эти имена, имѣло бы сатирическій или презрительный смыслъ. При этомъ Абель-Ремюза указалъ на слово Ту-гю, которое, будучи вѣрной передачей слова тюркск. на китайскомъ языкѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ ругательный смыслъ (p. 9). Подтвержденіе этому онъ видитъ еще въ томъ, что у китайскихъ авторовъ иногда имя одного и того-же народа измѣняется по эпохамъ, но эти измѣненія никогда не бываютъ очень значительны и безъ всякаго труда можно замѣтить ихъ общее происхожденіе. Такъ, одинъ и тотъ-же народъ носитъ то имя Хунъ-ё, то Хянь-юнъ, то Хунъ-ну (p. 10). Очень трудно, по его мнѣнію, найти настоящее имя народа, имѣя только китайскую транскрипцію. Причиной этого бываетъ часто незнаніе языка народа. Этотъ случай мы имѣемъ и въ отношеніи Хунъ-ну. Тутъ Абель-Ремюза высказалъ свое мнѣніе

о тождествѣ Хунь-ну и Гунновъ и указалъ на Дегиня, какъ на главнаго представителя этого отождествленія. „Однако нужно сказать по правдѣ“, замѣчаетъ онъ: „что Дегинь не достаточно доказалъ это тождество, которое, хотя и имѣетъ нѣкоторую вѣроятность, представляетъ и большія трудности“. (р. 11 и Introduction, р. XLVI). Въ совершенную противоположность Нейману, Абель Ремюза придерживался того мнѣнія, что „историки и географы китайскіе, говоря о татарскомъ народѣ, всегда стараются указать группу, къ которой онъ принадлежитъ, относится-ли это напр. къ Хунь-ну т. е. къ Тюркамъ или къ Дунь-ху т. е. къ Восточнымъ варварамъ“. (р. 23). Итакъ, хотя въ вопросѣ о происхожденіи имени этихъ кочевниковъ, Абель Ремюза и придерживался мнѣній, не отличавшихся отъ мнѣній нѣкоторыхъ изъ предшествовавшихъ ему писателей (вспомнимъ мнѣніе Дегиня), но онъ развилъ ихъ и даже привелъ въ систему, распространивъ эти измѣненія не только на данный случай, но и на другіе. Нѣкоторые сторонники монгольской теоріи, напр. Нейманъ и о. Іакинъ, придерживались этого-же мнѣнія относительно измѣненія имени, и вообще нужно сказать, что оно можетъ считаться наиболѣе распространеннымъ въ изслѣдованіяхъ, касающихся нашего вопроса.

Говоря о Монголахъ, Ремюза въ слѣдующихъ словахъ охарактеризовалъ отношеніе ихъ къ Хунь-ну и позднѣйшимъ кочевымъ государствамъ: „Монголы навѣрно часто входили, по крайней мѣрѣ въ качествѣ вассаловъ или подданныхъ, въ составъ тѣхъ страшныхъ союзовъ, которые образовывались къ сѣверу отъ Китая и угрожали цѣлой Азіи, подъ именемъ Хой-хэ (Hoei-ke), Ту-гю (Thou-kiouei), Жуань-жуань (Jouan-jouan), а въ еще болѣе древнее время Хунь-ну (Hiong-nu), Хянь-юнъ (Hian-yun) и др.“ (р. 242). Отыскивая древнѣйшія извѣстія о Монголахъ, онъ даже высказалъ предположеніе, что Хунь-ну, раздѣлившись на сѣверныхъ и южныхъ, слѣдовали „естественному раздѣленію двухъ народовъ, говорившихъ на разныхъ языкахъ, но до тѣхъ поръ соединенныхъ“ т. е. что Хунь-ну раздѣлились на два, составлявшихъ ихъ элемента—на Тюрковъ и Монголовъ (р. 243) *). Въ этомъ предположеніи, кажется намъ, можно слышать отголосокъ сообщеній Абуль-Гази и мнѣнія Дегиня. Однако, трудно опредѣлять какихъ Хунь-ну онъ считалъ отдѣлившимися Тюрками и какихъ Монголами. Если судить по порядку, въ которомъ онъ упомянулъ о нихъ, то можно думать, что сѣверные Хунь-ну были, по его мнѣнію, Тюрки, а южные Хунь-ну Монголы. Впрочемъ онъ высказался мимоходомъ, такъ что его воззрѣнію, какъ и мнѣнію по этому поводу Дегиня, нельзя придавать большого значенія.

Болѣе всего онъ сказалъ о Хунь-ну въ главѣ, посвященной тюркскимъ

*) Хотя роль Монголовъ до раздѣленія онъ, видимо, считалъ совершенно значительной, такъ какъ Хунь-ну (до раздѣленія) онъ называлъ Тюрками.

народамъ (р.р. 249—330). Тюрское племя считаетъ онъ, какъ и большинство изслѣдователей, однимъ изъ самыхъ древнихъ въ Средней Азіи, самымъ большимъ по числу принадлежавшихъ къ нему народовъ, наконецъ имѣвшимъ болѣе всѣхъ другихъ сношеній съ Западомъ. Онъ замѣчаетъ, что, когда китайцы говорятъ о народахъ, принадлежащихъ къ тунгусскому племени, то только сообщаютъ, что они потомки Дунъ-ху, когда-же говорятъ о народахъ тюрескихъ, то называютъ ихъ потомками Хунъ-ну. Сохранные китайскими лѣтописями слова языка Хунъ-ну онъ считаетъ тюрескими; страна, изъ которой вышли Хунъ-ну, та самая, которую всѣ извѣстные намъ тюрескіе народы называютъ своей родиной: „Если вѣроятно, что имперія Хунъ-ну, разсматриваемая на всемъ ея большомъ протяженіи, заключала въ себѣ многія тунгускія, монгольскія, сибирскія, готскія и, можетъ быть, финскія племена, тѣмъ не менѣе можно сказать навѣрняка, что главное ядро и господствующій народъ были тюрки“ (р.р. 326—327). Изслѣдуя границы распространенія Хуннускаго владычества, онъ думаетъ получить правильное понятіе о распространеніи тюрескаго племени, „если не въ его первобытномъ состояніи, то по крайней мѣрѣ, въ самомъ древнемъ изъ извѣстныхъ намъ по исторіи“. (327).

Сравнительно очень мало сказалъ онъ объ отношеніяхъ Хунъ-ну къ Гуннамъ. Мелькомъ онъ замѣтилъ только, что не могутъ касаться его сочиненія событія, „которые распространили имя Хунъ-ну на Гунновъ, если только это имя есть то же самое, что имя гуннъ“. (р. 328). Тутъ-же онъ добавилъ, что хотя Дегинъ и считалъ это тожество несомнѣннымъ, однако оно представляетъ довольно много затрудненій (какихъ именно онъ не сказалъ) и нуждается въ новыхъ доказательствахъ (р. 328, п. 3).

Изъ этого обзора мнѣніи Абеля Ремюза мы можемъ заключить, что онъ главнымъ образомъ говорилъ о происхожденіи Хунъ-ну, причемъ считалъ какъ этотъ народъ, такъ и его потомковъ Ту-гю Тюрками, допуская впрочемъ, что въ ихъ составъ входили и другіе элементы, но только въ видѣ подданныхъ или вассаловъ. Гунновъ-же онъ считалъ финнами. Этому послѣдняго положенія онъ не доказывалъ или считая аксіомой, или думая, что этотъ вопросъ не относится къ области его знаній, и потому опираясь на мнѣнія другихъ. Изъ этой разноплеменности Хунъ-ну и Гунновъ естественно слѣдовалъ выводъ, что они могли быть однимъ и тѣмъ-же народомъ. Могла быть только передача имени, о которой, впрочемъ, какъ мы уже видѣли, Абель Ремюза не распространялся.

Этому изслѣдователю принадлежитъ та заслуга, что онъ первый указалъ на созвучіе именъ Хунъ-ё, Хянъ-юнь и Хунъ-ну. Нейманъ принялъ его воззрѣніе, не соглашаясь однако съ переводами нѣкоторыхъ именъ *).

*) Напр. Абель Ремюза переводитъ Хунъ-ё—проданные рабы, а Нейманъ—лукофды.

Говоря неоднократно о бездоказательности мѣнія Дегиня относительно тождества Хунъ-ну и Гунновъ, Абель Ремюза нигдѣ не приводитъ доводовъ въ пользу принятія выставленнаго имъ мѣнія. Воззрѣніе его на раздѣленіе южныхъ и сѣверныхъ Хунъ-ну, какъ на естественное раздѣленіе этого народа на Монголовъ и Тюрковъ, не было проведено съ послѣдовательностью, да при томъ оно и не имѣетъ большого отношенія къ нашему вопросу, такъ какъ Абель Ремюза, какъ мы уже сказали, считаетъ монголами скорѣе южныхъ Хунъ-ну, а для насъ именно важенъ вопросъ о племени древнихъ Хунъ-ну и ихъ сѣверныхъ потомковъ, какъ возможныхъ соплеменниковъ Гунновъ Запада. Этихъ древнихъ Хунъ-ну Абель Ремюза, не сомнѣваясь, считалъ Тюрками, хотя и не привелъ много доказательствъ. Такъ напр. не мѣшало-бы указать тѣ хуннскія слова, которыя онъ считалъ несомнѣнно тюркскими. Вообще нужно сказать, что этотъ ученый высказался по нашему вопросу мимоходомъ, что объясняется, по нашему мѣнію, тѣмъ, что онъ въ этомъ сочиненіи не могъ говорить подробно о племенной принадлежности и происхожденіи народовъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ уклонился-бы отъ основной, филологической задачи своихъ изслѣдованій. Во всякомъ случаѣ его нужно считать первымъ высказавшимся въ пользу турцизма Хунъ-ну.

Главнымъ представителемъ этой теоріи, какъ мы уже сказали, долженъ считаться Клапротъ, который нѣсколько разъ писалъ по этому вопросу и не мимоходомъ, а посвящая спеціальныя изслѣдованія. Его мѣнія далеко не всегда были основательны и безошибочны, однако съ многими изъ того, что онъ писалъ, надо считаться. Впервые высказался онъ по этому поводу въ „Asia polyglotta“ (Paris, 1823). Выступая тутъ съ новыми взглядами, онъ видимо, руководился сообщеніями Абеля Ремюза. Такъ, начиная изложеніе о Тюркахъ, онъ сказалъ слѣдующее: „китайскія лѣтописи называютъ ихъ Chiun-jü*) при династіи Шанъ (1766 г.—1134 г. до Р. X.); при Чжеу (1134 г.—256 г. до Р. X.) они назывались Chiau-jün, а при Цинь и Хань (256 г. до Р. X.—263 по Р. X.) Chiun-nu. Видно, что это одно и то-же имя съ незначительнымъ измѣненіемъ въ выговорѣ“ (р. 210). Далѣе онъ сообщилъ о древнемъ китайскомъ извѣстѣи, что князья этого народа происходили отъ Шун-ву или Chiun-jü (объ транскрипціи Клапрота), сына послѣдняго императора династіи Хя (Hia), который, послѣ смерти отца, бѣжалъ съ 500 человекъ въ землю этого кочевого народа и сдѣлался чень-ю (шань-юй) или царемъ. Оттого и весь народъ сталъ называться Chiun-jü. Такимъ образомъ, Клапротъ привелъ новое объясненіе происхожденію имени этого народа. Своеобразно толкованіе имъ нѣкоторыхъ историческихъ

*) Транскрипція Клапрота, какъ и всѣ слѣдующія транскрипціи этого имени въ данномъ отрывкѣ.

фактовъ. Движеніе сѣверныхъ Хунъ-ну на Западъ считаетъ онъ первымъ толчкомъ къ переселенію среднеазиатскихъ народовъ. Въ оставленныхъ ими странахъ между истоками Амура и Селенги съ одной стороны и Алтайскими горами съ другой, появились монгольскія и тунгусскія племена, которыя, усиливаясь, привели къ гибели царство южныхъ Хунъ-ну, рушившееся въ III-мъ вѣкѣ. Въ этомъ Клапротъ видѣлъ причину „второго разсѣянія и странствованія большей части народа Хунъ-ну на Западъ“. Ихъ бывшая страна была окончательно заселена народами другого племени. Изъ части этихъ Хунъ-ну, ушедшей на Сѣверъ, вышли впослѣдствіи Ту-гю (р.р. 211—212). Въ этомъ же сочиненіи онъ выразилъ ту мысль, что какъ западные финны были германизованы, такъ восточные отуречены (р. 183).

Въ 1825 году Клапротъ напечаталъ въ *Journal Asiatique* (Novembre) статью „*Mémoire sur l'identité des Thou-khiu et des Hiong-nou avec les Turcs*“. И въ этой статьѣ Клапротъ еще слѣдовалъ воззрѣніямъ Абеля Ремюза, дополняя и доказывая ихъ. Редакція этого журнала сочла даже нужнымъ замѣтить при напечатаніи этой статьи, что „неоспоримое тожество Ту-гю и Хунъ-ну съ Тюрками также подтверждается и доказывается въ сочиненіи Абеля Ремюза“. Какъ показываетъ заглавіе, авторъ задался цѣлью доказать турцизмъ Ту-гю. Родство-же этихъ послѣднихъ и Хунъ-ну „ихъ предковъ“, онъ считаетъ доказаннымъ *). Прежде всего Клапротъ привелъ доказательства изъ языка. Выше мы приводили возраженія Шмидта относительно производства слова тюркъ отъ такъя. Клапротъ однако предложилъ и другое толкованіе. Онъ указалъ именно на близость слова теркъ, которое значить племя, въ слову тюркъ **). Кромѣ того онъ привелъ до 20 тугуйскихъ словъ, сохраненныхъ намъ китайскими лѣтописями, доказывая ихъ несомнѣнное тюркское происхожденіе и отличие отъ монгольскихъ словъ. Къ этимъ лингвистическимъ доказательствамъ примыкаютъ, по его мнѣнію, и историческія. Онъ указалъ на одновременное появленіе въ византійскихъ лѣтописяхъ извѣстій о Тюркахъ и въ китайскихъ о Ту-гю, на сходство нѣкоторыхъ обычаевъ того и другого народа и т. д. Мы не будемъ долго оста-

*) Въ настоящее время, какъ видимъ, получается обратное. Турцизмъ Ту-гю, благодаря открытію Орхонскихъ надписей, несомнѣненъ, тогда какъ тожество ихъ съ Хунъ-ну требуетъ доказательствъ.

**) Замѣтимъ, что проф. Шоттъ (*Ueber das Altaische oder Finnisch—Tatarische Sprachengeschlecht* въ *Abhandlungen Berliner Academie*, 1847) указалъ на то, что слово дулга употребляется и въ тюркскихъ языкахъ. Въ монгольскомъ языкѣ онъ указалъ на формы *dughulga* или *dülgha*, а въ тюркскихъ на *thughulgan*, *tughulga*, *tulgha*, *daghulghan*, *daulghan*, *daulgha*, *talgha*, *dalgha*. Слово-же теркъ онъ считалъ не тюркскимъ, а арабскимъ или персидскимъ. Въ Турецко-Татарскомъ словарѣ Будагова теркъ и терке считаются словами персидскимъ и арабскимъ, см. стр. 351. Въ этомъ-же словарѣ на стр. 404 указаны татарскія, османскія и джагайскія формы слова тулга. Итакъ, во всякомъ случаѣ турцизмъ Ту-гю несомнѣненъ.

навливаясь на этой статьѣ, такъ какъ во первыхъ тожество это еще было повторено Клапротомъ въ его главномъ сочиненіи по этому вопросу, во вторыхъ родство Ту-гю и Тюрковъ не относится непосредственно къ нашей работѣ и въ третьихъ, послѣ открытія Орхонскихъ памятниковъ, тожество это болѣе не нуждается въ доказательствахъ.

Вышеприведенные доводы относительно происхожденія Ту-гю, равно какъ и нѣкоторые другія соображенія, Клапротъ повторилъ еще и въ „Mémoires relatifs à l'Asie“, книгѣ извѣстной уже намъ по критикѣ мнѣній Шмидта.

Всѣ эти изслѣдованія и статьи были подготовительными работами для обобщеній и заключеній, которыя Клапротъ представилъ въ своемъ сочиненіи, озаглавленномъ „Tableaux historiques de l'Asie (Paris, 1826). Оно заключаетъ въ себѣ историческій атласъ и историко-этнографическія разысканія. Эти разысканія представляютъ собственно историческое и этнографическое объясненіе къ атласу. Конечно, не все, заключающееся въ нихъ, должно относиться къ нашему вопросу. Хунч-ну посвящены стр. 101—121 (Aperçu historique et ethnographique des peuples de l'Asie moyenne; peuples de la race turque), а Гуннамъ стр. 234 — 260 (Recherches sur la grande migration des peuples de la race finnoise orientale; Huns et les tribus hunniques). Начнемъ по порядку съ его изслѣдованія о Гуннахъ.

Разбирая извѣстія о народахъ тюркскаго происхожденія, онъ конечно долженъ былъ начать съ Хунч-ну. Описавъ обычаи этого народа и передавъ китайскія извѣстія объ ихъ именахъ въ разныя времена (Хунь-ий, Хянь-юнь и т. д.), онъ высказалъ о происхожденіи этихъ именъ то же мнѣніе, каковаго ранѣе держался Абель Ремюза и онъ самъ въ Asia polyglotta. Затѣмъ онъ перешелъ къ изложенію исторіи этого народа. Для пониманія взаимныхъ отношеній Хунч-ну и Гунновъ чрезвычайно важно правильное отношеніе къ фактамъ, сообщаемымъ китайскими лѣтописями. Въ этомъ отношеніи Клапротъ далеко не безупреченъ. Передавая о неурядицахъ, происшедшихъ въ государствѣ Хунч-ну въ половинѣ перваго вѣка по Р. Х. и о подчиненіи Кятаю шавь-юя Ху-хань-е (Hou-han-sie), онъ совершенно не упомянулъ о томъ, что случилось съ частью Хунч-ну, откочевавшей подъ предводительствомъ Чжи-чжи на Западъ. Болѣе того—онъ даже совершенно не сообщилъ объ этомъ фактѣ, чрезвычайно важномъ въ нашемъ вопросѣ и которому придаютъ большое значеніе два другихъ изслѣдователя исторіи Хунч-ну *). Признавая, что сѣверные Хунч-ну откочевали въ 91—92 г.г. на Западъ, вотъ что онъ сказалъ объ ихъ дальнѣйшей судьбѣ: „Остатки

*) См. Дегинъ, т. I, р. I, pp. 90—95 и о. Іакинъ, т. I, ч. I, стр. 76—80.

сѣверныхъ Хунъ-ну перешли въ своемъ бѣгствѣ въ Кинъ-вей (Kin-wei) и направились на Западъ къ Канъ-гюю (Khang-khiu) или Согдіанѣ . . . (затѣмъ) они были принуждены остановиться къ сѣверу отъ Гуи-цзу (Khuei-thsu) или нынѣшняго Куча, въ странѣ, имѣвшей нѣсколько ли протяженія и въ которой они пребывали нѣкоторое время подъ именемъ Юе-бо или Юе-банъ (Jue-ro или Jue-ran). Позже они пошли на сѣверо-западъ и жили подъ тѣмъ-же именемъ въ странѣ, расположенной по обѣ стороны горъ Улу-тау (Oulou-tau) и Алгинъ-тау (Alghin-tau), которыя служили южной границей Ишимской степи. Затѣмъ эти Юе-бо заключили союзъ съ Жуань-жуань но въ концѣ концовъ поссорились, и эта ссора была поводомъ для многихъ сраженій. Въ 448-мъ году они отправили посольство къ Вэй (Goei), чтобы предложить имъ напасть на Жуань-Жуань съ Востока въ то время, какъ они сами нападутъ съ Запада. Послѣ этого исторія не упоминаетъ объ этихъ Хунъ-ну, которые вѣроятно смѣшались съ другими тюркскими народами* (pp. 109—111). Вотъ и все, что сообщилъ Клапротъ о выселеніи сѣверныхъ Хунъ-ну на Западъ. Оставшіеся послѣ такихъ пораженій немногочисленные сѣверные Хунъ-ну вполне подчинились усилившимся Сянь-би и такимъ образомъ совершенно утратили какъ имя, такъ и политическое существованіе. Ту-гю или Тюрки, по его мнѣнію, потомки Хунъ-ву. Тутъ онъ передалъ сообщенное китайскими лѣтописями преданіе объ удаленіи части Хунъ-ну къ Си-хаю или Западному морю и объ ихъ усиленіи тамъ. Сходство-же преданія о происхожденіи Тюрковъ съ тѣмъ, что Санагъ-Сэцэнъ сообщилъ о происхожденіи Монголовъ, Клапротъ объяснялъ заимствованіемъ послѣдними у первыхъ.

Перейдемъ теперь къ извѣстіямъ о Гуннахъ. Первымъ сообщившимъ о нихъ Клапротъ считалъ Діонисія Періегета (писалъ около 160 г. по Р. Х.), упомянувшего о слѣдующихъ четырехъ народахъ, жившихъ на западномъ берегу Каспійскаго моря, по порядку ихъ расположенія съ сѣвера на югъ: Скины, Гуины (Οὐνοί), Каспіи и Албаны. Это извѣстіе нашъ изслѣдователь привелъ въ связь съ тѣмъ, что сообщилъ Эратосѣенъ (ум. въ 194 г. до Р. Х.), извѣстіе котораго дошло до насъ лишь въ цитатѣ у Страбона. Онъ называетъ тѣ-же народы, живущіе къ Западу отъ Каспійскаго моря и въ томъ-же совершенно порядкѣ, только вмѣсто Гунновъ у него стоятъ Уитіи (Οὐτίοι) „которые“, прибавляетъ Клапротъ: „были вѣроятно гунскимъ племенемъ, наиболѣе выдвинувшимся на Западъ“. Птоломей *) упомянулъ о Гуннахъ, которые, по его словамъ, жили между Вастарнами и Роксоланами т. е. на берегахъ Борисфена (Днѣпра). Армянскіе историки тоже знаютъ

*) Замѣтимъ, что Клапротъ ошибочно думалъ, будто Птоломей жилъ въ половинѣ третьяго вѣка по Р. Х. (Tab. hist., p. 532), тогда какъ онъ жилъ въ половинѣ втораго вѣка.

этотъ народъ, который они называютъ Хунь. По ихъ сообщеніямъ онъ жилъ между Волгой и Дономъ. Зонара передаетъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, императоръ Каръ былъ убитъ во время похода на Гунновъ. Основываясь на всѣхъ этихъ извѣстіяхъ, Клапротъ думалъ, что Гунны были извѣстны еще до своего вторженія, и если Аммианъ Марцеллинъ замѣтилъ, что они мало были извѣстны древнимъ, то этимъ онъ вовсе не хотѣлъ сказать, что древній міръ ровно ничего не слыхалъ о нихъ. Затѣмъ Клапротъ привелъ извѣстія современныя и послѣдовавшія за гунскимъ вторженіемъ. Это—извѣстія Аммиана Марцеллина, Зосимы, Иорнанда и Аполлинарія Сидонія. Признавая, что ужасъ, внушаемый этими варварами всѣмъ народамъ Европы, содѣйствовалъ возникновенію извѣстій объ ихъ отталкивающей внѣшности, онъ однако не считалъ ихъ аріицами. Различные варварскіе народы, напр. Лангобарды, Готы, Вандалы и др., которые раньше Гунновъ вторгались въ земли Римской имперіи, не отличались по внѣшнему виду отъ европейскихъ народовъ, до тѣхъ поръ извѣстныхъ, равно какъ и отъ самихъ Грековъ и Римлянъ. Гунны-же поражали и удивляли какъ несдерживаемымъ нападеніемъ, такъ и наружностью, безобразною и отъ того, что принадлежали къ чуждой, до тѣхъ поръ невѣстной расѣ, и, быть можетъ, отъ искусственного измѣненія ея.

Отдавая должное знанію и трудолюбію Декина, Клапротъ считалъ несомнѣтельнымъ отождествленіе Хунъ-ну и Гунновъ. Онъ особенно указывалъ на то, что въ эпоху переселеній этотъ народъ не назывался Хунъ-ну, а Юе-бо или Юе-банъ. Это-же имя ничего общаго съ именемъ Гуннъ (Хуннъ) не имѣетъ. Больше того, гунское племя, упомянутое Эратосееномъ, жило за 200 лѣтъ до нашей эры къ Западу отъ Каспійскаго моря, тогда какъ Юе-бо не пришли еще тогда къ истокамъ Ишима, а жили вмѣстѣ съ другими Хунъ-ну въ областяхъ къ сѣверу отъ Квтаа.

Раньше мы привели возраженія Клапрота противъ объясненій гунскихъ именъ изъ монгольскаго языка, предложенныхъ Бергманомъ. Однако, онъ не только отрицалъ, онъ привелъ также и свое мнѣніе. Онъ указалъ на нѣкоторые гунскія имена, которые не могутъ быть ни турецкими, ни монгольскими въслѣдствіе скопленія согласныхъ, напр., Бледа, Глонесъ, Боарексъ, Сираксъ Скотта и др. Тутъ Клапротъ задался вопросомъ къ какому племени могли принадлежать Гунны и отвѣтилъ, что византійскіе историки оставили намъ подробныя разъясненія по этому поводу. „Никита, Левъ Грамматикъ, Георгій Монахъ сообщаютъ намъ, что Венгры то-же, что гунны“. „Древнія венгерскія хроники говорятъ то-же самое“. „Киннамъ называетъ Венгровъ западными Гуннами (Οὐνοὶ ἑσπερίοι)“. Онъ видѣлъ сходство даже въ именахъ Гунновъ и Венгровъ (Oungti). Въ именахъ многихъ гунскихъ пле-

мень встрѣчается имя Oungri или Ougri (Венгры). напр. Огоръ (Ogor), Унигуръ (Ounigour), Утигуръ (Outigour), Кутригуръ (Koutrigour), Сарогуръ (Sarogour) и др. Основываясь на словахъ Теофилакта Симокатты, что „Авары по происхожденію Гунны“, Менандра, который назвалъ переводчика участвовавшего въ переговорахъ византійцевъ съ хаканомъ аварскимъ — „переводчикомъ съ гунскаго“, Кедрина, который сообщилъ, что Хозрой желалъ заключить противъ византійцевъ договоръ съ „западными Гуннами, которыхъ также называютъ Аварами“, — Клапротъ призналъ, что Гунны и Авары одно и то-же племя. Онъ пытался объяснить гунскія имена при помощи венгерскаго и лезгино-аварскаго языковъ. Такъ, слова Эттласъ или Etsel онъ сближалъ съ венгерскимъ Atzel, „сталь“ и съ очень распространеннымъ у лезгино-аваровъ именемъ, Adilla, Моувдиохосъ или Моувѣахъ (имя отца Аттилы) — съ венгерскимъ словомъ Mentseg, которое значитъ „покровительство“, Нрвхъ (имя сына Аттилы) съ венгерскимъ же словомъ Hir-pagu „большая слава“, Деуѣсѣхъ (имя сына Аттилы) съ венгер. Tenyészes, „плодородіе“, съ лезгино-аварскимъ Dingatsik, собственнымъ именемъ семейства и т. д. Наричательныя гунскія слова онъ также старался объяснить при помощи этихъ языковъ. Рѣка по лезгино-аварски „оръ“ (or, -hor, ouor), а по гунски „варъ“. Впрочемъ Клапротъ заявлялъ, что не считаетъ Гунновъ и Лезги-Аваровъ за одинъ и тотъ-же народъ. Онъ думалъ, что послѣ разрушенія аварскаго царства часть народа могла удалиться на Кавказъ и основать тамъ новое государство. Авары смѣшались съ древними обитателями этой страны, лезгинами, языкъ которыхъ они и приняли, сохранивъ лишь нѣкоторыя свои слова и имена.

Что касается до физическаго типа, то, какъ мы уже говорили, онъ не указываетъ, по мнѣнію нашего изслѣдователя, исключительно на монгольское происхожденіе этого народа. Клапротъ считъ возможнымъ найти сходство въ наружности Гунновъ и наружности Вогуловъ, которые по описаніямъ „очень походятъ на Калмыковъ“. Къ этому сходству онъ присоединилъ еще то доказательство, что „во многихъ діалектахъ вогульскаго языка hoim, khouim и kouim означаетъ — человекъ“, а это слово есть то-же самое, что Гуннъ (правильнѣе Хуннъ). Вогулы живутъ какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, которые прежде назывались Великой Гунніей или Великой Угріей. По словамъ Рюисбрёка „изъ страны Паскатиновъ (т. е. Башкировъ) вышли нѣкогда Гунны, которые потомъ были названы Венграми“. Однако и въ данномъ случаѣ Клапротъ не утверждалъ, что Гунны и Венгры вполне тождественны. Въ составъ послѣднихъ вошли еще тюркскіе, славянскіе и германскіе элементы, такъ что совершенно измѣнили наружность Венгровъ, но ядро народа было финское и даже специально гунское. Онъ считалъ „характернымъ различіемъ“

то, что, по рассказамъ китайскихъ лѣтописей, Хунъ-ну жили въ войлочныхъ палаткахъ, тогда какъ Гунны, по извѣстіямъ западныхъ писателей, ѣздили въ повозкахъ, запряженныхъ волами.

Итакъ, по мнѣнію Клапрота, Хунъ-ну были Тюрки, не имѣвшіе ничего общаго съ Гуннами. Эти же послѣдніе были Финны, предки теперешнихъ Венгровъ.

По поводу теоріи Клапрота высказался довольно подробно П. П. Семеновъ (631—634 стр. I-го тома „Землеводѣнія Азіи“ Риттера въ русскомъ переводѣ, Спб. 1850). Одновременно съ этимъ онъ изложилъ и свои взгляды. Такъ какъ этого изслѣдователя нужно отнести къ третьей теоріи, то мы и приведемъ его разсужденія въ слѣдующей главѣ; тутъ-же ограничимся его разборомъ доказательствъ Клапрота. Всю его теорію г. Семеновъ раздѣляетъ на три части: въ первой доказывается соплеменность Гунновъ и Финновъ, во второй—тожество Ту-гю и Тюрковъ, въ третьей соплеменность Хунъ-ну и Ту-гю. Изложивъ вышеприведенные доводы Клапрота, г. Семеновъ вполне согласился съ тѣмъ, что Гунны были, по всей вѣроятности, финскаго происхожденія. Онъ также не считаетъ возможнымъ возразить что-нибудь противъ тожества Ту-гю и Тюрковъ. Это, по его мнѣнію, „самая несомнѣнная часть цѣлой теоріи Клапрота“. Но третья часть, тожество Хунъ-ну и Ту-гю, встрѣчаетъ съ его стороны опроверженіе. Считая единственнымъ доказательствами въ пользу этого полную замѣну Хунъ-ну Тугуйцами или тюркскими племенами на сѣверо-западныхъ предѣлахъ Китая (въ Иньшаньской альпійской странѣ) и показанія китайскихъ лѣтописей относительно того, что Ту-гю произошли отъ Хунъ-ну, г. Семеновъ признаетъ ихъ совершенно недостаточными. Тожество двухъ народовъ, по его мнѣнію, нельзя доказать такимъ путемъ. Происхожденіе Ту-гю отъ Хунъ-ну могло быть не этнографическое, а политическое; если-же дѣло обстояло такъ, то конечно Тюрки могли произойти отъ Финновъ.

Прежде чѣмъ представить разборъ главнаго сочиненія Клапрота, мы должны сказать еще нѣсколько словъ о его мнѣніяхъ, выраженныхъ ранѣе въ „Asia polyglotta“. Мы уже говорили о разныхъ именахъ Хунъ-ну при изложеніи и разборѣ мнѣній Абеля Ремюза. Мнѣніе о происхожденіи имени народа Хунъ-ю отъ имени основателя царствующаго дома не подтверждается другими изслѣдователями. Никто не говоритъ, что Шунъ-вей (Шün-wu у Клапрота) иначе назывался-бы еще Хунъ-ю и что народъ получилъ названіе отъ его имени, самъ-же Клапротъ не указалъ источника, изъ котораго почерпнулъ это извѣстіе и ни въ одномъ изъ послѣдовавшихъ сочиненій не упомянулъ о немъ. Тутъ-же онъ видѣлъ причину движенія Хунъ-ну на западъ, во первыхъ, въ паденіи сѣверныхъ Хунъ-ну (конецъ I-го вѣка по Р. Х.)

и во вторыхъ въ разрушеніи государства южныхъ Хунъ-ну (въ III-мъ вѣкѣ по Р. Х.). Однако о переходѣ Хунъ-ну на западъ въ III-мъ вѣкѣ ничего не сообщается у китайскихъ историковъ. О тождествѣ Ту-гю и Тюрковъ, равно какъ и о возраженіяхъ противъ теоріи Шмидта, мы уже говорили. Поэтому обратимся теперь въ его главному изслѣдованію.

Клапротъ не точно изложилъ исторію Хунъ-ну. Онъ совершенно не упомянулъ объ откочеваніи шаньюя Чжи-чжи. Какое-бы значеніе ни придавать этому движенію, о немъ необходимо упомянуть. При изложеніи исторіи части сѣверныхъ Хунъ-ну послѣ ихъ откочеванія на Западъ, онъ сообщилъ, что этотъ народъ остановился въ области къ сѣверу отъ Куча, гдѣ и жилъ подъ именемъ Юе-бо или Юе-бань *). Здѣсь мы встрѣчаемся съ какимъ-то недоразумѣніемъ, которое склонны приписать просто ошибкѣ Клапрота. Выше мы говорили, что Нейманъ предполагалъ видѣть въ странѣ Юе-бань или Юе-бо *Eulysia* древнихъ или Угорскій край. Дегинъ (т. I, р. II, р. 278) тоже сообщилъ по китайскимъ извѣстіямъ, что шанъ-юй (или какъ онъ называлъ танжу, *tanjou*) сѣверныхъ Хунъ-ну, перейдя страну Канъ-гюй прибылъ въ страну, называемую Юе-бань (по мнѣнію этого ученаго, область, соответствующая нынѣшней Уфимской губерніи). О. Іакинъ высказалъ то мнѣніе, что страна Юе-бань была вѣроятно расположена по бассейну Зайсана и занята Хунъ-ну на ихъ пути въ Канъ-гюй. Часть ихъ тамъ и осталась. Слово Юе-бань, по его мнѣнію, названіе династїи, правившей надъ этими отсталыми **). Въ настоящее время проф. Хиртъ тоже указываетъ на то, что часть Хунъ-ну пошла въ Канъ-гюй т. е. въ области къ западу отъ Юе-бани (см. *Ueber Wolga Hunnen und Hiung-nu*). Такимъ образомъ, всѣ эти ученые утверждаютъ, вопреки мнѣнію Клапрота, что Юе-бань имя страны, причемъ одинъ высказываетъ мнѣніе, что страна получила имя отъ династїи, оставшейся тамъ послѣ ухода Хунъ-ну даѣе на Западъ. Что касается до извѣстія, сообщеннаго Клапротомъ, объ отправленіи посольства отъ народа Юе-бань

*) По мнѣнію Вивьенъ-де-Сенъ-Мартена, высказанному въ статьѣ «*Sur les Huns Blancs ou Eupthalites* (въ *Nouvelles annales des voyages*, т. III, 1849, р. 39, п. 4), при Ханяхъ Канъ-гюемъ называлась не Согдіана, а кыргизъ—казацкая степь, вопреки мнѣніямъ Клапрота и Абеля Ремюза (*Nouveaux mélanges asiatiques*, р. 225).

**) Вотъ текстъ перевода съ китайскаго: «Владѣніе Юебань лежитъ отъ Усуня на сѣверозападъ... Это есть аймакъ, прежде принадлежавшій сѣверному хуннускому шаньюю. прогнанному китайскимъ полководцемъ Дэу-хянь. Сѣворный шаньюй, перешедъ черезъ хребетъ Гинь-вэй-шань (Тарбагатай) ушелъ на Западъ, въ Кангюй; а малосильные, которые не въ состояніи были слѣдовать за нимъ, остались по сѣверную сторону Кучи» (Собр. свѣд. о народахъ Средней Азїи, т. III, стр. 163—165); а вотъ собственное мнѣніе о. Іакина: «Юебань есть названіе владѣній, занимавшихъ земли отъ Усуня на сѣверо-западъ. Это былъ одинъ изъ аймаковъ, принадлежавшихъ сѣверному хуннускому шаньюю... Слабосильные заняли нынѣшній Тарбагатайскій округъ подъ названіемъ дома Юебань» (тамъ же, указатель именъ географическихъ, стр. 109).

въ Китай, то объ этомъ подробнѣе сообщилъ Дегинъ (t. I, p. II, p. 342). Основываясь на извѣстіяхъ сообщенныхъ въ Гань-мо (Kam-mo), Лѣ-дай-ги-су (Lie-tai-ki-su) и Венъ-сянь-дунъ-гао (Ven-hian-tung-kaao), онъ заявилъ слѣдующее: „Болѣе всего беспокоило жузавскаго Чу-ло-хана посольство, которое Гунны, жившіе въ Юе-банѣ или странѣ Башкировъ, отправили къ императору Вэй, чтобы предложить ему заключить договоръ, по которому они обизывались напасть на Жу-жанъ съ Запада, тогда какъ Вэй сдѣлалъ-бы то же самое съ другой стороны Азіи: кажется, это посольство было отправлено Атиллой, который только что подчинилъ всѣ народы сѣверной Европы и государство, примыкавшее къ Жужанамъ“. Дегинъ, какъ и Клапротъ, относилъ это событіе къ 448 г. по Р. Х. Такимъ образомъ, этотъ фактъ нисколько не противорѣчитъ существованію Гунновъ въ Юе-банѣ. Такъ какъ Гунны въ 448 г. т. е. за три года до Каталаунской битвы подвинулись на Западъ очень далеко отъ предѣловъ Восточной Европы, то, быть можетъ, посольство не было снаряжено самимъ Атиллой, а какой-нибудь оставшейся позади ордой, которая и вступила въ сношенія съ далекимъ Востокомъ. Можетъ быть также, что, когда Гунны ушли изъ Юе-бани, имя ихъ осталось тамъ памятнымъ и перешло на другой народъ, ничего общаго съ ними не имѣвшій. Наконецъ, если принять мнѣніе о Іакинѣ, то и въ такомъ случаѣ ничто не будетъ противорѣчить тождеству Хунъ-ну и Гунновъ—вѣдь тогда Юе-банъ являются отсталыми Хунъ-ну, далѣе на Западъ не пошедшими.

Клапротъ привелъ не много доказательствъ въ пользу турчизма Хунъ-ну. Это вѣроятно объясняется тѣмъ, что онъ уже не первый писалъ объ этомъ, а только повторялъ и распространялъ то, что до него сказалъ Абель Ремюза.

Такое-же недоразумѣніе, какъ и съ Юе-банъ, мы встрѣчаемъ у Клапрота и въ другой разъ, именно въ изложеніи исторіи Гунновъ. Сообщивъ, что первыми извѣстіями объ этомъ народѣ мы обязаны Діонисію Періегету, онъ старался сопоставить эти сообщенія съ тѣмъ, что передалъ намъ Эратосеенъ (по Страбону). Нужно сказать, что это сопоставленіе первый сдѣлалъ не Клапротъ, а гораздо раньше его Тунманъ (Untersuchungen über die Geschichte der östlichen, europäischen Völker, 1774, Erster Theil). Приведемъ его слова: „Діонисій Періегетъ располагаетъ Гунновъ у Каспійскаго моря, тамъ, гдѣ впадаетъ въ него Волга... Уже по словамъ Страбона сидѣлъ здѣсь, у Каспійскаго моря, народъ Угитѣвъ, въ сѣверу отъ Каспіевъ, тогда какъ эти послѣдніе жили въ сѣверу отъ Албановъ. Въ такомъ-же порядкѣ помѣстилъ Діонисій Гунновъ, всего далѣе на сѣверъ, потомъ къ югу Каспіевъ и Албановъ“. (ss. 24—25). Въ данномъ случаѣ Клапротъ повторилъ то, что сказали уже до него. Посмотримъ теперь насколько возможно подобное

отожествленіе. Противъ него возсталъ уже Нейманъ (см. стр. 39 его изслѣдованія). Дѣйствительно, неужели достаточно одного этого порядка для того, чтобы утверждать, что два народа, неимѣющіе никакого сходства въ имени, какъ Гунны и Уитіи (Οὐίτιοι или Κοιίτιοι) одно и то же? Разстояніе во времени между извѣстіями Діонисія Перігета и Эратосеена тоже слишкомъ значительно, чтобы предполагать ошибочную постановку одного имени вмѣсто другого. Принимая отождествленіе Гунновъ съ Уитіями совершенно произвольнымъ, мы считаемъ Птолемея и Діонисія Перігета сохранившими намъ древнѣйшія извѣстія о Гуннахъ. Прочія извѣстія древнихъ писателей объ этомъ народѣ, по нашему мнѣнію, переданы у Клапрота правильно.

Вполнѣ вѣрно сообщеніе, что византійскіе писатели производили Мадьяръ отъ Гунновъ. Въ данномъ случаѣ нельзя конечно серьезно относиться къ мнѣнію византійцевъ. Дѣло въ томъ, что страшные набѣги кочевниковъ не скоро забывались, и долго еще народы, приходившіе изъ тѣхъ-же мѣстъ, откуда пришли нѣкогда грабители и враги культуры и осѣдлости, назывались тѣми же именами. Вспомнимъ только какъ долго держалось имя Скиѣвъ. Большинство ученыхъ не согласно съ производствомъ Мадьяръ отъ Гунновъ. Нѣкоторые видятъ причину существованія у Венгровъ преданій о происхожденіи ихъ отъ Гунновъ просто въ томъ, что они поселились тамъ-же, гдѣ нѣкогда жили Гунны т. е. въ Панноніи и въ силу этого унаслѣдовали мѣстные преданія. Таковы напр. мнѣнія г. Уйфальви (*Migrations des peuples touraniens*, p. 85) и Ам. Тьерри (*Histoire d'Attila*, t. II, p. 360). S. Cassel, изслѣдователь древнѣйшей исторіи Мадьяръ, тоже не соглашался съ этимъ отождествленіемъ (*Magyarische Alterthümer*, Berlin, 1848, s. 1—70 *).

Хотя Клапротъ не утверждалъ, что Мадьяры чистые потомки Гунновъ, а думалъ, что ядро этого народа т. е. правители и окружавшая ихъ дружина были Гунны, однако мы именно это и считаемъ сомнительнымъ.

Не существуетъ конечно особеннаго „характернаго различія“ въ томъ, что одинъ народъ жилъ въ войлочныхъ палаткахъ, а другой вѣдалъ въ повозкахъ, запряженныхъ быками. Въ одномъ случаѣ византійцы могли говорить о способахъ передвиженія Гунновъ, а въ другомъ китайцы могли рассказывать о жизни Хунъ-ну во время стоянки.

*) Французскій угрологъ г. Сайу (Sayous) въ своей небольшой, но очень полезной, какъ обобщеніе всѣхъ предшествующихъ изслѣдованій въ этой области, книжкѣ «*Les origines et l'époque païenne de l'histoire des Hongrois*» (Paris, 1874), считалъ однако возможнымъ установить черезъ Секлеровъ связь Мадьяръ съ Гуннами, «въ томъ смыслѣ по крайней мѣрѣ, что переселенія Гунновъ, Аваровъ и Венгровъ—три результата аналогичныхъ движеній народовъ одной и той же расы» (p. 29). Впрочемъ отождествленіе подобнаго рода устанавливаетъ лишь очень отдаленную связь между двумя народами.

За Абель Ремюза и Клапротомъ послѣдовали многіе ученые. Подъ явнымъ вліяніемъ послѣдняго находился А. Жардо въ сочиненіи „*Révolutions des peuples de l'Asie moyenne*“ (Paris, 1839). Хунъ-ну у него Тюрки (t. I, pp. 175—6), Гунны-же Финны (t. I, p. 139), и при томъ Финны восточные (t. I, pp. 166—168; см. также приложенныя ко II-му тому таблицы). Отожествлять Хунъ-ну и Гунновъ онъ не считаетъ возможнымъ. Возраженія его противъ Дегины и теоріи монголизма есть повтореніе возраженій Клапрота (особенно ясно вліяніе Клапрота въ томъ, что онъ считалъ Не-банъ именемъ Хунъ-ну, ушедшихъ на Западъ).

Знаменитый географъ Карлъ Риттеръ въ первомъ томѣ своего „*Землеведѣнія Азии*“ (русскій переводъ, Спб. 1850), говоря объ Инъ-шанѣ коснулся и Хунъ-ну. Тутъ онъ выставилъ тотъ взглядъ, что „они принадлежали къ родамъ многочисленнаго турецкаго племени“ и что имя ихъ есть „обращеніе въ дурной смыслъ неимѣваго такого смысла созвучнаго туземнаго имени“ (стр. 625). Мы не будемъ долго останавливаться на томъ, что сообщилъ Риттеръ, такъ какъ въ его сочиненіи повторены мнѣнія Абеля Ремюза и Клапрота *). Къ этому взгляду на происхожденіе Хунъ-ну присоединился и другой извѣстный географъ Рихтхофенъ (China, t. I, s. 49). Въ пользу турцизма Хунъ-ну высказались еще: извѣстный этнографъ Ф. Мюллеръ (Allgemeine Ethnographie, Wien, 1873, sr. 347—348), французскій этнографъ Жираръ де Ріаль (Mémoire sur l'Aise centrale, Paris, 1875, p. 37), В. В. Радловъ (Къ вопросу объ Уйгурахъ, LXXII т. Записокъ Академіи Наукъ, прилож. № 2), Н. В. Аристовъ (Замѣтки объ этническомъ составѣ турецкихъ племенъ въ Живой Старинѣ за 1896 г.), и др. Въ пользу финнизма Гунновъ высказались финскіе ученые Кастренъ и Коскиненъ. Первый въ своихъ „*Reiseberichte und Briefe*“ (herausgegeben von A. Schiefner, 1856) на стр. 9 высказалъ мнѣніе, что „Гунны были по всей вѣроятности предками Фивновъ“, а въ „*Ethnologische Vorlesungen*“ (Спб. 1857) повторилъ то, что сообщилъ Клапротъ (ss. 55—58), хотя тутъ, признавая Гунновъ алтайцами, сомнѣвался къ какой группѣ ихъ отнести (s. 71 **). Коскиненъ въ своей „*Finnische Geschichte*“ (Leipzig,

*) Замѣтимъ что Риттеръ, слѣдуя за Лассеномъ (Die altpersischen Keilinschriften von Persepolis) призналъ въ десятomъ народѣ персепольской гвоздеобразной надписи Нула, Ншас—Гунновъ (см. стр. 106 русскаго перевода Землеведѣнія Азии, Іранъ, 1864). Однако это имя надо читать Яѹна и разумѣть подъ нимъ Іонянъ или вообще Грековъ (см. тамъ-же, статью Шпигеля, стр. 166). Витерсхеймъ повторилъ однако то, что сообщилъ Лассенъ. Баронъ П. К. Усларъ (Древнѣйшія извѣстія о Кавказѣ въ Извѣстіяхъ Кавказскаго Отдѣла Географ. Общ., XII, стр. 535) тоже принималъ это мнѣніе (слѣдуя уже не Лассену, а Риттеру). Д. Н. Ізодвайскій повторилъ сообщенное Усларомъ (Поборники норманизма и туранизма въ Русской Старинѣ, 1882, т. XXXVI, стр. 612).

**) Вотъ почему мы и не можемъ считать Кастрена опредѣленно высказавшимся за мнѣніе Клапрота, какъ то думалъ П. П. Семеновъ на 632 стр. I го тома „Землеведѣнія Азии“ Риттера.

1874) на стр. 4 причислилъ Гунновъ къ угорской вѣтви финскаго племени. Историкъ Пальманъ высказался за финнизмъ Гунновъ (*Geschichte der Völkerwanderung*, 1863, s. 91). Въ „*Geschichte von Ungarn*“ Фесслера (второе изданіе, обработанное Клейномъ, Leipzig, 1867, Erster Band, 11), хотя ничего не сказано опредѣленнаго относительно того, къ какой этнографической группѣ надо отнести Гунновъ, однако принято то мнѣніе Клапрота, что они и Хунъ-ну не тождественны. Ф. Мюллеръ въ „*Der Ugrische Volksstamm*“ (Berlin, 1837) въ I-омъ томѣ сказалъ слѣдующее по поводу происхожденія этого народа. „Мы понимаемъ подъ именемъ гунскихъ народовъ тѣхъ, которые обыкновенно называются финскими и которые русскими называются чудскими, также угорскими народами, но лучше всего могли-бы вообще назваться уральскими, хотя это наименованіе имѣетъ болѣе географическій, чѣмъ историко-этнографическій характеръ“ (s. 2). Шафарикъ въ „*Славянскихъ древностяхъ*“ (перев. Водянскаго, 1847, т. I, кн. II, стр. 87—88) повторилъ выводы Клапрота и отрицалъ словопроизводства, предложенныя сторонниками монголизма. Къ его мнѣнію относительно несостоятельности этихъ словопроизводствъ присоединился венгерскій ученый П. Хунфальви въ „*Ethnographie von Ungarn*“ (Budapest, 1877) на стр. 77 и 252—255. Гунны, какъ и ихъ потомки Болгары, принадлежали, по его мнѣнію, къ Угро-Финнамъ; къ какому отдѣлу этого племени—сказать трудно. Изъ русскихъ ученыхъ сторонникомъ теоріи финнизма Гунновъ явился этнографъ Риттихъ (Матеріалы для этнографіи Россіи, Казань, 1870, т. I, стр. 25), который даже склоненъ прямо считать ихъ за Остяковъ, смѣшанныхъ съ Вогулами, Вотяками и Башкирами. (Впрочемъ позже, въ изданныхъ этимъ изслѣдователемъ „Четырехъ лекціяхъ по русской этнографіи“, говоря мимоходомъ о Гуннахъ, онъ назвалъ ихъ тюркскимъ народомъ, въ войскахъ котораго были угры, финны и славяне. См. стр. 36 этого изслѣдованія).

Найдутся конечно и еще многіе другіе сторонники этой теоріи—мы старались указать главнымъ образомъ наиболѣе авторитетныхъ. Одни изъ нихъ просто высказывались за принадлежность Гунновъ къ обширной финской группѣ урало-алтайскихъ народовъ, другіе даже считали ихъ специально уграми и предками Мадыаръ.

Разсмотрѣвъ взгляды ученыхъ сторонниковъ этой теоріи и представивъ разборъ ихъ, мы должны сказать, что она совершенно противоположна теоріи монголизма. Она отрицаетъ всѣ три положенія этой послѣдней: и монголизмъ Хунъ-ну, и монголизмъ Гунновъ, и тожество этихъ двухъ народовъ. Что касается до ея общаго значенія, то нужно сказать, что, хотя нѣкоторые ея положенія мы и считаемъ смѣлыми и недоказанными, однако большой за-

службой ея является то, что ея послѣдователи, излагая ходъ переселеній народовъ изъ Средней Азіи въ Европу, внесли въ свою работу больше порядка, больше системы, чѣмъ сторонники первой теоріи.

IV.

Теорія финнизма Хунъ-ну и Гунновъ. — Сентъ-Мартенъ, его общіе взгляды и мнѣнія относительно отдѣльных частей этого вопроса. — Сторонники финнизма Хунъ-ну. Вивьенъ-де-Сентъ Мартенъ и разборъ его доводовъ. — Семеновъ, его доказательства въ пользу финнизма Хунъ-ну и ихъ критика. — Мнѣніе Уйфальви. — Общее значеніе этой теоріи.

Третья теорія не произвела такого переворота во взглядахъ на происхожденіе Хунъ-ну и Гунновъ, какъ вторая. Въ то время, какъ эта послѣдняя отвергала все предложенное сторонниками монголизма, третья теорія отчасти примкнула къ воззрѣніямъ второй. По скольку представители этой теоріи являются сторонниками финнизма Гунновъ, по столько же они могутъ быть причислены и ко второй теоріи. Различіе состоитъ въ томъ, что, думая видѣть въ Гуннахъ и Хунъ-ну одинъ и тотъ же народъ, они считаютъ и китайскихъ Хунъ-ну Финнами. Такимъ образомъ, съ одной стороны защищая финнизмъ Гунновъ, выставленный второй теоріей, съ другой же стороны соглашаясь съ тождествомъ Хунъ-ну и Гунновъ, которое предложилъ Дегинъ, а за нимъ сторонники монголизма, эта третья теорія является какъ-бы „примирительницей“ различныхъ воззрѣній.

Первымъ, предложившимъ ее, былъ извѣстный французскій арменистъ Сентъ-Мартенъ (Saint-Martin). Не написавъ по этому вопросу отдѣльнаго изслѣдованія, онъ говорилъ о немъ въ своихъ важныхъ примѣчаніяхъ къ „Histoire du Bas-Empire“ Лёбо (Lebeau), главнымъ образомъ въ IV-мъ томѣ (Paris, 1824). Къ сообщеніямъ Лёбо о происхожденіи и исторіи Гунновъ, основаннымъ исключительно на сочиненіи Дегиня, Сентъ-Мартенъ прибавилъ свои соображенія (см. прим. 2 на стр. 60 IV-го тома). Началъ онъ, какъ почти всѣ изслѣдователи этого вопроса, съ критики взглядовъ Дегиня. Придавая очень большое значеніе задачѣ этого ученаго — посредствомъ восточныхъ и западныхъ источниковъ прослѣдить исторію переселенія народовъ, Сентъ-Мартенъ однако думалъ, что Дегинъ преувеличилъ послѣдствія сличенія этихъ извѣстій. „Одно изъ первыхъ неудобствъ этой системы — распространеніе имени Хунъ-ну или Гунновъ на всѣ варварскія племена Средней Азіи. Соединяя ихъ такъ, подъ общимъ наименованіемъ, которое могло относиться къ нимъ въ извѣстныя только эпохи и въ извѣстныхъ условіяхъ, онъ значительно ослабилъ свою гипотезу. Дѣйствительно, трудно узнать изъ

его сочиненія, кому на самомъ дѣлѣ принадлежало имя Гунновъ, которое онъ даетъ Тюркамъ, Монголамъ, Маньчжурамъ и многимъ другимъ народамъ, разница въ происхожденіи которыхъ доказывается языками, на которыхъ они говорятъ. Къ какой вѣтви этихъ народовъ нужно отнести спеціально имя, о которомъ идетъ рѣчь? Дегинъ не рѣшаетъ этого "... Далѣе Сень-Мартенъ взялся за опредѣленіе племенной принадлежности Гунновъ. По извѣстіямъ древнихъ писателей, Гунны жили на пространствахъ теперешней Европейской Россіи. Языки, на которыхъ говорятъ ихъ потомки, доказываютъ намъ, что Гунны были народъ, совершенно отличный отъ Тюрковъ, но имя, власть и языкъ ихъ, по мнѣнію Сень-Мартена, распространялись нѣкогда на страны, теперь занимаемыя вышеупомянутыми народами. Всѣ потомки древнихъ Гунновъ теперь называются Финнами. Какъ на ясный примѣръ, подтверждающій это, онъ указываетъ на Мадыаръ или Венгровъ. „Ихъ историческія воспоминанія связываются съ древними Гуннами, а языкъ доказываетъ, что они Финны“. Сень-Мартенъ старался сблизить два имени: Гуннъ и Финнъ. Онъ замѣтилъ, что буквы „Х“ и „Ф“ очень часто замѣняютъ другъ друга. Поэтому онъ и думалъ, что Хуннъ (Гуннъ) и Финнъ—одно и то-же слово. Возможности этой гипотезы содѣйствуютъ, по его мнѣнію, и историческія доказательства. Всѣ извѣстія, идущія по Черному и Каспійскому морямъ т. е. южнымъ путемъ, сообщаютъ о народѣ Гуннахъ, а идущія по Балтійскому морю т. е. сѣвернымъ путемъ, о Финнахъ. Тацитъ получилъ извѣстія черезъ Германію и потому. зналъ Финновъ. Значить, уже тогда этотъ народъ жилъ въ Восточной Европѣ, будучи ея первымъ насельникомъ, пока не пришли другіе народы, какъ-то Готы и Славяне. Кромѣ того, Сень-Мартенъ вполне допускалъ тотъ взглядъ, что Гунны или Финны распространяли свое владычество гораздо далѣе на Востокъ и доходили даже до границъ Китая, подчинивъ себѣ тюркскія, монгольскія и маньчжурскія племена, которыя, дѣлаясь ихъ подданными, получали ихъ имя. Этимъ путемъ и древніе Тюрки получили имя Гунновъ. Изъ того, что всѣ хуннскія слова, сохраненныя китайскими лѣтописями, объясняются изъ тюркскихъ языковъ, заключили, по мнѣнію Сень-Мартена, что и сами Хунъ-ну были Тюрки, что въ свою очередь повело къ сомнѣнію въ тождествѣ Гунновъ или Финновъ и Хунъ-ну. Это противорѣчіе легко устранить, если допустить, что оба имени (все равно „обязаны ли они возникновеніемъ тюркскому или финскому племени“ прибавляетъ Сень-Мартенъ) тождественны и относятся къ одному какому-нибудь племени, которое путемъ завоеванія распространило свое имя на другія племена. Примѣры подобнаго рода распространенія имени встрѣчаются очень часто въ исторіи. Такъ, Сень-Мартенъ передаетъ извѣстіе Теофилакта Симокатты о томъ, что Персы на-

зываютъ Турками Гунновъ, живущихъ на сѣверо-востокѣ отъ нихъ. Мадыры, располагавшіеся въ IX-мъ вѣкѣ на берегахъ Дуная, назывались современными византійскими писателями Турками, а страна ихъ Турціей. Наконецъ, въ XIII-мъ вѣкѣ всѣ войны Чингизъ-хана назывались Монголами, хотя только военачальники и небольшая часть простыхъ воиновъ были монгольскаго происхожденія. Впрочемъ, Сентъ-Мартенъ допускалъ и другой возможный случай перенесенія этого имени. Онъ считалъ возможнымъ, что имя Хунъ-ну или Гуннъ сначала носилось тюркскимъ народомъ, а позже, но все же „въ очень отдаленное время“ было перенесено на Финновъ, которые только одни и сохранили его.

Что касается до сообщенія историческихъ фактовъ, то Сентъ-Мартенъ первый указалъ на извѣстія о Гуннахъ, встрѣчающіяся у армянскихъ писателей (см. Lebeau, t. III, p. 277, n. 3). Въ нихъ сообщалось какъ царь Тиридатъ Великій велъ войны съ Гуннами (Хункъ). Царь этотъ правилъ съ 259 по 312 г. по Р. Х. *). Основываясь на этихъ армянскихъ извѣстіяхъ, равно какъ и на сообщеніяхъ Птолемея и Діонисія Періегета, Сентъ-Мартенъ вывелъ заключеніе (Lebeau, t. IV, p. 63, note), что до начала второго вѣка по Р. Х. Гунны жили на берегахъ Каспійскаго моря, Волги, Танаиса (Дона) и даже Борисеена (Днѣпра). Считая же Гунновъ тождественными съ Финнами, онъ нашелъ упоминаніе о нихъ у Тацита. На основаніи словъ этого автора и предполагаемаго тождества онъ считалъ, что этотъ народъ жилъ между Чернымъ и Балтійскимъ морями, даже до Ледовитаго океана.

Весьма замѣчательно для того времени, по нашему мнѣнію, то, что сказалъ Сентъ-Мартенъ о переходѣ имени съ одного народа на другой (t. IV, p. 65, n. 1). „Нужно обратить вниманіе на то, что сходство между двумя древними народами, указываемое греческими и римскими писателями, не всегда служить доказательствомъ того, что эти два народа принадлежать къ одному и тому-же племени; это только значить, что они наслѣдовали другъ другу въ одной и той-же области. Потому-то Гунны носятъ часто имя Скиновъ...“ Сентъ-Мартенъ коснулся также и вопроса о монгольскомъ типѣ Гунновъ. Онъ думалъ, что все то, что передаютъ объ ихъ наружности, очень хорошо объясняется обычаями этого народа. Изъ этого можно, намъ думается, заклю-

*) Замѣтимъ, что Сентъ-Мартенъ первый указалъ на вѣроятность того, что Хіониты и Гунны одинъ и тотъ-же народъ. Лебо (t. II, p. 177) сообщилъ, что персидскій царь Шапуръ вступилъ въ 357 году въ войну съ Хіонитами и другими народами. Въ примѣчаніи Сентъ-Мартенъ выразилъ мнѣніе, что Хіониты и Гунны одинъ и тотъ же народъ. Поэтому г. Витерсхеймъ (Geschichte der Völkerwanderung, Leipzig, 1881, Zweiter Band, Ueber den Ursprung der Hunnen, ss. 16—17) неправъ въ томъ, что приписалъ себѣ и проф. Шотту открытіе тождества Гунновъ и Хіонитовъ.

читать, что этотъ ученый признавалъ возможнымъ то, что сообщилъ Аполли-
нарій Сидоній объ искусственномъ измѣненіи Гуннами наружности. Говорилъ
Сенъ-Мартенъ и о китайскихъ извѣстіяхъ о Хунъ-ну, но только мимоходомъ
и при томъ основываясь на сообщеніяхъ Абеля Ремюза (см. Lebeau, t. IV,
p. 74, n. 2). Онъ критиковалъ также и предположенія Дегиня о титулѣ
хуннускаго государя. Вотъ что сказалъ онъ по этому поводу (t. IV, p. 75,
n. 1): „Национальный титулъ повелителей Хунъ-ну былъ не Танъ-жу
(Tan-jou), какъ писалъ Дегинь, а Чанъ-ю (Tchhen-ju); историкъ Гунновъ
плохо прочелъ два китайскихъ знака, образующихъ это имя. Имя Чанъ-ю
не значить „сынъ неба“, какъ думалъ Дегинь, но этотъ титулъ, значеніе
котораго неизвѣстно, прибавляли къ Тенгри-куту т. е. сыну неба. Что
касается до отношенія Гунновъ и сѣверныхъ Хунъ-ну послѣ 93 г. по Р. Х.,
то Сенъ-Мартенъ думалъ, что „изъ разсказовъ китайскихъ историковъ видно,
что остатки этого народа (т. е. сѣверныхъ Хунъ-ну) и царскаго племени
(гасе гоуале) удалились въ Уральскимъ горамъ, но нельзя точно установить
ихъ тождества съ Гуннами, которые позже управлялись Аттилой. Можно
думать, что Финны, имя которыхъ тождественно имени Гунновъ, уже жили
въ странахъ, гдѣ мы застаемъ ихъ теперь“. Итакъ, по мнѣнію Сенъ-Мар-
тена, Гунны и Хунъ-ну были Финны и, вслѣдствіе этого общаго происхож-
денія, они тождественны.

Какъ видно изъ изложеннаго нами, мнѣнія Сенъ-Мартена можно раз-
дѣлить на двѣ части: первая касается общихъ соображеній относительно
происхожденія Хунъ-ну и Гунновъ, вторая—частныхъ историческихъ фактовъ
и ихъ объясненій. Сообразуясь съ порядкомъ его изложенія, мы сначала
представимъ критику его общихъ воззрѣній, а затѣмъ мнѣній по отдѣль-
нымъ вопросамъ.

Принимая тождество Гунновъ и Финновъ, Сенъ-Мартенъ считалъ основ-
нымъ доказательствомъ для этого то, что всѣ народы, живущіе теперь на
тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ нѣкогда жили Гунны и по преданіямъ происходящіе
отъ нихъ, говорятъ на финскихъ языкахъ. Это утвержденіе не выдерживаетъ
критики уже потому, что недостаточно еще жить въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ
жилъ когда-то народъ, чтобы быть его потомками. Всѣ, входившіе въ составъ
гунскаго государства назывались Гуннами, но не были ими по происхожденію.
Народныя преданія Мадьяръ хотя и связываются съ именемъ и исторіей
Гунновъ, однако эти преданія, какъ мы уже говорили, считаются лицами
весьма компетентными въ этомъ вопросѣ не отвѣчающими исторической дѣй-
ствительности. Еще Вивьентъ-де-Сенъ Мартенъ высказался противъ отождест-
вленія именъ Гуннъ и Финнъ. Онъ называлъ его „болѣе чѣмъ случайнымъ“. О немъ-же писали и нѣкоторые другіе ученые. Такъ, Нейманъ (цит. соч.,

стр. 15) указалъ на то, что сами Финны называютъ себя Суоми или Саме, слово-же Финнъ есть нѣмецкій переводъ этого слова, которое значитъ „болотный житель“. Тацитъ, думалъ Нейманъ, только потому и назвалъ этотъ народъ Финнами, что извѣстiе о нихъ пришло къ нему черезъ Германiю. Уйфальви (цит. соч., стр. 98) и Тьерри (цит. соч., т. 2, стр. 5) тоже утверждали, что самъ народъ называетъ себя Суоми. Этого-же взгляда придерживался и Цейссъ (Zeuss) (*Die Deutschen und die Nachbarstämme*, 1837, в. 272, ап. 2). Насколько шатки подобнаго рода словопроизводства можно видѣть изъ того, что Венилинъ, совершенно отрицавшiй тожество Гунновъ не только съ Финнами, но и съ какимъ бы то ни было изъ урало-алтайскихъ племенъ и старавшiйся доказать славянство Гунновъ, находилъ сходство между словами Гуннъ и Вендъ (*Древнiе и нынѣшнiе Болгаре*, I, стр. 173). Не считая себя достаточно компетентнымъ въ вопросѣ о происхожденiи финскаго народнаго имени, я скажу только, что подобное, основанное только на созвучiи, отождествленiе совершенно не отвѣчаетъ современнымъ требованiямъ науки. Разъ мы примемъ мнѣнiе Сентъ-Мартена, что Гуннъ-Финнъ, то не меньшаго довѣрiя будетъ заслуживать и предположенiе Венилина, что Гуннъ-Вендъ *). Мы не можемъ также согласиться и съ тѣмъ, что сѣверныя извѣстiя говорятъ о Финнахъ, а южныя о Гуннахъ. Тацитъ писалъ тогда, когда южнымъ путемъ не шло ровно никакихъ извѣстiй о Гуннахъ. Кромѣ того, сѣверныя извѣстiя говорятъ о нихъ: скандинавскiя саги знаютъ страну *Chunigard* или *Hinnaland*. Другое дѣло въ какомъ значенiи употребляли онѣ это слово; однако оно было имъ извѣстно, и онѣ не замѣняли слова *Chun* или *Hun* словомъ *Finn*. Въ вопросѣ о возможности перенесенiя имени съ одного народа на другой, Сентъ-Мартенъ явился послѣдователемъ Абель Ремюза. Не имѣя предвзятыхъ мнѣнiй относительно нашего вопроса, этотъ изслѣдователь началъ изложенiе извѣстiй о Гуннахъ съ Што-

*) Мы однако считаемъ необходимымъ привести мнѣнiе покойнаго А. А. Куника относительно происхожденiя имени Финнъ (стр. 80—81 «Извѣстiй Аль-Бекри и т. д.»): «Прежде предполагали, что Финны получили свое названiе отъ финскаго слова *kaipu* (низменность), но теперь это словопроизводство считается столь-же ненаучнымъ, какъ и производство названiя народа Суоми (Финны. по эст. *Sõm*—Финляндiя) отъ слова *suo* (болото), тогда какъ оно происходитъ отъ общераспространенной формы названiя племени *Sam*, въ которомъ «ш» не окончанiе, а входитъ въ составъ корня. Также оказывается и общераспространенное производство слова *Fenni* отъ древне-норманскаго *fep* (болото), готскаго *fani* (грязь, пометъ) чисто абстрактнымъ словопроизводствомъ. Но изъ какой-же грамматики въ такомъ случаѣ вычитали, что форма этого народнаго названiя именно германскаго происхожденiя? Специалистъ-финнологъ д-ръ Келлгрень (*Les Finnois et la race ouralo-altaïque* въ *Nouvelles annales des voyages*. année 1848, т. III), утверждая, что слово Финнъ есть только нѣмецкій переводъ, приводилъ въ доказательство то, что буквы «ф» даже нѣтъ въ языкѣ этого народа. Въ такомъ случаѣ можно задаться вопросомъ: какъ это слово можетъ быть финскимъ разъ въ этомъ языкѣ нѣтъ буквы «ф»?.

лемея и Діонисія Перігета, ни слова не говоря о мнимыхъ извѣстіяхъ Эратосеена. Вполнѣ правъ былъ онъ и въ приговорѣ относительно родства различныхъ народовъ, указываемаго различными писателями древняго міра. Напротивъ, трудно согласиться съ тѣмъ его мнѣніемъ, что Финны и Тюрки рѣзко отличаются физическимъ типомъ отъ Монголовъ. Что касается до его разбора мнѣнія Дегина о титулѣ хуннскихъ государей, то необходимо указать, что никто изъ писавшихъ по этому вопросу не упомянулъ объ этомъ титулѣ въ такой формѣ. Впрочемъ, на 25-й стр. II-ой части I-го тома Дегинъ далъ другое чтеніе. Онъ сказалъ, что хуннскіе государи носили титулъ „тань-жу или шань-ю (Chen-ju), который есть сокращеніе Цень-ли-ко-то-тань-жу (Tsem-li-ko-to-tan-jou) т. е. сынъ неба на языкѣ Хунь-ну“. Но тутъ же въ примѣчаніи онъ заявилъ, что въ этомъ выраженіи Цень-ли значитъ небо, а ко-то-тань-жу сынъ, по объясненію Ма-туань-линя, а по словамъ историка Ханьскаго дома цень-ли значитъ небо, ко-то сынъ, тань-жу высокій и плотный человѣкъ (*grande et large figure*). Поэтому, Дегинъ не утверждалъ, что шань-ю значитъ сынъ неба, а полагалъ, что все выраженіе имѣетъ такое значеніе, оговариваясь въ примѣчаніи, что существуютъ другія объясненія. Признавая слова Гуннъ и Финнъ за слова тождественныя, Сень-Мартенъ конечно долженъ былъ счесть уходъ сѣверныхъ Хунь-ну на Западъ, какъ вообще всѣ ихъ переселенія, неважнымъ. Въ заключеніе нашего разбора нужно сказать, что Сень-Мартенъ, не будучи специалистомъ по исторіи Средней Азій, очень мало касался вопроса о происхожденіи Хунь-ну и вообще ихъ исторіи. Онъ въ этомъ случаѣ основывался на доводахъ предшествовавшихъ ему изслѣдователей. Больше занялся онъ вопросомъ о происхожденіи Гунновъ; по этому вопросу онъ сообщилъ нѣсколько новыхъ данныхъ (напр. армянскіе источники).

Пополненіе теоріи финнизма доводами въ пользу финскаго происхожденія Хунь-ву принадлежитъ Вивьенъ-де-Сень-Мартену. Этотъ изслѣдователь специально занимался исторической этнографіей, этнологіей и географіей. Въ издаваемомъ имъ журналѣ „Nouvelles annales des voyages et des sciences géographiques“ онъ напечаталъ рядъ статей подъ заглавіемъ „Etudes ethnographiques et historiques sur les peuples nomades, qui se sont succédé au nord du Caucase dans les dix premiers siècles de notre ère“. Одна изъ этихъ статей посвящена вопросу о Гуннахъ (онъ называлъ ихъ уральскими, какъ бы въ отличіе отъ Эфталитовъ, о которыхъ онъ написалъ особую статью въ этихъ-же этюдахъ). Статья эта напечатана въ четвертомъ томѣ журнала за 1848 г. (Декабрь, стр. 257—306).

Въ этомъ рядѣ статей предшествовавшая разбираемой нами была посвящена Аланамъ. Поэтому Вивьенъ-де-Сень-Мартенъ, въ началѣ статьи,

указалъ на отличіе Гунновъ отъ этого народа. Признавая, что Аланы и обычаями, и религіознымъ культомъ, и физическимъ типомъ были вполнѣ сходны съ предшествовавшими имъ сарматскими и готскими племенами, онъ замѣтилъ, что Гунны уже совершенно не походили на нихъ. Наружность ихъ, описанная Амміаномъ Марцеллиномъ и Иорнандомъ дала поводъ, по его мнѣнію, весьма основательный, думать, что Гунны были Монголы. Однако, серьезныя препятствія для сближенія Гунновъ съ Монголами представили доводы Клапрота, который, основываясь на китайскихъ лѣтописяхъ, высказалъ мнѣніе, что Монголы въ эпоху вторженія Гунновъ жили еще далеко на Востоку, въ восточной Сибири, къ сѣверу отъ теперешней Монголіи и что громадные пространства между землею ихъ и Гунновъ были населены народами тюркскими и готскими. Это, по мнѣнію Вивьенъ-де-Сенъ-Мартена, представляетъ большое затрудненіе для отождествленія Гунновъ и Монголовъ. Кромѣ этого, нашъ изслѣдователь считалъ очень важнымъ и то, что Сенъ-Мартенъ, одинъ изъ лучшихъ, по его мнѣнію, знатоковъ этнографическихъ вопросовъ восточновѣдѣнія, отличалъ Гунновъ отъ Монголовъ. Возрѣніе этого ученаго онъ считалъ настолько важнымъ, что привелъ буквально то мѣсто изъ замѣчаній Сенъ-Мартена, гдѣ изслѣдователь говорилъ объ исторіи нашего вопроса и происхожденіи Гунновъ. Въ подтвержденіе дѣйствительности финизма Гунновъ, Вивьенъ-де-Сенъ-Мартенъ указалъ на то, что и Клапротъ, и Мюллеръ (*Der Ugrische Volksstamm*) признавали за Гуннами финское происхожденіе. Это тожество, по его мнѣнію, одинъ изъ основныхъ фактовъ этнографіи Азии. Относительно наружности Гунновъ онъ принялъ взглядъ Клапрота и утверждалъ, что восточные Финны и Монголы весьма сходны между собою. Однако вмѣстѣ съ Дегинемъ и Сенъ-Мартеномъ, онъ считалъ вполнѣ возможнымъ отождествлять Хунъ-ну и Гунновъ, вопреки доводамъ Клапрота. Извѣстія о нихъ можно, по его словамъ, прослѣдить до глубокой древности. Всѣ ихъ имена онъ считалъ несомнѣнными передѣлками собственнаго имени народа. При этомъ онъ указалъ на аналогичные факты у другихъ народовъ. Германцы, напр., передѣляли имя тѣхъ-же Гунновъ въ *hund*. Слово-же Хунъ есть финское и встрѣчается въ этомъ языкѣ въ формѣ хумъ, что значитъ человекъ. Что касается до тожества Хунъ-ну и Гунновъ, то онъ, помимо историческихъ извѣстій, указалъ на сходство именъ. Онъ думалъ, что причина, побудившая Клапрота отказаться отъ отождествленія Гунновъ и Хунъ-ну, легко устранима. „Это затрудненіе исчезнетъ“, говоритъ онъ: „если признать, что первобытные Тюрки и Уральскіе Финны суть двѣ вѣтви одного ствола, первоначально бывшаго единымъ“. Относительно титула шанъ-юй онъ высказалъ довольно своеобразное мнѣніе, именно, что оно могло быть „транскрипціей монгольскаго слова *ноянъ*, которые значить

государь или вождь". При изложеніи исторіи Хунъ-ну онъ считалъ временемъ главнаго ихъ переселенія конецъ I-го вѣка по Р. Х. Причину монгольскаго типа Гунновъ онъ видѣлъ въ томъ, что часть ихъ смѣшалась съ Сянь-би, монгольскимъ племенемъ. Усиленіе монгольскихъ-же племенъ То-ба и Жуань-Жуань въ IV-мъ вѣкѣ было причиной движенія на Западъ этихъ омонголившихся Хунъ-ну. Эти новые пришельцы и придали монгольскій видъ Гуннамъ. Извѣстія Птолемея, Діонисія Періегета и Моисея Хоренскаго онъ относилъ не къ тѣмъ Гуннамъ, которые вторглись въ Европу въ IV-мъ вѣкѣ, а только къ отдѣльнымъ ордамъ ихъ. Особенно же настаивалъ Вивьенъ-де-Сенъ-Мартенъ на томъ, что „камышцкій типъ былъ данъ восточнымъ Хунъ-ну смѣсью ихъ съ монгольскимъ народомъ Сянь-би послѣ разрушенія имперіи Хунъ-ну въ 93 г. Мы настаиваемъ на этомъ различіи, потому что оно кажется намъ основнымъ". Что нѣкоторые византийскіе писатели (напр., Теофанъ въ IX-мъ вѣкѣ) называютъ Гунновъ Турками, означаетъ только то, что эти писатели привыкли называть всѣ народы, приходившіе изъ странъ лежащихъ къ сѣверу отъ Чернаго моря, Турками, какъ раньше они всѣмъ имъ давали имя Гунновъ или Скиновъ. Наконецъ, что Ту-гю или Тюрки произошли, по китайскимъ извѣстіямъ, отъ Хунъ-ну, онъ приписывалъ общему происхожденію Финновъ и Тюрковъ. Таковы вкратцѣ воззрѣнія этого изслѣдователя.

Мнѣніе Вивьенъ-де-Сенъ-Мартена относительно физическаго типа Гунновъ, хотя онъ собственно только повторилъ высказанное Клапротомъ, гораздо удачнѣе, чѣмъ Сенъ-Мартена. Изъ его словъ относительно древнихъ Хунъ-ну явствуется, по нашему мнѣнію, то, что онъ считалъ ихъ за нераздѣлившихся еще Тюрковъ и Финновъ. Предположеніе это ничѣмъ не доказано и не является вѣроятнымъ вслѣдствіе характера историческихъ извѣстій объ этомъ народѣ. Совершенно непохвально является для насъ объясненіе этимъ изслѣдователемъ имени шань-юй. Какимъ образомъ оно могло быть монгольскимъ, если самъ Вивьенъ-де-Сенъ-Мартенъ выразилъ мнѣніе, что монгольскій элементъ не входилъ въ первоначальный составъ Хунъ-ну (не говоря уже о сопоставленіи неимѣющихъ ничего общаго между собою словъ пойнитъ и шань-юй)? Вполнѣ своеобразно мнѣніе этого изслѣдователя по поводу монгольскаго типа Гунновъ. Прежде всего нужно сказать, что позднѣйшія (послѣ конца перваго вѣка по Р. Х.) движенія могли быть, такъ какъ народныя переселенія, и во второмъ и въ третьемъ вѣкахъ и позже, часто происходили въ Средней Азіи, но несомнѣнныхъ фактовъ не существуетъ. Сянь-би, по мнѣнію большинства ученыхъ, принадлежали не къ монгольской, а къ тунгусской или корейской группамъ *).

*) См. Клапрота «Tableaux historiques», р. 93; Григорьева «Объ отношеніяхъ между

леніе, то оно не могло внести новые, монгольскіе элементы; потому-же этотъ вопросъ не можетъ считаться „основнымъ“.

Мнѣніи двухъ вышеназванныхъ ученыхъ придерживался и русскій изслѣдователь П. П. Семеновъ. Онъ, какъ и Вивьентъ-де-Сентъ-Мартенъ, спеціально занялся вопросомъ о происхожденіи Хунъ-ну. Замѣчанія его по этому поводу находятся въ приложеніи къ I-му тому „Землеводія Азіи“ Риттера (Спб. 1850 г.) на стр. 630—637. При разборѣ теоріи Клапрота, мы уже говорили, что ее до насъ разбиралъ П. П. Семеновъ, который подраздѣлялъ ее на три части и, соглашаясь съ финнизмомъ Гунновъ и турчизмомъ Ту-гю, отрицалъ тожество Хунъ-ну и Ту-гю. Указавъ на поразительное сходство именъ Хунъ-ну и Хуннъ, онъ привелъ китайскія извѣстія о томъ, что этотъ народъ пришелъ съ Алтая. Оттуда-же пришли и Гунны. Слѣдовательно, существуетъ не только общность имени, но и мѣстопробыванія. Происхожденіе Ту-гю (или, какъ онъ говоритъ, Ту-кюэ) отъ Хунъ-ну ровно ничего не доказываетъ. Хунъ-ну были пришельцами въ земляхъ къ сѣверу отъ Китая, туземцами-же тамъ были тюркскія племена, которыя, будучи покорены Хунъ-ну, приняли ихъ имя. Что касается до хуннскихъ словъ, сообщаемыхъ китайскими лѣтописями, то одно изъ нихъ циланъ (или киланъ), которое значитъ небо, П. П. Семеновъ считалъ возможнымъ сблизить съ лат. *coelum*, греч. *κοῦλον*, франц. *ciel*, итальян. *cielo*, латыш. *zeltees*, т. е. онъ думалъ, что это слово индо-европейскаго языка и потому принадлежало одному изъ покоренныхъ Хунъ-ну народовъ. Среди этихъ подданныхъ находились въ большомъ количествѣ турки, изъ которыхъ впослѣдствіи вышли Ту-гю. „Шанъ-юй“, говоритъ онъ далѣе: „иначе Танъ-ли-куту, что значило сынъ неба, былъ титулъ хуннскихъ царей“. Не допуская, чтобы одно понятіе выражалось на одномъ и томъ-же языкѣ двумя словами, этотъ изслѣдователь полагаетъ, что шанъ-юй значило на настоящемъ хуннскомъ языкѣ „сынъ неба“, а танъ-ли-куту былъ переводъ этого слова на языкъ подвластныхъ народовъ. Слово *тентри* значитъ по тюрески небо, слова-же *куту* и *гүто* въ языкахъ тюрескихъ и монгольскихъ народовъ. По маньчжурски „гүто“ значитъ сынъ. Другимъ словамъ, какъ-то: *лу-ли*, *ту-ки*, *тей-ло* онъ не находилъ аналоговъ въ тюрескихъ языкахъ *). Итакъ, по воззрѣнію

кочевыми народами и осѣдлыми государствами» въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1875 года. Мартъ, стр. 11; П. П. Семенова у Риттера «Землеводіе Азіи», т. I (Спб. 1850 года), стр. 401.

*) П. П. Семеновъ приводилъ и объяснял упомянутыя въ китайскихъ лѣтописяхъ хуннскія слова по статьѣ сиолога, проф. Шотта (Ueber das Altaische oder Finnisch-Tatarische Sprachengeschlechte, Abhandlungen Berl. Academie, 1847). Этотъ ученый сблизалъ вышеупомянутое *Лу-ли* съ тюрескимъ *ulu*; съ этимъ-же словомъ сблизалъ онъ и слово *U-lui*. *Tu-ngu-sse* можетъ быть тожественно, по его мнѣнію, съ тюрескимъ словомъ *тунгузъ*. Вообще проф. Шоттъ никакъ не можетъ считаться сторонникомъ финнизма Хунъ-ну, такъ

П. П. Семенова, Гунны и Хунь-ну тождественны и принадлежать къ финскому племени.

Приступая къ разбору мнѣній этого изслѣдователя, укажемъ на сопоставленіе общей родины и сходства имени для отождествленія. Изслѣдованіе географическаго положенія дѣйствительно очень важно для правильнаго сужденія объ этомъ вопросѣ. Тѣмъ болѣе страннымъ кажется то обстоятельство, что остальные изслѣдователи совершенно не обратили вниманія на общую родину того и другого народа *). Хунь-ну были, по мнѣнію П. П. Семенова, пришельцами въ Инь-шань; однако, они пришли туда „послѣ послѣдняго великаго потопа“, какъ сказано у Риттера на 622 стр., на которую ссылается нашъ изслѣдователь. Насколько можемъ мы судить по древнѣйшимъ извѣстіямъ объ этомъ народѣ въ китайскихъ лѣтописяхъ, Хунь-ну съ глубочайшей древности жили въ этихъ мѣстахъ. Мы держимся того взгляда, что до насъ не дошло ни одного точнаго извѣстія о приходѣ Хунь-ну въ ту страну, гдѣ застаютъ ихъ китайскія лѣтописи. Что касается того объясненія, что слово шань-юй есть переводъ на настоящій хуннускій языкъ слова, принадлежащаго языку подчиненнаго тюркскаго народа, то это объясненіе совершенно не удовлетворяетъ насъ. Дегинъ (t. I, p. II, p. 25) уже приводилъ объясненіе историка Ханьской династіи, что шань-юй или тань-жу значить „grande et large figure“. О. Іакинъ въ „Собраніи свѣдѣній“ въ примѣчаніи на стр. 10-й I-й части I-го тома, говоритъ: „Въ Хань-шу-инь-и (т. е. въ томъ-же сочиненіи, про которое говорили Дегинъ) сказано: шань-юй значить величайшій, на кит. Сянъ-тьхань“ и на стр. 110: „Въ исторіи старшей династіи Хань сказано: шань-юй значить величайшій, т. е. въ великости подобный небу“. Этотъ-же ученый далѣе указалъ на то, что древнее шань-юй и болѣе новое хань-два слова по смыслу совершенно тождественны (см. тамъ-же, т. I, ч. II, стр. 267). Наконецъ, г. Кабѣтъ сообщалъ слѣдующее (прим. на стр. 88 цитов. соч.): „Шань-юй не понятно, но переводъ этого слова можно возстановить. Китайскія лѣтописи го-

какъ онъ, хотя и не считалъ возможнымъ точно выяснитъ племенную принадлежность Хунь-ну, однако думалъ, что они были «восточно-алтайскаго или татарскаго происхожденія». Слѣдовательно, онъ считалъ ихъ или Тюрками, или Монголами, или Тунгусами (см. ss. 290—291).

*) Особенно долженъ относиться этотъ упрекъ къ Клапроту, который издалъ даже атласъ. Въ этомъ атласѣ съ первой до седьмой картъ указано, что по восточную сторону Алтая жили тюрки Хань-юнь и Хунь-ну, а по западную—народы гунскіе и восточно-финскіе. На седьмой картѣ (116 г. по Р. Х.) на Алтай и къ востоку отъ него указаны остатки сѣверныхъ Хунь-ну, къ западу отъ этихъ горъ, въ теперешнихъ киргизскихъ степяхъ до Урала, расположены «Хунь-ну, изгнанные на Западъ», а на Уралѣ, рѣзко отдѣленные отъ этихъ Хунь-ну, живутъ «гунскіе или восточно-финскіе» народы. Это сосѣдство продолжается и на картахъ восьмой, девятой и десятой (съ девятой Хунь-ну называются уже Юе-бо).

ворять при 552 г.—Тумынь (вождь Ту-гю или Тюрковъ) принялъ титулъ И-ли-ханъ, слово, имѣющее тотъ-же смыслъ, что нѣкогда шань-юй. И-ли по тюрески въ IV-мъ вѣкѣ значило—знаменитый, блестящій, чѣмъ объясняется блестящее лицо, которое китайцы приписывали шань-юю“. Такимъ образомъ, выясняется, что шань-юй и тань-ли-ко-то слова, совершенно различныя.

Къ этой-же теоріи должны мы отнести и финнолога г. Уйфальви-де-Мезо-Кёвендъ. Онъ коснулся этого вопроса въ „*Migrations des peuples et particulièrement celles des Touraniens*“ (Paris, 1873). По его мнѣнію Гунны, принадлежащія къ финскому племени, одно время владычествовали въ странахъ къ сѣверо-востоку отъ Китая. Онъ считаетъ вполне допустимымъ мнѣніе Тьерри, что они очень смѣшались съ Монголами. Вслѣдствіе переворотовъ въ Средней Азіи, они были отброшены въ Европу и тутъ смѣшались съ разными другими народами, какъ то славянскими, готскими и др. (см. р.р. 80—85 и 126—127). Хотя этотъ ученый и стоитъ въ своихъ воззрѣніяхъ довольно близко къ мнѣніямъ Тьерри, однако онъ долженъ быть отнесенъ къ теоріи финнизма, потому что признаетъ Гунновъ Финнами, хотя и смѣшанными съ Монголами. Любопытно, что г. Уйфальви, финнологъ и природный венгерецъ называлъ мнѣніе Клапрота относительно тождества Гунновъ и Мадьяръ „опирающимся на отдѣльныхъ и смѣлыхъ этимологіяхъ“.

Къ этой-же теоріи долженъ быть скорѣе всего отнесенъ и бар. П. К. Усларъ, который мимоходомъ высказался по нашему вопросу въ „Древнѣйшихъ извѣстіяхъ о Кавказѣ“ (записки Кавказскаго Отд. Геогр. Общ., XII, Тифлисъ, 1881; помѣщено также въ „Собраніи свѣдѣній о Кавказскихъ горахъ“, X). Считаая Гунновъ Финнами (стр. 161), онъ назвалъ Хунъ-ну смѣсью „нѣсколькихъ кочевыхъ племенъ тюрко-финскаго происхожденія“ (стр. 164—165).

Въ заключеніе разбора мнѣній представителей третьей теоріи, мы должны сказать, что ее, по справедливости, можно назвать теоріей „примиренія“. Одной-же изъ главныхъ ея заслугъ явилось указаніе на тождество Хунъ-ну и Гунновъ и стараніе доказать это.

V.

Теоріи относительно отдѣльныхъ частей вопроса.—Теорія славянства Гунновъ (Венедикъ, Вельтманъ, Забѣлинъ, Иловайскій, В. Флоринскій).—Теорія турчизма Гунновъ (Цейссъ, Куникъ, Ф. Мюллеръ, Томашекъ, Соколовъ, Ф. Коршъ, В. Миллеръ, Васильевскій, Витерсхеймъ, Вамбери, Радловъ, Аристовъ).—Нѣкоторыя изслѣдованія проф. Хирта.

Приведенныя и разобранныя нами въ предыдущихъ главахъ теоріи касались гунскаго вопроса въ широкомъ смыслѣ, т. е. разсматривали всѣ три

части, на которыя онъ распадается. Въ настоящей главѣ мы дадимъ краткій обзоръ теорій и изслѣдованій, посвященныхъ отдѣльнымъ частямъ этого вопроса.

Европейскіе Гунны обращали на себя до сихъ поръ большее вниманіе, чѣмъ родственные имъ китайскіе Хунъ-ну. Это объясняется конечно тѣмъ, что исторія Европы разработана лучше, чѣмъ исторія сѣверо-восточной Азіи. Относительно европейскихъ Гунновъ возникли почти одновременно двѣ теоріи: славянства и турцизма.

Создателемъ теоріи славянства этого народа можно назвать Венелина („Древніе и нынѣшніе Болгаре“, т. I, 1829). Главныя доказательства этого ученаго основывались на томъ, что гунскія имена сходны со славянскими (стр. 94). Каратонъ (Каратов) сходно съ именемъ болгарскаго царя Кардама (Болгары были, по его мнѣнію, чистые славяне), Баламберъ-Владиміръ, Аттила-Тиланъ (болгарскій царь), Вледа-Владъ и т. д. Отожествленіе Хунъ-ну и Гунновъ онъ считалъ ошибкой. Хунъ-ну были, думалъ онъ, монголы, которые вочуютъ теперь, какъ и во времена древности, на сѣверныхъ границахъ Китая (стр. 157 — 158). Изъ сочиненій ориенталистовъ онъ ознакомился видимо только съ „Записками о Монголіи“ о. Іакина, при чемъ однако, упустивъ изъ вида замѣчаніе, что имя Хунъ-ну было лишь транскрипціей туземнаго имени на китайскій языкъ, возражалъ противъ приписываемаго имъ этому синологу мнѣнія, что монголы называли себя китайскимъ браннымъ именемъ (стр. 160 и далѣе). Онъ доказывалъ, что по гречески Гунны всегда назывались Οὐννοι, Οβέννοι, Венны и только уже въ латинскомъ языкѣ появилась форма Hunni, отсюда и имя Гунны. Имя Гуннъ или Веннъ (что по его мнѣнію одно и то же) Венелинъ сближалъ съ именемъ Вевдъ и признавалъ такимъ образомъ Гунновъ тождественными Славянамъ.

Еще дальше въ такъ называемыхъ „дикихъ“ этимологіяхъ, пошелъ послѣдователь Венелина въ теоріи славянства Гунновъ Вельтманъ. Онъ отождествилъ въ сочиненіи „Аттила и Русь въ IV—V вѣкахъ“ (Москва, 1858) имя Hunni черезъ Kwäpe съ Кыяне т. е. Кіевлянами, назвалъ Аттилу „всая Руси самодержцемъ“ и т. д. Даже сторонникъ славянства Гунновъ Д. И. Иловайскій назвалъ это сочиненіе „мистическимъ сумбуромъ“.

Въ пользу этой теоріи высказался и И. Е. Забѣлинъ на стр. 218—360 первой части „Исторіи русской жизни“ (Москва, 1876). Считая сдѣланное Дегинымъ отождествленіе Хунъ-ну и Гунновъ основаннымъ лишь на сходствѣ именъ, онъ указываетъ на противорѣчіе этому свидѣтельству исторіи и географіи. По мнѣнію этого ученаго, „надо только удивляться какимъ образомъ несообразная догадка Декина утвердилась въ наукѣ, какъ непреложная истина. Съ его легкой руки всѣ стали твердить что Унны были истинные Калмыки и всѣ старались при всякомъ случаѣ только доказывать и распространять это

поверхностное заключеніе. Затѣмъ Клапротъ доказалъ, а Шафарикъ подтвердилъ, что Унны были Уральскаго происхожденія, родственники Башкировъ и предки Венгровъ. Теперь этой новой истинѣ уже никто не противорѣчитъ⁴. (331—332). Переходя къ разбору источниковъ, И. Е. Забѣлинъ считаетъ портретъ Гунновъ, описанный Амміаномъ Марцеллиномъ, продуманъ воображенія, возникшимъ изъ сказаній о бытѣ кочевыхъ народовъ. Гунны пришли не съ Востока т. е. не изъ за Волги, а отъ Ледовитаго моря. Лежащими за Местійскими болотами назывались страны не къ Востоку, а къ Сѣверу отъ нихъ. Уннами, по его мнѣнію, стала называться дружина сѣверныхъ славянскихъ племенъ, призванная южными на помощь противъ Готовъ. Таковы въ краткихъ словахъ мнѣнія этого ученаго.

Самымъ убѣжденнымъ сторонникомъ теоріи славянства Гунновъ является безспорно Д. И. Иловайскій. Какъ извѣстно, этотъ ученый одинъ изъ наиболѣе ожесточенныхъ противниковъ норманизма Руси. Отъ славянства Руси онъ перешелъ къ славянству Болгаръ, а отъ этого къ славянству и Гунновъ. Его доказательства и возраженія на нихъ составляютъ своеобразное явленіе въ исторіи нашего вопроса. Напечатавъ въ майской книжкѣ журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1881 г. статью подъ заглавіемъ „Вопросъ о народности Руссовъ, Болгаръ и Гунновъ“, Д. И. Иловайскій повторилъ въ сентябрѣ 1881 г. на V-мъ археологическомъ съѣздѣ въ Тифлисѣ тѣ выводы, къ которымъ онъ пришелъ въ этой статьѣ (см. Труды V-го Археологическаго съѣзда въ Россіи, изд. подъ редакціей гр. Уваровой, Москва, 1887, стр. LIX—LXIII). Уже здѣсь мнѣнія раздѣлились: часть приняла воззрѣнія докладчика (Н. И. Костомаровъ, проф. Иконниковъ), часть высказалась противъ нихъ (Загурскій, Гаркави, проф. Анучинъ). 31-го декабря 1881 г. въ этнографическомъ отдѣлѣ Московскаго Общества Любителей Естествознанія состоялся предложенный Д. И. Иловайскимъ диспутъ по вопросу о народности Гунновъ, а въ 1882 г. этотъ же изслѣдователь напечаталъ статью „Пересмотръ вопроса о Гуннахъ“ (Русская Старина, 1882, февраль) и второе изданіе „Разысканій о началѣ Руси“, къ которому приложилъ и изслѣдованіе по вопросу о Гуннахъ. Выводы этого изслѣдователя сводятся къ слѣдующимъ. Теорія туранства^{*)} Гунновъ основывается, по его мнѣнію, только на описаніи ихъ наружности и образа жизни Амміаномъ Марцеллиномъ и Иорнандомъ. Описанію перваго нельзя придавать значенія потому, что онъ никогда въ своей жизни не видѣлъ Гунновъ, а писалъ съ чужихъ словъ,

^{*)} Д. И. Иловайскій предпочитаетъ терминъ «туранскій» термину «урало-алтайскій», потому что онъ распространяется яко-бы и на монгольскіе народы, на которые терминъ «урало-алтайскій» не распространяется (см. Русская Старина, 1882, декабрь, стр. 609)—это конечно совершенно не вѣрно и противорѣчитъ современной этнографической классификаціи.

описание-же Иорнанда „плодъ тенденціозно настроеннаго воображенія“. Кромѣ того, въ оставленныхъ описаніяхъ наружности Гунновъ не видно чертъ, свойственныхъ монгольскому племени. Гунскія слова, дошедшія до насъ—славянскаго происхожденія: медось—медъ, камось—квасъ, страва-тризна. На Хунъ-ну Д. И. Иловайскій не счелъ нужнымъ обратить вниманіе. Мимоходомъ говорить онъ, что Гунновъ старались связать „съ монгольскимъ народомъ Хіонггу“ и заставили этихъ послѣднихъ переселиться въ IV-мъ вѣкѣ на Западъ. Все это Д. И. Иловайскій считалъ не основаннымъ на положительныхъ свидѣтельствахъ источниковъ.

Эта славянская теорія прежде всего встрѣтила много возраженій въ этнографическомъ отдѣлѣ Московскаго общества Любителей Естествознанія (см. труды этого отдѣла за 1886 г. VIII). Сначала возражалъ проф. Н. А. Поповъ, который, какъ историкъ, особенно возставалъ противъ мнѣнія Д. И. Иловайскаго, что Славяне не извѣстны исторіи до Гунновъ, тогда какъ Анты и Венды были безъ сомнѣнія Славяне. Далѣе выступилъ противъ этой теоріи проф. В. Ф. Миллеръ, приведшій возраженія съ точки зрѣнія лингвистики и этнографіи. Сопоставленіе словъ камъ и квасъ онъ считалъ безусловно производнымъ; при томъ слова камъ и медъ принадлежали по его мнѣнію языку деревенскаго населенія Панноніи, которое не было гунскаго происхожденія; собственныя имена—не славянскія (о томъ къ какому языку нужно отнести ихъ, по мнѣнію В. Ф. Миллера, мы скажемъ далѣе); между Славянами и Гуннами существенное различіе и въ наружности (Славяне бѣлокуры и высоки ростомъ, Гунны-черноволосы и маленькаго роста), и въ бытѣ (Славяне-осѣдлые, Гунны-кочевники). Затѣмъ говорили противъ этой теоріи проф. Ф. Е. Коршъ (по поводу различія физическаго и лингвистическаго), и проф. Д. Н. Анучинъ (съ точки зрѣнія антрополога). Впрочемъ всѣ эти ученые высказались устно и объ ихъ воззрѣніяхъ можно судить только по протоколамъ засѣданій вышеупомянутаго отдѣла. Въ печати выступилъ противъ теоріи Д. И. Иловайскаго проф. В. Г. Васильевскій въ статьѣ „о мнѣніи славянствѣ Гунновъ, Болгаръ и Роксоланъ“ (Жур. Мин. Нар. Просв., 1882 г., июль). Онъ указалъ на то, что древніе писатели, какъ-то Иорданъ, Прокопій, Маврикій отличаютъ Гунновъ отъ Славянъ (стр. 145); по даннымъ языка, Славяне еще до раздѣленія индо-европейцевъ были земледѣльцами, а не кочевниками, какъ Гунны (146—149); камъ не квасъ, а особый паннонскій напитокъ, издавна извѣстный греческимъ писателямъ (150—151). Общій выводъ этого ученаго тотъ, что если и можно спорить о томъ, къ какой группѣ урало-алтайскихъ народовъ принадлежали Гунны: финно-угорской, турецко-татарской или монгольской, то во всякомъ случаѣ несомнѣнно неславянское происхожденіе ихъ. Доводы Д. И. Иловайскаго встрѣ-

тили опроверженіе и со стороны ориенталистовъ. Проф. Н. И. Веселовскій въ статьѣ „Нѣсколько новыхъ соображеній по поводу пересмотра вопроса о Гуннахъ“ (Жур. Мин. Нар. Просв., 1882, сентябрь) указалъ на необходимость обратиться къ восточнымъ источникамъ. Д. И. Иловайскій въ статьѣ „Поборники норманизма и туранизма“ (Русская Старина, 1882, декабрь) высказался по поводу вышеупомянутыхъ критическихъ статей. В. Г. Васильевскій написалъ по этому поводу „Еще разъ о мнимомъ славянствѣ Гунновъ“ (Жур. Мин. Нар. Просв. 1883, апрѣль). Эти чисто полемическія статьи хотя несомнѣнно выясняютъ степень подготовки каждой изъ спорящихъ сторонъ къ занятіямъ историко-этнографическими вопросами вообще и вопросомъ о Гуннахъ въ частности, не даютъ какихъ либо новыхъ фактовъ. Отмѣтимъ только мнѣнія, высказанныя по поводу Гунновъ, упомянутыхъ у Птолемея. Д. И. Иловайскій, настойчиво отрицавшій азіатское происхожденіе Гунновъ, видѣлъ противорѣчіе этому въ упоминаніи о нихъ еще во II-мъ вѣкѣ, тогда какъ Гунны пришли, какъ думаютъ, въ Европу въ IV-мъ. В. Г. Васильевскій возражалъ, что этотъ фактъ равно какъ и упоминаніе о Гуннахъ у Плинія Старшаго, въ клинообразныхъ надписяхъ (какъ мы уже видѣли въ клинообразной надписи вмѣсто Хуна надо читать Яѹна) и т. д., есть фактъ единичный и сближеніе Гунновъ Птолемея съ Гуннами Марцеллина безплодно, если нельзя заполнить хронологическій, географическій и филологическій промежутки между этими двумя народами. Замѣтимъ, что подобное-же отрицательное отношеніе къ Гуннамъ Птолемея было высказано и Цейссомъ въ „Die Deutschen und die Nachbarstämme (München. 1837, s. 727, b. 1). Кромѣ того, упоминаніе о Гуннахъ во II-мъ вѣкѣ по Р. Х. не противорѣчитъ ихъ азіатскому происхожденію и тождеству съ Хуньну уже потому, что эти послѣдніе совершили два извѣстныхъ китайцамъ движеній на Западъ: въ половинѣ I-го в. до Р. Х. и въ концѣ I-го в. по Р. Х. Олочевавшая въ половинѣ I-го в. до Р. Х. часть могла быть уже извѣстна Птолемею.

Наконецъ, послѣднимъ представителемъ теоріи славянства мы должны назвать В. М. Флоринскаго (Первобытные Славяне по памятникамъ ихъ до-исторической жизни въ Изв. Томскаго Унив. книга VII, 1895). Взгляды этого изслѣдователя на гунскій вопросъ сходятся преимущественно со взглядами И. Е. Забѣлина (см. стр. 53—54 и 350—354 его сочиненія). По его мнѣнію, перевороты въ Европѣ „сдѣлали не тѣ полудикіе, бездомные зауральскіе выходцы, какіе описываются подъ именемъ Гунновъ въ извѣстіяхъ Юрнанда и Амміана Марцеллина“. Имя Гуннъ онъ склоненъ производить отъ слова гунявый. Онъ вполне соглашается съ объясненіями гунскихъ именъ, предложенными Венелинымъ, Забѣлинымъ, Иловайскимъ. Вопросъ, по его мнѣнію,

не въ имени Гунновъ, а въ силѣ, которою Славяне оттѣснили Готовъ, сплотившись въ одно политическое тѣло, а спланивающимъ элементомъ не могла быть финская или монголо-татарская орда.

Такова въ общихъ чертахъ эта теорія славянства Гунновъ, встрѣченная цѣлымъ рядомъ существенныхъ возраженій со стороны ученыхъ самыхъ различныхъ специальностей. Мы, со своей стороны, разсматривая вопросъ о Гуннахъ въ широкомъ смыслѣ, должны указать на тотъ наиболѣе существенный недостатокъ представителей этой теоріи, что они совершенно не считались съ исторіей Востока. Голословно обвиняя Дегиня въ произвольномъ отождествленіи Гунновъ съ Хунъ-ну, ученые сторонники этой теоріи совершенно игнорируютъ историческіе факты, касающіеся переселеній Хунъ-ну на западъ *). Высказывая сужденія крайне категорично, придавая своимъ взглядамъ видъ неопровержимыхъ истинъ, призывая даже къ суду грядущее поколѣніе—сторонники этой теоріи не обратили вниманія на необходимыя условія при изслѣдованіи научнаго вопроса; именно на тщательное знакомство съ литературой предмета **).

Почти одновременно съ теоріей славянства Гунновъ возникла и теорія турчизма этого народа. Первымъ предложилъ ее еще Цейссъ (Zeuss, *Die Deutschen und die Nachbarstämme*, München, 1837). Статью, озаглавленную Hunni, онъ посвятилъ исключительно исторіи этого народа (ss. 706—710), тогда какъ о происхожденіи ихъ говорилъ въ статьѣ, посвященной Булгарамъ (ss. 710—727). Въ этомъ послѣднемъ народѣ онъ призналъ ушедшихъ на Востокъ Гунновъ. На Волгѣ, гдѣ удержались остатки Булгаръ, можно ожидать въ ту эпоху только либо Финновъ, либо Тюрковъ; такъ какъ Финны раньше (ss. 272—275) признаны имъ исключительно лѣснымъ народомъ, занимающимся охотой и рыболовствомъ, то Булгары и ихъ предки Гунны, народы кочевые, степные и конные должны быть отнесены къ Тюркамъ. По его мнѣнію, Гунны были первые Тюрки, пришедшіе изъ сѣверо-западной Азіи и пробившіе путь въ степную полосу Европы. Отождествленіе Гунновъ съ Хунъ-ну принято имъ.

Настойчиво придерживался теоріи турчизма Гунновъ и лучшій знатокъ исторической этнографіи Россіи А. А. Куникъ. Изъ его статей по этому во-

*) Замѣчательно, что Фейеръ (Féjer, *Aborigenes et insinabula Magyarorum*), тщательно собравшій извѣстія о Гуннахъ у древнихъ писателей, совершенно упустилъ изъ вида китайскія извѣстія о Хунъ-ну. Къ заслугѣ этого изслѣдователя надо отнести то, то онъ съ большимъ терпѣніемъ привелъ имена авторовъ и мѣста въ ихъ сочиненіяхъ, гдѣ встрѣчается какая-нибудь изъ формъ имени Гунновъ (см. стр. 44—46 его сочиненія).

**) Къ изданію 1882 г. «Разысканій о началѣ Руси» Д. И. Иловайскій приложилъ, какъ мы уже говорили, изслѣдованіе о Гуннахъ и отчетъ о диспутѣ съ возраженіями оппонентамъ. Онъ самъ признается тутъ въ незнакомствѣ съ литературой—онъ говоритъ, что «услыхать съ удивленіемъ» о существованіи обширной литературы о гуннахъ. Ему, по собственнымъ словамъ, были лишь извѣстны два сочиненія: Ам. Тьерри и Бера.

просу мы прежде всего должны назвать „О тюрескихъ Печенѣгахъ и Половцахъ по мадыарскимъ источникамъ (помѣщена въ Запискахъ Академіи Наукъ за 1855, т. III). Онъ съ полнымъ убѣжденіемъ высказалъ здѣсь, что „тюрескій элементъ совершенно ясно выступаетъ (въ южной Руси) лишь со времени гунскаго нашествія, когда Алтай, это первоначальное гнѣздо тюрескихъ племенъ, сталъ высылать орду за ордой въ западную Азію и Черноморье“ (715). На этомъ основаніи онъ и призналъ нашествіе Гунновъ основнымъ пунктомъ въ исторіи тюрескихъ народовъ. Среди гунскаго войска находились, по его мнѣнію, многіе изъ тѣхъ тюрескихъ народовъ, которые позже другъ за другомъ явились въ исторіи южной Руси. Считая Финновъ совершенно неспособными соединиться въ государства, онъ даже полагалъ, что первобытные Магары (Мадыары) были Тюрки, обратившіе своихъ подданныхъ Финновъ въ конный народъ и съ теченіемъ времени замѣнившіе свой языкъ языкомъ многочисленныхъ подданныхъ (какъ примѣръ возможности подобной замѣны онъ привелъ Франковъ въ Галліи). Причисленіе Гунновъ къ Тюркамъ замѣтно и въ написанномъ этимъ ученымъ соимѣстнѣо съ бар. В. Р. Розеномъ изслѣдованіи „Извѣстія Аль-Бекри“ (ч. I, Спб. 1878). Въ написанной А. А. Кунникомъ съ В. В. Радловымъ рецензіи на сочиненіе Голубовскаго „Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія Татаръ“, авторы высказались въ пользу турчизма Гунновъ и осудили теорію, признававшую Финнами нѣкоторые полувочевые народы южной и юго-восточной Руси. Печенѣги имѣли, по ихъ мнѣнію, въ южной Россіи предшественниковъ тюрескаго происхожденія—именно Аваровъ. Тюрки были главнымъ племенемъ въ Хазаріи. Болгары были тоже Тюрки. Финскій элементъ въ исторіи юга и юго-востока Россіи явился впервые съ Мадыарами, да и то подъ предводительствомъ тюрескаго рода. Гунны были несомнѣнно Тюрки.

Ф. Мюллеръ, признавшій, какъ мы уже говорили, Хунтъ-ну за Тюрковъ, Гунновъ тоже назвалъ племенемъ татарскимъ (т. е. по его классификаціи тюрескимъ), хотя и призналъ ихъ сильно смѣшанными съ Финнами (см. его *Allgemeine Ethnographie*).

Къ теоріи турчизма Гунновъ примкнулъ и Томашекъ, который въ рецензіи на книгу Иречека „Исторія Болгаръ“ (помѣщена была въ *Zeitschrift für Oester. Gymnasium* за 1877 г., ss. 674—686) на основаніи и историческихъ преданій и тожества собственныхъ именъ доказывалъ, что Болгары и ихъ предки Гунны были Тюрки.

Къ авторитетнымъ мнѣніямъ Кунина и Томашека присоединился и М. Соколовъ въ изслѣдованіи „Изъ древней исторіи Болгаръ“ (Спб., 1879).

Выше мы упомянули о замѣчаніяхъ и возраженіяхъ проф. В. Ф. Миллера и Ф. Е. Корша по поводу славянства Гунновъ. Отрицаи возможность

этого, они предложили свои объясненія гунскихъ собственныхъ именъ. Ф. Е. Коршъ призналъ напр. собственное имя Ойбарсъ за тюркское. Подробнѣе говорилъ по этому поводу В. Ф. Миллеръ. Слова, имѣющія въ латинской или греческой транскрипціи окончаніе на „gan“ или „kan“, по его мнѣнію, несомнѣнно тюрскія, при чемъ это „gan“ есть тюркское ханъ (Zaber-gan = Забаръ-ханъ). Въ имени Денгизинъ онъ считаетъ корнемъ тюркское слово денгизъ. Ойбарсъ сравнивается имъ съ половецкимъ (а Половцы были несомнѣнно Тюрки) Багубарсъ, гунское имя Куридахъ = полов. Куртокъ и т. д.

Проф. В. Г. Васильевскій въ цитированной нами статьѣ, направленной противъ теоріи Иловайскаго, высказалъ (см. „О мнимомъ славянствѣ Гунновъ, Болгаръ и Роксоланъ“) „что преобладаніе среди Гунновъ турецкихъ элементовъ намъ кажется весьма вѣроятнымъ и почти несомнѣнно доказаннымъ (см. А. А. Куника, Томашека, Соколова)*.

Въ послѣднемъ сочиненіи по общей исторіи великаго переселенія народовъ, которое въ силу популярнаго характера должно было придерживаться наиболѣе распространенныхъ взглядовъ, было высказано мнѣніе въ пользу турцизма Гунновъ. Мы разумѣемъ „Geschichte der Völkerwanderung“ Витерехейма. Здѣсь (Zweiter Band, 24—25) Гунны считаются Тюрками, среди которыхъ находились многочисленные финскіе и тунгузскіе (?) элементы.

Венгерскій тюркологъ А. Вамбери въ изслѣдованіи „Ursprung der Magyaren“ (Leipzig, 1882) посвятилъ вопросу о Гуннахъ три главы (вторая, третья и четвертая). Онъ, какъ Ф. Е. Коршъ и В. Ф. Миллеръ, особенно указывалъ на сходство гунскихъ именъ съ тюркскими, хотя и признавалъ ихъ сильно измѣненными греческой и латинской транскрипціей. Цѣлая глава (ss. 40—50) посвящена у него этимъ гунскимъ именамъ. Мунзукъ, Ирнакъ, Атакамъ, Баянъ—все это, по его мнѣнію, тюрскія имена. Считая этотъ народъ тюркскимъ, А. Вамбери тоже на основаніи лингвистическихъ данныхъ шелъ еще дальше и пытался опредѣлить къ какой группѣ изъ тюркскихъ племенъ слѣдуетъ отнести ихъ и пришелъ въ тому убѣжденію, что они должны были быть ближайшей родней Уйгуровъ. Этотъ изслѣдователь привелъ также нѣкоторые историческіе факты, говорящіе въ пользу турцизма Гунновъ. Онъ указалъ напр. на то, что черезъ сто лѣтъ послѣ паденія гунскаго государства, Земархъ засталъ все пространство, занятое нѣкогда этимъ народомъ, населеннымъ сплошь Тюрками. Онъ допускаетъ, что среди нихъ были финно-угорскіе элементы, но не думаетъ, чтобы эти послѣдніе, состоящіе главнымъ образомъ изъ „рыбаковъ и жителей лѣсовъ“ когда нибудь выступали въ качествѣ грозныхъ завоевателей. Опредѣляя съ точностью происхожденіе Гунновъ, Вамбери ни слова не сказалъ объ ихъ отношеніяхъ къ Хунъ-ну; это тѣмъ болѣе странно, что онъ оріенталистъ по специальности.

Придерживаясь того-же взгляда на происхождение Гунновъ, Вамбери касался этого вопроса и въ „Das-Turkenvolk“ (Leipzig, 1885).

В. В. Радловъ высказался въ пользу турчизма Гунновъ какъ въ вышеупомянутой, написанной вмѣстѣ съ А. А. Куникомъ рецензіи на сочиненіе Голубовскаго, такъ и въ изслѣдованіи „Къ вопросу объ Уйгурахъ“ (2-ое приложеніе къ LXXII тому Записокъ Академіи Наукъ, Спб. 1893). Этотъ изслѣдователь, основываясь на извѣстіяхъ Діонисія Періегета считаетъ вполне возможнымъ отождествить Гунновъ и Хунъ-ну (стр. 103). Извѣстіе Моисея Хоренскаго служить ему доказательствомъ, что Гунны въ III-мъ вѣкѣ продвинулись еще болѣе на Западъ. Составъ этого народа опредѣляется имъ слѣдующимъ образомъ: „собственно гунны (восточные турки, уйгуры) составляли несомнѣнно лишь часть нахлынувшихъ въ Европу полчищъ; очевидно самыя различныя племена (западные турки, угры и пр.) двигались впередъ, имѣя въ гуннахъ предводительствующее племя и нарастая, подобно лавинѣ, во время движенія“. (стр. 103). Описанія наружности Гунновъ у Амміана Марцеллина, Иорнанда и др. вполне совпадаетъ съ тѣмъ описаніемъ Хунъ-ну, которое мы находимъ у китайцевъ. Типъ Гунновъ есть типъ либо Тюрковъ, либо Монголовъ, либо Тунгузовъ. Изъ исторіи мы знаемъ, что сначала направлялись на Западъ Тюрки, при чемъ занятія ими области заходили на Западъ за Аральское море уже до Р. X. Въ III—X вѣкахъ стали пробиваться Тунгузы, не дошедшіе однако дальше центра Средней Азіи, а съ XIII-го вѣка появляются Монголы. „Если бы монгольскія племена уже раньше когда-нибудь проникли на западъ, то гдѣ нибудь тамъ остались бы остатки этого народа“. (стр. 106). Таковы вкратцѣ мнѣнія этого ученаго.

За признаніе Гунновъ Тюрками, тождественными Хунъ-ну, высказался и Н. В. Аристовъ („Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей“, въ „Живой Старинѣ“, 1896, III—IV).

Теорія турчизма Гунновъ несомнѣнно одна изъ наиболѣе распространенныхъ въ настоящее время. Ея сторонники, какъ можно видѣть по вышеизложенному, исходятъ изъ нѣсколько иныхъ взглядовъ, чѣмъ представители другихъ теорій. Они основываютъ свои выводы не столько на отдѣльныхъ фактахъ, на толкованіи собственныхъ именъ, сколько на общихъ соображеніяхъ по поводу историческаго хода событій и группировки племенъ. Такая точка зрѣнія имѣетъ многое за себя и, по нашему мнѣнію, характеризуетъ дальнѣйшее движеніе впередъ. Однако, если и можно сказать, что во главѣ Гунновъ стояли Тюрки, вопросъ о томъ изъ кого состояла масса народа, изъ Финновъ или изъ Тюрковъ, еще не рѣшенъ окончательно *).

*) Необходимо сказать нѣсколько словъ объ изслѣдователѣ, писавшемъ о занимающемъ насъ вопросѣ и котораго, вслѣдствіе своеобразнаго характера его статьи, нельзя

Въ послѣднее время нашимъ вопросомъ занялся одинъ изъ лучшихъ европейскихъ синологовъ проф. Хиртъ. Это, помимо всего остального, можетъ служить доказательствомъ, что гунскій вопросъ заслуживаетъ вниманія изслѣдователей и не можетъ считаться сданнымъ въ архивъ. Статья этого ученаго, озаглавленная „Ueber Wolga Hunnen und Hiung-nu“, (Aus den Sitzungsberichten der philos.—philol. und histor. Classe der k. bayer. Akad. d. Wiss., 1899, Bd. II, Heft. II, 245—278, München, 1900) касается исключительно вопроса объ отношеніяхъ двухъ вышеупомянутыхъ народовъ. Только изъ одного мѣста его изслѣдованія (прим. на стр. 269) можно заключить, что Хунъ-ну (а слѣдовательно и Гунны, такъ какъ эти два народа тождественны) были, по мнѣнію проф. Хирта, Тюрки: имя хуннускаго шаньюя Ху-хань-е онъ старается объяснить при помощи тюркскаго языка. Справедливо считая необходимымъ для правильнаго рѣшенія этого вопроса обратиться къ первоисточникамъ, т. е. къ извѣстіямъ китайскихъ лѣтописей, этотъ изслѣдователь особенно остановился на томъ мѣстѣ изъ историческаго сочиненія Вэй-шу, въ которомъ сообщается объ области Сукъ—такъ, прежде называвшейся Янь-цай и лежавшей къ сѣверо-западу отъ Кангюя, о ея завоєваніи Хунъ-ну и о томъ, что правитель этой области Хутъ-ай-сы или Ху-ни-сы (Hut-ngai-ssi, alte Aussprache Hu-ni-ssi), современній извѣстнѣй, принадлежитъ уже четвертому поколѣнію со времени завоєванія (ср. у о. Іакинѳа, Собраніе свѣдѣній, III, 166, гдѣ вмѣсто Сукъ—такъ страна называется Су-дэ). По расчету разстояній, о которыхъ сообщаютъ китайскія извѣстія, Янь-цай (слово, которое есть передѣлка „Aorsoi или Alan-orsi“) соотвѣтствуетъ областямъ у Аральскаго моря. Оставляя въ сто-

причислить ни къ одной изъ вышеупомянутыхъ теорій. Это г. Боура (Bowra) и его статья „The Xoboro and the Hsiung-nu“ (Notes and Queries on China and Japan, edit. by N. Denny volume I, January—December, 1867, Hongkong). Тождества Монголовъ и Гунновъ онъ не признавалъ на томъ основаніи, что первые не только не сохранили никакихъ воспоминаній и преданій о побѣдахъ и выселеніяхъ, но должны были впасть въ непонятную «летаргію» и пробудиться лишь черезъ нѣсколько столѣтій—что кажется ему невозможнымъ. Сходство тугуйскихъ словъ съ тюркскими кажется ему недостаточнымъ для заключенія о турцизмѣ Ту-гю, а слѣдовательно и Хунъ-ну. Финно-угорское происхожденіе Гунновъ тоже кажется ему мало вѣроятнымъ. Соглашаясь съ тѣмъ, что исторія тюркскихъ народовъ тѣсно связана съ исторіей славянъ и германцевъ и допуская, что разсѣяніе сѣверныхъ Хунъ-ну могло оказать вліяніе на движеніе народовъ, пограничныхъ съ Европой, онъ однако высказалъ мнѣніе, что «очень мало возможности доказать тождество Хунъ-ну и Гунновъ на основаніи китайскихъ лѣтописей. Мало точекъ соглашенія между исторіей Китая и исторіей Европы и мало сдѣлано для ихъ разъясненія». Тутъ-же онъ назвалъ вопросъ о тождествѣ Хунъ-ну и Гунновъ однимъ изъ наиболее интересныхъ. Въ концѣ статьи г. Боура заявилъ, что собирается извлечь изъ китайскихъ лѣтописей извѣстія о Хунъ-ну. Насколько ему удалось привести въ исполненіе это обѣщаніе, мы не знаемъ: ни въ одномъ изъ позднѣйшихъ изслѣдованій, равно какъ и въ библиографическихъ сборникахъ, мы не нашли упоминанія о его дальнѣйшихъ работахъ въ этой области. Упомянутая же статья не вноситъ въ литературу по гунскому вопросу ничего новаго.

ронѣ нѣсколько смѣлое отождествленіе „да-цэ“ т. е. „большаго моря“ съ Чернымъ только потому, что извѣстіе о немъ относится къ половинѣ V-го вѣка т. е. ко времени смерти Аттилы, переходимъ къ интересному толкованію имени правителя Сукъ-така. По расчетамъ проф. Хирта, время завоеванія этой области Хунъ-ну совпадаетъ со временемъ появленія Гунновъ (ср. Аристовъ въ „Живой Старинѣ“, 1896, III—IV, 293), а имя Хутъ-ай-сы есть китайская транскрипція имени Ирнаъ, одного изъ сыновей Аттилы. Что касается до его мнѣнія о странѣ Юе-банъ, о которой такъ много писали изслѣдователи нашего вопроса, то о ней проф. Хиртъ сообщилъ тотъ же текстъ, что и о. Іакинъ (III, 163); изъ него же ясно, что значительная часть народа пошла оттуда на западъ. Далѣе авторъ даетъ историческій обзоръ хуннскихъ переселеній, начиная съ откочеванія Чжи-чжи въ половинѣ I-го вѣка по Р. Х. до извѣстія объ уходѣ части сѣверныхъ Хунъ-ну въ Кангюй въ концѣ I-го вѣка по Р. Х.

Такимъ образомъ эта статья представляетъ полный сводъ извѣстій объ отношеніяхъ Хунъ-ну къ Гуннамъ. Съ дальѣйшимъ изслѣдованіемъ китайскихъ источниковъ, можетъ быть, откроется еще что-нибудь по исторіи переселеній Хунъ-ну и ихъ отношеній къ Гуннамъ. Пока, по нашему мнѣнію, можно довольствоваться и вышеприведенными фактами—ихъ не мало, и они имѣютъ несомнѣнную достовѣрность.

УКАЗАТЕЛЬ

главнѣйшихъ изслѣдованій по гунскому вопросу.

- Аристовъ, Н. В., Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей (Живая Старина, 1896, III—IV).
- Бичуринъ, о. Іакинъ, Записки о Монголіи (Спб., 1828). Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена (Спб., 1851).
- Васильевскій, В. Г., О мнѣніи о славянствѣ Гунновъ, Болгаръ и Роксоланъ (Жур. Мин. Нар. Просв., 1882, іюль). Еще разъ о мнѣніи о славянствѣ Гунновъ (тамъ-же, 1883, апрѣль).
- Веселовскій, Н. И., Нѣсколько новыхъ соображеній по поводу пересмотра вопроса о Гуннахъ (Жур. Мин. Нар. Просв., 1882, сентябрь).
- Венелинъ, Древніе и нынѣшніе Болгаре, т. I (1829).
- Гиббонъ, Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи, т. III (русс. пер., Москва, 1883—1886).
- Забѣлинъ, И. Е., Исторія русской жизни, I (Москва, 1876).
- Иловайскій, Д. И., Вопросъ о народности Руссовъ, Болгаръ и Гунновъ (Жур. Мин. Нар. Пров., 1881, май). См. Труды V-го Археологическаго съѣзда. Пересмотръ вопроса о Гуннахъ (Русская Старина, 1882, февраль). Разысканія о началѣ Руси (2-е изд., 1882, Москва). Поборники норманизма и туранизма (Русская Старина, 1882, декабрь).
- Каѣнъ, Л., XVI-я глава II-го тома во Всеобщей Исторіи Лависса и Рамбо (русс. пер.).
- Куникъ, А. А., О тюркскихъ Печенѣгахъ и Половцахъ по мадьярскимъ источникамъ (Зап. Ав. Наукъ, 1885, т. III). Рецензія на соч. Голубовскаго о Печенѣгахъ, Торкахъ и Половцахъ (вмѣстѣ съ В. В. Радловымъ).
- Радловъ, В. В., Рецензія на соч. Голубовскаго (вмѣстѣ съ А. А. Куникомъ). Къ вопросу объ Уйгурахъ (2-е приложеніе къ LXXII тому Зап. Акад. Наукъ, 1893).
- Риттеръ, Карлъ, Землевѣдѣніе Азіи, т. I (русс. пер. съ дополненіями П. П. Семенова, Спб., 1850).
- Риттихъ, А. Ф., Матеріалы для этнографіи Россіи, I (Казань, 1870).

Семеновъ, П. П., см. Риттеръ.

Соколовъ, М., Изъ древней исторіи Болгаръ (Спб. 1879).

Труды V-го Археологическаго съѣзда въ Россіи, изд. подъ редакціей гр. Уваровой, (Москва, 1887).

Труды этнографическаго отдѣла Московскаго Общества Любителей естествознанія за 1886 г., VII (Поповъ, Миллеръ, Коршъ, Анучинъ).

Усларъ, П. К., бар., Древнѣйшія извѣстія о Кавказѣ (Записки Кавказскаго Отд. Геогр. Общ., XII, 1881 и Собраніе свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ, X).

Флоринскій, В. М., Первобытныя Славяне по памятникамъ ихъ доисторической жизни (въ Изв. Томскаго Унив., VII, 1895).

Шафарикъ, Славянскія древности, I (пер. Бодянскаго, 1847).

Berg, Die Makrokephalen im Boden der Krym und Oesterreichs (Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St. Pétersbourg, VII serie, II tome, № 6).

Bergmann, Nomadische Streifereien unter den Kalmücken in den Jahren 1802 und 1803 (Riga, 1804).

Bowra, The Хювнѣ and the Hsiung-nu (Notes and Queries on China and Japan, edit. by N. Dennys, vol. I, January-December, 1867, Hongkong).

Cahun, L., Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines à 1405 (Paris, 1895).

Castren, Reiseberichte und Briefe (herausgeg. von A. Shiefner, 1856).

Deguignes, Mémoire sur l'origine des Huns et des Turcs, (Paris, 1748 *). Histoire des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres Tartares occidentaux (Paris, 1756—8).

Fejer, Aborigenes et incunabula Magyarorum, (Budae, 1840).

Hirth, F., Ueber Wolga-Hunnen und Hiung-nu, (Aus den Sitzungsberichten der philos.—philol. und der histor. Classe der k. bayer. Akad. d. Wiss. 1899. Bd. II, Heft II, München, 1900).

Howorth H., Some notes on the Huns (Actes du VI congrès intern. des orientalistes en 1883 à Leide, IV partie, Leide, 1885).

Hunfalvy, P., Ethnographie von Ungarn (Budapest, 1877).

Jardot, Révolutions des peuples de l'Asie moyenne (Paris, 1839).

Klaproth, J., Asia polyglotta, (Paris, 1823). Sur l'identité des Thou-khiu et des Hioung-nou avec les Turcs (Journal Asiatique, 1825, Novembre). Tableaux historiques de l'Asie (Paris, 1826).

Koskinen, Finnische Geschichte, (Leipzig, 1874).

Müller, F., Allgemeine Ethnographie, (Wien, 1873).

Müller F. H., Der Ugrische Volksstamm, (Berlin, 1837).

*) Монографія эта оказалась для насъ недоступной.

- Neumann, Asiatische Studien, (Leipzig, 1837). Die Völker des südlichen Russlands in ihrer geschichtlichen Entwicklung, (Leipzig, 1847).
- Pallas. Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkernschaften, I (1776).
- Pallmann, Geschichte der Völkerwanderung, (1863).
- Pray, Annales veteres Hunnorum (Vindobonae, 1761).
- Richthofen, China, I (Berlin, 1877).
- Saint-Martin, Примѣчанія у Lebeau, Histoire du Bas-Empire, томы II, III, IV.
- Schmidt, Forschungen im Gebiete der älteren religiösen, politischen und literarischen Bildungsgeschichte der Völker Mittel-Asiens (St. Pet., 1824).
- Schott, Ueber das Altaische oder Finnisch-Tatarische Sprachengeschlecht в Abhandlungen Berliner Academie, 1847.
- Thierry, A., Histoire d'Attila et de ses successeurs (Paris, 1856).
- Tomaschek, Рецензія на соч. Иречека, Исторія Болгаръ (Zeitschrift für österreich. Gymnasium, 1877).
- Ujfalvy, Migrations des peuples et particulièrement celles des Touraniens (Paris, 1873).
- Vambery, A., Ursprung der Magyaren, (Leipzig, 1882).
- Vivien-de-Saint-Martin, Sur les Huns ouraliens (Nouvelles annales des voyages, t. III, 1848, Decembre).
- Wietersheim, Geschichte der Völkerwanderung, Zweiter Band (Leipzig, 1881).
- Wylie, History of the Heung-nu in their relations with China (Shan. Budget, 1873 *).

*) Эта статья г. Уайля, которая, насколько я могъ заключить по упоминаніямъ ней въ другихъ изслѣдованіяхъ, представляетъ собою переводъ китайскихъ извѣстій. Хунъ-ну, оказалась для меня недоступной за неимѣніемъ въ Петербургскихъ бібліотекахъ

ОТДѢЛЪ II.

**Распределе́ніе жителей Солунскаго Вилаета по на-
родностямъ и вѣроисповѣданіямъ въ 1899 году.**

(О в о н ч а н і є).

М у т о с а р и ф л и к ъ С е р о с ъ.

Каса Сересъ.	Число домовъ.	Ц и с л о ж и т е л е н.										В с е г о.
		Турокъ осман- лиевъ.	Славянъ анкар- хистовъ.	Славянъ патри- архистовъ.	Славянъ уни- товъ.	Славянъ мусуль- манъ.	Грековъ хри- стианъ.	Грековъ мусуль- манъ.	Влаховъ хри- стианъ.	Влаховъ мусуль- манъ.	Евреевъ.	
Сересъ	6544	12500	—	—	2000	—	—	13500	—	—	—	28000
Абда махале	12	—	—	—	69	—	—	—	—	—	—	89
Абдумаль	124	120	—	—	—	—	—	459	—	—	—	579
Абедио	59	336	—	—	—	—	—	—	—	—	—	836
Аго-махале	39	—	—	—	215	—	—	—	—	—	—	215
Ада чифликъ	30	—	—	—	165	—	—	—	—	—	—	165
Азизие	50	194	—	—	—	—	—	—	—	—	—	194
Алемдаръ Махале	57	231	—	—	—	—	—	—	—	—	—	231
Али бей	117	563	—	—	—	—	—	—	—	—	—	563
Али Паша	60	—	—	—	320	—	—	—	—	—	—	320
Арнаутъ Махале	10	—	—	—	58	—	—	—	—	—	—	58
Арни кюй	264	400	—	—	1190	—	—	—	—	—	—	1590
Баирактаръ махале	9	39	—	—	—	—	—	—	—	—	—	39
Баджи	6	31	—	—	—	—	—	—	—	—	—	31
Барли Джумая	873	1100	1200	1700	—	—	—	477	—	—	—	4477
Бахтиаръ махале	46	—	—	—	279	—	—	—	—	—	—	279
Бегличъ махале	76	—	—	—	397	—	—	—	—	—	—	397
Бери-Караджа Кюй	73	—	365	—	—	—	—	—	—	—	—	365
Бизали	52	255	—	—	—	—	—	—	—	—	—	255
Бонница	137	—	682	—	—	—	—	—	—	—	—	682
Борсукъ	51	—	—	—	256	—	—	—	—	—	—	256
Бутково	268	600	—	—	707	—	—	—	—	—	—	1307
Буюкъ махале	86	—	—	—	448	—	—	—	—	—	—	448
Везникъ	251	—	—	—	—	1374	—	—	—	—	—	1374
Верджени	73	—	—	—	365	—	—	—	—	—	—	365
Вирнаръ	25	—	—	—	—	124	—	—	—	—	—	124
Вишанъ	34	—	—	—	141	1597	—	—	—	—	—	141
Гайдуррахаръ	316	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1597
Георгула	36	70	—	—	97	375	—	—	—	—	—	167
Годбенъ	75	—	—	—	—	260	—	—	—	—	—	375
Горно Крушево	60	—	—	—	—	362	—	—	—	—	—	260
Долно Крушево	60	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	362
Горно Фрацанъ	91	—	589	—	—	—	—	—	—	—	—	589
Долно Фрацанъ	30	—	150	—	—	—	—	—	—	—	—	150
Горно Християнъ Камила	35	—	—	—	293	—	—	—	—	—	—	293
Долно Християнъ Камила	30	—	—	—	150	—	—	—	—	—	—	150
Горозанли	27	151	—	—	—	—	—	—	—	—	—	151
Георгела	23	112	—	—	—	—	—	—	—	—	—	112
Дедели	18	91	—	—	—	—	—	—	—	—	—	91
Дели Хасанъ	78	70	—	—	269	—	—	—	—	—	—	339
Демиръ Ханларъ	18	90	—	—	—	—	—	—	—	—	—	90
Дервишанъ	8	—	—	—	—	44	—	—	—	—	—	44
Дере махале	54	253	—	—	—	—	—	—	—	—	—	253
Джами	67	200	—	—	152	—	—	—	—	—	—	352
Джеленъ	9	40	—	—	—	—	—	—	—	—	—	40

М у т е с а р и ф л и н ъ С е р е с ъ .

Каза Сересъ.	Число домовъ.	Ч и с л о ж и т о л е щ .									В с е г о .
		Турокъ осман- лецаъ.	Славянъ аска- хистовъ.	Славянъ патри- архистовъ.	Славянъ уни- товъ.	Славянъ мусуль- манъ.	Грековъ хри- стіанъ.	Грековъ мусуль- манъ.	Влаховъ хри- стіанъ.	Влаховъ мусуль- манъ.	
Луджа-дере	61	310	—	—	—	—	—	—	—	—	310
Мактаръ-махале	51	—	—	327	—	—	—	—	—	—	327
Махмудли	66	316	—	—	—	—	—	—	—	—	316
Мекешъ	68	—	—	328	—	—	—	—	—	—	328
Меднякичъ	99	—	—	494	—	—	—	—	—	—	494
Мергатиъ	84	—	—	462	—	—	—	—	—	—	462
Мерянъ	61	—	—	364	—	—	—	—	—	—	364
Метокъ	32	—	—	161	—	—	—	—	—	—	161
Монухъ	85	—	—	—	—	—	471	—	—	—	471
Мраморъ	73	352	—	—	—	—	—	—	—	—	352
Мукленъ	60	—	—	318	—	—	—	—	—	—	318
Мерсна	110	—	—	548	—	—	—	—	—	—	548
Невиросъ	11	—	—	—	—	—	—	—	—	—	61
Неволянъ	109	210	—	315	—	—	61	—	—	—	525
Негославъ	119	—	—	250	—	—	—	—	—	—	541
Негрита	393	—	—	—	—	—	291	—	—	—	1978
Нихоръ-чифликъ	46	—	—	249	—	—	1978	—	—	—	249
Нуска	23	—	—	—	—	—	—	—	—	—	124
Овая	47	209	—	—	—	—	124	—	—	—	209
Ордикъ	181	210	—	724	—	—	—	—	—	—	934
Орманли	190	400	—	568	—	—	—	—	—	—	968
Орта-Махале	40	199	—	—	—	—	—	—	—	—	199
Цальотросъ	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	283
Патрикъ	6	—	—	—	—	—	283	—	—	—	29
Пешокли	46	230	—	—	—	—	29	—	—	—	230
Пориди	13	—	—	73	—	—	—	—	—	—	73
Просонекъ	160	—	—	853	—	—	—	—	—	—	853
Равна	244	500	—	630	—	—	—	—	—	—	1130
Рахманли	49	245	—	—	—	—	—	—	—	—	245
Ронди	763	—	3613	—	—	—	—	—	—	—	3613
Ряхотица Тахтали кюй	72	—	338	—	—	—	—	—	—	—	338
Сакавче	85	149	—	300	—	—	—	—	—	—	449
Сатъ махале	34	—	—	177	—	—	—	—	—	—	177
Салта	42	—	—	—	—	—	—	—	—	—	220
Сармусакли	236	—	—	—	—	—	220	—	—	—	1356
Сендели	12	66	—	—	—	—	1356	—	—	—	66
Соколъ	51	252	—	—	—	—	—	—	—	—	252
Смарошъ	69	86	—	290	—	—	—	—	—	—	376
Су-баши	175	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1082
Сука Бани	111	200	—	318	—	—	1082	—	—	—	518
Тахиносъ	183	—	—	—	—	—	—	—	—	—	997
Топаль-ова	41	81	—	132	—	—	997	—	—	—	213
Тополень	208	—	—	—	—	—	1060	—	—	—	1060
Троица	68	100	—	218	—	—	—	—	—	—	318
Тузгали	119	612	—	—	—	—	—	—	—	—	612
Тумбица	39	—	—	216	—	—	—	—	—	—	216
Турбиашъ	12	—	—	63	—	—	—	—	—	—	63
Умуръ бегъ	124	300	—	—	—	—	362	—	—	—	662
Урумли	25	125	—	—	—	—	—	—	—	—	125
Феризли	11	54	—	—	—	—	—	—	—	—	54
Хазнедаръ махале	64	—	—	355	—	—	—	—	—	—	355
Хомовдосъ	150	180	—	—	—	—	590	—	—	—	770
Христосъ	41	—	108	100	—	—	—	—	—	—	208
Хонкусъ	152	—	—	—	—	—	790	—	—	—	790

М у т е с а р и ф л и н ъ С е р е с ъ .

Каза Сересъ.	Число домовъ.	Ч и с л о ж и т е л с и н .										В с е г о .
		Турокъ осман- ливъ.	Славянъ экзар- хистовъ.	Славянъ патри- архистовъ.	Славянъ уни- товъ.	Славянъ мусуль- манъ.	Грековъ хри- стианъ.	Грековъ мусуль- манъ.	Влаховъ хри- стианъ.	Влаховъ мусуль- манъ.	Евреевъ.	
Чавдарларъ	41	72	—	127	—	—	—	—	—	—	—	199
Чаиръ махале	48	—	—	297	—	—	—	—	—	—	—	297
Чакаларъ	32	170	—	—	—	—	—	—	—	—	—	170
Чакырли	23	121	—	—	—	—	—	—	—	—	—	121
Чали Махале	18	40	—	50	—	—	—	—	—	—	—	90
Чаликъ Махале	78	363	—	—	—	—	—	—	—	—	—	363
Черкекъ Махулеси	4	20	—	—	—	—	—	—	—	—	—	20
Черписта	202	300	—	—	—	—	783	—	—	—	—	1083
Чешмели	37	190	—	—	—	—	—	—	—	—	—	190
Чугулигово	74	—	214	210	—	—	—	—	—	—	—	424
Шабанларъ	32	190	—	—	—	—	—	—	—	—	—	190
Всего въ Казъ Се- ресъ	20566	31033	7609	25819	—	—	34593	—	447	—	—	99501
Каза Горная Джума.												
Горная Джума	1500	3000	4292	—	—	—	—	—	300	—	—	7592
Аргачъ	70	—	200	—	—	—	—	—	150	—	—	350
Ваирлеръ	60	—	366	—	—	—	—	—	—	—	—	366
Бариково	61	150	217	—	—	—	—	—	—	—	—	367
Бястрица	188	—	1211	—	—	—	—	—	—	—	—	1211
Виямзино	34	—	201	—	—	—	—	—	—	—	—	201
Габрово	95	—	479	—	—	—	—	—	—	—	—	479
Градово	236	—	1415	—	—	—	—	—	—	—	—	1415
Дибучица	66	—	371	—	—	—	—	—	—	—	—	371
Дреново	104	—	616	—	—	—	—	—	—	—	—	616
Дукатичъ	13	—	67	—	—	—	—	—	—	—	—	67
Желъзница	171	—	880	—	—	—	—	—	—	—	—	880
Клисура	51	—	277	—	—	—	—	—	—	—	—	277
Крупникъ	166	400	425	—	—	—	—	—	—	—	—	825
Курджево	53	—	240	—	—	—	—	—	—	—	—	240
Лешко	215	—	1165	—	—	—	—	—	—	—	—	1165
Лисия	100	—	559	—	—	—	—	—	—	—	—	559
Логодимъ	121	—	584	—	—	—	—	—	—	—	—	584
Марулево	67	—	397	—	—	—	—	—	—	—	—	397
Мушанца	36	—	163	—	—	—	—	—	—	—	—	163
Ораново	101	—	645	—	—	—	—	—	—	—	—	645
Осеново	304	800	1041	—	—	—	—	—	—	—	—	1841
Падешъ	222	—	1274	—	—	—	—	—	—	—	—	1274
Покровникъ	100	—	561	—	—	—	—	—	—	—	—	561
Русово	51	—	124	—	—	—	—	—	100	—	—	224
Сепеше	107	—	591	—	—	—	—	—	—	—	—	591
Силишти	174	886	—	—	—	—	—	—	—	—	—	886
Смити	43	206	—	—	—	—	—	—	—	—	—	206
Сербаново	321	—	1556	—	—	—	—	—	—	—	—	1556
Тросково	99	—	677	—	—	—	—	—	—	—	—	677
Черчево	135	—	831	—	—	—	—	—	—	—	—	831
Шущица	95	—	486	—	—	—	—	—	—	—	—	486
Всего въ Казъ Гор- ная-Джума	5159	5442	17646	—	—	—	—	—	550	—	—	23638

М у т е с а р и ф л и к ъ С е р е с ъ.

Каза Петричъ.	Число домоѣвъ.	Ч и с л о ж и т е л с и ѣ.										
		Турокъ осман-люѣвъ.	Славянъ экар-хистовъ.	Славянъ патри-архистовъ.	Славянъ уни-товъ.	Славянъ мусуль-манъ.	Грековъ хри-стианъ.	Грековъ мусуль-манъ.	Влаховъ хри-стианъ.	Влаховъ мусуль-манъ.	Евреевъ.	В с е г о.
Егуменецъ.	388	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2198
Езешница	150	217	500	—	—	—	—	—	—	—	—	717
Заного	4	—	26	—	—	—	—	—	—	—	—	26
Занополь	35	—	190	—	—	—	—	—	—	—	—	190
Иваново.	15	—	101	—	—	—	—	—	—	—	—	101
Играмица	103	—	608	—	—	—	—	—	—	—	—	608
Каменица	46	—	—	—	—	240	—	—	—	—	—	240
Камне.	66	200	167	—	—	—	—	—	—	—	—	367
Алепало	12	—	86	—	—	—	—	—	—	—	—	86
Ключъ	195	813	100	—	—	—	—	—	—	—	—	913
Коларово	256	1188	150	—	—	—	—	—	—	—	—	1388
Колибите	19	—	182	—	—	—	—	—	—	—	—	182
Конарине	146	700	70	—	—	—	—	—	—	—	—	770
Крушица	53	—	512	—	—	—	—	—	—	—	—	512
Кренджилъ.	7	—	88	—	—	—	—	—	—	—	—	88
Корнагово	60	—	423	—	—	—	—	—	—	—	—	423
Корпелово	43	—	205	—	—	—	—	—	—	—	—	205
Керстилицъ.	65	—	399	—	—	—	—	—	—	—	—	399
Ляшница	27	100	58	—	—	—	—	—	—	—	—	158
Махала	28	—	141	—	—	—	—	—	—	—	—	141
Мендево.	65	271	—	—	—	—	—	—	—	—	—	271
Микрево	20	—	175	—	—	—	—	—	—	—	—	175
Митиново	35	—	155	—	—	—	—	—	—	—	—	155
Милново	52	—	178	—	—	—	—	—	—	—	—	178
Моровци	75	—	200	—	—	175	—	—	—	—	—	375
Мусели-гифлицъ.	20	158	—	—	—	—	—	—	—	—	—	158
Никодимъ	41	—	319	—	—	—	—	—	—	—	—	319
Обрадово	15	—	75	—	—	—	—	—	—	—	—	75
Орманъ	62	—	283	—	—	—	—	—	—	—	—	283
Палатъ	83	—	448	—	—	—	—	—	—	—	—	448
Раздолъ.	24	—	183	—	—	—	—	—	—	—	—	183
Решково	30	—	175	—	—	—	—	—	—	—	—	175
Рибница.	57	—	320	—	—	—	—	—	—	—	—	320
Рибница-Чифликъ	72	—	645	—	—	—	—	—	—	—	—	645
Седелець	36	—	169	—	—	—	—	—	—	—	—	169
Селяне	14	—	71	—	—	—	—	—	—	—	—	71
Скредъ	94	460	73	—	—	—	—	—	—	—	—	533
Сламиница	38	—	—	—	—	205	—	—	—	—	—	205
Смоляри	114	—	665	—	—	—	—	—	—	—	—	665
Старчево	112	100	620	—	—	—	—	—	—	—	—	720
Стиникъ.	90	—	469	—	—	—	—	—	—	—	—	469
Тонско	9	—	60	—	—	—	—	—	—	—	—	60
Тополница	46	—	230	—	—	—	—	—	—	—	—	230
Цапарево	139	—	839	—	—	—	—	—	—	—	—	839
Чоричени	87	—	539	—	—	—	—	—	—	—	—	539
Шарбаново	41	—	241	—	—	—	—	—	—	—	—	241
Яворница	183	750	180	—	—	—	—	—	—	—	—	930
Яково	35	—	189	—	—	—	—	—	—	—	—	189
Всего въ Казъ Пе-тричъ	6400	13679	18291	—	—	1570	100	—	200	—	—	33840

		Ч и с л о ж и т е л е й.										
Каза Неврокопъ.	Число домоу.	Турокъ осман- леуъ.	Славянъ экзар- хистовъ.	Славянъ патри- архистовъ.	Славянъ унія- товъ.	Славянъ мусуль- манъ.	Грековъ хри- станъ.	Грековъ мусуль- манъ.	Влаховъ хри- станъ.	Влаховъ мусуль- манъ.	Евреевъ.	В с о г о.
Неврокопъ	1613	7440	815	125	—	—	75	—	200	—	200	8855
Орманъ	18	—	80	—	—	—	—	—	—	—	—	80
Чаркиевъ	12	—	60	—	—	—	—	—	—	—	—	60
Датъ-Чифликъ	115	—	535	—	—	—	—	—	—	—	—	535
Средна	26	—	125	—	—	—	—	—	—	—	—	125
Халимъ-Ата	11	—	69	—	—	—	—	—	—	—	—	69
Учь-Дурукъ	86	—	555	—	—	—	—	—	—	—	—	555
Паласъ-Чамръ	59	—	—	—	—	—	—	—	455	—	—	455
Копривленъ	65	340	—	—	—	—	—	—	—	—	—	340
Либяхово	265	—	1140	—	—	—	—	—	—	—	—	1140
Лаки	62	—	456	—	—	—	—	—	—	—	—	456
Лъски	83	—	375	—	—	—	—	—	—	—	—	375
Гайтаниново	180	—	849	—	—	—	—	—	—	—	—	849
Ловча	183	—	895	—	—	—	—	—	—	—	—	895
Зернево	362	170	1252	—	—	—	400	—	—	—	—	1822
Волково	101	589	—	—	—	—	—	—	—	—	—	589
Веземъ	208	500	525	—	—	—	—	—	10	—	—	1035
Кара-Кюй	245	—	1240	—	—	—	—	—	—	—	—	1240
Лялово	119	—	—	—	—	—	—	590	—	—	—	590
Тешове	224	220	900	—	—	—	—	—	—	—	—	1120
Месомница	137	260	475	—	—	—	75	—	—	—	—	810
Броди	278	350	610	—	—	—	450	—	—	—	—	1410
Лице	197	800	210	—	—	—	—	—	—	—	—	1010
Куманнчъ	128	400	244	—	—	—	—	—	—	—	—	644
Новый Чифликъ	30	—	140	—	—	—	—	—	—	—	—	140
Парилъ	52	—	200	—	—	—	—	—	—	—	—	200
Итого въ Нахія Неврокопъ	5859	11069	11750	125	—	—	1000	590	665	—	200	25399
Нахія Старица.												
Старица	407	580	1300	—	—	—	—	—	100	—	—	1980
Тепленъ	66	—	—	—	—	370	—	—	—	—	—	370
Петралитъ	58	—	—	—	—	370	—	—	—	—	—	370
Бесленъ	57	—	—	—	—	307	—	—	—	—	—	307
Ракнщенъ	177	—	—	—	—	1121	—	—	—	—	—	1121
Дебренджикъ	33	—	—	—	—	200	—	—	—	—	—	200
Лозна	50	—	—	—	—	219	—	—	—	—	—	219
Горно-Луковица	88	—	—	—	—	599	—	—	—	—	—	599
Страня	55	—	—	—	—	284	—	—	—	—	—	284
Перухъ	58	—	—	—	—	350	—	—	—	—	—	350
Виршанъ	31	—	—	—	—	184	—	—	—	—	—	184
Садово	65	—	—	—	—	371	—	—	—	—	—	371
Блатевъ	56	—	—	—	—	324	—	—	—	—	—	324
Горно-Сангартія	37	—	303	—	—	—	—	—	—	—	—	303
Долно-Сангартія	160	465	400	—	—	—	—	—	—	—	—	865
Бѣлотинци	322	—	1653	—	—	—	—	—	20	—	—	1673
Махаледжикъ	36	163	—	—	—	—	—	—	—	—	—	163
Бутимъ	62	200	166	—	—	—	—	—	—	—	—	366

М у т е с а р и ф л и к њ С е р е с њ.

Каза Неврокопъ.	Число домоѡвъ.	Ч и с л о ж и т е л и с њ.									
		Турокъ осман- лиѡвъ.	Славянъ экзар- хистовъ.	Славянъ патри- архистовъ.	Славянъ уни- тоѡвъ.	Славянъ мусуль- манъ.	Грековъ хри- стіанъ.	Грековъ мусуль- манъ.	Влаховъ хри- стіанъ.	Влаховъ мусуль- манъ.	Евреевъ.
Нахія Старица.											
Ливадица.	66	—	407	—	—	—	—	—	—	—	407
Гущерекъ.	66	—	—	—	—	365	—	—	—	—	365
Перица.	69	—	—	—	—	340	—	—	—	—	340
Черешово.	185	—	800	—	—	170	—	—	—	—	970
Дужица.	66	—	—	—	—	429	—	—	—	—	429
Курница.	111	—	—	—	—	757	—	—	—	—	757
Врезница.	109	—	—	—	—	821	—	—	—	—	821
Герменъ	177	—	1097	—	—	—	—	—	—	—	1097
Обидимъ	220	—	1235	—	—	—	—	—	—	—	1235
Густунъ	100	—	560	—	—	—	—	—	—	—	560
Филипово.	81	—	60	—	—	357	—	—	—	—	417
Вуково	25	—	—	—	—	144	—	—	—	—	144
Рибна	105	—	—	—	—	625	—	—	—	—	625
Осиново	110	—	480	—	—	200	—	—	—	—	680
Скрбатно	176	—	700	—	—	287	—	—	—	—	987
Дреново (горно).	75	—	—	—	—	311	—	—	—	—	311
Фотовица.	135	—	417	—	—	220	—	—	—	—	637
Балдево	55	—	257	—	—	—	—	—	—	—	257
Цирополь.	49	—	—	—	—	285	—	—	—	—	285
Баничанъ.	69	—	340	—	—	—	—	—	—	—	340
Итого въ Нахія Ста- рица.	3857	1408	10175	—	—	10010	—	—	120	—	21713
Нахія Терлисъ.											
Терлисъ	263	800	911	—	—	—	—	—	—	—	1711
Осиново	92	—	520	—	—	—	—	—	—	—	520
Лъщенъ	75	—	425	—	—	—	—	—	—	—	425
Ковачовица.	235	—	1135	—	—	—	—	—	—	—	1135
Елешница	280	—	1281	—	—	—	—	—	—	—	1281
Дубица	77	355	—	—	—	—	—	—	—	—	355
Фустане	39	230	—	—	—	—	—	—	—	—	230
Блатска	33	215	—	—	—	—	—	—	—	—	215
Абланица.	185	—	—	—	—	1030	—	—	—	—	1030
Бугленъ	27	—	—	—	—	158	—	—	—	—	158
Волкоселъ	167	—	—	—	—	940	—	—	—	—	940
Слащенъ	143	—	—	—	—	794	—	—	—	—	794
Годешево.	84	—	—	—	—	590	—	—	—	—	590
Дреново (долно).	64	—	—	—	—	287	—	—	—	—	287
Туховица.	122	—	—	—	—	569	—	—	—	—	569
Витово.	93	—	—	—	—	526	—	—	—	—	526
Избица	96	—	—	—	—	544	—	—	—	—	544
Плетена	148	—	—	—	—	757	—	—	—	—	757
Сатовица	262	—	—	—	—	1247	—	—	—	—	1247
Доленъ.	258	—	750	—	—	334	—	—	—	—	1084
Любче	66	—	—	—	—	351	—	—	—	—	351
Осина	43	—	—	—	—	282	—	—	—	—	282
Серчанъ	55	—	—	—	—	350	—	—	—	—	350
Марулево.	57	—	—	—	—	395	—	—	—	—	395

М у т е с а р и ф л и к њ С е р е с ь .

Каза Неврокопъ.	Число домовъ.	Ч и с л о ж и т е л е й .										
		Турекъ осман- лицъ.	Славянъ акзар- хистовъ.	Славянъ патри- архистовъ.	Славянъ уни- товъ.	Славянъ мусуль- манъ.	Грековъ хри- стианъ.	Грековъ мусуль- манъ.	Влаховъ хри- стианъ.	Влаховъ мусуль- манъ.	Евреевъ.	В с е г о .
Нахія Терлисъ.												
Жижиово	103	—	—	—	—	500	—	—	—	—	500	
Кочень	155	—	—	—	—	973	—	—	—	—	973	
Карауль	56	—	—	—	—	290	—	—	—	—	290	
Фергово	50	—	—	—	—	307	—	—	—	—	307	
Крушево	55	—	—	—	—	347	—	—	—	—	347	
Оръше	66	—	—	—	—	224	—	—	—	—	224	
Дебренъ	96	—	—	—	—	572	—	—	—	—	572	
Хисарлыкъ	35	—	345	—	—	—	—	—	—	—	345	
Кременъ	146	—	750	—	—	—	—	—	—	—	750	
Итого въ Нахія Тер- лисъ	3715	1600	6117	—	—	12367	—	—	—	—	20084	
Нахія Чечъ.												
Осойница	157	—	—	—	—	735	—	—	—	—	735	
Борово	193	—	—	—	—	885	—	—	—	—	885	
Дялянъ	75	—	—	—	—	385	—	—	—	—	385	
Малушица	65	—	—	—	—	381	—	—	—	—	381	
Страиджикъ	12	—	—	—	—	66	—	—	—	—	66	
Костень	31	—	—	—	—	150	—	—	—	—	150	
Ущица	98	—	—	—	—	555	—	—	—	—	555	
Никобина	60	—	—	—	—	286	—	—	—	—	286	
Метруль	53	—	—	—	—	280	—	—	—	—	280	
Лумитица	63	—	—	—	—	393	—	—	—	—	393	
Лорджово	67	—	—	—	—	310	—	—	—	—	310	
Галужъ	58	—	—	—	—	225	—	—	—	—	225	
Любанъ	84	—	—	—	—	393	—	—	—	—	393	
Русково	33	—	—	—	—	155	—	—	—	—	155	
Колюшларъ	90	—	—	—	—	475	—	—	—	—	475	
Гурджель	63	—	—	—	—	375	—	—	—	—	375	
Владиково	107	—	—	—	—	525	—	—	—	—	525	
Попово	73	—	—	—	—	405	—	—	—	—	405	
Дебрежилъ	74	—	—	—	—	372	—	—	—	—	372	
Тисово	52	—	—	—	—	410	—	—	—	—	410	
Берищень	53	—	—	—	—	274	—	—	—	—	274	
Рашево	127	—	—	—	—	565	—	—	—	—	565	
Колчуво	42	—	—	—	—	230	—	—	—	—	230	
Бербонія	42	—	—	—	—	268	—	—	—	—	268	
Бучанъ	51	—	—	—	—	290	—	—	—	—	290	
Оракисъ	41	—	—	—	—	225	—	—	—	—	225	
Бурунджикъ	34	—	—	—	—	176	—	—	—	—	176	
Вирженица	47	—	—	—	—	210	—	—	—	—	210	
Хисарликъ	45	—	345	—	—	—	—	—	—	—	345	
Коларія	29	—	—	—	—	160	—	—	—	—	160	
Монастирджикъ	27	—	—	—	—	175	—	—	—	—	175	
Шурдилово	22	—	—	—	—	160	—	—	—	—	160	
Кашина	57	—	—	—	—	242	—	—	—	—	242	
Итого въ Нахія Чечъ	2125	—	345	—	—	10736	—	—	—	—	11081	
Всего въ Казъ Не- врокопъ	15556	14077	28387	125	—	33113	1008	590	785	—	200	78277

М у т е с а р и ф л и к њ С е р е с њ.

Каза Неврокопъ.	Число домоѡвъ.	Ч и с л о ж и т е л и с њ.									
		Турокъ осман- лиѡвъ.	Славянъ экзар- хистовъ.	Славянъ патри- архистовъ.	Славянъ уни- тоѡвъ.	Славянъ мусуль- манъ.	Грековъ хри- стіанъ.	Грековъ мусуль- манъ.	Влаховъ хри- стіанъ.	Влаховъ мусуль- манъ.	Евреевъ.
Нахія Старица.											
Ливадица.	66	—	407	—	—	—	—	—	—	—	407
Гущерекъ.	66	—	—	—	—	365	—	—	—	—	365
Перица.	69	—	—	—	—	340	—	—	—	—	340
Черешово.	185	—	800	—	—	170	—	—	—	—	970
Дужица.	66	—	—	—	—	429	—	—	—	—	429
Курница.	111	—	—	—	—	757	—	—	—	—	757
Врезница.	109	—	—	—	—	821	—	—	—	—	821
Герменъ	177	—	1097	—	—	—	—	—	—	—	1097
Обидимъ	220	—	1235	—	—	—	—	—	—	—	1235
Густунъ	100	—	560	—	—	—	—	—	—	—	560
Филипово.	81	—	60	—	—	357	—	—	—	—	417
Вуково	25	—	—	—	—	144	—	—	—	—	144
Рибна	105	—	—	—	—	625	—	—	—	—	625
Осиново	110	—	480	—	—	200	—	—	—	—	680
Скрбатно	176	—	700	—	—	287	—	—	—	—	987
Дреново (горно).	75	—	—	—	—	311	—	—	—	—	311
Фотовица.	135	—	417	—	—	220	—	—	—	—	637
Балдево	55	—	257	—	—	—	—	—	—	—	257
Цирополь.	49	—	—	—	—	285	—	—	—	—	285
Баничанъ.	69	—	340	—	—	—	—	—	—	—	340
Итого въ Нахія Ста- рица.	3857	1408	10175	—	—	10010	—	—	120	—	21713
Нахія Терлисъ.											
Терлисъ	263	800	911	—	—	—	—	—	—	—	1711
Осиново	92	—	520	—	—	—	—	—	—	—	520
Лъщенъ	75	—	425	—	—	—	—	—	—	—	425
Ковачовица.	235	—	1135	—	—	—	—	—	—	—	1135
Елешница	280	—	1281	—	—	—	—	—	—	—	1281
Дубица	77	355	—	—	—	—	—	—	—	—	355
Фустане	39	230	—	—	—	—	—	—	—	—	230
Блатска	33	215	—	—	—	—	—	—	—	—	215
Абланица.	185	—	—	—	—	1030	—	—	—	—	1030
Бугленъ	27	—	—	—	—	158	—	—	—	—	158
Волкоселъ	167	—	—	—	—	940	—	—	—	—	940
Слащенъ	143	—	—	—	—	794	—	—	—	—	794
Годешево.	84	—	—	—	—	590	—	—	—	—	590
Дреново (долно).	64	—	—	—	—	287	—	—	—	—	287
Туховица.	122	—	—	—	—	569	—	—	—	—	569
Витово.	93	—	—	—	—	526	—	—	—	—	526
Избица	96	—	—	—	—	544	—	—	—	—	544
Плетена	148	—	—	—	—	757	—	—	—	—	757
Сатовица	262	—	—	—	—	1247	—	—	—	—	1247
Доленъ.	258	—	750	—	—	334	—	—	—	—	1084
Любче	66	—	—	—	—	351	—	—	—	—	351
Осина	43	—	—	—	—	282	—	—	—	—	282
Серчанъ	55	—	—	—	—	350	—	—	—	—	350
Марулево.	57	—	—	—	—	395	—	—	—	—	395

М у т е с а р и ф л и к њ С е р е с ь .

Каза Неврокопъ.	Число домовъ.	Ч и с л о ж и т е л е й .										
		Турокъ осман- лицъ.	Славянъ акзар- хистовъ.	Славянъ патри- архистовъ.	Славянъ уни- товъ.	Славянъ мусуль- манъ.	Грековъ хри- стианъ.	Грековъ мусуль- манъ.	Влаховъ хри- стианъ.	Влаховъ мусуль- манъ.	Евреевъ.	В с е г о .
Нахія Терлисъ.												
Жиждово	103	—	—	—	—	500	—	—	—	—	500	
Кочень	155	—	—	—	—	973	—	—	—	—	973	
Караулъ	56	—	—	—	—	290	—	—	—	—	290	
Фергово	50	—	—	—	—	307	—	—	—	—	307	
Крушево	55	—	—	—	—	347	—	—	—	—	347	
Оръше	66	—	—	—	—	224	—	—	—	—	224	
Дебренъ	96	—	—	—	—	572	—	—	—	—	572	
Хисарлыкъ	35	—	345	—	—	—	—	—	—	—	345	
Кременъ	146	—	750	—	—	—	—	—	—	—	750	
Итого въ Нахія Тер- лисъ	3715	1600	6117	—	—	12367	—	—	—	—	20084	
Нахія Чечъ.												
Осойница	157	—	—	—	—	735	—	—	—	—	735	
Борово	193	—	—	—	—	885	—	—	—	—	885	
Дялянъ	75	—	—	—	—	385	—	—	—	—	385	
Малушица	65	—	—	—	—	381	—	—	—	—	381	
Страиджикъ	12	—	—	—	—	66	—	—	—	—	66	
Костень	31	—	—	—	—	150	—	—	—	—	150	
Ущица	98	—	—	—	—	555	—	—	—	—	555	
Никобина	60	—	—	—	—	286	—	—	—	—	286	
Метрулъ	53	—	—	—	—	280	—	—	—	—	280	
Лумитица	63	—	—	—	—	393	—	—	—	—	393	
Лорджово	67	—	—	—	—	310	—	—	—	—	310	
Галумъ	58	—	—	—	—	225	—	—	—	—	225	
Любанъ	84	—	—	—	—	393	—	—	—	—	393	
Русково	33	—	—	—	—	155	—	—	—	—	155	
Колюшларъ	90	—	—	—	—	475	—	—	—	—	475	
Гурджелъ	63	—	—	—	—	375	—	—	—	—	375	
Владиково	107	—	—	—	—	525	—	—	—	—	525	
Попово	73	—	—	—	—	405	—	—	—	—	405	
Дебрежилъ	74	—	—	—	—	372	—	—	—	—	372	
Тисово	52	—	—	—	—	410	—	—	—	—	410	
Берищенъ	53	—	—	—	—	274	—	—	—	—	274	
Рашево	127	—	—	—	—	565	—	—	—	—	565	
Колчуво	42	—	—	—	—	230	—	—	—	—	230	
Бербонія	42	—	—	—	—	268	—	—	—	—	268	
Бучанъ	51	—	—	—	—	290	—	—	—	—	290	
Оракиъ	41	—	—	—	—	225	—	—	—	—	225	
Бурунджикъ	34	—	—	—	—	176	—	—	—	—	176	
Вирженица	47	—	—	—	—	210	—	—	—	—	210	
Хисарликъ	45	—	345	—	—	—	—	—	—	—	345	
Коларія	29	—	—	—	—	160	—	—	—	—	160	
Монастирджикъ	27	—	—	—	—	175	—	—	—	—	175	
Шурдилово	22	—	—	—	—	160	—	—	—	—	160	
Кашина	57	—	—	—	—	242	—	—	—	—	242	
Итого въ Нахія Чечъ	2125	—	345	—	—	10736	—	—	—	—	11081	
Всего въ Казъ Не- врокопъ	15556	14077	28387	125	—	33113	1008	590	785	—	200	78277

М у т е с а р и ф л и к ъ С е р е с ъ .

Каза Демиръ Хисаръ.	Число домоѣвъ.	Ч и с л о ж и т е л е й .									В с е г о .
		Турокъ осман- лиевъ.	Славянъ экзар- хистовъ.	Славянъ патри- архистовъ.	Славянъ уни- товъ.	Славянъ мусуль- манъ.	Грековъ хри- стіанъ.	Грековъ мусуль- манъ.	Влаховъ хри- стіанъ.	Влаховъ мусуль- манъ.	
Нахія Демиръ Хисаръ.											
Демиръ Хисаръ	800	2500	1750	1000	—	—	—	—	550	—	5800
Айтакли	57	230	—	—	—	—	—	—	—	—	230
Амерли махале	20	146	—	—	—	—	—	—	—	—	146
Юранко	14	67	—	—	—	—	—	—	—	—	67
Байракли	113	280	—	400	—	—	—	—	—	—	680
Баразли Джуманъ	250	900	250	—	—	—	—	—	—	—	1250
Бѣліово	113	—	732	—	—	—	—	100	—	—	732
Буюкъ Авренъ	15	62	—	—	—	—	—	—	—	—	62
Буюкъ Махале	32	211	—	—	—	—	—	—	—	—	211
Ветерна	324	1640	—	250	—	—	—	—	—	—	1890
Враня чифликъ	81	—	472	—	—	—	—	—	—	—	472
Германъ	93	—	522	—	—	—	—	—	—	—	522
Гешипликъ	44	—	—	268	—	—	—	—	—	—	268
Голешва	195	—	973	—	—	—	—	—	—	—	973
Горно Спанчево	65	—	—	284	—	—	—	—	—	—	284
Гюсенли	50	—	—	206	—	—	—	—	—	—	206
Дервено	28	—	—	122	—	—	—	—	—	—	122
Долно Спанчево	59	200	—	126	—	—	—	—	—	—	326
Драготинъ	23	—	—	146	—	—	—	—	—	—	146
Елезли	24	159	—	—	—	—	—	—	—	—	159
Ени-чифликъ	9	43	—	—	—	—	—	—	—	—	43
Епридже	19	180	—	—	—	—	—	—	—	—	180
Ескиджи	45	235	—	—	—	—	—	—	—	—	235
Камаротъ чифликъ	29	—	—	149	—	—	—	—	—	—	149
Камита	30	—	—	164	—	—	—	—	—	—	164
Караташъ	42	240	—	—	—	—	—	—	—	—	240
Катунци	40	—	253	—	—	—	—	—	—	—	253
Ковачево	65	—	303	—	—	—	—	—	—	—	303
Крачево	190	—	915	—	—	—	—	—	—	—	915
Кромидово	53	109	160	—	—	—	—	—	—	—	269
Крушово	384	60	2073	—	—	—	—	100	—	—	2233
Кула чифликъ	21	—	—	120	—	—	—	—	—	—	120
Кумлу	137	350	—	473	—	—	—	—	—	—	823
Кучукъ Авренъ	36	169	—	—	—	—	—	—	—	—	169
Ланова	222	—	—	1060	—	—	—	—	—	—	1060
Лешница	45	—	288	—	—	—	—	—	—	—	288
Липошъ	47	50	—	252	—	—	—	—	—	—	302
Лопово	14	—	—	101	—	—	—	—	—	—	101
Мандраджикъ	28	91	—	—	—	—	—	—	—	—	91
Маракостина	66	—	447	—	—	—	—	—	—	—	447
Марино-поле	12	—	61	—	—	—	—	—	—	—	61
Махмудли	102	432	—	—	—	—	—	—	—	—	531
Мевси чали	37	202	—	—	—	—	—	—	—	—	202
Мешили	83	409	—	—	—	—	—	—	—	—	409
Мутуфли	46	190	—	—	—	—	—	—	—	—	190
Петрово	233	200	919	—	—	—	—	100	—	—	1219
Пиринъ	134	—	972	—	—	—	—	—	—	—	972
Пулево	12	—	—	112	—	—	—	—	—	—	112
Радла	38	—	—	—	—	156	—	—	—	—	156
Радово	53	—	—	360	—	—	—	—	—	—	360
Раиковци	72	—	353	—	—	—	—	—	—	—	353
Рамна	84	—	—	—	—	—	—	432	—	—	432
Савякъ	215	—	—	1256	—	—	—	—	—	—	1156
Синекли	253	200	1067	—	—	—	—	60	—	—	1327

М у т е с а р и ф л и к ъ С е р е с ъ.

	Число домоѣвъ.	Ч и с л о ж и т е л е й.									В с е г о.	
		Турокъ осман-лиевъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патриархистовъ.	Славянъ униатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грекомъ христіанъ.	Грекомъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.		Евреевъ.
Каза Демиръ Хисаръ.												
Нахія Демиръ Хисаръ.												
Демиръ Хисаръ	800	2500	1750	1000	—	—	—	—	550	—	—	5800
Айтакли	57	230	—	—	—	—	—	—	—	—	—	230
Амерли махале	20	146	—	—	—	—	—	—	—	—	—	146
Юранко	14	67	—	—	—	—	—	—	—	—	—	67
Байракли	113	280	—	400	—	—	—	—	—	—	—	680
Баразли Джуманъ	250	900	250	—	—	—	—	—	—	—	—	1250
Бѣліово	113	—	732	—	—	—	—	—	100	—	—	732
Буюкъ Авренъ	15	62	—	—	—	—	—	—	—	—	—	62
Буюкъ Махале	32	211	—	—	—	—	—	—	—	—	—	211
Ветерна	324	1640	—	250	—	—	—	—	—	—	—	1890
Враня чифликъ	81	—	472	—	—	—	—	—	—	—	—	472
Германъ	93	—	522	—	—	—	—	—	—	—	—	522
Гешинликъ	44	—	—	268	—	—	—	—	—	—	—	268
Голешва	195	—	973	—	—	—	—	—	—	—	—	973
Горно Спанчево	65	—	—	284	—	—	—	—	—	—	—	284
Гюсенли	50	—	—	206	—	—	—	—	—	—	—	206
Дервено	28	—	—	122	—	—	—	—	—	—	—	122
Долио Спанчево	59	200	—	126	—	—	—	—	—	—	—	326
Драготинъ	23	—	—	146	—	—	—	—	—	—	—	146
Елезли	24	159	—	—	—	—	—	—	—	—	—	159
Ени-чифликъ	9	43	—	—	—	—	—	—	—	—	—	43
Епридже	19	180	—	—	—	—	—	—	—	—	—	180
Ескиджи	45	235	—	—	—	—	—	—	—	—	—	235
Камаротъ чифликъ	29	—	—	149	—	—	—	—	—	—	—	149
Камита	30	—	—	164	—	—	—	—	—	—	—	164
Караташъ	42	240	—	—	—	—	—	—	—	—	—	240
Катунци	40	—	253	—	—	—	—	—	—	—	—	253
Ковачево	65	—	303	—	—	—	—	—	—	—	—	303
Крачево	190	—	915	—	—	—	—	—	—	—	—	915
Кромидово	53	109	160	—	—	—	—	—	—	—	—	269
Крушово	384	60	2073	—	—	—	—	—	100	—	—	2233
Кула чифликъ	21	—	—	120	—	—	—	—	—	—	—	120
Кумлу	137	350	—	473	—	—	—	—	—	—	—	823
Кучукъ Авренъ	36	169	—	—	—	—	—	—	—	—	—	169
Ланова	222	—	—	1060	—	—	—	—	—	—	—	1060
Лешница	45	—	288	—	—	—	—	—	—	—	—	288
Липошъ	47	50	—	252	—	—	—	—	—	—	—	302
Лопово	14	—	—	101	—	—	—	—	—	—	—	101
Мандраджикъ	28	91	—	—	—	—	—	—	—	—	—	91
Маракостина	66	—	447	—	—	—	—	—	—	—	—	447
Марино-поле	12	—	61	—	—	—	—	—	—	—	—	61
Махмудли	102	432	—	—	—	—	—	—	—	—	—	531
Мевси чали	37	202	—	—	—	—	—	—	—	—	—	202
Мешили	83	409	—	—	—	—	—	—	—	—	—	409
Мутуфли	46	190	—	—	—	—	—	—	—	—	—	190
Петрово	233	200	919	—	—	—	—	—	100	—	—	1219
Пиринъ	134	—	972	—	—	—	—	—	—	—	—	972
Пулево	12	—	—	112	—	—	—	—	—	—	—	112
Радла	38	—	—	—	—	156	—	—	—	—	—	156
Радово	53	—	—	360	—	—	—	—	—	—	—	360
Раиковци	72	—	353	—	—	—	—	—	—	—	—	353
Рамна	84	—	—	—	—	—	—	—	432	—	—	432
Савякъ	215	—	—	1256	—	—	—	—	—	—	—	1156
Синекли	253	200	1067	—	—	—	—	—	60	—	—	1327

М у т е с а р и ф л и к ъ С е р е е в ъ .

Каза Демиръ-Хисаръ.	Число домовъ.	Ч и с л о ж и т е л о в ъ .									
		Турокъ осман- лиъ.	Славянъ окзар- хистовъ.	Славянъ патри- архистовъ.	Славянъ уни- товъ.	Славянъ мусуль- манъ.	Грековъ хри- стіанъ.	Грековъ мусуль- манъ.	Влаховъ хри- стіанъ.	Влаховъ мусуль- манъ.	Евреевъ.
Нахія Демиръ-Хисаръ.											В с е г о .
Спатово	201	200	842	—	—	—	—	—	—	—	1042
Тартата	22	73	—	—	—	—	—	—	—	—	73
Тодоржъ	83	300	—	72	—	—	—	—	—	—	372
Хаджи-Бейликъ	97	—	523	—	—	—	—	—	—	—	523
Харкъ	25	88	—	—	—	—	—	—	—	—	88
Ходжа	24	147	—	—	—	—	—	—	—	—	147
Храсна	76	—	245	—	—	—	—	—	—	—	245
Чавдарли	31	135	—	—	—	—	—	—	—	—	135
Червица	100	200	263	—	—	—	—	—	60	—	523
Черешница	79	—	307	—	—	—	—	—	—	—	307
Чешке	34	159	—	—	—	—	—	—	—	—	159
Чефирли	16	—	—	66	—	—	—	—	—	—	66
Чифитчикъ	48	—	—	251	—	—	—	—	—	—	251
Чифликъ	25	88	—	—	—	—	—	—	—	—	88
Янова	56	—	—	200	—	—	—	—	—	—	200
Итого въ Нахія Де- миръ Хисаръ	6213	10945	14690	7438	—	156	—	—	1402	—	34631
Нахія Горно Порой.											
Горно Порой	559	300	1969	—	—	—	—	—	—	—	3019
Глабочица	41	—	—	200	—	—	—	—	—	—	200
Дере Тополникъ	103	414	—	—	—	—	—	—	—	—	414
Долно Порой	320	1000	688	—	—	—	—	—	—	—	1688
Долно Тополникъ	91	—	375	—	—	—	—	—	—	—	375
Кеседжи чифликъ	34	—	—	255	—	—	—	—	—	—	255
Матяница	303	1206	400	—	—	—	—	—	—	—	1606
Палимешъ	207	—	—	—	—	1031	—	—	—	—	1031
Св. Петка	165	350	—	440	—	—	—	—	—	—	790
Срѣдне Тополникъ	122	689	—	—	—	—	—	—	—	—	689
Шуково	255	600	697	—	—	—	—	—	—	—	1297
Итого въ Нахія Гор- но-Порой	2000	4559	4129	895	—	1031	—	—	750	—	11364
Всего въ Казъ Де- миръ-Хисаръ	8413	15504	18819	8333	—	1187	—	—	2152	—	45995
Каза Зихна.											
Зияхово	640	800	—	—	—	—	1624	—	—	—	2424
Алистратикъ	600	500	—	1665	—	—	—	—	400	—	2565
Амфиополи	18	—	—	—	—	—	90	—	—	—	90
Анастасія	25	—	—	142	—	—	—	—	—	—	142
Витачице	181	200	—	—	—	—	773	—	—	—	973
Волчица	48	75	—	—	—	—	175	—	—	—	225
Восилово	135	300	—	—	—	—	381	—	—	—	681

Мутесарифликъ Сересъ.

Каза Зихна.	Число домовъ.	Ч и с л о ж и т е л е й.										В с е г о.
		Турокъ осман-лисовъ.	Славянъ азархистовъ.	Славянъ патриархистовъ.	Славянъ униатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грэкскъ християнъ.	Грэкскъ мусульманъ.	Влахъ християнъ.	Влахъ мусульманъ.	Евреевъ.	
Оренция	75	—	—	653	—	—	—	—	—	—	—	653
Раменце	68	—	—	368	—	—	—	—	—	—	—	368
Рачанъ	65	—	—	263	—	—	—	—	—	—	—	263
Ржаносъ	42	165	—	—	—	—	—	—	—	—	—	165
Роксатъ	35	—	—	—	—	—	135	—	—	—	—	135
Рачево	55	—	—	214	—	—	—	—	—	—	—	214
Дравикъ	50	—	—	—	—	—	253	—	—	—	—	253
Рихна	43	100	—	—	—	—	126	—	—	—	—	226
Игра Дере	180	880	—	—	—	—	—	—	60	—	—	940
Салапотъ	350	—	1537	—	—	—	—	—	—	—	—	1537
Сарлуково	380	500	—	1522	—	—	—	—	—	—	—	2022
Слепутна	150	—	512	300	—	—	—	—	—	—	—	812
Сормина	198	250	—	—	—	—	879	—	—	—	—	1129
Сбоочекъ	62	—	—	—	—	—	304	—	—	—	—	304
Сюпъ-Кюй	390	300	—	—	—	—	1800	—	—	—	—	2100
Секвица	303	—	—	—	—	—	1639	—	—	—	—	1639
Мандилово	62	150	—	184	—	—	—	—	50	—	—	384
Дуска	75	—	—	422	—	—	100	—	—	—	—	522
Еровище	50	—	—	—	—	—	259	—	—	—	—	259
Петелинось	32	—	—	—	—	—	153	—	—	—	—	153
Порна	90	150	—	—	—	—	420	—	—	—	—	570
Правища	200	250	—	—	—	—	702	—	—	—	—	952
Першево	18	—	—	107	—	—	—	—	—	—	—	107
Радоліево	650	400	—	—	—	—	3069	—	—	—	—	3469
Ряхово	120	330	—	—	—	—	336	—	—	—	—	666
Скрижево	260	—	1350	—	—	—	—	—	—	—	—	1350
Толонъ	32	60	—	—	—	—	105	—	—	—	—	165
Грестеница	50	—	—	244	—	—	—	—	—	—	—	244
Гумба	23	—	—	—	—	—	193	—	—	—	—	193
Ханджиста	95	201	80	—	—	—	200	—	—	—	—	480
Чеково Зихненское	62	342	—	—	—	—	—	—	—	—	—	342
Чеково Среднее	23	228	—	—	—	—	—	—	—	—	—	228
Чеково Серское	27	261	—	—	—	—	—	—	—	—	—	261
Чепелдже	25	198	—	—	—	—	—	—	—	—	—	198
Черепленъ	80	300	—	—	—	—	319	—	—	—	—	619
Шелвнось	120	—	—	—	—	—	650	—	—	—	—	650
Шемалтосъ	250	—	—	—	—	—	1356	—	—	—	—	1356
Всего въ казѣ Зихна.	6427	6939	3479	6084	—	—	16041	—	510	—	—	33053
Во всемъ мутесариф- ликъ Сересъ	72761	93093	128417	40861	1513	47777	53734	590	5719	—	200	371904

Каза	Число домовъ.	Числосъ жителей.										Всего.
		Турокъ осман-лиевъ.	Славянъ акзархистовъ.	Славянъ патриархистовъ.	Славянъ униатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	
Чали-баши	317	1162	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1162
Чайразъ-Чифликъ	8	38	—	—	—	—	—	—	—	—	—	38
Чернакъ	13	86	—	—	—	—	—	—	—	—	—	86
Чирешево	94	—	—	—	—	546	—	—	—	—	—	546
Чора	72	390	—	—	—	—	—	—	—	—	—	390
Шипча	57	243	—	—	—	—	—	—	—	—	—	243
Итого въ Нахія Пресечене	6 203	23350	3198	2613	—	2528	880	—	—	—	—	32569
Всего въ Казѣ Драма.	10153	39686	3198	2782	—	2528	4611	—	—	—	—	52807
Каза Сарм-Шабанъ.												
Сарм-Шабанъ	50	200	—	—	—	—	50	—	—	—	—	250
Апрашн-махале	10	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	50
Али-бей	8	40	—	—	—	—	—	—	—	—	—	40
Ашикларъ	25	125	—	—	—	—	—	—	—	—	—	125
Байрамли	43	215	—	—	—	—	—	—	—	—	—	215
Баракли	45	225	—	—	—	—	—	—	—	—	—	225
Беклемишъ	46	230	—	—	—	—	—	—	—	—	—	230
Бекчели	35	175	—	—	—	—	—	—	—	—	—	175
Безялъ-Ага	8	40	—	—	—	—	—	—	—	—	—	40
Бойну-Кизилъ	25	125	—	—	—	—	—	—	—	—	—	125
Босова	30	150	—	—	—	—	—	—	—	—	—	150
Газилеръ	30	150	—	—	—	—	—	—	—	—	—	150
Горно-Кюселеръ	18	90	—	—	—	—	—	—	—	—	—	90
Дари-ова	200	1000	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1000
Довиранли	26	130	—	—	—	—	—	—	—	—	—	130
Деде-дагъ	32	160	—	—	—	—	—	—	—	—	—	160
Долно-Кюселеръ	15	75	—	—	—	—	—	—	—	—	—	75
Домшли	50	250	—	—	—	—	—	—	—	—	—	250
Дреново	15	75	—	—	—	—	—	—	—	—	—	75
Елканли	30	150	—	—	—	—	—	—	—	—	—	150
Емронли	35	175	—	—	—	—	—	—	—	—	—	175
Ени-Кюй	18	90	—	—	—	—	—	—	—	—	—	90
Ески-Кюй	8	40	—	—	—	—	—	—	—	—	—	40
Инджелеръ	60	300	—	—	—	—	—	—	—	—	—	300
Каваджикъ	43	215	—	—	—	—	—	—	—	—	—	215
Кади-Ова	25	125	—	—	—	—	—	—	—	—	—	125
Кара-гадарли	18	90	—	—	—	—	—	—	—	—	—	90
Караджа-Кюнъ	56	280	—	—	—	—	—	—	—	—	—	280
Караджа-Ова	16	80	—	—	—	—	—	—	—	—	—	80
Караджагаръ	40	200	—	—	—	—	—	—	—	—	—	200
Караманли	60	300	—	—	—	—	—	—	—	—	—	300
Катунница	30	150	—	—	—	—	—	—	—	—	—	150
Кенесъ	30	150	—	—	—	—	—	—	—	—	—	150
Керметли	10	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	50
Коладжикъ	20	100	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100
Когъ-уларъ	60	300	—	—	—	—	—	—	—	—	—	300

М у т е с а р и ф л и н ъ Д р а м а .

Каза	Число домовъ.	Ч и с л о ж и т е л е й .									
		Турокъ осман- ливъ.	Славянъ экзар- хистовъ.	Славянъ патри- архистовъ.	Славянъ уни- товъ.	Славянъ мусуль- манъ.	Грековъ хри- стіанъ.	Грековъ мусуль- манъ.	Влаховъ хри- стіанъ.	Влаховъ мусуль- манъ.	Евреевъ.
Нахія											
Кулджаларъ	25	125	—	—	—	—	—	—	—	—	125
Куру-дере	80	400	—	—	—	—	—	—	—	—	400
Куру-хумаюнъ	25	125	—	—	—	—	—	—	—	—	125
Бюпри-баши	7	35	—	—	—	—	—	—	—	—	35
Кызъ-богу	15	75	—	—	—	—	—	—	—	—	75
Кыя-бунарь	12	—	—	—	—	—	60	—	—	—	60
Мендженокъ	400	1600	—	—	—	—	—	—	—	—	1600
Мурадджикъ	10	50	—	—	—	—	—	—	—	—	50
Муратли	40	200	—	—	—	—	—	—	—	—	200
Мустафъ-уларъ	50	250	—	—	—	—	—	—	—	—	250
Мустафа-Паша	4	20	—	—	—	—	—	—	—	—	20
Недерли	100	500	—	—	—	—	—	—	—	—	500
Олуджакъ	200	800	—	—	—	—	—	—	—	—	800
Органджиларъ	18	90	—	—	—	—	—	—	—	—	90
Сепетчилеръ	26	130	—	—	—	—	—	—	—	—	130
Сугутъ-бей	3	15	—	—	—	—	—	—	—	—	15
Су-сигари	20	100	—	—	—	—	—	—	—	—	100
Тунлеръ	15	75	—	—	—	—	—	—	—	—	75
Узунъ-Кюй	200	1000	—	—	—	—	—	—	—	—	1000
Хаджи Еминъ-Ага	8	40	—	—	—	—	—	—	—	—	40
Халесъ	30	150	—	—	—	—	—	—	—	—	150
Чейлакъ	250	1000	—	—	—	—	—	—	—	—	1000
Чобанли	80	400	—	—	—	—	—	—	—	—	400
Юрукъ-Хусениъ	5	25	—	—	—	—	—	—	—	—	25
Юсуфъ-бей	5	25	—	—	—	—	—	—	—	—	25
Всего въ Казѣ Сари- Шабанъ	2898	13530	—	—	—	—	110	—	—	—	13640
Каза Прависта.											
Прависта	500	1400	—	—	—	—	1500	—	—	—	2900
Бобленъ	110	400	—	—	—	—	150	—	—	—	550
Бостанли-махале	90	450	—	—	—	—	—	—	—	—	450
Будахоръ	246	600	—	—	—	—	630	—	—	—	1230
Койранъ	160	150	—	—	—	—	650	—	—	—	800
Димирли	50	850	—	—	—	—	—	—	—	—	250
Драничъ	80	—	—	—	—	400	—	—	—	—	400
Дрезна	113	—	—	—	—	—	565	—	—	—	565
Дреново	40	—	—	—	—	200	—	—	—	—	200
Ени-Кюй	22	—	—	—	—	—	110	—	—	—	110
Инамли-махале	10	50	—	—	—	—	—	—	—	—	50
Казлата	5	—	—	25	—	—	—	—	—	—	25
Кенали	74	370	—	—	—	—	—	—	—	—	370
Мисоропи	350	—	—	—	—	—	1600	—	—	—	1600
Когенъ	50	250	—	—	—	—	—	—	—	—	250
Коккаръ	70	350	—	—	—	—	—	—	—	—	350
Лефтера	150	200	—	—	—	—	550	—	—	—	750
Мандиль	50	—	—	250	—	—	—	—	—	—	250
Мустена	375	600	—	—	—	—	1250	—	—	—	1850

Мутесарифликъ Драма.

Каза Кавала.	Число домовъ.	Ч и с л о ж и т е л е й.										Всего.
		Турокъ осман- лисовъ.	Славянъ экзар- хистовъ.	Славянъ патри- архистовъ.	Славянъ уни- товъ.	Славянъ мусуль- манъ.	Грековъ хри- стианъ.	Грековъ мусуль- манъ.	Влаховъ хри- стианъ.	Влаховъ мусуль- манъ.	Евреевъ.	
Пернишово.	101	505	—	—	—	—	—	—	—	—	—	505
Джари	13	65	—	—	—	—	—	—	—	—	—	65
Чинаръ	22	110	—	—	—	—	—	—	—	—	—	110
Костигаъ	19	95	—	—	—	—	—	—	—	—	—	95
Полечка.	2	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10
Василаки	5	—	—	—	—	—	25	—	—	—	—	25
Чарпенги	2	5	—	—	—	—	5	—	—	—	—	10
Бадемли	3	15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15
Всего въ Казъ Кавала.	5724	17150	—	—	—	3440	10030	—	—	—	—	30620
Во всемъ Мутесариф- ликъ Драма	23189	81756	3198	3057	—	6568	24581	—	—	—	—	119160
Во всемъ же Солун- скомъ Вилаетъ. . .	197417	361584	248429	131258	3673	87842	179591	3794	22824	3917	48050	1090962

А. А. Ростковскій.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библиографія.

Путешествіе антиохійскаго патр. Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка. Переводъ съ арабскаго Г. Муржоса. Вып. I. М. 1896 г. X + 156 и вып. V. М. 1900 г. V + 245, съ приложеніями.

Для настоящей замѣтки мы нарочно выбрали первый и пятый выпуски интереснаго по содержанію путешествія патр. Макарія, потому что въ обоихъ этихъ выпускахъ авторъ путешествія, архидьяконъ Павелъ описываетъ Молдавію и Валахію, и своимъ точнымъ и многорѣчивымъ описаніемъ оказываетъ большую услугу для румынской археологіи и этнографіи. Въ остальныхъ выпускахъ архид. говоритъ о Россіи, и, несомнѣнно, его показанія будутъ проверены другими рецензентами и указанъ ихъ интересъ для исторіи и этнографіи Россіи.

Описаніе путешествія любознательнаго и наблюдательнаго архид. Павла представляетъ исключительное явленіе въ ряду остальныхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ придунайскія земли, такъ-какъ авторъ описанія былъ поставленъ въ условія, весьма благоприятныя для наблюденій и изученій: высокаго путешественника, т. е. патр. Макарія со всей его свитой всюду принимали, все показывали и, навѣрное, при этомъ давали самыя подробныя объясненія, такъ-что Павлу оставалось только записывать все слышанное и виданное, снабжать свои наблюденія остроумными замѣчаніями или-же украшать описаніе лирическими восклицаніями, такъ характерными для его живой и увлекательной рѣчи. Архид. Павлу не разъ приходилось описывать такія зданія и предметы и такіе обычаи, которыхъ теперь не существуетъ; одновременно съ этимъ онъ не разъ отмѣчалъ и такія явленія въ жизни румынскаго народа, существованіе которыхъ для половины XVII вѣка очень важно въ дѣлахъ этнографическихъ изученій. Указывать все, чѣмъ можетъ быть интересно въ описаніи этого путешествія, едва-ли необходимо. Отмѣтимъ только то, что болѣе бросается въ глаза при чтеніи путешествія: описаніе жилищъ и одежды молдаванъ (гл. II), пріемовъ при дворѣ Василія всеводы (гл. VП) и пировъ (гл. VШ и др.), погребальныхъ обычаевъ (гл. XIII), характеристика валаховъ и ихъ страны (кн. III, гл. I), описаніе свадьбы (гл. V) и похоронныхъ обрядовъ (гл. VI), описаніе чина поставленія новаго господаря (гл. IX), рудниковъ и работъ въ нихъ (гл. XII), цыганъ золотопромышленниковъ (кн. XIII, гл. VII), другое описаніе свадьбы и похоронъ (гл. XII), о румынскихъ евреяхъ (гл. XIV), описаніе мельницы (гл. XVI) и многое другое.

Интересны его рассказы о греческой рукописи толкованій на Псалтырь «изъ царскаго книгохранилища св. Софіи» (вып. V, стр. 27), принадлежавшей постельнику Константину Кантакузену, получившему между прочимъ образованіе въ Кіевской академіи и автору извѣстныхъ виршей въ честь Богоматери. Это извѣстіе архид. Павла даетъ одинъ изъ отвѣтовъ на тотъ вопросъ проф. А. Н. Соболевскаго объ исчез-

нушей или книгъ разрозненной Константинопольской царской библиотекъ, который почтенный ученый сдѣлалъ на страницахъ «Археологическихъ Извѣстій и Забѣтокъ».

Въ IV главѣ XIII книги (стр. 22 и 23-я). Архид. Павелъ рассказываетъ о томъ, что однажды венгры обидѣли на базарѣ въ г. Тырговищѣ одного румелійскаго бѣднаго епископа и отняли у него единственную его лошадь, которую тотъ вывелъ на базаръ для продажи. Семеро венгровъ ложно поклялись, что эта самая лошадь принадлежитъ одному изъ нихъ, несмотря на то, что и у епископа нашлось-бы до сорока свидѣтелей, которые тоже могли бы засвидѣтельствовать, что лошадь принадлежитъ ему, самъ же господарь долженъ былъ уступить венгерскому капитану и оставить лошадь за нимъ. Здѣсь Павелъ, очевидно, говоритъ о томъ инстинктѣ «соклятенниковъ», который румыны заимствовали съ давнихъ временъ. по мнѣнію проф. И. Богдана, у сѣверей славянъ (см. его конференцію *Cultura veche româna*, pag. 56—57), а по мало-основательнымъ увѣреніямъ проф. А. Ксенопола у нѣмцевъ или даже у римлянъ (*Istoria romanilor. etc. ed. populară, vol. VII, pag. 93*).

Въ I главѣ XIV книги архид. Павелъ говоритъ о народныхъ метеорологическихъ примѣтахъ (стр. 67), въ главѣ VII о коронованіи новаго валахскаго господаря, и въ послѣдней главѣ той же книги о рыбныхъ ловляхъ на Дунаѣ. Но самыя важныя изъ этнографическихъ его замѣтокъ вынадають на долю румынскихъ словъ и названій, а также ихъ объясненій и отдѣльныхъ наблюденій въ описаніи монастырей съ ихъ сокровищами и монашеской жизнью, торжественныхъ процессій, служеній, господарскихъ пріемовъ и безконечныхъ перѣздовъ по равнинамъ Валахіи въ разное время года и при разныхъ обстоятельствахъ. Насколько все это важно и интересно для исторіи и этнографіи Румыніи, показываетъ списокъ — далеко впрочемъ не полный тѣхъ изслѣдованій на румынскомъ языкѣ, въ которыхъ мы нашли ссылки на Путешествіе Павла. Около этого же времени, нѣсколько раньше, по Румыніи путешествовалъ католическій епископъ Бандиній, который оставилъ описаніе путешествія своего на латинскомъ языкѣ. (*Codex Bandinius*). Но всѣ его рассказы—въ сравненіи съ занимательными описаніями архид. Павла поражаютъ своею сухостью и краткостью. Это скорѣе журналъ путешествія католическаго ревизора, обозрѣвавшаго церкви католическихъ епархій въ Румыніи и Бессарабіи, чѣмъ чисто-литературное или научное описаніе малоизвѣстныхъ и оригинальныхъ, по условіямъ жизни, странъ.

Просматривая пятый выпускъ Путешествія, мы были пріятно поражены небольшою замѣткой въ самомъ концѣ книги, гдѣ переводчикъ говоритъ, что «исправленіемъ именъ монастырей и селеній румынскихъ въ этомъ выпускѣ мы обязаны А. И. Яцимирскому, которому приносимъ нашу благодарность». Къ сожалѣнію, почтенный арабистъ забылъ, что намъ принадлежитъ и большая часть примѣчаній къ тексту, касающихся не только исторіи монастырей, но подчасъ и филологическихъ справокъ. Поэтому считаемъ пріятнымъ долгомъ напомнить объ этомъ многоуважаемому Георгію Абрамовичу.

Теперь перейдемъ къ указанію тѣхъ пробѣловъ, которые мы замѣтили въ настоящемъ переводѣ и библиографическихъ справкахъ въ предисловіяхъ переводчика къ обоимъ выпускамъ. Оказывается, переводчику неизвѣстно существованіе румынскаго перевода, какъ съ подлиннаго арабскаго текста, такъ и съ англійскаго, вышедшаго въ Румыніи еще въ шестидесятихъ годахъ. Пространный переводъ по тексту Бельфура былъ сдѣланъ академикомъ Барбу Петричейку Хыждеу и напечатанъ въ его капитальномъ изданіи *Arhive istorice a României* vol. I, 2, p. 59—111. Въ предисловіи къ этому переводу г. Hăjdeu (pag. 68). отмѣчая трудность перевода съ искаженного уже англійскаго переводчика, не понимавшаго многихъ техническихъ названій въ описаніи церквей и ихъ сокровищъ, обѣщалъ дать «переводъ непосредственно съ арабскаго языка». Но до сихъ поръ подобнаго перевода не вышло, и румынскіе ученые должны были довольствоваться далеко не исправнымъ румынскимъ переводомъ въ названномъ историческомъ сборникѣ.

Гораздо большее значеніе имѣють статьи извѣстнаго фольклориста и восточника д-ра М. Гастера, который перевелъ три отрывка изъ Путешествія Павла непосредственно съ арабскаго языка. Первый изъ нихъ представляетъ «Описаніе церкви трехъ святителей въ г. Яссахъ», напечатанное во второмъ томѣ изданія проф. Григоріа

Точилеску. *Revista pentru istorie, arheologie și filologie*, an. I, vol. II, p. 415—417, съ приложеніемъ подлиннаго арабскаго текста, воспроизведеннаго на отдѣльномъ листѣ (fig. 11). Этотъ отрывокъ остался непереведеннымъ и у Бельфура. М. Гастеръ указывать на трудность перевода этого текста, (въ переводѣ ему помогалъ доцентъ Вреславскаго университета д-ръ Френкель), полнаго грѣко-арабскихъ техническихъ выраженій; и дѣйствительно, г. Гастеръ дѣлаетъ нѣсколько ошибокъ: пропускаетъ слова «Всякое дыханіе», оставляетъ безъ перевода выраженіе абсисшаръ т. е. *Επί τοῦ χαίρει*, не понимаетъ слова *tarianhas (triannas)*?—люстра, *kirait*—*χυριεντής* переводить словомъ с-т-а-с-и-д-і-я = *strană* вм. аналой или книжный шкафъ (?) и т. д. Второй отрывокъ послужилъ ему матеріаломъ для статьи «*Grosvenile cosacilor sub Hmelnitzchi în anii 1648—58*» т. е. «Звѣрства казаковъ Хмельницкаго въ 1648—58 гг.», помѣщенной въ бухарештскомъ изданіи румынскаго сionиста д-ра М. Шварцфельда *Anuar pentru israeliti* vol. XVI, an. 1895, p. 1—15. Въ предисловіи онъ касается вопроса о преслѣдованіяхъ и изгнаніяхъ евреевъ въ разныхъ европейскихъ странахъ, главнымъ образомъ, въ Польшѣ и придунайскихъ княжествахъ въ XVI и XVII вв. Наконецъ, третій отрывокъ подъ заглавіемъ «Евреи въ Крайовѣ и Тырговищѣ въ 1657-мъ году» (изъ сообщеній въ историческомъ Обществѣ Юлія Бараша) касается разсказа архид. Павла о крещеніи хахамъ еврейскомъ Аванаси и его дѣятельности на почвѣ крещенія другихъ евреевъ, и напечатанъ почтеннымъ гебраистомъ въ томъ-же «Ежегодникѣ для евреевъ» д-ра М. Schunarfzfeld'a на 1887—88 г., ап. X-ва, p. 199—202 (соотвѣтствующій переводъ Г. Муркоса въ V выпускѣ на стр. 54—56), также съ нѣсколькими неточными выраженіями и даже пропусками.

Кромѣ того, переводомъ г. Хыждеу румынскіе ученые пользовались очень часто такъ-какъ описаніи архидіакона Павла-какъ мы сказали выше—имѣютъ большое значеніе для археологій и этнографіи румынъ. Укажемъ на нѣкоторыя изъ такихъ замѣствованій. Федоръ Бурада въ «Описаніи церкви св. Архангеловъ въ с. Смытѣй, основанной по преданію Стефаномъ Великимъ, приводитъ слова архид. Павла, относящіяся къ этой церкви, причѣмъ дѣлаетъ заключеніе, что Павелъ не преиинулъ бы замѣтить объ основателѣ ея, воеводѣ Стефанѣ, если-бы послѣдній на самомъ дѣлѣ ее основалъ; поэтому, скорѣе она построена Василіемъ Луду (*Revista p. istorie, arheologie etc.*, vol. IV, pp. 717—719).

Тотъ же ученый, приводя славянскую надпись на каменномъ мостѣ 1636-го года въ Васлуйскомъ уѣздѣ, говоритъ что въ началѣ своего путешествія архид. Павелъ говоритъ объ этомъ именно мостѣ (см. его замѣтку въ томъ же изданіи Fr. Tocilescu, vol. II, an. I, pp. 428—430). Преосв. Мелхесидекъ еписк. Романскій († 1892 г.) очень часто пользуется свидѣтельствами архид. Павла въ своемъ капитальномъ изданіи «*Notite istorice si arheologice, adunate de pe la multe monastiri, ii biserici, antice din Moldova*», Bucur. 95 an., pp. 21, 134, 181 и слѣд., 191, 198, 208, 214, 216, 218, 222, 236, 247, 311, 315 и др, напримѣръ, о времени оставленія кафедръ митр. Варлаамомъ, описаніе Васлуйской церкви, объясненіе слова *simbolu, templu, analoiul*, объ училищахъ Василія воеводы въ Яссахъ, описаніе монастырей Голіи и св. Саввы, монастыря Пречистой въ Галацахъ и др. У того же автора въ I томѣ его монографіи *Chronica Romanului și a episcopiei de Romanu*, pag. 268 приведено описаніе романской митрополичей церкви и ея святины; причѣмъ въ 3 примѣчаніи еписк. Мельхиседекъ исправляетъ ошибку Павла или же переводчика его, Бельфура, о томъ, когда именно начался рождественскій постъ въ 1653-мъ году (соотвѣтствующее мѣсто у Г. Муркоса въ I вып. на стр. 111-й и раньше). Но конечно, больше всего ссылокъ на Путешествіи Павла находимъ у проф. Яскаго университета Александра Ксенопола, *Istoria romanilor din Dacia Traiana ed. populară*, vol. III, p. 148, vol. VII, pp. 8, 10, 11, 41, 42, 58, 61, 128—135, 198, 290, vol. VIII, pp. 160, 161, 164—166, vol. IX, p. 93 и др. Показанія архид. Павла не только даютъ историкъ Ксенополъ любопытныя указанія на бытъ и нравы при молдавскомъ и валашскомъ дворахъ въ половинѣ XVII вѣка, но часто исправляютъ хронологическія неточности, свидѣлствуютъ о древности нѣкоторыхъ учрежденій, памятниковъ, даютъ живыя характеристики историческихъ дѣятелей и т. д. Къ сожалѣнію, впрочемъ, г. Ксенополь относится къ разсказамъ архид. Павла

не всегда достаточно критически, въ особенности, когда послѣдній приводитъ цифры. Нѣсколько ссылокъ мы нашли также въ недавно вышедшемъ изданіи Букарештскаго Географическаго Общества «*Marele Dictionar Geografic al României*» vol. I, pp. 117, 723 и др. Особенно драгоценныя свѣдѣнія оставилъ архид. Павелъ для исторіи букарештскихъ церквей и монастырей, собранныя въ капитальномъ трудѣ академика D. Ionescu-Gion, *Istoria Bucureștilor*, 1899 ап., въ особенности главы III, VI, VII, VIII и IX. На русскій переводъ Путешествія архид. Павла ссылается и Алексѣй Панио въ своей Исторіи Бессарабіи, ч. II, въ очеркѣ быта румынской жизни XVII вѣка. M. Schwarzfeld приводитъ слова Павла о положеніи евреевъ во время нашествія казаковъ Хмельницкаго въ 1653-мъ г.-ду, въ статьѣ «*Ochire asupra istoriei evreilor in România*» Anuar. p. israeliti, ап. X, pag. 27 и мн. др. Однимъ словомъ, едва-ли можно найти какое нибудь серьезное изслѣдованіе по исторіи Румыніи безъ ссылокъ на путешествіе архид. Павла.

При видимой тщательности перевода и безукоризненномъ и легкомъ для чтенія русскомъ языкѣ, въ переводѣ есть нѣсколько неточностей главнымъ образомъ реального характера, ва которыя мы и укажемъ.

Описывая церковь въ г. Васлуй, архид. Павелъ подробно останавливается на картинѣ страшнаго суда надъ вратами церкви. Во главѣ турокъ, изображенныхъ—по-видимому въ аду или предъ Судьею, «идетъ кашидбари въ шапкѣ, и одинъ изъ злыхъ чертей карабкается къ нему на плечи и срываетъ съ него шапку» (вып. I, стр. 47). Въ другомъ мѣстѣ, передавая слова бывшаго еврейскаго хахама, архидьяконъ говоритъ, что «законъ кашидьбери и его послѣдователей по еврейски именуются «табель». (вып. V, стр. 55). Это слово въ одинаковой, приблизительно, передачѣ понимается съ большимъ трудомъ и переводчиками оставлено безъ всякихъ объясненій. Мы склонны видѣть здѣсь еврейскія названія Дьявола—*Hasidim* или правильнѣе *Schedim*. Кромѣ того можно предложить другое объясненіе. Павелъ рассказываетъ въ другомъ мѣстѣ, что «въ монастырѣ Житынь мы видѣли сатану нарисованнымъ въ образѣ чернаго пляшущаго медвѣдя» (вып. V, стр. 56-я). Поэтому, если слово «кашидьяр» написанное по румынски т. е. *casidiari* разложить на три разныхъ слова *casidiari* (или *dearea*), то можно перевести «какъ будто барабанщикъ при ученомъ медвѣдѣ» (*Bägetrommel*). Возможно, что любознательный архидьяконъ запомнилъ это румынское, очень меткое въ данномъ случаѣ, выраженіе и употребляетъ его, какъ цѣльное слово. Подобныя примѣры мы отмѣтимъ и далѣе въ настоящей замѣткѣ.

Въ примѣчаніи къ румынскому слову *heles, teu* (у Павла халистау) г. Муркосъ говорить, что «авторъ, повидимому, принимаетъ это слово за собственное имя (вып. I, стр. 48). Но это предположеніе не вѣрно, потому-что Павелъ прямо говоритъ: «пруда называемаго ва ихъ языкѣ халистау» (стр. 48), на берегу большаго пруда, то-есть халесту или садка для рыбъ» (стр. 65), «близъ хелештеу монастыря Бырновскаго т. е. великаго пруда близъ Яссы» (стр. 153), «огромнаго озера, называемаго халистау» (стр. 153), «подойдя къ хелештеу имъ устроенному, онъ сѣлъ обѣдать (вып. V, стр. 76). Отъ этого слова получили названія нѣкоторыя села въ Молдавіи, напримѣръ *Helestenii* въ округѣ Романа и др. (*Melchisedek, Not. istorice etc.*, pag. 141).

Слово «хорось» по недосмотру объяснено одинаково на двухъ почти сосѣднихъ страницахъ (I стр. 48 и 51); излишнимъ является объясненіе слова «Синаксарь» (I, стр. 53), которое лучше-бы передатъ совершенно понятнымъ и общепотребительнымъ «Прологъ»; румынское слово *sigte*—дворецъ передано чрезъ корту (I, стр. 54, 59 и 122), причѣмъ въ V выпускѣ оно нѣсколько разъ передано уже вполне исправно; слово «драбантъ» взято румынами у нѣмцевъ вмѣстѣ съ введеніемъ института наемниковъ, несомнѣнно, съ древнихъ временъ, и «персидское его происхожденіе ни причѣмъ (вып. I, стр. 54 прим.); названіе господарини во всемъ первомъ выпускѣ передается чрезъ «домина» (вѣроятно подъ вліяніемъ латинской формы *domina* вм. *domnia*; арабское слово *kirait* и вся эта фраза передана неточно у М. Гастера *in fie-care chor se află câte o străină*—въ каждомъ хорось находится по стасидіи (*Revista p. istorie etc.* vol. II, pag. 416) и у Г. Муркоса «на каждой сторонѣ хороса есть книжный шкафъ» (вып. I, стр. 64); это мѣсто мы предлагаемъ перевести такъ:

«при каждой стасіи находится аналой» (въ когоромъ, конечно хранятся и богослужбныя книги). Архид. Павелъ между прочимъ говоритъ, что подъ управленіемъ молдавскаго митрополита находится «три епископа, изъ коихъ одинъ—упомянутый епископъ Романа, второй—епископъ округа Хушъ, третій—епископъ Орхана и его округа (I, стр. 111). Пероводчикъ видитъ въ послѣднемъ изъ нихъ названіе нынѣшняго г. Оргѣва, Бессарабской губ.; и дѣйствительно архид. Павелъ въ другомъ мѣстѣ, называя его Орхай, указываетъ, что и здѣсь епископская катедръ, какъ мы о томъ упоминали» (вып. I, стр. 153). Но съ этимъ согласиться трудно, и скорѣе всего у Павла какая нибудь путаница, потому—что этому противорѣчитъ слѣдующая за тѣмъ фраза «подъ вѣдѣніемъ послѣдняго—два другихъ епископа въ странѣ унгаровъ т. е. мадьяръ» (вып. I, стр. 111). Это скорѣе всего городъ гдѣ нибудь въ Трансильваніи; быть можетъ ему говорили о городѣ Oras, гдѣ въ XVI вѣкѣ печатались славяно-румынскія книги; тѣмъ болѣе что въ Оргѣвѣ никогда не было епископской катедръ. Монастырь Домны, о которомъ говоритъ Павелъ въ I главѣ, XIII книги, это—Ясскій монастырь Голія, не разъ упоминаемый въ I выпускѣ, напримѣръ въ главѣ VIII и стр. 64 и др., а не тотъ, о которомъ имѣются свѣдѣнія въ цитируемой переводчикомъ книгѣ (вып. V стр. 2, прим. 2). Нѣкоторыя названія переданы не вполне точно: вмѣсто Тратушъ должно быть Тотрушъ (вып. V, стр. 3). и др.

Считаемъ также необходимымъ разъяснить недоумѣніе переводчика по поводу значенія должности великаго дворника и логовѣта у Палаузова и Накко (вып. V прим. 1 къ стр. 5-й и слѣд.). По объясненію молдавскаго лѣтописца Урѣке, великій дворникъ былъ «главнымъ судьей въ округѣ—*judesător mare în acele părți*». A. D. Хенпорол прибавляетъ, что дворникъ вѣдалъ и дѣла чисто административныя (*atribuție de ocătuire*), причѣмъ судилъ онъ при господарскомъ дворѣ—*judesătorul curtei* (*Istoria românilor etc. ed. popular, vol. III, pag. 163*). Великій же логовѣтъ вѣдалъ и скрѣплялъ исключительно грамоты, выходившія изъ господарской канцеляріи и хранилъ господарскую печать (*ibidem*). Петръ II Хромой не былъ въ 1567 году изгнанъ въ Малую Азію. Изъ Павла же Алеппскаго узнаемъ теперь, что онъ былъ сосланъ въ Алеппо, въ верхней Сиріи» (вып. V, стр. 5 прим. 3). Во-первыхъ, это не второй по счету Петръ, а пятый, правившій въ 1574—1579 гг. Онъ былъ сосланъ турками въ концѣ 1579 года, какъ пишетъ австрійскій посолъ въ Константинополѣ Zinzendorfъ 15-го января 1580-го года: «Петръ свергнутъ съ престола турками за его двуличіе, арестованъ и сосланъ въ Алеппо. Но его жена и дѣти надѣются на то, что онъ будетъ снова посаженъ на престолъ» (*ibidem. vol. V, pag. 97*). Слѣдовательно, о «сылкѣ Петра въ Алеппо мы знаемъ не изъ Павла Алеппскаго, а изъ современнаго донесенія австрійскому двору.—Слово крендели (вып. V, стр. 7) мы находимъ лучше замѣнить болѣе точнымъ «калаци» рум. *colaci*. Глосса къ слову «качифалось» (куцовлаховъ?) ничего не имѣетъ общаго съ объясненіемъ самого автора «т. е. цыганъ, монастырскихъ рабовъ» (V, стр. 9). Это, по всей вѣроятности, тотъ же оборотъ, который мы предложили въ объясненіе слова «кашидіари», т. е. качифалось состоитъ изъ *cas, i falos*—какъ будто презрѣнный, обычное прозвище цыганъ. На такія объясненія насъ еще наталкиваетъ толкованіе самимъ Павломъ названія одного монастыря въ Валахіи Каишура, т. е. «убогій домъ» (вып. V, стр. 20). Опять, разложивъ на составныя части, получимъ чисто румынское выраженіе *său, i ga*, т. е. какъ будто овня, сарай для зерна. Очень возможно, что путники ему сдѣлали подобное замѣчаніе, а Павелъ его записалъ, принявъ за собственное имя. Даты правленія Раду Негру, приводимыя переводчикомъ—около 1241 г. 1264 г., совершенно не вѣрны (вып. V, 44 прим.), а должны быть: 1292-го года (по Ал. Ксенополу). Вмѣсто Белаша (стр. 17) должно быть Балаша, вм. Ольтъ должно быть Олтъ (стр. 24), вм. Половрасъ (у Павла «Бульфаражъ» V, стр. 35) должно быть Половрачъ и др.). Глосса переводчика къ названію рѣки Жіу (Шиль) (стр. 44, прим. 1) основана на произвольномъ толкованіи архид. Павла названія города Тыргушора (у него—Тыргошмъ) отъ словъ «*тырю* означаетъ базаръ, а *шмъ* названіе рѣки» (стр. 35), въ то же время когда суффиксъ *аг* означаетъ уменьшительное имя, т. е. *Tărgu-ağ*—городокъ, а такой рѣки съ названіемъ *Sil* совсѣмъ нѣтъ.

Во всемъ первомъ выпускѣ, который мы не имѣли возможности просмотрѣть раньше его напечатанья, собственныя названія и имена передаются очень непослѣдовательно: на ряду съ точной русской транскрипціей арабскихъ начертаній согласно рукописи, иногда мы находимъ современныя нѣмецко-русскія названія, которыхъ не уразумѣлъ-бы ни одинъ румынъ: иногда болѣе правильное названіе выведено въ скобки или наоборотъ, иногда въ примѣчаніи и т. д. Дѣло въ томъ, что у архид. Павла на ряду съ фонетически точными названіями, записанными имъ согласно румынскому произношенію, встрѣчаются названія, по которымъ можно только догадываться: о какомъ именно мѣстѣ онъ говоритъ. Последнее, по нашему мнѣнію, происходитъ отъ того, что автору въ большинствѣ случаевъ передавали эти названія его спутники и переводчики греки, которые всегда искажали твердые румынскіе звуки. Выпишемъ, на примѣръ, такія же греческія по окончаніямъ или формамъ названія: Василури *вм.* Васлуй (I, стр. 47), баркаламъ *вм.* пырколабъ (I, стр. 45), бостеникъ *вм.* постельникъ (I, стр. 51), менимча или бениса *вм.* рум. беси = погребъ (I, стр. 72) или пивница (V, стр. 37, 48 и др.), названіе сорта яблокъ василико *вм.* рум. *domnes,ti* = царскіе, господскіе (I, стр. 78), сатража *вм.* стража (I, стр. 92), сотникъ *вм.* сотникъ (I, стр. 93), Нистрошь *вм.* Nistru или Дибъстръ (I, стр. 104), грамматикъ *вм.* грамматикъ т. е. секретарь (I, стр. 140), пастрофъ *вм.* пѣстрѣвъ (V, стр. 26) и мн. др. Въ то же время г. Яссы называются чрезвычайно правильно по-румынски Яшъ (I, стр. 49). Иногда переводчикомъ сдѣланы исправленія, на примѣръ, г. Васлуй, а въ подлинникѣ стоитъ Fasiludi (*Rezista p. istorie etc., vol. II, pag. 416*), Тырговище — Доргашту (I, стр. 97), Сучава — Сатжао (I, стр. 98), Цецора — Татцора (I, 153), Жижіу — Зиза (*ibid.*), Бузео на стр. 152, а на 113-й — Бутза, Рымникъ на стр. 152, а на 113-й — Рымникъ и т. д. Трансильванскій банъ Ракоци всюду называется Ракочи (I, 87 и мн. др.).

Такимъ образомъ, остается пожелать, чтобы скорѣе былъ изданъ арабскій текстъ и привлечена къ изученію лондонская рукопись. Тогда многія сомнѣнія разъяснятся. Жаль также что въ концѣ послѣдняго выпуска не приложена карта съ означеніемъ пути слѣдованія патр. Макарія. Не менѣе интереснымъ былъ бы очеркъ свещеній антиохійской патріархіи съ румынскими монастырями и іерархами, подобно тому, какъ въ приложеніи къ послѣднему выпуску находимъ очеркъ, касающійся такихъ же сношеній съ московскими дворами. Матеріалы для него нашлись бы въ слѣдующихъ книгахъ: *Paradourulo-Calimach, Un episod din istoria tipografiei in Rmânia. (Analele Academiei Române); A. Xenopol, Istoria românilor etc., vol. VII, pag. 264, vol. IX, pag. 196; Melchisedec episc., Notiție istorice etc., pag. 286 и мн. др.*

А. И. Яцимирскій.

Д-ръ І. Поливка. Магьосниѣтъ и неговиятъ учениѣтъ.
Сравнительна фолклорна студия. София, 1898. Стр. 56.

Еще очень недавно приходилось слышать со стороны многихъ изслѣдователей народной словесности частыя жалобы на недостаточность и отрывочность сырого матеріала, предлагаемаго имъ для сравнительнаго удостовѣренія и изученія. Нынѣ приходится сътовать скорѣе на огромное накопленіе этого сырого матеріала, выпускаемаго собирателями разныхъ странъ и народовъ, въ большинствѣ случаевъ, совсѣмъ наобумъ, безъ всякаго критическаго разбора. Тутъ является очень кстати сравнительная библіографія отдѣльныхъ сюжетовъ и мотивовъ народной словесности, вносящая порядокъ и свѣтъ въ черную работу собирателей и составляющая поэтому первое и необходимое условіе цѣлесообразнаго изученія фольклора.

Въ области библіографіи славянскаго фольклора стяжалъ себя въ послѣднее время почетную извѣстность профессоръ чешскаго университета Ю. И. Поливка, снабжающій уже нѣсколько лѣтъ почти каждый новый сборникъ славянскихъ сказокъ многочисленными библіографическими справками и примѣчаніями. Его полезную дѣятельность въ этомъ направленіи можно сравнить съ дѣятельностью покойнаго нѣмецкаго ученаго

Рейнгольда Кёлера, съ той развѣ оговоркой, что послѣдній обладалъ, кажется, болѣе широкимъ и полнымъ сравнительно-литературнымъ аппаратомъ.

Кромѣ этихъ библиографическихъ росписей сказочныхъ параллелей, появляющихся постоянно въ разныхъ славянскихъ этнографическихъ изданіяхъ, г. Поливка издалъ также нѣсколько болѣе цѣльныхъ очерковъ по исторіи отдѣльныхъ сказочныхъ сюжетовъ, какъ-то: Сказка о рыбацкѣ и рыбацѣ, Докторъ Всезнайко, Мидасовы уши, Отчего стариковъ убивать перестали, О двухъ мальчикахъ и чудесной птицѣ и др. Не желая нисколько умалить значеніе этихъ интересныхъ очерковъ почтеннаго пражскаго профессора, мы должны, однако, замѣтить, что они имѣютъ преимущественно тотъ-же библиографическій характеръ, только въ шире изложенномъ и обставленномъ видѣ. Это тѣ-же библиографическіе своды наличныхъ параллелей сказки, иногда далеко не полные, съ той только разницей, что вмѣсто однихъ заглавій, здѣсь приводятся самые тексты сказокъ, полностью или въ извлеченіи, съ попутными литературными спайками и примѣчаніями автора. Однако, исторіи сказки, ея происхожденія и броженія, ея измѣненій и наслоеній, эти очерки, въ большинствѣ случаевъ, не даютъ и, можетъ быть, даже ни могутъ дать. Есть-же такіе упорные сюжеты, съ которыми иногда ничего подѣлать не можно. «Уловить пути распространенія устной сказки, за многіе вѣка ея блужданія, по словамъ В. О. Миллера, все равно, что ловить вѣтеръ въ полѣ». Только зачѣмъ-же тогда гоняться напрасно за неудовимымъ призракотъ?

Типичнымъ выразителемъ этого рода разысканій г-на Поливки является новѣйшій его очеркъ, появившійся недавно въ XV томѣ болгарскаго министерскаго «Сборника» и вышедшій затѣмъ отдѣльной брошюрою. Онъ посвященъ разбору широко распространенной сказки о колдунѣ (Охѣ) и его ученикѣ, превзошедшемъ своего учителя въ колдовскомъ искусствѣ, бѣжавшемъ отъ него и, наконецъ, послѣ цѣлаго ряда обоюдныхъ превращеній, убивающемъ его въ ожесточенной борьбѣ. Авторъ сводитъ по очереди цѣлый рядъ славянскихъ и иноплеменныхъ вариантовъ сказки, отъ современныхъ болгарскихъ до древне-индійскихъ записей. Къ сожалѣнію, однако, даже этотъ сводъ вариантовъ не имѣетъ желательной полноты. Въ немъ пропущены такіе важные для исторіи сказки варианты, какъ напр. малорусскіе Драгоманова (Преданія, с. 326—328), и Яворскаго (Живая Старина, 1897, 443—445), мадьярскій (Штиръ, Ungarische Sagen und Märchen, 102), Кавказскіе (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, VI, отд. 2, 197—200, VII, о. 1, 125—128 и о. 2, 110—117, X, о. 2, 322—324, XVIII, о. 3, 23—26), монгольскіе (Потанинъ, Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, 198—199, 531—533), бурятскій (Этнографическое Обзоріе, XXVIII, 131), якутскій (Этногр. Обзоръ, XXXIV, 167—168), буддійско-китайскій (Orient und Occident, III, 374—375), и др. Въ послѣднее время, уже послѣ выхода въ свѣтъ статьи г-на Поливки, появились еще два интересные варианта, именно, чешскій Český Lid, IX, 91—94), и качинскій (Живая Старина, 1899, 140—143).

Незнакомство съ вышеуказанными вариантами сказки не могло, конечно, не повліять въ значительной степени какъ на общее изложеніе ея исторіи, такъ и на критическую разработку ея составныхъ частей. Итакъ, хотя авторъ, по слѣдамъ Бенфея, относитъ происхожденіе сказки въ азіатскому Востоку, именно, къ индійскимъ и буддійскимъ источникамъ, однако, съ своей стороны ничѣмъ не обосновываетъ этого положенія и въ результатѣ даже не опредѣляетъ ближе этихъ источниковъ. Мнѣ кажется, что корень зла въ настоящемъ случаѣ заключается главнымъ образомъ въ фальшивомъ предположеніи автора, будто основу сказки составляетъ ея первая часть, т. е. рассказъ о колдовской школѣ и возникшихъ на этой почвѣ враждебныхъ взаимоотношеніяхъ между колдуномъ и его ученикомъ. Поэтому, отвергая, какъ нѣчто неважное и постороннее, вторую часть сказки, т. е. исторію борьбы и превращеній двухъ, обладающихъ сверхъестественной силою, соперниковъ, тамъ, гдѣ она является отдѣльно и самостоятельно, авторъ останавливается только на полныхъ редакціяхъ сказки и только для нихъ ищетъ и, конечно, не находитъ такого-же полного первообраза. Между тѣмъ стоитъ только отнести къ этой второй части съ надлежащимъ вниманіемъ и уваженіемъ, и сложный вопросъ о происхожденіи сказки разрѣшился-бы, можетъ быть, гораздо легче. Она не

только по существу своему имѣетъ несомнѣнно древне-буддійскій характеръ, но важна также по сравнительно наибольшему количеству восточныхъ, особенно монголо-тюркскихъ вариантовъ. Въ пользу выдающагося и самостоятельнаго значенія этого мотива говорить также его широкое примѣненіе, какъ вставного эпизода, во многихъ другихъ сказкахъ, напр.: Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ, III, 119, IV, 114; Манжура, Сказки, 27; Трейландъ, Латышскія сказки, 50; Радловъ, Proben, IV, 33; Пыпинъ Очеркъ лит. исторіи стар. повѣстей и сказокъ, 294—295, и мн. др. Еще болѣе подтверждаютъ это народныя, преимущественно славянскія и романскія пѣсни о дѣвухѣ и преслѣдующемъ ее женихѣ-нелюбѣ, зависимость которыхъ отъ второй части нашей сказки не подлежитъ сомнѣнію (Ср. Петричку-Хиждеу, *Cărtile poroane ale Romanilor* in sec. XVI, 501—566, 694—705).

На все это, однако, авторъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія, такъ что въ опредѣленіи основнаго мотива сказки по неволѣ долженъ былъ отдать предпочтеніе первой ея части, подкупающей на первый взглядъ своимъ большимъ распространеніемъ въ народныхъ литературахъ современной Европы. Впрочемъ, даже внимательный разборъ самаго разсказа о колдовской школѣ долженъ-бы возбудить нѣкоторые сомнѣнія относительно его основоположнаго значенія. Представленіе о чертовской, «черной» школѣ было распространено особенно въ средніе вѣка въ западно-южной Европѣ и возникло вѣроятно подъ вліяніемъ таинственной обстановки средневѣковыхъ ученыхъ, астрологовъ и алхимиковъ, окруженныхъ такими-же таинственными учениками. (Ср. Графъ, *Naturgeschichte des Teufels*, 249—250). Чертовская школа извѣстна хорошо также южнымъ славянамъ, румынамъ и мадьярамъ. (Ср. *Archiv für slavische Philologie*, II, 437—481, IV, 611, VII, 281—290; Мариану, *Albina Carpatilor*, III, 54; Шафену, *Vasmele române*, 871). Не естественно-ли предположить, что эти именно средне-вѣковыя представленія о чертовской школѣ легли въ основаніе нашей сказки о школѣ Оха, а затѣмъ въ ней-же перешли на Востокъ и слились тамъ съ существовавшимъ уже самостоятельно мотивомъ о чудесной борьбѣ двухъ могучихъ соперниковъ? Въ этомъ новомъ и сложномъ видѣ сказка могла впоследствии возвратиться назадъ въ Европу, хотя параллельно съ нею могъ проникнуть сюда и самый разсказъ о борьбѣ и превращеніяхъ двухъ враговъ также отдѣльно и самостоятельно. Не открывается-ли дарчикъ, такимъ образомъ, совсѣмъ просто?

Другой вопросъ, тоже только поставленный, но не разрѣшенный авторомъ, состоитъ въ томъ, какими путями совершился этотъ переходъ сказки, какія постороннія наслоенія восприняла она во время своихъ блужданій и какіе слѣды оставила она на своемъ пути? Авторъ самъ сознаетъ и подчеркиваетъ выдающійся историко-литературный интересъ разбираемой сказки, но, къ сожалѣнію, ни одного изъ упомянутыхъ интересныхъ вопросовъ онъ не разбираетъ и не разъясняетъ нисколько, ограничиваясь только сухой схематической таблицей, испещренной неудобопонятными іероглифами и только еще болѣе осложняющей и запутывающей дѣло.

Вообще, на всемъ протяженіи своихъ разысканій авторъ поражаетъ какой-то странной безпомощностью, доходящей до той степени, что въ концѣ-концовъ онъ даже вовсе отказывается отъ какихъ-бы то ни было предположеній, предпочитая дожидаться «новыхъ открытій въ области древне-восточныхъ литературъ» (стр. 49). Только-же, если-бы даже въ самомъ дѣлѣ нужно было въ настоящемъ случаѣ дожидаться какихъ-то «новыхъ открытій», такъ почему-же авторъ такъ поторопился съ публикаціей своего «сравнительно-фольклорнаго изслѣдованія», почему еще не подождать малость? Зачѣмъ-же преждевременно ловить вѣтеръ въ полѣ?

Ю. Яворскій.

Allgemeine Methodik der Volkskunde. Berichte über Erscheinungen in den Jahren 1890—1897. Von L. Scherman und F. S. Krauss. Erlangen, 1899. Стр. 134, 80.

Первое заглавіе этой полезной книги, кажется, слишкомъ громко. Вѣдь пока—

что едва-ли можетъ быть рѣчь о «всеобщей методикѣ» этнографіи, какъ науки, если, до сихъ поръ не только ея мелкіе практическіе приемы, но даже общіе принципы ея изслѣдованіи не установлены въ ней нисколько, не сведены хоть въ мало-малыски цѣльную систему. Всякій изслѣдователь долженъ все еще искать собственныхъ средствъ и идти своей собственной дорогой, если не хочетъ попасть, по слѣдамъ перваго—лучшаго фантазера, въ какую-нибудь непроходимую трясиину.

Впрочемъ, даже самое, такъ сказать, правовое положеніи этнографіи, ея роль въ ряду другихъ наукъ, ея отношеніе къ нимъ, даже имя ея, наконецъ,—все это до сихъ поръ не выяснено, не установлено па сколько, чтобы можно было говорить о какомъ-либо научномъ порядкѣ или методѣ. Этого въ ней пока-еще нѣтъ и до поры до времени даже быть не можетъ.

Доказываетъ это особенно наглядно первая часть «Всеобщей методики» (стр. 21), составленная извѣстнымъ оріенталистомъ Л. Шерманомъ и посвященная, разбору теоретическихъ словопреній англійскихъ и американскихъ фольклористовъ за 1890 годъ. Сколько тутъ разныхъ мыслей и взглядовъ, въ большинствѣ случаевъ неуводимыхъ и непримиримыхъ! Какой хаосъ направленій и методовъ, рѣзко оспаривающихъ, взаимно исключаящихъ другъ друга! И это всего только за одинъ годъ, въ одной только семьѣ англо-саксонскихъ ученыхъ. Чего-же, послѣ этого, можно ожидать дальше?

И другой изъ авторовъ книги, сербо-хорватскій этнографъ Ф. С. Крауссъ, новидному не слишкомъ увлекся преувеличенной задачей, стояча наѣченною въ заглавіи книги. Очевидно, при ближайшемъ соприкосновеніи съ наличнымъ матеріаломъ, вся предполагаемая «методика» автора разлѣзлась у него между пальцами. Поэтому авторъ ограничился въ концѣ-концовъ болѣе скромной задачей и сдѣлалъ только то, что въ данныхъ условіяхъ онъ сдѣлать могъ: далъ сжатый обзоръ важнѣйшихъ явленій этнографической литературы за семь лѣтъ 1891—1897. Къ сожалѣнію, однако, этотъ обзоръ далеко не полный, такъ какъ авторъ почему-то руководствовался своеобразнымъ протекціонизмомъ и удостоилъ своего вниманія только тѣ сочиненія, которые были ему какъ редактору журнала «Der Urquell» доставлены непосредственно ихъ авторами и издателями. Вслѣдствіи этого библиографическій обзоръ г-на Краусса получилъ нѣсколько случайный и неровный характеръ, особенно-же блѣдно представлена въ немъ славянская и въ частности русская этнографическая литература. За послѣднюю въ данномъ случаѣ даже весьма обидно: авторъ отмѣтилъ только нѣсколько и то далеко не перво-степенныхъ сочиненій русскихъ авторовъ, а такимъ важнымъ изданіемъ, какъ «Живая Старина» и «Этнографическое Обзорѣніе», посвятилъ всего нѣсколько ничего не значущихъ строкъ.

Тѣмъ не менѣе «Всеобщая методика» можетъ сослужить научному изученію этнографіи, особенно-же нѣкоторыхъ сторонъ ея нынѣшняго состоянія, преимущественно въ западной Европѣ, хорошую службу, а помѣщенные въ концѣ ея «наставленія фольклористамъ» слѣдовало-бы дѣйствительно изучать и помнить наизусть. Въ этомъ смыслѣ она заслуживаетъ полной признательности, тѣмъ болѣе, что это, насколько намъ извѣстно, первая осмысленная попытка нѣкоторой систематизаціи богатой этнографической литературы, растущей и развивающейся не по днямъ, а по часамъ.

Ю. Яворскій.

Караџићъ. Листъ зѣ српски народни живот, обичаје и предане. Издаје и уређује Тих. Р. Ђорђевићъ. Година I. № 1—12. Алексинацъ, 1899. Стр. 280 + 26, 8^о.

Какъ это ни странно, но сербская литература, давшая Славянству отца сербской этнографіи Вука Стефановича Караджича, не имѣла до сихъ поръ своего спеціально-этнографическаго изданія, а ея богатое «народно благо» ютилось и, конечно, пропадало въ разныхъ календаряхъ, журналахъ и брошюрахъ, никому не извѣстныхъ и не оступившихъ. Только, въ самое послѣднее время возникли сразу два академическія изданія, посвященные сербской этнографіи, но одно изъ нихъ, «Српски Етнографски Зборникъ» Бѣлградской Академіи Наукъ, посвящено только большинству монографіямъ и сырмь,

мелкимъ матеріаломъ не интересуется вовсе, другое-же, именно «Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena», издаваемый Южно-славянской Академіей въ Загребѣ, какъ по своимъ узко-хорватскимъ рамкамъ, какъ и вслѣдствіе своей непрактичной и неумѣлой редакціи, никакого значенія для сербской этнографіи, въ тѣснѣйшемъ этого слова значеніи, имѣть не можетъ¹⁾.

Поэтому можно только съ радостью и удовольствіемъ привѣтствовать новый, собственно-же первый сербскій этнографическій журналъ, начавшій выходить въ прошломъ году въ Алексинцѣ (въ Сербіи) и принявшій дорогое имя отца сербской этнографіи «Карацића». И имя это, въ настоящемъ примѣненіи, не пустой звукъ. Редакція, повидимому, относится къ дѣлу съ пониманіемъ и любовью, которыхъ сербская этнографія, послѣ Караджича и, пожалуй, еще Врчевича, не испытала, кажется, нисколько. Кромѣ этого журналъ не признаетъ никакой племенной розни между отдѣльными сербо-хорватскими областями и относится ко всѣмъ имъ, безъ различія вѣроисповѣданія и азбуки, съ одинаковымъ доброжелательствомъ и вниманіемъ.

Содержаніе журнала за первый годъ его изданія отличается прежде всего замѣчательнымъ разнообразіемъ и непосредственной свѣжестью охваченнаго имъ сырого матеріала. Этотъ сырой матеріалъ и есть самое цѣнное и интересное въ журналѣ. Тутъ мы находимъ и цѣлый рядъ народныхъ пѣсенъ, преданій и сказокъ, большинство которыхъ приурочено къ разнымъ мѣстностямъ и зданіямъ или-же къ Кралевичу Марку и богатые своды загадокъ, пословицъ, прибаутокъ и повѣрій, и интересные матеріалы для исторіи юридическихъ, музыкальных и техническихъ народныхъ обычаевъ и приемовъ — вообще въ тѣсныхъ рамкахъ журнала охвачена, можно сказать, вся народная жизнь и словесность почти въ полномъ, хотя только въ миниатюрномъ, видѣ. И какъ съ одной стороны нельзя не порадоваться такой всесторонности журнала, то, съ другой, слѣдуетъ пожалѣть о томъ, что его маленькій объемъ вслѣдствіе этой именно всесторонности матеріала, чувствительно стѣсняетъ послѣдній, ограничивая его только небольшими замѣтками и отрывками. Изъ болѣе цѣльныхъ статей журнала отиттимы особенно интересныя этнографическія замѣтки заслуженнаго В. В. Вукасовича («Народни везови у Далмацији», «Покоп код Срба у Лици», «Стока у Харцег-Босни»), очеркъ похоронныхъ обычаевъ въ Мостарѣ Л. Г. Вѣлокосича, воспоминанія г. Мелпчевича изъ временъ смѣшной борьбы сербскаго правительства противъ Вуковой правописной реформы и др.

Наконецъ въ каждомъ выпускѣ журнала имѣется рядъ мелкихъ этнографическихъ замѣтокъ, а также краткіе библиографическіе обзоры новыхъ явленій этнографической литературы. Относительно послѣднихъ слѣдуетъ замѣтить, что желательна была-бы въ нихъ большая полнота именно сербскихъ библиографическихъ сообщений, между тѣмъ какъ редакція, повидимому, болѣе интересуется «высокой», нѣмецкой и французской литературой. Эту роскошь, однако, могутъ позволить себѣ только совсѣмъ ужъ установившіяся развитыя изданія.

Какъ бы тамъ ни было, однако, можно только порадоваться, что сербское «народно благо», пренебрегаемое академическими изданіями, нашло, наконецъ, благодаря появленію «Карацића», свою надежную, хотя, впрочемъ, пока еще даже весьма скромную и невзрачную сокровищницу, спасающую его отъ преждевременной порчи и гибели.

Ю. Яворскій.

¹⁾ Съ этимъ рѣзкимъ отзывомъ ред. согласиться не можетъ. Въ различныхъ книжкахъ этого Сбора. заключается не мало важныхъ данныхъ, наблюденій о сербо-хорватской народности и ея живой старинѣ.

ОТДѢЛЪ IV.

Вопросы и отвѣты.

I.

Румынская «дойна».

(Къ квестіонарію Э. А. Вольтера).

Объясненіе румынской «дойны», сдѣланное г. Кожухаровымъ («Жив. Старина», 1900, III, 443), не вполне правильно. «Дойна» дѣйствительно означаетъ нѣсню, но не одну какую-нибудь, съ опредѣленнымъ, хотя неизвѣстнымъ г. Кожухарову текстомъ и напѣвомъ. «Дойна», подобно малорусской думѣ, составляетъ цѣлый отдѣлъ въ народно-пѣсенномъ репертуарѣ румынъ и имѣетъ, конечно, очень много разнообразныхъ текстовъ и мелодій, преимущественно грустныхъ и заунывно-протяжныхъ. Такое значеніе имѣетъ это слово въ Буковинѣ и Румыніи. Недавно вышелъ въ Букарештѣ даже цѣлый большой сборникъ такихъ народныхъ «дойнъ».

Ю. Яворскій.

II.

Считаю своимъ долгомъ представить весь рассказъ о чортѣ и Румынѣ, такъ какъ вкралась маленькая ошибка.

Существуетъ у насъ въ Бессарабіи рассказъ о чортѣ и Румынѣ, которые, встрѣтившись, шли въ ненастную погоду. Грязь была не пролазная и мужикъ предложилъ чорту везти по очереди другъ

друга на себѣ до тѣхъ поръ, пока сѣдокъ (или сидящій на спинѣ) не окончитъ произвольно избранной пѣсенки.

Бросили жребій, и мужикъ долженъ былъ первый вести чорта. Чортъ, сидя на спинѣ мужика, скоро спѣлъ свою пѣсенку и долженъ былъ слѣзть со спины мужика и предоставить послѣднему свою спину. Мужикъ, усѣвшись поудобнѣе на чортѣ, запѣлъ излюбленную «дойну». Потѣтъ чортъ подъ мужикомъ и ждетъ конца пѣсни, но не тутъ то было—пѣсня была безконечна, и чортъ, скрѣпя сердце, долженъ былъ довести мужика домой.

Очень сожалѣю, что письменно не представилъ Вамъ этого разсказа раньше, такъ какъ теперь прійдется ввести поправку.

Н. Кожухаровъ.

26 Сентября 1900 г.

III.

Получивъ отъ г. Н. В. Томаса изъ Лондонскаго Антропологическаго Института 3 Napover Sq. слѣдующіе вопросы по части народныхъ суевѣрій относительно животныхъ, Редакторъ «Ж. Стар.» проситъ покорнѣйше редакціи «Губернск. и Епар. Вѣдомостей» перепечатать эти вопросы съ просьбою къ мѣстнымъ знатокамъ присылать отвѣты на тѣ или другіе изъ этихъ вопросовъ, если не на всѣ, редактору «Жив. Стар.» (Петербургъ, Звенигородская, 32).

Отвѣты по мѣрѣ полученія будутъ печататься въ «Жив. Стар.» (въ Отд. вопросы и отвѣты), и отдѣльными оттисками отсылаемы въ Лондонскій Антропологическій Институтъ.

1. Какія животныя (птицы, рыбы, насѣкомыя и т. д.) означаютъ счастье или несчастье тому, кто ихъ видитъ?

2. Какія животныя приносятъ дому, гдѣ живутъ, счастье или несчастье?

3. Какія животныя предсказываютъ смерть?

4. Какія животныя предсказываютъ цѣну хлѣба, обильную жатву?

5. Дается ли послѣднимъ хлѣбнымъ колосьямъ имя животного, и какого? Говорятъ ли, что то или другое животное пробѣжало по полю, когда хлѣбъ наклонило вѣтромъ?

6. Держать ли животныхъ (птицъ и т. д.) въ домахъ, дабы удержать благополучіе, охранить себя отъ болѣзней и т. д.? Нужно ли первое замѣченное весной какое-либо животное поймать, привѣтствовать и т. д.? Есть ли животныя (птицы, яйца и т. д.), коихъ нельзя брать къ себѣ домой?

7. Какое значеніе имѣетъ въ народномъ суевѣріи масть, цвѣтъ, краска того или другого животнаго? Оказывается ли предпочтеніе бѣлымъ животнымъ?

8. Какія животныя въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ считаются какъ бы священными, коихъ нельзя убивать, употреблять въ пищу, на коихъ неохотно смотреть, къ тѣламъ и гнѣздамъ коихъ неохотно прикасаются и коихъ даже не называютъ обыкновенными именами?

9. Есть ли животныя, мясо коихъ ѣдятъ лишь разъ въ годъ, и даже разъ въ годъ съ особенными обрядами?

10. Есть ли животныя, за коими охотятся разъ въ годъ или коихъ убиваютъ при народныхъ увеселеніяхъ? или сбрасываютъ съ известной высоты, или по доброй волѣ отпускаютъ ихъ на свободу? Или такія, коихъ преслѣдуютъ, колотятъ и бьютъ?

11. Обносятъ ли въ Святое Воскресенье или вообще на Святой недѣлѣ какихъ-нибудь животныхъ или ихъ чучела или изображенія, и бросаютъ ли ихъ въ огонь? и т. д. Продаются ли единожды въ годъ какія-нибудь животныя или насѣкомыя? Покупаютъ ли ихъ, дабы отпустить на Божью волю?

12. Есть ли повѣрье, что можно получить цѣлебную или волшебную силу отъ употребленія въ пищу мяса известныхъ животныхъ, или отъ прикосновенія къ нимъ, или когда онѣ гибнутъ въ рукѣ у человѣка? Людямъ какого возраста, какихъ лѣтъ должно это предпринимать?

13. Какихъ животныхъ употребляютъ при колдовствѣ или въ народной медицинѣ и съ какими цѣлями? Какъ нужно убивать такихъ животныхъ?

14. Изготавливаются ли калачи, булки, пироги съ видомъ животныхъ или съ разными ихъ изображеніями, или такіе, коимъ придаютъ названія животныхъ?

15. Есть ли повѣрье, что покойники являются въ видѣ животныхъ?

16. Есть ли повѣрье, что вѣдьмы принимаютъ видъ животныхъ?

17. Какія животныя понимаютъ человѣческую рѣчь?

18. Какія животныя въ чужихъ странахъ принимаютъ видъ человѣческій или по собственному желанію появляются въ этомъ видѣ? Какія животныя считаются проклятыми людьми?

19. Какія животныя приносятъ маленькихъ дѣтей и откуда?

20. Есть ли сказки или преданія о лебедяхъ - дѣвахъ и юношахъ? Или преданія о предкахъ звѣрообразныхъ или съ звѣриными частями тѣла, о рожденіи животныхъ и т. д.?

21. Имѣютъ ли какое значеніе животныя при обрядахъ родильныхъ, свадебныхъ и похоронныхъ?

22. Кладутся ли головы животныхъ или ихъ черепа на домовыхъ крышахъ или на поляхъ?

23. Какія животныя обыкновенно изображаются на вывѣскахъ (гостинницъ и пр.) и на флюгерахъ или флюгаркахъ (вѣтреницахъ)?

24. Есть ли дѣтскія игры съ именами или съ представленіями животныхъ (кошка и мышка, гуси - лебеди и т. д.)? Бываютъ ли на Свѣтлой недѣлѣ катанье яицъ, бѣга и пр.?

25. Хоронятъ ли по суевѣрнымъ основаніямъ найденныхъ мертвыми животныхъ, погребаютъ ли въ заговѣнье? и т. д.

При этомъ просятъ при каждомъ отвѣтѣ:

1. Всегда обозначать мѣсто наблюденій.

2. Сообщать народныя (мѣстныя) названія животныхъ.

3. При отвѣтахъ на вопросъ 14 приложить самые калачи или булки или по крайности ихъ рисунки, изображенія. Для объясненія отвѣтовъ на вопросъ 22 желательны также рисунки.

Н. В. Томасъ.

ОТДѢЛЪ V.

С м ѣ б .

Изъ галицно-русскихъ народныхъ повѣрій.

1. Переступень.

Переступень (*Bryobia alba* L.) растётъ, якъ сы полюбить мѣсце, за угломъ за хатовъ або въ горѣди, съ-пнвъ мэтра у земли. Лѣстье маіс таке, якъ на имѣлю, скризъ обсыпане чорными ягодами. Маіс такій корінь, акурать такий, якъ малѣ дитѣна, маіс голову, руки, ноги. Вонъ винъ іс зъ тыхъ дитѣй-потѣрычать, перекидѣися зъ нихъ.

Хто не знаіс, а ёгѣ урёзъ або перѣтне, то винъ заразы пошкодыть, поранѣтъ на цилѣмъ тѣли, ажъ кровь течѣ, видѣйме руки, ноги, або й рѣзунъ. А зъ коріня ёго тече бѣла кровь. Тогда той хрестыанѣнъ лежѣтъ хѣрый и може лежѣты й кѣлька рѣкнѣвъ. Ажъ якъ-бы ся довѣдавъ, що то видъ переступня ёму такъ іс, то тогда берѣ цилѣнку хлѣба и мѣсла свяченого и крѣйцарѣ, кладѣ тотѣ коло того переступня, прѣтѣлыть до того мѣсця, дѣ го утѣвъ, помастытъ и перепрѣсытъ ёго. И тогда прыгѣрне землѣвъ и вже му тогда заразы полѣкшытъ.

Часѣмъ дѣ якъ горѣдѣтъ нлѣтъ и натрѣфытъ хто колѣмъ на нѣго, то мѣсытъ розѣбраты плѣтъ и навѣкло нѣго обкопаты землю.

Переступень часѣмъ перекѣдуіся въ дитѣну. Вѣскочѣтъ зъ земли и сѣда собѣ на плѣти або на явѣмъ слѣпи, поднѣсе однѣ руку и ногу до горѣ и сѣдѣтъ. А потѣму сѣзне—не знѣты дѣ.

Дѣ винъ растѣ, то прѣнѣсытъ сѣйстѣе и маістокъ. Але якъ му ся мѣсце змерзѣтъ, або що, то забѣрѣся и перѣйде на існѣе мѣсце. Люде го дѣже шнѣють и не рѣшають го. Хто знае видѣвыты, той го може вѣрваты и ницѣ му ся не стѣне. То іс дѣже дорогѣ корѣнье, навѣтъ го до аптѣки продаѣтъ и вже тамъ въ аптѣци знають, до чѣго онѣ іс налѣжне.

(Записана отъ Сеня Вереса изъ с. Русатычи. Бобрѣцкаго у.).

Срѣни мою статью «Die Mandragora im südrussischen Volksglauben» въ «Zeitschrift für österreichische Volkskunde», 1896, вып. 12, стр. 353—361; J. L. Holuby, «O Mandragore», въ «Slovenské Pohľady» 1883, стр. 183—191; «Zeitschrift für Ethnologie. Verhandlungen der Berliner Gesellschaft f. Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte», 1891, т. XXIII, стр. 726—746, 890—892; P. I. Veth, «De leer der signatuur. Met een naschrift: de mandragora». Лейденъ, 1894, стр. 9—16, 54—60, и др.

2. Б о г и н я.

Богиня—то така нечыста кобыта, що льыісѣ въ лѣси; она хѣдыть гѣла, а цыцькѣмъ маісѣ такі дѣвгн, що може ихъ перевѣсыты чѣрезъ плѣчи, гыбы кѣсы.

То она ссѣ людѣй, цы дивѣкѣ цы хлѣпцѣвъ, кого-бѣдѣ. Такѣ усыпляісѣ чоловѣка, же му ся такѣ дѣже спаты хѣче, гыбы му очы зашывѣ. Тай зѣразѣ кладѣсѣ кѣло нѣго и ссѣ и ссѣ, якѣ дѣтына маму. То потѣму такѣй хлѣпецѣ маісѣ такѣ цыцькѣмъ велыкѣ, якѣ кобыта, що маісѣ дѣтыну.

А она ще мнѣісѣ въ ноцѣ дѣты; якѣ ино не хрещѣне, то зѣразѣ пидмнѣісѣ: вѣзѣме лѣдѣску дѣтыну, а лышѣісѣ своѣ, такѣ сухѣ а паскѣдну, же сѣмъ мѣрѣю поды-
выты. То ісѣ видѣіна. (Записано отѣ Каськѣ Загальской, изѣ с. Стольсѣна, Жидачев-
скаго уѣзда).

Срѣн. Н. Сумцова «Boginki-Машину» въ варшавской «Вислѣ» 1893 г. и
моѣ ст. «Галицко-русскія повѣрія о дикой бабѣ» въ «Живой Старинѣ». 1897,
вып. III—IV, стр. 439—441.

Ю. Яворскій.

Примѣты и рассказы.

Примѣты, рассказанныя учениками 1-го класса Боровскаго уѣзднаго училища.

Глазѣ правый чешетсѣ къ лучшему—къ радости, а лѣвый—плакать.

Рука чешетсѣ—денѣги получать, которая нѣбудѣ все равно.

Воронѣ кричитѣ на крышѣ—къ упокойнику.

Носѣ чешетсѣ—къ упокойнику.

А то носѣ чешетсѣ—вино пить.

Собака воетѣ къ верху—къ пожару, а къ низу—къ покойнику.

Курица запоетъ—къ покойнику, тогда ей голову нужно отрубить, не бѣдетѣ по-
койника? Небѣдетѣ другой: нѣтъ, это невѣрно: бѣдетѣ покойникѣ.

Кукушка близко кукуетѣ—къ покойнику.

Зеркало лопнетѣ—къ упокойнику, къ несчастью.

Когда лѣдѣ на рѣкѣ не растаялѣ, чернава въ пролубѣ каково-то увидалѣ, выбѣ-
жалѣ черныи изѣ рѣки прямо побѣжалѣ къ больницѣ—это къ упокойнику: у насѣ
мамаша померла.

Палѣно упадетѣ съ дровѣ,—кто нѣбудѣ женитсѣ или замужѣ выйдетѣ. Кто видѣлѣ:
одинѣ мальчикѣ шуточно: я сколько разѣ видѣлѣ.

Горшокѣ въ печкѣ шибко шипитѣ—значитѣ къ упокойнику. У насѣ такѣ братѣ
померѣ.

Самоварѣ какѣ гудитѣ: если печально, къ упокойнику, если весело вонѣ какѣ
пароходы гудятѣ, къ новостямѣ, или уѣзжать кому нѣбудѣ.

Ще чаю напьѣсѣся, а самоварѣ бѣдетѣ шумѣть, гости прѣйдутѣ.

Еще когда чашку накроешь, чаю напьѣсѣся, она загремитѣ—тогда вѣсти слышать.

Чугунѣ гудитѣ въ печкѣ—кто нѣбудѣ померѣ.

Кошка когда играетѣ, да когтями когда скребетѣ—къ морозу.

Если голубѣ на окнѣ сидитѣ одинѣ да что нѣбудѣ влѣюетѣ—письмо получать.

Когда чайникѣ обольешѣ, не усмотришь—какой нѣбудѣ человекѣ прѣидетѣ.

Кошка на полу растянѣтсѣ, ноги протянѣтѣ—къ теплу.

Голубѣ когда въ окно влетитѣ—кто нѣбудѣ умретѣ.

Сова на крестѣ—къ сильному пожару.

Сорока щебечетѣ близко, на дворѣ—къ новостямѣ.

Учениками 2-го класса.

Курица пѣтухомъ поеть — очень нехорошо будетъ, по упокойнику.
Кошка на заклѣтѣ сидитъ — будетъ холодно.
Когда сорока кричитъ на дворѣ — письмо получите.
Собака воетъ вверху — къ пожару, внизъ — къ покойнику.
Воронъ на крышѣ кричитъ — къ покойнику.
Лѣвый глазъ чешется — очень будетъ хорошо, а правый — будетъ плакать.
Ладонь чешется, лѣвая если, деньги получать, а правая отдавать.
Голубь сидитъ на окнѣ — письмо.
Голубь въ домъ влетитъ — къ покойнику.
Когда чаю напьешься, чашка застучитъ — вѣсть получать.
Кошка умывается (лапкой) — гости будутъ.
Если ложка не опрокинута, говорятъ: у невѣсты ротъ разинутый.
Съ тарелки недоѣшь — невѣста рябая будетъ.
Собака будетъ валяться какъ лошадь — переменна погоды.
Въ печкѣ ночью жаръ знаѣетъ (разгорятся угли) — къ морозу.
Вороны каркаютъ — къ дождю.

(Записано со словъ учениковъ 2 го кл. Боровскаго уѣзднаго училища).

Примѣты, рассказанныя двумя крестьянскими мальчиками изъ с. Добрина,
Боровскаго уѣз.

Когда подъ Новый годъ на небѣ много звѣздъ — говорятъ много грѣбовъ будетъ
Когда нога мажнѣтъ — къ погодѣ.
Когда собака воетъ вверху мордой — къ пожару, а если внизъ — то къ покойнику.
Когда курица поетъ пѣтухомъ — къ пожару въ деревнѣ (въ избѣ) — къ покойнику. У насъ гоняють ихъ по улицѣ ребята. А кто рѣжутъ.
Когда куры выходятъ лѣтомъ на дорогу, на улицу — всѣ выдутъ словно кто ихъ выгоняетъ — къ дождю.
Воробыи кричатъ — къ дождю.
Ладонь чешется — деньги получать.
Когда дождикъ идетъ и пузыри на рѣчкѣ показываются — то говорятъ ко дождю.
Грыжа есть у кого, когда она начнѣтъ болѣть — переменна погоды.
Когда дѣти маленькія кричатъ безъ мѣры — къ ненастью.
Когда идешь къ заутрени на Пасху ежели дорога чистая, — то будетъ урожай плохой, ежели замѣтная — хорошій урожай.
Когда пчелы сильно летятъ къ своимъ ульямъ — то скоро дождь; когда утромъ играютъ — ясный день.
Грачи играютъ — хорошая погода будетъ.
Когда ѣдешь дорогой да около лошади ласточка летаетъ — хорошій день.
Когда рыба вверху ходитъ и выскакиваетъ изъ воды — къ хорошей погодѣ.
Когда ѣдешь да лошадь упирается — гдѣ нибудь волкъ волизи. Собака къ лошади жмется тоже.
Лягушки по избѣ прыгаютъ — къ дождю.
Когда кошка валяется — къ дождю.
Дымъ столбомъ изъ трубы — къ холоду.
Лягушки въ болотѣ и рѣчкѣ кричатъ сильно — къ дождю.
Уши у солнца — къ морозу.
Лице у мѣсяца — къ морозу.
Столбы на небѣ красные и розовые — къ войнѣ.
Кругъ около солнца — къ несчастію. Вотъ когда убили шаха персидскаго — кругъ былъ.

Молитва отъ лихорадки (кумохъ).

На морѣ на Діѣнѣ, на горѣ на Сіѣнѣ лежитъ камень арлатскій. На томъ-то на камень сидятъ три святителя: Петръ, Павелъ, Никола Милостливый. Мимо нихъ идутъ двѣ дѣвицы, двѣ на десять, дурными нехорошія, косматіи, простоволосіи. Они и спрашиваютъ ихъ: «Что вы за люди?»—«Мы Ардотовѣ дочери». «Куда вы идете?»—«Въ міръ хрещеный, во радѣ кости ломать, мозги выжимать, крестіанскую кровь проливать». И били они ихъ желѣзными прутьями, приговаривая: «Не ходите въ міръ хрещеный, не ломайте во радѣ кости, не выжимайте мозги, не проливайте кровь крестіанскую».

Кто будетъ эту молитву по три раза на день читать, къ тому лихорадка на 50 сажень не подойдетъ.

Молитва отъ упорѣза.

Господи, благослови, руду заговори. Ты, воръ, не крадь (?) и ты, руда не конь (?). Трижды читается.

Обѣ молитвы записаны отъ женщины 50 лѣтъ изъ деревни Вязьмино, Александровскаго уѣзда, Владимірской губ. Сама она узнала ихъ отъ старухи, умѣющей заговаривать.

Сообщилъ С. А. Бѣлоцѣтовъ.

Домовой.

Домовой бываетъ въ каждомъ домѣ. Проживаетъ онъ по преимуществу на дворѣ и имѣетъ отношеніе больше къ скоту, чѣмъ къ хозяину. Наружный видъ домового такой же, какъ и у хозяина дома: если хозяинъ черноватый, то и домовой—брюнетъ. Хозяева стараются приобретать скотъ соответствующей масти, потому что домовой не любитъ животныхъ окрашенныхъ въ иной цвѣтъ, различный съ его цвѣтомъ.

Крестьяне говорятъ, что домовой, не влюбившій корову или лошадь, можетъ замучить ихъ. Поэтому, когда животное начинаетъ, повидимому безъ причины хирѣть, то говорятъ: «Она не по двору», т. е. домовой не влюбилъ ее. Но бываетъ и такъ, что лошадь или корова, по мѣтнію хозяина, по цвѣту удовлетворяетъ вкусамъ домового, а между тѣмъ имѣетъ хворый видъ. Тогда хозяинъ говоритъ, что лошадь у него испортилъ какой-нибудь человѣкъ, т. е. колдунъ.

Домовой, не влюбившій животное, начинаетъ его бить чѣмъ ни попадо, гонять по двору, плевать на него, что имѣетъ для животнаго роковое дѣйствіе.

(Покровскій у., Владим. губ., подъ Киржачемъ. Сообщилъ Е. Ѳ. Бѣдовъ).

Разсказъ старухи о томъ, какъ она видѣла лѣшаго.

Какъ-то я осенью пошла сушить овинъ. Разложила теплинку, легла да и задремала чуточку. Вдругъ слышу, что-то шумитъ вверхъ. Гляжу, а въ подлазѣ лѣзетъ лѣшій, весь замерзшій въ сосулькахъ. Подошелъ ко мнѣ и говоритъ: «Вотъ погрѣюсь да уйду, погрѣюсь, да уйду!» Я была сама не въ себѣ. А онъ сталъ отогрѣваться, съ него такъ и потекло, всю теплинку у меня и залилъ, потомъ ушелъ. А я безъ памяти прибѣгла домой.

(Покровскій у., Влад. г., подъ Киржачемъ. Сообщилъ Е. Ѳ. Бѣдовъ).

Л е т у н ь.

Летунъ — чертъ, являющийся женщиной, вдовамъ въ видѣ челоуѣка, совершенно похожаго на вѣ покойнаго мужа. Летунъ для другихъ чертъ, а для нея нѣтъ образъ мужа. Онъ летитъ въ видѣ огненной массы и разсыпается надъ тѣмъ домомъ, гдѣ ему вужно быть.

Вѣрованіе въ летуна существуетъ и въ Юрьевскомъ у. Владимірск. губ.

(Покровский у., Владим. губ., подѣ Киржачемъ Сообщилъ Е. О. Бѣдовъ).

Доставлено В. Чернышевымъ.

Л. Н. Майковъ † 7 апр. 1900 г.

(читано въ засѣданіи Отдѣл. Этнографіи 12 Мая).

Ныѣшнее засѣданіе я долженъ открыть грустнымъ напоминаніемъ о недавней кончинѣ Л. Н. Майкова, долго и плодотворно трудившагося на службѣ Географическому Обществу, по Отдѣленію Этнографіи въ особенности, сначала въ качествѣ Секретаря Отдѣленія (1865—67), затѣмъ Предсѣдательствующаго въ немъ (1872—1886) и, наконецъ, Члена Совѣта (1886—1888). Поступивъ было по выходѣ изъ Университета (1859) на службу въ Министерство Финансовъ, по полученіи магистерской степени («О былинахъ Владимірскаго цикла». Спб. 1863—маг. диссертация), Майковъ перешелъ вскорѣ на службу въ Центральный Статистическій Комитетъ, гдѣ и оставался до 1882 г., причемъ съ 1868—до 1882 г. состоялъ сверхъ того помощникомъ редактора Журнала М—ва Нар. Просв.; въ 1882 г. онъ покинулъ Статистическій Комитетъ, получивъ мѣсто Помощника Директора И. П. Б—кв, гдѣ и оставался до 1893 г., когда, по смерти Я. К. Грота, Ордин. Ак. М. со 2 ноября 1891 г., [былъ избр. Адъют. 1889 (январь), экстр. 1890 (апр.)], былъ назначенъ Вице-Президентомъ И. А. Н., въ какомъ званіи онъ и оставался до своей смерти.

Съ 1863 г. до 1894 г. Л. Н. не переставалъ печатать свои изслѣдованія, отдѣльныя замѣтки, рецензіи, статьи по этнографіи, исторической этнологіи и географіи, по статистикѣ Россіи. Таковы были его труды по этой части: 1) Разборъ IV т. Пѣсенъ, собранныхъ Рыбниковымъ (Ж. М. Н. Пр. 1868, № 5). 2) Разборъ Онежскихъ былинъ Гильфердинга (ib 1873, № 8). 3) Разборъ Причитаній сѣв. края Барсова (Отч. о 98-мъ присуд. наградъ гр. Уварова). 4) Пѣвецъ былинъ въ окрестностяхъ Барнаула (Изв. Г. Общ. 1874, № 6). 5) Новые данныя русскаго эпоса изъ Заонежья (Др. и Нов. Россія 1876, № 6). 6) Ермакъ взялъ Сибирь и Заговоры довскихъ казаковъ («Жив. Стар.» г. I, вып. 2, Отд. II, стр. 133—136). 7) Обзоръ пѣсенъ, записанныхъ въ XVII в. (Ж. М. Н. Пр. 1880, № 11). 8) Матеріалы и изслѣд. по стар. р. литер. Спб. 1891. 9) «Сборникъ велико-русскихъ заклинаний», составл. и ред. М. въ Зап. И. Р. Г. О. по Отд. Эти. II, 1869 и отдѣльно). 9) Записка о географіи древней Руси—разб. книги Барсова Геогр. нач. лѣтоп. Ж. М. Н. Пр. 1894, № 9). 10) О древней культурѣ западн. финновъ по даннымъ ихъ языка (Ж. М. Н. Пр. 1879, №№ 6, 7 и 12) по кн. Альквиста «Die Kulturvölker d. westf. Spr.», 11) Старинные русскіе паломники въ изд. Палест. Общ. (Ж. М. Н. Пр. 1889, № 7). 12) Изд. съ предисл. «Краткое извѣстіе о народѣ Остѣнскомъ» Григ. Новицкаго (Спб. 1884). 13) Изданіе съ пред. «Путешествіе по сѣв. Россіи въ 1791 г. Спб. 1887). 14—18). Подѣ ред. Майкова вышло 5 том. Зап. Г. Общ. по Отд. Этногр. Сверхъ того имъ напечатано было не мало статей въ Геогр.-стат. Слов. Р. Имп., въ ред. труд. Ст. Ком. Списки населенныхъ мѣстъ, Статистика позем. собственности и насел. мѣстъ Евр. Россіи; какъ членъ Арх. Ком. приготовилъ къ изд. XIV-го т. Русской Библіотеки (Акты Холмогорской и Устюжской Еп.).

Самые же главные и особенно любимые имъ предметы занятій принадлежали области исторіи русск. литературы XVII, XVIII и XIX в. Таковы—Очерки изъ исторіи

русской литературы XVII и XVIII ст. Спб. 1889. Сюда вошли «Симеонъ Полоцкій», «Одинъ изъ русск. новѣстей Петр врем.» «Къ характеристикѣ Ломоносова» (по поводу изв. изслѣд. Будиловича о Л—вѣ), В. И. Майковъ, Литер. мелочи Екатер. врем. Нѣсколько данныхъ для исторіи русск. литер. Имъ же изданы сочиненія В. И. Майкова (1867), записки И. И. Неплюева (1871), рассказы Нартова о Петрѣ Великомъ. Особенно же замѣчательно его превосходное изданіе сочиненій Ватюшкова, при сотрудничествѣ известнаго библіографа Саитова, а также и I томъ Сочиненій Пушкина съ примѣчаніями, при сотр. того-же С—ва, и сборникъ: Пушкинъ. Біографич. матер. и истор.-литерат. очерки.

Сверхъ того Майковымъ представлены живыя характеристики разныхъ писателей и ученыхъ—въ статьяхъ о Жуковскомъ (позвія Ж.), о Фетѣ, о Плетневѣ, Гротѣ, Срезневскомъ, Артемьевѣ, Минаевѣ, Замысловскомъ, Васильевскомъ, гр. Уваровѣ и пр.

Сверхъ разныхъ мелкихъ замѣтокъ и рецензій въ различныхъ журналахъ и сборникахъ (Студ. Сборн., Изв. Геогр. Общ., Исв. Арх. Общ., Ж. М. Н. Пр., Ист. Вѣстн., Эпоха), Майкову же принадлежать слѣд. статьи: «Хронологическія справки по поводу трехсотлѣтней годовщины присоединенія Сибири къ Русской державѣ» (Ж. М. Н. Пр. 1881, № 9), «Отчетъ о предварительныхъ изслѣдованіяхъ каменнаго вѣка въ Крыму», «Четвертый археологическій съѣздъ въ Казани (Ж. М. Н. Пр. 1886, № 2—3), «Пятый археологическій съѣздъ въ Тифлисѣ (id 1892, № 1—2). Строго обдуманые труды Майкова отличаются внимательною обработкою и изящною отдѣлкою.

Дѣятельность Майкова въ Геогр. Общ. была болѣе или менѣе тѣсно связана съ трудами и занятіями въ немъ многихъ другихъ, тоже давно или недавно опочившихъ, заслуженныхъ, видныхъ дѣятелей нашего Общества:—Бера, Надеждина, Кавелина, Срезневскаго, Куника, Васильева, Захарова, Григорьева, Савельева, Артемьева, Огородникова, Костомарова, Калачева, Гильфердинга, Ор. Миллера, Вушена, В. Милютина, Безобразова, Замысловскаго, Майнова, Чубинскаго. И въ ряду этихъ достопочтенныхъ именъ имени Майкова принадлежитъ далеко не послѣднее мѣсто. Въ ряду же именъ нашихъ покойныхъ историковъ литературы, библіографовъ и критиковъ имени Майкова будетъ отведено еще болѣе почетное мѣсто. Оставилъ онъ по себѣ добрую память и какъ человекъ, вполне уравновѣшенный, мягкій, доброжелательный, всегда готовый подать добрый совѣтъ, оказать посильную услугу, помощь... Вѣчная ему память!

В. Ламанскій.

¹⁾ Наиболее болѣе полный списокъ всѣхъ трудовъ, статьи, замѣтокъ—Майкова представленъ въ брош. нашего почтеннаго библіографа П. К. Симони—«Библіограф. списокъ ученыхъ и литературн. труд. и изданій Л. Н. М. Спб. 1900. Здѣсь перечисл.: 1) Статьи и замѣтки о Л. Н. М. и некрологи. 2) Перечень учен. и литер. труд. Л. Н. М. (1857—1900) № 1—230 (стр. 3—46).

Цѣна 1 р. 50 к.